ЧЕРВИВОЕ ЯБЛОКО

МОЯ ЖИЗНЬ СО

СТИВОМ ДЖОБСОМ

КРИСАНН БРЕННАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стив Джобс – идол высоких технологий, создатель современного образа жизни, циничный делец, превративший мечту о свободе в многомиллиардный бизнес.

Но Крисанн Бреннан – первая любовь Стива и мать его ребенка – помнит Джобса совсем другим и знает его лучше многих. В ее глазах юный Стив предстал мечтателем и идеалистом, стремящимся изменить мир – ни на что меньшее он не был согласен. Но постепенно этот романтик-максималист превратился в холодного, бездушного, жестокого человека. Человека, способного отказаться от собственного ребенка, человека, перепутавшего власть и любовь. Крисанн, как и многие другие, стала жертвой жестокости Стива Джобса.

Но не перестала любить его. Эта любовь заставила ее детально и искренне вспомнить все, что связывало их со Стивом в молодости. Эта любовь заставила ее внимательно рассмотреть путь, который они прошли вместе. И эта любовь помогла ей показать человеческую натуру Стива Джобса так открыто и подробно, как не делал еще никто из его биографов.

- Крисанн Бреннан
  - Читателю
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

    - Глава 24
    - Постскриптум
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

Крисанн Бреннан
Червивое яблоко. Моя жизнь со Стивом Джобсом

Лизе, которая оседлала кита.

Читателю

Есть три вещи, которыми, я думала, я никогда не буду заниматься в своей жизни: изучать историю (у меня от нее мигрень), играть на барабанах (просто у меня это не очень хорошо получается) и писать книгу. И вот я пишу предисловие читателю… своей книги.

На протяжении многих лет ряд людей побуждал меня написать мою историю. Еще большее количество предостерегало меня от этой затеи, доходя даже до заявлений, что у меня нет такого права. Право, о котором они вели речь, – право рассказать историю моих взаимоотношений со Стивом Джобсом. Я встретила Стива, когда мне было всего семнадцать. Я стала его первой любовью и матерью его первого ребенка и, таким образом, могу поделиться уникальным взглядом на этого человека, который очаровал весь мир. Я никогда не горела желанием рассказать миру свою историю. С одной стороны, бо́льшую часть времени и внимания я посвящала дочери Лизе и своей жизни и работе в качестве художника. С другой стороны, мои отношения со Стивом были сложны и полны нюансов; я никогда не хотела заново переосмысливать эту историю и уж тем более предавать ее огласке.

Никогда не говори «никогда».

В июле 2006 года я заболела. Доктора не сумели поставить мне точный диагноз. Я оказалась не в состоянии работать – резкий запах краски от моих картин усугублял болезнь – и в течение пяти месяцев была практически бездомной. Недуг сковал меня и поверг в состояние уныния и страха. Мне требовалось найти что-то значимое, на чем я могла бы сконцентрироваться. Я отдала свои вещи на хранение, села в автомобиль и отправилась в путешествие вокруг области залива Сан-Франциско – от округа Марин до округа Санта-Круз, – останавливаясь у друзей. Моя цель состояла в том, чтобы попытаться вылечиться. Я поехала навестить отца в Сакраменто, и именно тогда, когда я была одна в машине, у меня впервые возникла идея написать эту книгу. Я поняла: время пришло.

Мое положение было кошмарным, и сейчас я могу сказать, что ничто иное, кроме тех ужасных обстоятельств, в которых я оказалась, не заставило бы меня заново – и тщательно – пересмотреть всю свою историю со Стивом, не говоря уже о том, чтобы ее описать. Но так как мне нечего было терять, я приступила к работе.

Написание мемуаров во многом похоже на занятие

спелеологией. Включая нашлемный фонарь, я чувствовала, будто опускаюсь во все более глубокие и темные пещеры, преодолеваю широкие и узкие расстояния для того, чтобы обнаружить великую и ужасающую красоту, скрытую в холодном, темном подземелье. Как только я начала сводить все это воедино, одной лишь моей мыслью было двигаться дальше.

Процесс написания мемуаров показался мне занимательным и сокровенным. Путешествие в прошлое и поиски своего места в нем позволили по-новому взглянуть на события тех лет и обрести свободу. Чего я не знала в тот момент – это того, что мне потребуется около семи лет, чтобы написать воспоминания, и что во время этого процесса я испытаю своего рода перерождение. Вот что значило для меня в конечном итоге рассказать эту историю – сначала себе, а теперь, здесь, и тебе, читатель.

Мне повезло: мало кто может себе позволить пересмотреть всю свою жизнь и найти отдушину. Долгое время у меня было чувство – правильное или ошибочное, – что на мне лежит уникальная обязанность поделиться своим опытом общения со Стивом Джобсом тех времен, когда он еще не создал Apple, и добавить свою точку зрения в уже существующую картину. Мало что известно о тех временах, когда Стив был подростком и только вступал во взрослую жизнь. Но я знала молодого человека, забавного и задумчивого, интеллектуально честного юношу, который искал свое место в мире и то, что он считал своим предназначением. Собственными глазами я видела, как он менялся, менялся и снова менялся по мере того, как учился использовать власть и злоупотреблять ею. Я считаю, что у меня есть что рассказать о Стиве, а также думаю, что мои размышления как молодой девушки, сталкивающейся с системами власти, тоже важны. Я предполагаю, что многие люди узнают собственные истории в некоторых деталях моей книги. Это и многое другое помогало мне идти дальше, вдохновленной и целеустремленной.

В конечном счете то, что я написала, – это моя история. Это не откровение или разоблачение и не журналистика. Это мое собственное повествование, и, как и все таковые, оно происходит из моего опыта, воспоминаний и проницательности. Я попыталась изобразить содержательный портрет Стива, себя, того времени и наших отношений, а также осознать те вещи, которые ни я, ни Стив не понимали в тот момент, когда они происходили.

Я могу сказать точно, что, если бы не компьютер, я бы никогда не смогла написать эту историю. Но если бы не компьютер, у меня, может быть, и не было такой необходимости. Такова простая ирония, которая забавляла меня на протяжении всех последних семи лет. (И да, я использовала именно «Мак»,

чтобы написать эту книгу.)

Глава 1
Творцы

Я обратила на него внимание в начале января 1972 года – моего первого года обучения в старших классах средней школы. Он носил тонкие синие джинсы с большим количеством огромных дыр, напоминавшие разорванную ткань, висящую на петлях ремня вокруг его ног. На нем была хорошо выглаженная рубашка и кроссовки, и он ходил так, как делал это, будучи уже взрослым: пружинистым шагом, сдержанно размахивая руками. Был весенний, солнечный калифорнийский день, и он стоял во дворе с маленькой книгой в руках. Не знаю, почему я не видела его раньше, хотя, как выяснилось позже, многие из моих друзей были с ним знакомы. Он сразу же привлек мое внимание, и, когда он покидал территорию кампуса, я решила последовать за ним, желая ему что-нибудь сказать, но не имея ни малейшего представления ни что именно говорить, ни как я это сделаю. К своему удивлению, еще три раза в течение следующей недели я шла за ним по пятам до конца кампуса. В итоге я сдалась, потому что мне было слишком сложно взять и представиться вдруг, как гром среди ясного неба, парню, которого я считала милым. Я даже не знала, как его зовут.

Месяц спустя мой друг и одноклассник Марк Итцу решил снять фильм и пригласил меня подготовить его анимационную часть. Марк хотел сделать картину, которая объединила бы двухмерную анимацию, пластилиновую анимацию и игру актеров, и посвятить ее тому, как студенты в нашей старшей школе борются с силами, желающими, как мы считали, подавить нашу индивидуальность. Родители Марка были интернированы в концентрационный лагерь для японцев в США во время Второй мировой войны, и хотя, когда мы готовили фильм, он этого не знал, горел огромным желанием рассказать, каково это, когда подавляют твое «я». У всех у нас имелась своя история. Во время работы над проектом наш коллектив расширялся, приглашались новые люди, однако в самом начале нас было всего трое: Марк, я и парень по имени Стив Экштайн, оператор.

Мы работали над фильмом на протяжении примерно трех месяцев, по крайней мере, каждый вечер пятницы или субботы, начиная с 23.00 и до самого рассвета. Марк назвал его «Хэмпстед», намекая на нашу школу – Высшую школу Хоумстед. Так же звали и небольшого приземистого глиняного персонажа, которого он создал с целью изображения в фильме рядового

обывателя. Нашим местом съемки была площадка из цемента в центральном дворе кампуса, где я обычно сидела и ела мой обед во время учебного дня. Но мы трудились по ночам и находились там без разрешения, рискуя бог знает чем, если бы нас поймали.

Ночи были холодными. Я была в восторге от звездного неба, и мне нравилось, что мы там сами по себе и пытаемся что-то сотворить. Едва слышимые звуки, которые мы издавали, тонули в пространстве кампуса, построенного из шлакобетонного камня и похожего на огромную пещеру, и мы радовались, что настолько сосредоточенны и спокойны и создаем нечто особенное, понятное лишь нам немногим. Мы работали без перерывов. Марк и Экштайн – за камерой, обмениваясь друг с другом парой слов во время съемки; я – под одиночным, поставленным под идеально низким углом прожектором. Из положения между пронацией и супинацией я кадр за кадром рисовала свои макеты, будучи очень осторожной, чтобы не нарисовать слишком мало или слишком много, прежде чем встать и отступить назад, чтобы поставить на паузу и снять нужный кадр, а затем вернуться. И так продолжалось часами.

В одну из ночей Марк поручил мне слепить из земли кусочек за кусочком его глиняного человечка, чтобы это выглядело так, словно Хэмпстед появляется прямо из цемента. Затем он протянул мне второго Хэмпстеда, разрезанного пополам, с которого я должна была начать воспроизводить сцену его появления. Когда этот маленький персонаж полностью вылезал из цемента, я делала так, чтобы в кадре создавалось впечатление, что он размахивает руками в порыве болезненного безумия из-за того, что его похоронили заживо. В другой вечер мне надо было нарисовать тропинку, по которой эта маленькая фигурка могла спуститься. Используя дешевый цветной мел, я начала наносить мягкий узор, который затем приобрел вид мерцающего огня. Это выглядело психоделично. Однако, говоря по правде, такая форма пришла мне на ум из моих воспоминаний о клубящемся сигаретном дыме родителей, на который мне очень нравилось смотреть в те времена, когда я была ребенком и жила в Огайо. Этот дым поднимался достаточно высоко, чтобы я могла следить за ним глазами во время их ежемесячной игры в покер с моими бабушкой и дедушкой.

Эти прекрасные ночи в кампусе Хоумстед породили во мне чувство независимости и простора. Если фильм был о потере нашей аутентичности, то его создание служило противоядием. Со временем слухи о том, что мы снимаем кино, расползлись, начали приходить люди вдвоем или втроем, чтобы посмотреть, что мы делаем. Музыканты, аниматоры, полуночные укурки и

другие присоединившиеся, «Творцы», которые представляли наиболее талантливую и любопытную студенческую ячейку Хоумстеда. Я отрывала глаза от своей работы и видела удивительный всплеск тихой активности по мере того, как появлялось все большее количество знакомых лиц. Во всем этом присутствовал своеобразный питательный элемент счастья, и я чувствовала, как жизнь вокруг меня начинает играть новыми красками. Когда заканчивалась ночь и наступал бледно-лиловый рассвет, я шла домой, вымотанная и глубоко благодарная, испытывая при этом значительное облегчение, что нас в очередной раз не поймали за нашей противоправной деятельностью.

Миновало, может быть, чуть больше месяца со времени начала съемок фильма, когда из темноты появился Стив. Его путь лежал целенаправленно ко мне, поэтому мне стало даже интересно, уж не знал ли он о том, что мне нравится. Но я никому не говорила об этом. Он был высокий, красивый и решительный – идеальный пример объединения в одном человеке различных противоположных черт, словно прекрасный принц в потертых джинсах, немного странный и уязвимый, но при этом также и отважный. Во время нашей небольшой беседы мы искали точки соприкосновения. Затем он полез в свой карман и протянул мне листок бумаги с текстом песни Боба Дилана[1] «Sad Eyed Lady of the Lowlands». Я чувствовала оттиск букв, когда разворачивала записку, и мне было интересно, напечатал ли он текст специально для меня или так просто получилось, что он оказался в кармане и Стив захотел им поделиться. Я никогда об этом не спрашивала. Позже я осознала, что вокруг Стива существовало своего рода морфическое поле. Вещи происходили, они были необъяснимы, не всегда детально спланированы, но идеальны.

Мы поговорили около двадцати минут, и мне хватило их, чтобы изучить каждую маленькую деталь – силу его притягивающего взгляда и излучаемую им щепетильность. В конце нашей беседы я увидела, как он ушел в себя, а затем, пристально посмотрев на меня и изучив двор своим необъяснимо суровым взглядом, который, казалось, идет из ниоткуда, он снова исчез в ночи

На протяжении месяцев работы над фильмом у меня оставалось много свободного времени. Мне было тяжело ждать и сидеть в сторонке, пока снималась сцена, в которой не требовалась моя помощь. Поэтому я заполняла свободные минуты, рисуя картину из книги с фотографиями, собранными Эдвардом Стайхеном, – «Род человеческий». Книга, что я украдкой взяла из шкафа моей матери, была датирована и

подписана ее прежним молодым человеком, который, по всей видимости, ее и подарил. Я частенько смотрела на нее и считала эту подпись редкой возможностью заглянуть в мир моей матери тех времен, когда я еще не родилась. Все это очень обескураживало. Кто был этот человек? Любили ли они с моей матерью друг друга? Много раз мать говорила нам, что она надеется, что мои сестры и я однажды в своей жизни будут раздеты поэтом. Был ли он ее поэтом? И почему, черт подери, всего лишь раз?

«Род человеческий» – прекрасно составленная книга с изображениями, полученными от сотен фотографов со всего мира. Это сокровище, в котором отражена вся широта человеческого опыта. Причем не только в фотографиях, но и в сопроводительных надписях.

«Человеческий мир танцует в смехе и слезах» – Кабир.

«Пожимая руки людям из других стран, понимай их мотивы» – Джон Мейсфилд.

«Хлеб-соль ешь, а правду режь» – старая русская поговорка.

«Если я перестану действовать, мир погибнет» – «Бхагавад-гита».

«Со всеми живыми существами и вещами надо вести себя так, словно ты их родственник» – индейский народ группы сиу.

Я перечитывала эту книгу столько раз, что она научила меня любить мир, любить жизнь и понимать себя посредством слова и изображения. Я одновременно рисовала и писала с нее. В тот раз мне захотелось нарисовать фотографию Гомера Пейджа, на которой был изображен чернокожий южноафриканец. Камера поймала момент, когда его мощное, ищущее лицо смотрит прямо в нее. Слова под фотографией гласили: «Кто на моей стороне? Кто?» Книга оставила настолько глубокий след в моей жизни, что я чувствую, что даже мои клетки могут о ней рассказать.

Мне всегда нравилась эта фотография: она говорила со мной. Моим двоюродным дядей был Бранч Рики – человек, которому хватило смелости, смекалки, власти и административного ресурса, чтобы разрешить Джеки Робинсону[2] играть в Высшей лиге. Они оба были моими героями, и я горжусь, что меня ассоциируют с этой историей. Эти два человека олицетворяли те цели и задачи, которые стояли передо мной: стать лидером и сделать что-то для других, осуществить перемены. Эта картина являлась для меня формой уличного искусства. Для меня было важно верно ее изобразить, а также донести с ее помощью правильный посыл.

Я работала масляными красками и рисовала прямо на цементе на краю двора, в относительно темном месте недалеко от

съемочной площадки. Стив, должно быть, заметил, как я занимаюсь картиной, так как однажды ночью он объявился, принеся свечку и несколько спичек, чтобы я могла лучше видеть. Той весной, когда работа над фильмом шла полным ходом и я рисовала, Стив частенько приходил и сидел около меня, пока я рисовала. Хотя я терпеть не могла, когда кто-то мешается под ногами в процессе моего творчества, я всегда несказанно радовалась при виде его. Рисование было для меня глубоко личным делом, и я ни разу не брала в руки кисточку, когда рядом находились посторонние. Но так как я не имела ни малейшего представления, как попросить его уйти, и так как он сидел очень тихо, будучи словно в своеобразном трансцендентном состоянии, я разрешала ему присутствовать. Я делала пару мазков – ненавязчивых и непринужденных – и откладывала настоящее рисование на те ночи, когда он не приходил.

* * *

В середине апреля, более чем через месяц после нашей первой встречи, мы со Стивом решили увидеться у него дома, чтобы провести некоторое время вместе: лишь я и он. Он сказал, что его родители на работе и что весь дом будет в нашем распоряжении. Я согласилась, ответив, что было бы прекрасно хотя бы раз провести время друг с другом днем. Так как он заканчивал учебный день в 13.00, а я в 15.30, он нарисовал для меня карту с маршрутом до его дома на Крист-драйв, в полутора милях от школы.

Когда я добралась туда, Стив из окна своей спальни сделал мне знак рукой – заходи. Я помню, что меня слегка покоробило, что он не спустился встретить меня у входной двери. В тот день обошлось без проявления рыцарских манер с его стороны. Я полагаю, он так волновался, что решил вести себя как ни в чем не бывало. Возможно, он даже подстроил, чтобы все выглядело непринужденно. Я вошла в его дом и повернула за угол в его спальню.

Маленькая комната Стива походила практически на барак. Все в ней было организовано довольно просто: одна кровать, окрашенный в темный цвет деревянный шкаф, комод и небольшой письменный стол, стоящий у окна, которое выходило на улицу. Я заметила на его столе пишущую машинку, огромный «Ай-би-эм селектрик» ярко-красного цвета. Я была впечатлена, что Стив владеет такой передовой технологией. Из того времени в моей памяти сохранились его руки в момент использования

машинки. У него были красивые, гладкие, интеллигентные руки с длинными элегантными пальцами. Когда он печатал, машинка выдавала набор из отдельных букв с такой шокирующей силой и скоростью, которая отличалась от обычного прикосновения его пальцев. Руки Стива были созданы для технологий. Они являли собой продолжение машинки, естественное и подлинное с самого начала.

За исключением пишущей машинки, комната Стива была похожа на те мальчишеские комнаты, в которых я играла ребенком. Особенно это касалось цветов: тусклый бежевый, коричневый, армейский зеленый; суровый, резкий оранжевый и красный. Мне они не нравились, но сама комната производила приятное впечатление, поскольку она была яркой, с неким не поддающимся описанию чувством света и порядка. Я могла ощущать этот воздух в комнате Стива и рядом с ним, и мне он очень нравился.

Примерно через год с небольшим он показал мне содержимое своей кладовки, после того как, по всей видимости, потратил целый день на ее уборку. Она являла собой пример организационной красоты. В небольшой, но вместительной кладовке все было расставлено так, чтобы обеспечить наиболее оптимальное использование пространства: одежда Стива аккуратно развешена, его рюкзак, палатка и другое туристическое снаряжение накинуты на крючки в задней части кладовки. Его туфли расставлены на нижней полке стеллажа, магнитофонные ленты идеально разложены по коробкам, его книги и остальные принадлежности упорядоченно стояли на верхней полке. Гордо подняв руку, как будто на пьедестале, Стив произнес: «Посмотри на это». Я никогда не видела, чтобы он гордился уборкой. Мне это было не особо важно, однако он весь светился. Не преувеличивая, можно сказать, что его привычка разбирать вещи в чулане и укладывать их в специально отведенные места послужила развитию его чувства эстетики – может быть, даже его успеху в качестве шоумена.

Улыбаясь, Стив сказал мне, что он выбросит все, что (а) не использует и (б) что стоит меньше двадцати пяти долларов. Двадцать пять долларов были его предельной границей: вероятно, вещь не могла занимать место в его кладовке, если он мог заменить ее за эту сумму или меньше. Он потратил немало усилий для разработки подобной формулы, – приняв во внимание фактор цены, формы и удобства эксплуатации (одновременно настоящей и будущей). Это было похоже на детскую игру, демонстрирующую умственные способности, которые он позже применил для разработки компьютера.

Стив сидел на полу, подогнув ноги и прислонившись к кровати, когда я пришла к нему в первый раз. На нем были шикарные наушники, подключенные к трехфутовому катушечному магнитофону. Мы оба очень волновались, и он грубовато комментировал свою коллекцию бутлегов[3] выступлений Боба Дилана на том или ином концерте. Важность всего этого мне была абсолютно непонятна. Я не имела ни малейшего представления ни о каких бутлегах, думая, что бутлегерство каким-то образом связано с распространением алкоголя во времена «сухого закона», хотя и уловила общий смысл, что бутлег – своего рода контрабанда. Это стало началом моего хрупкого женского познания его уязвимого мальчишеского мира.

Я не помню, о чем мы беседовали тем весенним днем. Я лишь помню, что потребовались некоторые усилия, чтобы преодолеть странность новой дружбы и выяснить, кто кем из нас являлся, кем мы были вместе и кем мы могли друг для друга стать. В воздухе витало определенное волнение. Я думаю, что с той поры, как он пригласил меня к себе и я приняла это приглашение, мы оба понимали, что ворота открываются нараспашку и наступают времена любви.

* * *

К середине мая подготовка фильма Марка вошла в финальную стадию, и практически все, кто принимал участие в еженедельной работе над ним, пришли отметить данное событие. Мы устроили формальный званый вечер ночью в центральном кампусе – самом сердце нашей общественной жизни. Собравшись насладиться запахом свободы ночного воздуха в последний раз, мы, группа ярких счастливых людей, одетых в платья и смокинги (Стиву удалось где-то раздобыть цилиндр), поднимали бокалы, ели и смеялись, сидя вокруг длинного, освещенного свечами стола, подобно героям картин Феллини. Свет свечей и наличие квартета создавали у нас впечатление, словно мы находимся в каком-то элегантном немом кино.

Этой весной, работая над созданием фильма и посещая в некоторые субботние дни баскетбольные игры, мы со Стивом смогли узнать друг друга получше. Он не любил много говорить, однако был забавен и энергичен, и ему очень хорошо удавалось рассмешить меня. Но он был очень скромным. Настолько скромным, что ему никак не удавалось поцеловать меня в первый раз. Я была настолько смущена его попытками сделать это, что в

конечном итоге *я сама* поцеловала *его*.

После того как мы уже были вместе некоторое время, Стив отважился заявить мне, что я – его «северная сельская девчушка», та самая из песни Боба Дилана, что была его истинной любовью, та самая, с которой он познакомился до того, как придут слава и богатство, та самая, что пострадает от веяний времени. Даже тогда он расположил меня в своей «как у Боба Дилана» жизненной хронологии. Я не понимала, что мне отведена некая роль в некоем мифическом сценарии, который он сам для себя придумывал.

Я была небольшой, изящной девушкой – всего пять футов два дюйма – с длинными русыми волосами, приобретавшими золотой оттенок при попадании на них солнечного света. У меня были высокий лоб и слегка удлиненное лицо, утонченные, выразительные руки и зеленые глаза. Дислексия оказала влияние на формирование моей личности как возбужденной, креативной и ненасытной к решению проблем – яркой, но довольно невежественной в отношении правил поведения. Я полагаю, что Стив, должно быть, интуитивно почувствовал, что я обладаю проницательным умом и при восприятии мира вокруг себя ориентируюсь прежде всего на чувства.

Что я нашла в Стиве?

С того самого момента, когда я увидела его в первый раз, я знала, что он гений, по тому, как светились его глаза. Спустя некоторое время я поняла, что он обладал запредельной интуицией и был развитым не по годам человеком с темными волосами и мраморно-белой кожей – настолько чувствительной и тонкой, что, как я позже поняла, являлось полной противоположностью его характера. Он немного шепелявил. Его верхние и нижние зубы сводились вместе идеально, придавая его ближневосточным губам и носу еще более характерный вид. В его улыбке крылось что-то, делавшее его похожим на пирата, у которого в сундуке припрятано бесценное сокровище. Меня в нем привлекало выражение глубокой печали на его лице. Однако в его фигуре была также и неописуемая целостность, которая создавала впечатление, что он обладает необходимой скромностью и силой, чтобы идти по миру таким, каков он в действительности есть. Я восторгалась этим с самого начала. Я знаю, некоторым может показаться маловероятным присутствие в характере Стива такой черты, как простота, однако это как соль в шоколаде – небольшой контрастный вкус, который помогает понять его истинную и настоящую силу. Сочетание всех этих качеств проявилось в личности: непочтительной, яркой, странной, оригинальной, забавной и полной загадок. Мое восхищение им, абсолютное и

искреннее, не знало границ.

Мы отличались друг от друга по многим параметрам. В то время как он полагался на логику и интуицию, я ориентировалась на свои чувства и на то, что мне подсказывала душа. Тем не менее мы разделяли основные творческие ценности и были склонны экспериментировать. Стив и я хотели найти пути для преодоления различных ограничений, и этот импульс был сильнее страха совершить ошибку. Никто из нас не придавал большой важности необходимости быть правым. Ощущение, что мы стали друг для друга истинными инь и ян, все еще не покидает меня, однако через некоторое время это же самое качество развело нас по разные стороны и оказало на наши отношения губительное влияние.

В те дни я считала Стива своим проводником, поскольку видела в нем интеллектуальную честность. Он был высокого роста и обладал утонченной внешностью без лишних прикрас. Я представляла, что именно так должен был выглядеть Авраам Линкольн: скромный и честный, забавный – ничего лишнего. Моя жизнь в те времена сводилась к повседневности домашних будней, которые наносили существенный урон моей возможности выстраивать следующие этапы моей жизни, однако Стив продвинулся намного дальше в представлении о своем будущем и о дороге, которая его туда приведет. У него был эфемерный взгляд на вещи, я видела, как он систематизирует всю информацию, которая заключала в себе сведения о масштабах и цели. Он говорил замаскированными метафорами, и было видно, что внутри него также идет активный диалог. Я хотела узнать больше об этом внутреннем диалоге. Мне требовалось получить больше информации, и вскоре я начала обращать внимание на его арсенал знаний, чтобы понять, как он смотрит на вещи. Я считаю, что он был в равной степени счастлив и заинтересован в том, чтобы взглянуть на мир сквозь мои импульсы, восприятие и креативность.

Стив любил играть словами, которые казались мне непонятными и странными, часто говоря, что он был «самозванцем», или загадочно повторяя, что что-то должно продлиться «сорок дней и сорок ночей», или что было «тридцать девять минут второго». Также он много раз повторял, что *шут – это самая сильная карта*, отсылка, которая обозначала архетип и нечто большее, поскольку шут – в картах таро он обозначается нулем – связан одновременно со всем и ни с чем. Все дело в потенциале. Ставя себя в эту звездную роль и подмигивая мне с блестящей улыбкой, Стив был *Шутом*, тем самым, который ходит по краю известного мира и волей-неволей расплачивается за это.

И да, он был отважным шутом, с малых лет знавшим, что ему уготована значительная роль в жизни. Однако все это расходилось с его мрачным предупреждением о том, что он «не хороший парень». Это выражение он взял из песни Томаса Дилана «Under Milk Wood». Я поражалась всякий раз, когда он его произносил, и не понимала его смысла. Еще он также любил повторять, что «его дни сочтены». Я никогда не понимала, о чем он говорит, но наклоняла голову, чтобы послушать как будто бы внутренним ухом, пытаясь найти ход мыслей во всей этой мешанине.

Ветра 60-х годов нас обоих прилично потрепали. Мы выработали у себя глубинное недоверие к устоявшимся правилам поведения и с огромным волнением смотрели в сторону тех удивительных возможностей, которые ожидали нас впереди. Кем бы нам ни предстояло стать, мы разделяли эту юношескую стадию охоты и собирательства, которая поддерживала нас в состоянии восторга и заставляла строить планы на будущее. Из-за этого и из-за сопутствующей атмосферы мы были готовы, даже горели желанием идти на эксперименты. Нас можно даже назвать мечтателями, за исключением того, что в те времена я бы никогда не ассоциировала это слово с безотлагательной потребностью выйти за рамки известного. Вот что это было такое.

Глава 2
Абсолютная власть

Первые шесть недель нашей дружбы мы со Стивом существовали практически только в нашем юношеском мире: старшая школа, посещение ночных киносеансов, игры в баскетбол на лужайке старшей школы Купертино. Однако прошло немного времени, и мы познакомились с родителями друг друга.

Было около полудня субботы, когда я впервые встретилась с Полом и Кларой Джобс. Они разрисовывали спальню его сестры Пэтти, и в суматохе, пока нас друг другу представляли, я заметила самый красивый желтый цвет, который когда-либо видела. Его оттенок застал меня врасплох, и мне стало интересно, кем были эти люди, что его выбрали. Мысли активно крутились у меня в голове: никто в моей большой семье никогда не прибегал к использованию такого или близкого к нему цвета. Его мягкий, теплый тон заставлял меня испытывать трепет. Тяжелее было понять другие эмоции, которые он вызывал, – чувство чего-то упущенного, разочарования в своей собственной семье.

Однако вскоре я поняла, что этот желтый цвет представлял собой исключение. Все остальное в доме Джобсов было предсказуемым и простым: бежевый диван, большое коричневое кресло La-Z-Boy и оттоманка, обеденный и кофейный столики из светлого дерева. Огромный телевизор занимал центральное место в гостиной, над ним висела книжная полка, на которой располагалась вся семейная коллекция из 50 книг (включая Книгу Иова) вместе со школьными фотографиями Стива и его сестры Пэтти. На фотографии Стива был изображен круглолицый пятиклассник с наполовину закрытым одним глазом; его красивое лицо было непослушным и очаровательным, но тем не менее загадочным.

В доме Джобсов по всей гостиной валялись большие упаковки конфет, а на их кухне, оформленной в стиле 40-х годов, можно было всегда с легкостью найти рулеты с джемом из ближайшего супермаркета. Недалеко от гаража стояла большая лодка (Стив и Пэтти катались на водных лыжах). У них также имелся домашний кролик, который свободно бегал вокруг дома и на заднем дворе, что меня чрезвычайно удивило. И когда я заглянула в родительскую спальню, то увидела там две односпальные кровати. Родители Стива спали раздельно, как пара из телевизионных сериалов 1950-х годов. Ни о какой романтике между ними не шло и речи. Это был дом, наполненный сугубо

практичными вещами, дом без утонченной красоты, такое место, которым, как я представляла, должны были владеть чьи-то бабушка и дедушка.

* * *

Пол Джобс был худощавым мужчиной, ростом около шести футов, с военной стрижкой, что казалось немного странным даже для отцов, учитывая моду на короткие баки. У него были продолговатые морщины на узких щеках и водянисто-серые глаза. С его расшатанными нервами непродолжительные всплески раздражения были не редкостью. Когда он злился, тембр его голоса возрастал, и он частенько говорил о том, что хочет *дать* кому-нибудь *в челюсть*. В некоторые моменты он напоминал мне персонажа из мультика про Попая, и первый раз, когда я услышала его фразу про «*дать кому-нибудь в челюсть*», я оглянулась вокруг, чтобы понять, должна ли я рассмеяться. Определенно нет.

Пол был довольно строг по отношению к Стиву, частенько брюзжа, что Стив делает все не так. Я помню, как сильно Стива задевал этот, казалось, нескончаемый поток недовольства. Много лет спустя одна из подружек Стива, Тина Редсе, сказала мне, что думает, будто Пола Джобса в детстве били. И хотя я не имею ни малейшего представления, действительно это так или нет, но судя по тому, как он себя иногда вел, в этом предположении был определенный смысл. Стив отвечал на выходки отца грустными улыбками и тщательным терпением. Я считаю, что Стив был эмпатом, и полагаю, что сильно эмпатические люди могут измениться и стать жестокими, как это и произошло потом со Стивом. С моей точки зрения, в предположении, что жизнь Стива была частично подчинена исправлению того вреда, который когда-то нанесли Полу, есть доля правды. Иногда я думаю, что глубокое чувство сопереживания Стива испарилось под воздействием выходок Пола.

С Полом Джобсом было нелегко общаться. Помимо его постоянного желания *дать кому-то в челюсть*, тогда, в первый день нашего знакомства, он не переставал повторять фразу «по-настоящему красив лишь тот, кто красиво поступает». Я не очень понимала, что он имеет в виду, однако он был отцом моего нового бойфренда, и я пыталась сохранять вежливость (так как Стив предпочел не вмешиваться и оставил все на мое усмотрение), и я лишь продолжала очень добросовестно отвечать ему «Оу». Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, что

он не только адресовал эту фразу мне, но и считал меня проблемой. Имел место и другой случай. Я помню, как однажды он начал недовольно ворчать, что учителя ленивы и им не следует выплачивать жалованье в летнее время. Я – вежливо – не согласилась с ним, однако он повторил эту точку зрения четыре раза в течение следующих пятнадцати минут. Стив снова предпочел не вмешиваться. В то время мне было интересно, уж не думал ли Пол, что я собираюсь стать учителем.

Пол, трудолюбивый человек, превратил свой двухместный гараж в хорошо оборудованную мастерскую. Это удивительное помещение наполняли инструменты, приборы, различное машинное оборудование и запасные детали. Огромная настенная панель с отверстиями служила пристанищем для сотни инструментов – некоторые из них такой формы, какую я никогда раньше не видела. Каждый инструмент имел свой конкретный номер, нанесенный черным маркером, чтобы потом его можно было убрать на положенное место. Пол настолько хорошо устроил свой гараж – и наполнил его настолько интересными вещами, – что на него было приятно смотреть.

Я не знаю, чем Пол занимался в свое обычное рабочее время, однако гараж служил ему местом второй работы и источником дохода. По выходным он чинил старые американские машины, которые покупал по объявлениям в газете, а затем перепродавал по умеренной цене. Я часто заставала его в моменты, когда он в своем комбинезоне копался в моторах и изучал комплектующие машины, подметал и поливал из шланга подъездную дорожку, а из его заднего кармана торчала красная тряпка, с которой стекало масло. Он был целеустремленный, не сидел ни минуты без дела, часто возмущался и красноречиво высказывался по поводу того, что его беспокоило, за исключением тех моментов, когда он был сконцентрирован. Один деловой журнал однажды назвал Пола «опытным продавцом машин», однако это абсолютно неверная характеристика. Для Пола починка машин являлась хобби и, как мне казалось, своего рода служением в интересах общества. Он действительно хорошо разбирался в том, что делал, и для него было чрезвычайно важно сделать все хорошо и правильно. Свою первую машину, четырехдверный «Шевроле», я купила у Пола за двести пятьдесят долларов. Свою вторую машину я также взяла у Пола, и всякий раз он старательно объяснял мне в мельчайших деталях всю информацию относительно устройства двигателя.

Я довольно рано поняла, что его не следует воспринимать слишком серьезно. Я чувствовала, что он ведет себя так задиристо из-за своего глубокого чувства бессилия. И я всегда заботилась о

нем, мне и в голову не приходило иного. В конце концов, он был отцом Стива.

* * *

Клара Джобс, благоразумная женщина, выглядела юной и в то же время зрелой, с застенчивыми и очаровательными глазами и карамельным тоном голоса. Как многие женщины своего поколения, она курила. У Клары Джобс была слегка темная кожа и кудрявые каштановые волосы, широкие скулы и столь же широкая улыбка. Хотя она и не являлась биологической матерью Стива, но они были очень похожи. Я однажды сказала это Кларе, и она покраснела. Несколько лет спустя я познакомилась с настоящей матерью Стива, Джоанной Симпсон, и заметила, что между ней и Кларой было действительно много общего: широкие скулы, слегка темная кожа и карие глаза.

На протяжении многих лет Клара твердила Стиву, что его биологическая мать – одна из самых красивых женщин, которую она и Пол когда-либо видели. Стив неоднократно говорил мне в самоуверенной манере, что у него была красивая мать. Идеал ее красоты стал для него неприкасаемым, личным триумфом, поразительным и усовершенствованным за время ее отсутствия. Когда он говорил о ней, я чувствовала, как мое сердце наполняется чем-то вроде жалости. Не потому, что Стив был жалким, а потому, что незнание того, откуда он родом, играло для него важную роль, а также по тысяче других причин, которых я даже не могу назвать.

То значение, которое Стив придавал красоте, было для меня странным. Однажды он показал мне профессиональную глянцевую фотографию с изображением Клары в молодости. Его энтузиазм по отношению к этой фотокарточке выходил за все возможные пределы. Мне даже стало интересно, уж не потому ли Клара создала такой образ красоты его биологической матери, что видела, какое большое значение он придавал красоте и привлекательности, а не только из-за его стремления узнать свое происхождение.

Вскоре после того, как я познакомилась с его семейством, я стояла одна в гостиной, ожидая Стива. В этот момент туда зашла Клара и сделала поразительное признание. Без какой-либо настоящей прелюдии она сообщила мне, что они с Полом усыновили Стива, когда он был еще младенцем. Однако вскоре после этого биологическая мать Стива подала на них в суд, пытаясь добиться того, чтобы ребенка отдали в другую семью.

Настоящая мать Стива считала, что Джобсы не смогут обеспечить ее сына тем, чем она хотела. В действительности она изначально выбрала для своего сына другую семью: католическую, хорошо образованную и богатую. Однако в последнюю минуту эта семья решила, что хочет девочку. Именно так Джобсы получили Стива, а Стив – Джобсов. Однако затем начались сложности. Клара и Пол ходили в суд, чтобы отстоять право оставить у себя младенца, биологическая мать которого решила, что она хочет отдать его в другую – кто-то может сказать *более подходящую* — семью.

«Я была чересчур испугана, чтобы любить его первые шесть месяцев его жизни, – сказала мне Клара. – Я боялась, что они заберут его у меня. Даже после того как суд признал нашу правоту. Стив был очень сложным ребенком, и к тому времени, когда ему исполнилось два года, я считала, что мы совершили ошибку. Я хотела вернуть его обратно». Ее глаза становились все шире по мере того, как она говорила мне эту тяжелую правду их жизни. Я видела, как она порицает себя и испытывает чувство вины. Но это было не все. Когда я сейчас вспоминаю об этом моменте, задаюсь вопросом, пыталась ли она меня предупредить или просто объяснить.

Я была очень молода, когда познакомилась с Кларой. Не думаю, что она понимала, насколько я была молода. Я лишь кивнула с таким глубоким пониманием, какое только смогла изобразить, чтобы успокоить ее и подтвердить, что она говорит мне нечто мудрое. Но я также была смущена, поскольку знала, что плохо подготовлена к пониманию реалий взрослой жизни. До момента этой нашей беседы я встречалась с Кларой максимум три раза. Она была матерью моего нового бойфренда, и в ту пору, когда большинство молодых людей не верят взрослым, ее признание показалось мне весьма удивительным. Мне стало грустно, и я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Я помню, что пристально разглядывала пол, задаваясь вопросом, любят ли они его сейчас.

Стив задумчиво покачал головой, когда я рассказала ему, что поведала мне его мать. Он сообщил мне, что судебное дело было улажено после того, как его родители юридически обязались направить его в колледж. К тому времени, когда я познакомилась со Стивом, он уже был зачислен в колледж Рид, так что данная договоренность соблюдалась. Стив много раз повторял: «Я просто закрыл глаза и ткнул пальцем в книгу с названиями учебных заведений. Когда я их открыл, мой палец указывал на колледж Рид. Именно так я его и выбрал».

Стив рассказал мне, что дети в начальной школе насмехались над ним из-за того, что он был усыновлен. «Что произошло? –

частенько спрашивали они. – Твоя мамочка тебя не любила?» С этого времени прошло, вероятно, около десяти лет, однако, когда Стив говорил мне об этом эпизоде, в его словах все еще чувствовалась горечь обиды. Насмешки и издевательства в начальной школе наносили Стиву такой огромный вред, что однажды он пришел домой и сказал родителям, что не намерен больше терпеть такую ситуацию. Он не собирался возвращаться в эту школу.

От Стива всегда исходило ощущение контроля над ситуацией. Абсолютного контроля.

Я полагаю, что Пол и Клара признали это и понимали, что им необходимо что-то предпринять, чтобы защитить своего сына. И они переехали в Лос-Альтос и в другой школьный округ. Меня всегда поражало, на что Джобсы шли, чтобы защитить Стива. В то время как большинство родителей, которых я знала, скорее всего, не стали бы предпринимать ничего подобного и просто обошлись бы тем, что сказали ребенку «дай сдачи». Тем не менее, как ни странно, подход родителей Стива оказался недостаточно эффективным, так как, когда Стив вырос, он начал изощренно издеваться над самим собой на эмоциональном и психологическом уровне.

Меня поражал тот огромный объем свободы, которым Стив обладал, чтобы быть собой, и как сильно его родители, казалось, его уважали. У Стива имелись поэтическая жилка и интуитивный склад ума. Он часто говорил так, что, казалось, его слова и само их произношение были навеяны сильными ветрами с великих равнин. Я никогда не переставала поражаться тому, как эти трудолюбивые, принадлежащие к категории «синих воротничков» родители, эти люди, обладающие здравым смыслом, но малым количеством книг, давали ему необходимую свободу, чтобы стать полностью инакомыслящим, по сути, выдающимся.

Для меня это было сравнимо с тем мягким желтым цветом в комнате Пэтти: в Поле и Кларе было нечто изысканное, несмотря на нехватку образования. Когда Стив начинал свои декламации, все, казалось, делали глубокий вдох, утыкали взгляд в пол, даже меняли направление движения – как будто они были танцорами, которым поменяли ритм.

Я не очень осознавала в те ранние годы, как скрытый мир потерь и беспокойств Стива, должно быть, его сосредотачивал. Но напряжение чувствовалось, как стрела на натянутой тетиве, «взведенной» под воздействием тех ужасных потерь, которые он пережил. Однако когда он выпускал эту стрелу – вау! Она двигала его и, если уж на то пошло, меня, вперед в предвкушении и ожидании новых открытий Стива. Вдохновение – это всегда

отклик на то, чего не хватает. Суть творческого процесса состоит в восполнении промежутков, того, чего недостает. Именно поэтому Пикассо, например, больше не нарисовал ни одной гитары после того, как он себе ее таки купил.

Стив всегда мог меня удивить. Однажды он произнес фразу, которая позволила мне разглядеть мужчину в ребенке – и ребенка в мужчине. Его слова о бомбежке коммунистов потрясли меня и открыли глаза на то, что он мыслит категориями холодной войны. В то время я была идеалистично настроена и убеждена, что поддержание мира во всем мире является основной целью и, как пели «Битлз», все, что тебе нужно, – это любовь. Я считала, что направленные на раскол общества на противоположные лагеря оценки американо-советских отношений являлись ухищрением средств массовой информации, чтобы люди продолжали бездумно придерживаться националистических позиций. Я отвергала национализм, поскольку считала, что нашему новому поколению суждено смотреть на вещи более широким взглядом и находить свободные от предрассудков решения проблем. Однако замечание Стива заставило меня остановиться и признать, что он смотрит на вещи более зрело. Это потрясло меня.

По правде говоря, мышление в категориях холодной войны занимало существенную часть моей собственной жизни, хотя и негласно. Мой отец был сотрудником «Сильвании» – компании, которая выполняла значительный объем заказов для Министерства обороны. Ввиду тех ограничений, которые накладывала на отца его работа (она была связана с засекреченными данными), мы просто не обсуждали политические вопросы и отношения США с другими странами за обеденным столом. И все это несмотря на то, что именно благодаря его работе в спецслужбах мы могли вести жизнь типичных представителей высшего среднего класса. В каждом штате, где мы жили, представители правительственных структур опрашивали всех наших соседей, чтобы мой отец мог оставить право доступа к секретным работам и документам на прежнем уровне или повысить его. Я счастливо не осознавала последствий всего этого в моей жизни. Однако я была убеждена, что восприятие Стивом холодной войны характеризовало его как наивного.

Тем не менее я любила эту мальчишескую сущность Стива. Его умственные способности и проявления его глупости насыщали меня, как ничто иное. В свои семнадцать лет он любил имитировать роботов, которых создавали в пятидесятые годы: он резко заливался смехом, как непослушный ребенок, а затем

превращался в структурированное металлическое существо, реагирующее на команды вымышленного центра управления вне пределов его сознания. С вытянутыми вперед руками, как у чудовища Франкенштейна, он неуклюже шел прямо, переступая с одной ноги на другую, и монотонно бубнил указания, якобы полученные из командного центра. Однажды он забежал на кухню, поднял трубку телефонного аппарата, нажал на клавишу со знаком «решетка» и сказал мне, что только что взорвал мир.

Стив зачастую по-детски относился к повседневным вопросам, однако в его словах чувствовалась горечь взрослого человека, когда он ни с того ни с сего рассказал мне, как узнал, что Санта-Клауса не существует. «Я был очень зол из-за того, что они врали мне». Он повторял это время от времени, и каждый раз я видела, что он все еще не простил и продолжает хранить обиду за нанесенное унижение. Для Стива уязвимость детства заключалась не в том, чтобы на время сознательно отбросить сомнения, а в необходимости разобраться в фактах и подлинных принципах устройства вещей. Здесь мы с ним тоже были очень разные, поскольку я всегда жаждала волшебства и ценила его. Именно поэтому я любила Стива.

Глава 3
Расцвет экспериментов в ритме буги

Территория высшей школы, должно быть, воспринималась мною со Стивом как второй дом. Это единственная причина, которая приходит мне в голову, чтобы объяснить наше решение принять ЛСД на территории кампуса Хоумстед. Видимо, мы были простодушны, самоуверенны и верили, что это хорошая идея. Однако к нашей чести следует заметить, что его огромная территория находилась далеко от центральной улицы и была благословенно безлюдной по субботам.

Я не помню, как именно мы достали ЛСД, однако я почти уверена, что его раздобыла именно я, поскольку Стив никогда раньше не принимал кислоту. Я вспоминаю, как я вынула из кармана две завернутые дозы и показала их Стиву, думая, что мы разделим одну на двоих. Однако это было не то, что мы оба хотели, и мы проглотили по целой, хоть и довольно небольшой, дозе. И затем начали ждать.

Мы сидели на лестничной клетке под перилами двухэтажного здания гуманитарного факультета в волнительном ожидании. По крайней мере, я чувствовала волнение. Стив впервые принимал ЛСД, и, хотя он много прочел о последствиях, он казался испуганным, пока мы ждали наступления эффекта. Вдруг совершенно неожиданно он начал говорить мне, что я должна буду сказать ему «не важничать», если он начнет «вести себя импульсивно». Слово «важничать» было таким шекспировским, гиперболизированным, но при этом величественным. Однако затем он сказал, что хочет, чтобы я потренировалась произносить фразу «не важничай», чтобы быть готовой справиться с «этим». *Быть готовой к чему?* Я не имела ни малейшего представления, о чем он говорит. Все это было странно и приводило меня в смятение. Однако он проявил крайнюю настойчивость, и я согласилась.

– Не важничай, – сказала я.

– Нет. Ты должна произнести это более убедительно, – говорил он с абсолютной серьезностью.

– Хорошо, – ответила я. – Хм-хм… А НУ ПРЕКРАЩАЙ важничать.

Это тоже не произвело на него должного впечатления.

– НЕТ, – Стив повысил голос. Он постепенно терял терпение, однако пытался быть вежливым. – Попробуй снова. Это очень важно. Ты не сможешь остановить меня, если не будешь сильнее.

– *Остановить что*? – я с тревогой рассмеялась. Все это выходило уже за все возможные рамки.

После моей третьей попытки он встал и снова повторил свою фразу, старательно пытаясь объяснить мне, как именно я должна ее сказать:

– Нет! Ты должна произнести эти слова вот так, приложи больше усилий! – Затем он вытянул руку и крикнул: – НЕ ВАЖНИЧАЙ.

Мой бог. Я старалась, как могла, однако все это казалось настолько уморительным, что я расхохоталась. Но Стив не смеялся, лишь смотрел на меня и повторял:

– Говори так, будто ты действительно имеешь это в виду. – Он нахмурил брови: – Ну давай, произнеси эту фразу.

Пытаясь, как могла, я вскоре начала смеяться так сильно, что не могла произнести ни слова с необходимой долей убеждения. Мои попытки не приводили к улучшению ситуации. Наоборот, чем дальше – тем становилось хуже.

Добродушие Стива лишало меня дара речи. Это чувство лишь усиливалось из-за той серьезности, с какой он воспринимал проблему, которую я, по всей видимости, не осознавала. Мне было интересно, как мы собираемся преодолеть разногласия, когда я поняла, что ЛСД уже начал действовать.

– Хей, оно работает! – прокричала я. – Ты в порядке!

Много лет спустя я навестила Стива после того, как он женился. Нашей дочери Лизе было около тринадцати лет, а сын Стива Рид был еще совсем малюткой. Мы все стояли снаружи его дома в Пало-Альто и собирались отправиться на прогулку, когда без всякого предупреждения Стив со скоростью пулемета начал выкрикивать в мой адрес самые обидные, нелепые и ужасные замечания. Это оказалось очень неожиданно и неприятно. Он говорил что-то о том, почему я полное ничтожество как человек. От изумления я опешила. Не важно, как много раз ты сталкивался с таким поведением, к нему никогда нельзя быть готовым. Я притихла, но жена Стива Лорен приказала ему прекратить. Даже она была возмущена таким его поведением по отношению ко мне. Вспоминая тот день, когда Стив впервые принял ЛСД, я думаю – боялся ли он именно этого? Он, должно быть, знал, что способен на такие вспышки гнева, схожие с проявлениями синдрома Туррета. Сегодня я осознаю, что он прекрасно понимал, что способен на такие выходки, и пытался тогда их скрывать, и это разбивает мне сердце.

Однако в тот день много лет назад Стив понял, что ничего ужасного произойти не должно, и погрузился в своего рода нирвану, перестав беспокоиться по пустякам. Мы провели

следующие девять часов, играя, разговаривая, изучая лица друг друга, то смеясь, то снова становясь серьезными. Он шутил о себе и обо мне. Заставлял меня смеяться. Заставлял меня задуматься. Это было роскошно. Мы находились под ЛСД и в состоянии такой любви, что все мерцало и вибрировало. Наши поцелуи казались мокрыми и неестественными, и затем мы мгновенно сливались друг с другом. Все расплывалось в розовых цветах. Мы касались век друг друга, чтобы понять новые ощущения. Скрывать было нечего. Никакого страха, никаких барьеров, даже никакого восприятия времени, пока солнце медленно плыло по небу. Такое блаженство длилось до тех пор, пока наши желудки громко не заурчали ближе к концу дня, и мы поняли, что не ели весь день и умираем от голода. Затем нас ждало еще одно приключение: мы отправились от базового лагеря гуманитарного факультета до ближайшего фруктового сада на углу Стеллинг и Хоумстеда (к сожалению, его там больше нет), чтобы нарвать абрикосов – единственную пищу, которую мы ели тогда. И этого было достаточно.

В тот день мы занимались различной ерундой, которой занимаются обычно новые любовники, и больше ничего не делали. Вечером, когда эффект от ЛСД начал спадать, мы разошлись по домам. В следующий понедельник в школе Стив сказал мне с огромным возбуждением, что в результате приема ЛСД он мог чувствовать содержимое своего желудка. Важность этого для него была выше моего понимания.

После того как мы первый раз попробовали кислоту, Стив принял еще одну дозу с кем-то из своих друзей в парке развлечений в Санта-Круз. Он сказал мне, что ему было очень забавно и что он хочет снова повторить это со мной. Я думаю, что ему понравилось кататься на колесе обозрения в состоянии, отличном от обычного, и смотреть на людей внизу и на огромный океан под лунным небом. Я изначально негативно отнеслась к этой идее и теперь могу сказать абсолютно точно, что нет ничего хуже, чем употреблять ЛСД в парке развлечений. Я была испугана, когда смотрела на крупные лица людей из толпы, находясь в ненормальном состоянии из-за громких звуков и вспышек света. Единственное, чего мне хотелось, – это спрятаться в каком-нибудь укромном месте и дождаться, пока все пройдет. Мы все же решили прокатиться на колесе, однако я была настолько испугана, что крепко схватилась и держалась за Стива, молясь, чтобы все это поскорее закончилось. Это оказалась самая долгая поездка на колесе обозрения в моей жизни.

Стив и я решили покинуть парк развлечений, однако он не обращал внимания на свое состояние и на тот факт, что не

сможет в нем вести машину. Так что меня в прямом смысле стошнило на дверь его автомобиля, и он прекратил свои попытки. После этого мы отправились обратно в парк развлечений. Мы сидели на песке, часами смотрели друг на друга, смеялись и ожидали наступления вечера, чтобы эффект ЛСД спал до такой степени, чтобы мы могли спокойно и безопасно поехать домой.

Именно там, в момент страдания фигней и познания наших истинных «я», смотря на его добродушное, улыбающееся лицо, я поняла, насколько сильно и невинно я была влюблена в Стива, а он в меня. Эти чувства не походили ни на что иное, что я испытывала раньше. Время летело с неимоверной скоростью. Я с трудом могла говорить, река жизни бежала сквозь нас настолько быстро, что я не могла подобрать нужных слов. Мы просто смотрели друг другу в глаза, а Стив рассказывал различные анекдоты. Все это продолжалось до тех пор, пока я не сказала ему, что чувствую себя лучше. Мы пошли по побережью в сторону севера и наткнулись на огромный берег пляжа. Там, на достаточном расстоянии от воды, чтобы волны не мешали нашему сну, мы разложили спальные мешки и легли, прижавшись друг к другу. Стив вскоре уснул, свернувшись калачиком рядом со мной. Мне же это никак не удавалось: я лежала с открытыми глазами, ощущая умиротворение от шума его дыхания и волн.

Тогда у меня случилось одно из наиболее сильных и длительных видений в жизни. В момент, когда эффект от принятия ЛСД начал постепенно исчезать (это самая лучшая часть в приеме кислоты, поскольку весь стресс пропадает, а обычное дыхание становится истинной, изумительной радостью), у меня произошло очень осознанное видение. Я увидела прозрачные, наполненные светом колокола, которые на высоте миллиардов миль дружно распространяли свой звон по вселенной. Слушая и наблюдая часами за этими колокольнями неба, чей звук проходил сквозь мое тело всякий раз, когда волны разбивались о берег, я видела, что цвет и звук были одной огромной сплошной средой. Если раньше я разделяла мои ощущения на чувства, то после той ночи я обычно видела звук, слышала цвет, воспринимала цвет, форму и звук как одно большое единое целое. Я полагала, что это видение колоколов пришло из наших сознаний, слившихся воедино. Я все еще так думаю.

Прием ЛСД подобен восхождению на вершину горы, где тебе открывается новое мировоззрение, способное изменить твою жизнь. И когда оно тебе открылось, оно тебя уже никогда не покидает (а если и покидает, то лишь потому, что ты выходишь за его рамки или нечто более сногсшибательное вытесняет его).

Приняв ЛСД, ты даже не подозреваешь, что вся твоя жизнь перестроилась вокруг этих подобных вспышкам откровений разума. С озарением дело всегда обстоит именно так. Требуется много лет, чтобы это понять. Если ты используешь открывшееся знание, не преследуя своего рода священную цель, то положительного результата достигнуть не удастся. Однако если ты используешь новую информацию с уважением, ты можешь получить доступ к такой области потенциала, которая еще не изучена в мире. Это своего рода подарок богов, фактор, изменяющий правила игры и открывающий двери к жизненным представлениям, которые больше никогда не закрываются. Попросту говоря, озарение может изменить судьбу человека.

Что Стив извлек из него? Я не знаю. Могло ли оно превращать обычных людей в джедаев? Это мне тоже неизвестно. Я думаю, что оно может дать хороший религиозный опыт, но не является заменой духовной практики. Позже Стив публично говорил о великолепном эффекте ЛСД, и у меня возникло впечатление, что он считал, будто прием кислоты оказал существенное влияние на формирование его личности. Однако я не думаю, чтобы кто-либо из нас двоих принимал кислоту после достижения девятнадцати или двадцати лет, когда началась взрослая жизнь.

Я более чем уверена, что широкое употребление ЛСД являлось частью реакции на фактор существования ядерного оружия. Хотя Рам Дасс позже сказал, что мы могли достичь более продвинутого душевного состояния с помощью медитации (эффект продолжительнее и стабильнее, чем под наркотиком), я считаю, что употребление ЛСД в значительной мере соответствовало духу того времени и являлось частью очень сильного стремления открыть миру новое мировоззрение, основанное на жизни, а не на смерти. И хотя с высоты сегодняшних дней движения 60–70-х годов могут показаться весьма наивными, они, тем не менее, оказали существенное влияние на становление Америки как сложно устроенного современного государства, которое мы имеем сегодня.

На встречах тренировочных групп мужчины могли заплакать; представители обоих полов менялись ролями для более достоверной передачи опыта в реальной жизни и в отношениях. Там самые обычные люди собирались в группы всех мастей – так, как это было бы в более гуманной вселенной. Это был итеративный процесс, который черпал свою силу в людях и набирал обороты. Он создал новые системы мысли, мировоззрения, искусства и технологии, которые были предназначены для открытия новых горизонтов: феминизм,

партия черных пантер, движение за развитие человеческого потенциала, проект по борьбе с голодом, мюзикл «Волосы». Хантер Томпсон превосходно подобрал боевой клич для описания тех времен: «Когда бытие становится странным, странность превращается в систему», имея в виду, что каждый был способен изменить ситуацию к лучшему при условии обладания необходимой отвагой, умственными способностями и волей, чтобы это сделать. Многие действительно меняли мир к лучшему.

* * *

Стив прочел книгу Артура Янова «Первичный крик» и объяснил мне, как одновременно ЛСД и терапия первичного крика выпускают наружу и помогают избавиться от накопленных за период детства негативных чувств и воспоминаний. «Если нас преследуют наши глубочайшие, неудовлетворенные потребности, – сказал он мне, – мы можем освободиться от эмоций, которым не даем выйти наружу, и жить более полной жизнью. Каждый на это способен». Он рассказал, что Янов изобрел методологию терапии первичной боли, поскольку одного из его пациентов преследовали воспоминания о том, что он однажды увидел в театре. По сцене ходил молодой человек, обернутый в пеленки, и истошно кричал: «Мама! Папа!» Он выкрикивал эти слова во всю недюжинную силу своих легких до тех пор, пока его в самом деле не стошнило прямо на сцене.

Постепенно логика избавления от накопленных негативных чувств и воспоминаний становилась мне понятной, и я разобралась в той картине, которую описывал Стив. В духе идей Янова он говорил, что поток галлюцинаций, вызываемых ЛСД, является результатом той скорости, с которой наш организм выплескивает негативные воспоминания наружу сквозь своего рода биопсихологический механизм, расположенный в костном мозге в задней части черепа. Я представила себе пар от кипящего чайника, который струится сквозь мозговую ткань, создавая сначала небольшую дырку, затем побольше, и преобразует состояние психоэмоционального напряжения в изображения, затем растворяющиеся в воздухе. «Если в случае приема ЛСД, – говорил Стив, – состояние психоэмоционального напряжения всегда возвращается, то после первичной родовой терапии ты полностью проходишь через него и освобождаешься раз и навсегда».

Стив неоднократно рассуждал об идеях Янова о том, как матери и отцы, не любившие своих детей – и бросавшие их в ряде

случаев, – способствовали появлению и воспроизведению моделей негативных воспоминаний. Я внимательно слушала его и наблюдала за ним, когда он заводил разговор на эту тему. Делал Стив это довольно часто. Создавалось впечатление, будто эти разговоры были неким богослужением, а он – шаманом, прославляющим, создающим и подробно излагающим мощную идею путем постоянных тренировок. Постулат, что в действительности возможно восстановить священную чистоту, что все может снова обрести целостность, со временем прочно вошел в мое подсознание и изменил мои основополагающие представления раз и навсегда. Я думаю, что с помощью родовой терапии Стив, вероятно, надеялся восстановить то, что было утрачено в результате его усыновления. Для меня это также оказалась заразительная идея, дававшая мне доступ к моим собственным огромным возможностям. Сам по себе «потенциал» был эстетикой нашего времени.

Стив раньше других осознал, что еда может играть существенную роль в правильном использовании человеческого потенциала, выходе из состояния психоэмоционального напряжения и развитии умственных способностей. Из книги Арнольда Эрета «Целебная система бесслизистой диеты» он почерпнул ряд идей, которые затем активно использовал для поддержания хорошего здоровья долгие годы. Книга Эрета представляет собой одно из причудливых произведений, написанных в начале XX века странным парнем, работы которого до сих пор пользуются относительной популярностью. На самом деле Эрета можно считать одним из отцов-основателей современных движений, пропагандирующих пользу сыроедения и употребления продуктов, обладающих большой концентрацией полезных веществ. Эрет исходил из того, что с помощью бесслизистой диеты люди могут освободиться от эмоциональных препятствий в их телах и открыть для себя более высокие уровни физической, эмоциональной, умственной и духовной чистоты и целостности. Стив часто рассказывал об идее Эрета о том, как вылечиться: она состояла в том, чтобы прекратить есть мясо, сыр и сахар. Он объяснял мне, что исцеление является врожденной чертой нашего организма и что просто необходимо перестать есть «вредную» пищу. Стив говорил мне, что, «когда питаешься натуральной пищей, например, яблоками или салатом, твой организм знает, когда он насыщен. Однако в случае приема низкокачественной пищи тело не получает необходимой информации о поступающих в организм питательных веществах и не может дать сигнал о том, что необходимо прекращать прием пищи». Мне понравилось это объяснение, которое я сочла

чрезвычайно ценной информацией.

Стив также умел объяснить и другие происходящие в организме процессы. За год до того, как я повстречала его, я открыла для себя кофе, что буквально изменило мою жизнь, потому что кофеин помогал мне сосредотачиваться. Благодаря этому я преодолела детский СДВГ[4] и дислексию, из-за которых не могла читать более двадцати минут за один присест. Хотя я и не рассказывала об этом Стиву, он объяснил мне, что доктора дают чересчур активным детям амфетамины, чтобы перегрузить их нервную систему, благодаря чему они могли бы успокоиться. Про себя я подумала, что *именно по этой причине кофеин помогает мне сосредоточиться во время чтения*. Мне было очень стыдно признаться ему, что до появления кофеина в моей жизни я не могла нормально читать. Однако я в очередной раз восхитилась тем, как он ответил на этот вопрос. Позже я поинтересовалась у доктора, правильно ли Стив понял суть процесса. Доктор посмотрел на меня со своеобразным удивлением, какое могут изобразить все доктора, но сказал, что Стив был прав, по крайней мере, частично.

Стив был запрограммирован на решение задач. Частенько он объяснял мне суть проблемы, а затем показывал путь ее решения. Не специально, для него это было скорее привычкой. Я восторгалась тем, как он мог найти пути выхода из ситуации и как ловко соотносил их с моим миром. В те времена казалось, что он обладает целым набором идей о пище, медицинском лечении, затруднениях при обучении, терапиях и идей, которые помогут ему открыть возможности вселенной. Сегодня я думаю, он был близок к тому, что обычно называется философской системой законов природы. Тем не менее тогда мне было интересно, не являлся ли он чуточку наивным дурачком, и я задавалась вопросом, не более ли сложны ответы, чем он допускал. Однако Стив искал элегантность в простоте.

Я помню, как он однажды объяснил мне, каким образом в одной из песен Боба Дилана рассматривается проблема злоупотребления властью на мировом уровне. Он говорил о том, как богатые и сильные мира сего создают условия, чтобы поддерживать людей в перегруженном состоянии, заставлять их тяжело работать, быть бедными, разжигать хаотические войны, чтобы отвлечь их внимание от того, что действительно саботирует их жизни. Я вспоминаю, насколько спокоен был Стив, когда говорил мне, что накопление богатства элит и формирование их рычагов власти происходят за счет наиболее обездоленных. Это утверждение существенно повлияло на меня, не только потому, что я всегда хотела понять, как работает

механизм злоупотребления властью, но еще и потому, что он был так серьезно логичен и честен, когда говорил это.

Однако какими бы глубокими и проницательными ни являлись суждения Стива, они также могли быть и тревожно негативными. Однажды я встретила его на том же самом месте, где впервые увидела несколько месяцев тому назад. Он шел с урока естествознания и описывал эксперименты с лабораторными крысами, с которыми ознакомился в материалах по поведенческим тестам. «Если ты показываешь крысе лишь позитивную реакцию, – говорил он, – то крыса понимает суть трюка. Если лишь негативную ответную реакцию, она понимает суть трюка. Но если твоя реакция на ее действия будет одновременно позитивной и негативной, то она сойдет с ума!» На его лице была мрачная ухмылка. Казалось, он хорошо усвоил эту информацию и намеревался позже ею воспользоваться.

* * *

Мир Стива не был похож на мой. Он представлял собой смесь из творчества Боба Дилана и Джона Леннона, произведений Шекспира, науки, математики и отличных от тех, с которыми была знакома я, видов психологии. Меня же увлекали научная фантастика и магический реализм. Я внимательно изучала яркие сцены парящих людей, свадеб, поселений, раввинов и животных на картинах Шагала. Мне нравился глубокий золотой резонанс и житейский социальный реализм работ Рембрандта и эмоциональная честность, отображенная в российской живописи XIX века. Я слушала Джефферсона Старшипа, «Джетро Талл», Леонарда Коэна, Джони Митчелл, электрическую скрипку в оркестре Махавишну и – как и Стив – Джона Леннона.

Стив познакомил меня также с поэзией битников. Он изучал их творчество и их оригинальный стиль. В нем тоже пробивался свет того времени – ясная, стильная утонченность симпатичного шамана/поэта/компьютерного фаната. Это была тонкая проволока, которая вибрировала сквозь центр его существования, определенный ритм в его словах, юморе, идеях. Я уверена, что через Стива эстетика битников помогла сформировать будущее эстетики Apple.

Я уж точно была чистым, нетронутым созданием, когда мы начали наши отношения, но Стив посеял в моем сознании много идей, которые расширили его. Однажды он поделился со мной мнением, что Шекспир не сам был таким гениальным, а что его кто-то просветил. Просветил? Употреблять это восточное по

происхождению слово по отношению к западноевропейскому литературному гению? Я засмеялась, так как эта идея показалась мне несуразной. Но Стив верил, что все именно так. Некоторые из его идей прочно оседали в моем сознании и не уходили оттуда до тех пор, пока через много лет я не понимала, что он имел в виду. Сегодня я разделяю его позицию относительно Шекспира.

Идея просветления интересовала многих, сознательно или нет. Вся наша высшая школа была маленькой благодатной почвой, плодами которой являлись творческие студенты и учителя, многие из них стремились начать новую блестящую дискуссию, основанную на блестящих новых ценностях. Семь лет спустя после окончания старшей школы я разговаривала с журналистом *Time* Майклом Морицем, который сказал мне, что он брал интервью у учителей Хоумстеда и спрашивал их о Стиве и Возняке. Не согласовывая свои ответы друг с другом заранее, многие из преподавателей отмечали, что в период 1967–1974 годов наблюдался аномальный расцвет творчества, настоящий расцвет экспериментирования в ритме буги. И затем в один день без всякого предупреждения все исчезло. Закончилось. Пропало. Прекратило свое существование. По описанию Морица учителя были потрясены, спрашивая друг друга: «Что сейчас произошло? Куда все это делось?»

Мне кажется, что вся эта взрывоопасная культурная магма выродилась в холодную и пресную упорядоченную схему микроскопического компьютерного чипа – получился рациональный ответ на создание социальной сложности, организации, связей. Мир нуждался в переменах и более высоком уровне организации бытия. Он призывал не только к новой науке и технологии, но и к новым законам, чтобы совладать с ними, а также к новым типам искусства и музыки, чтобы их символизировать. На самом деле к новым типам всего, чтобы объединить новые уровни ответственности и любви. И мы были частью этого нового этапа.

В конце моего первого года обучения в старшей школе руководство Хоумстеда решило отремонтировать кампус и внести изменения в его внешний вид, которые, казалось, были направлены на то, чтобы подавить ту особую креативность, которую мы олицетворяли. Небольшие, покрытые травой участки один за другим заливались цементом. Как я сейчас вспоминаю, позже они были выкрашены в бледно-зеленый цвет. Во дворе установили прожекторное освещение. Вокруг всей территории кампуса возвели восьмифутовое ограждение. Год спустя после того, как я ушла из школы, шлакобетонные блоки были покрыты удушливой, желтоватой эмалью. Возможно, это делалось в

интересах защиты и сокращения расходов, однако казалось, что школа была перепроектирована для контроля над учениками. Наше время пришло и ушло, а вместе с ним и уникальная культура. Теперь, однако, тридцать лет спустя, я должна признать, что школа выглядит чрезвычайно красиво. Вещи меняются. У нового поколения детей в Хоумстеде иные цели – вот что я вижу и чувствую. И эти дети также добрее и сердечнее, чем мы в свое время.

Оглядываясь сегодня в прошлое, я вспоминаю, как мы были со Стивом близки и как много времени проводили вместе. Как и все молодые пары, мы ходили в кино. Мы смотрели фильмы Франсуа Трюффо, Феллини, Чарли Чаплина, Вуди Аллена и других – картины о Бобе Дилане, Джоне Ленноне, Лени Брюсе, Вуди Гатри, все по настоянию Стива. Его романтическая натура особенно любила ленты Трюффо «Жюль и Джим» и Марселя Карне «Дети». И хотя я была очарована художественным языком этих фильмов, боюсь, что я не понимала всей глубины драматического действия. После просмотра обоих оставалось ужасное послевкусие опустошительной романтической потери, которая не была подвластна моему пониманию. Лишь много лет спустя, в 1988 году, когда я посмотрела «Загадку» Каспара Хаузера, я впервые в жизни действительно испытала истинную разрушительную силу собственных чувств в своей личной драме, в своей постановке. Выходя из кино после просмотра этого фильма, я ощутила, словно иду по дну океана. Я думаю, что Стив испытывал похожие чувства. К сожалению, это не единственный случай, когда я полностью понимала чувства Стива лишь долгое время спустя.

То, какое влияние на Стива может оказать отдельный фильм, стало мне понятно после того, как однажды ночью мы пошли в кинотеатр Camera One в Сан-Хосе. Показывали документальную ленту 1967 года «Не смотри назад», посвященную Бобу Дилану, и я помню, что в один момент я переключила свое внимание с фильма на Стива, поскольку его энергия чувствовалась настолько сильно, что мне казалось, будто через мое тело проходит высокий заряд электричества. Основной идеей фильма было сравнение Дилана с другим современным певцом в стиле фолк, Донованом. Ассоциируя себя, как и Стив, с музыкальным превосходством и успехом Дилана, я видела, как близко к сердцу он принимал победу в этом соревновании. Я осознала это, увидев, как его помрачневшее, обуреваемое злостью лицо выражало безжалостное презрение к «менее талантливому» Донована. Это произвело на меня неизгладимое впечатление.

Глава 4
Самозванец

В Хоумстеде в 70-е годы учились люди разного типа. Среди них были музыканты и актеры, неглупые люди и любители покурить травку. Фотографы. Подростки, изучающие английскую литературу и увлекающиеся различными видами искусства. Среди них были те, кого, как и меня, интересовало высокое искусство, а также аниматоры и специалисты по керамике. В Хоумстеде имелись, конечно, свои ученые и ботаники, а также группа парней, разъезжавших на мотоциклах и носивших кожаные куртки «Харлей-Дэвидсон». Но мы звали их «крутые милахи», потому что они были очень хорошими парнями. Там также имелись дети, бывшие сами собой. Их тяжело причислить к какой-либо группе.

Ученики в Хоумстеде пересекались в своих классах. Так произошло со мной и Стивом: наши различные миры сошлись. Его друзья были странными и умными, яркими личностями и озорниками. Они всегда находили пути, как обойти правила, по которым живут другие. Для них также была характерна верность, словно они члены элитной банды воров. (Мои друзья отличались. Мы не нуждались в двойном видении, которого требовало чистое лицемерие.)

Стив обладал той интеллектуальной честностью, какую можно найти в очень ярких людях, свыкшихся с тем, что живут в мире, не являющемся таким замечательным, как кажется. Очередное качество в духе Авраама Линкольна. Но, несмотря на то, что он оставался верен себе в столь многих поразительных отношениях, он также был странным и отрешенным от мира. Основу его личности составляла смесь из гениальности, конгруэнтности и эмоциональной безжизненности. Безжизненность как у Пиноккио, причем не из диснеевской версии истории этого персонажа, а из чего-то гораздо более древнего, из сказки о лишенном матери, заколдованном мальчике. Настоящие парни были знакомы с вещами, которых он не знал. Любовь своей биологической матери, например. Гордость своего биологического отца. Чем зарабатывал его отец на жизнь? Тем, что другие не считали чем-то особенным.

Некоторые его качества расстраивали меня и заставляли чувствовать себя неловко. В свои семнадцать лет я не обладала необходимым жизненным опытом, чтобы знать, что напускная сентиментальность может быть уязвима безразличием и

безжалостностью. Однако я могла это чувствовать. Его излюбленная фраза, которую он часто повторял, что он – «самозванец», свидетельствовала о том, что где-то внутри он понимает суть проблемы. Мои чувства к нему варьировались в диапазоне от «глубоко тронута» до «абсолютно отдалена». Не обладая в тот момент времени большей информацией, я спрашивала, а не было ли что-то не так со мной, и внимательно изучала нашу дружбу на предмет того, что в нас обоих есть, а чего нет – поскольку именно этим и занимаются подростки.

То были времена расщепления атома, научного аспекта, способствовавшего развитию компьютерной отрасли. Стив был дитя своего времени, выдающееся дитя, которое научилось творить вопреки – или скорее вследствие – огромной бездны в своей внутренней жизни. В те времена я, конечно, не мыслила такими понятиями.

Стив придумал себе имя Оаф Тоабар. Как он рассказал, Оаф было тайным именем, и мне не следовало никому о нем говорить. Это можно было рассматривать как нежное выражение уязвимости и откровенной странности, хотя его неотесанность не казалась мне таким уж привлекательным качеством. Он подписывал свои послания «С любовью, Оаф». И, как и записка, подсунутая под дверь, это имя заставляло меня задуматься о его скрытом чувстве идентичности. Стив нередко прикидывался простачком и смеялся над собой: именно поэтому ему нравились психологические комплексы персонажей из фильмов Вуди Аллена. Однако природа чувства неловкости Стива давала дорогу другому уровню проницательности. Стив был магом: как будто по мановению волшебной палочки он превращался из стеснительного, неуверенного в себе юноши в неуязвимого мужчину с высокой самооценкой. Одним ловким движением рук. Но мне такое поведение казалось слегка подозрительным. Я понимала, что испытываю чувство дискомфорта от ложной близости, когда он велел мне никому не рассказывать о его тайном имени. (Намного позже я узнала, что это было кодовое имя, которое он использовал для обозначения себя в теневом бизнесе с Возняком по продаже «синих коробочек»[5].)

Однажды, на начальном этапе наших отношений, я увидела, как Стив одиноко стоял в сторонке, приняв при этом такую странную позу, что я даже подумала, уж не обманывают ли меня глаза. Эта черта в нем не была заметна, когда он оживленно разговаривал с другими людьми. Однако, столкнувшись с ней несколько раз в течение последующих месяцев, я точно знала, что вижу его иную сторону. Когда Стив был наедине с собой, его осанка иногда становилась как у сумасшедшего калеки. Стоя или

облокачиваясь о стену, он держался неустойчиво и сутулился, согнув одно из своих костлявых колен. Его голова была опущена, и он выглядывал одним глазом из-под копны волос. Стив мог стоять под ярким солнечным светом, но его угловатая поза отбрасывала острые тени. Гул отвратительной темноты собирался вокруг него в эти моменты, оставляя безошибочное впечатление опустошающей пустоты. Эмоциональный голод в нем пронзал меня насквозь.

Я помню, что в те времена к числу его друзей принадлежала девушка, которая имела твердый характер, была остроумной, не то чтобы очень милой, но очень хладнокровной, красивой и впечатляющей. Эта девушка ставила перед Стивом сложные задачи, причем такими методами, которые, казалось, были вне пределов моего понимания и заставляли меня сесть и задуматься. Я думаю, что она увидела в нем нечто, что, как ей казалось, она должна была выпустить наружу. По-своему властная, она заставляла его проявлять храбрость путем выполнения задач, нежелательных по общественным меркам.

Странные запросы девушки вызывали у меня чувство неловкости. Создавалось впечатление, что еще вот-вот, и она скажет: «А теперь, моя марионетка…» Я помню, как она подсаживалась к нему и шептала новую идею: «Вот что я хочу, чтобы ты сделал». Она всегда начинала таким образом. «Теперь я хочу, чтобы ты сделал». Стив попал под ее очарование. Когда он готовился решать новые задачи, поставленные ею, новый ритм, казалось, пропитывал все его тело. Он стремился использовать любой малейший шанс, чтобы заслужить ее одобрение.

Стив не мог отступить, она этого не позволяла. Однажды он попытался, и я видела, как она упорно продолжает стоять на своем, оказывает ему сопротивление и настаивает, чтобы он выполнил ее требования. Я подозреваю, что его притягивала сила ее характера. Я не ревновала к ней, однако чувствовала неловкость от того, как она с ним говорила и что заставляла его делать. Задачи, которые она перед ним ставила, были одновременно и забавны, и не очень. Сейчас я не вспомню большинство из них, но однажды она заставила его испортить воздух в присутствии пятидесяти людей, чтобы получить билеты на театральное представление в Сан-Франциско. Она попросила, и он это сделал. После этого мне все стало понятно: целью этих требований было заставить неуклюжего парнишку раскрыть свой истинный безмерный потенциал. В сравнении с ней и ее властью над ним я, должно быть, казалась мошкой.

Еще один из его друзей – назовем его Лью – был высоким, худым парнем евроазиатского происхождения. Он выглядел

слегка навеселе, словно сошел с картины Поля Клее. В дружбе этих двух высоких парней было что-то необычное, лирическое, уникальное в их добродушии и уважении друг к другу. Стив рассказал мне, что Лью после окончания высшей школы хочет стать водителем такси в Сан-Франциско, чтобы изучить улицы города. Я была восхищена этой идеей и тем, как он намеревался, как мне тогда казалось, ранжировать свои цели, одну поверх другой. Для него все было просто: получать доход и при этом изучать улицы города, словно он был одновременно водителем такси и тайным агентом. План Лью навел меня на мысль о творческом принципе организации сложных процессов. Я никогда раньше не рассматривала возможность решения нескольких задач в ходе одного действия, подобного вышеописанному. Это может показаться глупым – ведь именно так все сейчас и поступают, – однако то, как Лью совмещал достижение нескольких целей, служило предвестником создания многофункционального устройства. Как смартфон, который является одновременно и фотоаппаратом, и записной книжкой, и всем на свете. Для меня как для художника эта идея казалась захватывающей и генеративной. Рассказ Стива и Лью приоткрыл для меня завесу тайны и позволил немного узнать о содержании их разговоров, участвовать в которых мне не разрешалось. Я уверена, что Стив поведал мне об этом лишь потому, что эта идея его приятеля заставляла его самого глубоко задуматься.

Однажды Стив сказал мне, что отец Лью пьет и бьет своего сына. Стив всегда придавал большое значение тому факту, что его родители никогда не давали ему подзатыльников или каким-либо образом не били. Я опять-таки считаю, что данное обстоятельство имело важное значение для Стива, поскольку нечто схожее с историей Лью, видимо, произошло с Полом, отцом Стива.

Складывалось впечатление, что ситуация с Лью оказала гигантское влияние на Стива. Она превратила его в нечто, подобное целителю. За все время моего знакомства со Стивом я довольно редко видела его в этой роли. Однако у него открывались огромные способности к проявлению сочувствия, когда дело касалось жизненных историй мужчин. Я думаю, что Стив и Лью вместе признавали реальность мужской жестокости, и это ужасное осознание скрепляло их братство.

* * *

Моим лучшим другом в высшей школе была Лора Шюлер. Танцовщица, музыкант, поэт, у нее было красивое детское лицо.

Она также выделялась из толпы – возможно, потому что, как и я, страдала дислексией. Мы вместе проводили время на природе, в абрикосовых садах, которые в те дни обильно цвели на нашей территории, и на холме за зданием семинарии Святого Иосифа недалеко от ее дома. Вместе мы учились играть сначала на блок-флейте, позже на обычной флейте. В нашем репертуаре были народные песни, баллады, произведения Бетховена, Баха и песня Джона Леннона «Oh My Love», которую тот написал после прохождения терапии первичного крика вместе с Йоко Оно. Доброта этой простой песни затрагивала нечто важное во мне; она предлагала ту эмоциональную близость, которую я очень сильно хотела познать с мужчиной.

Лора была не рада моим отношениям со Стивом, и не только потому, что я проводила с ним большое количество времени. Стив относился к ней пренебрежительно, и она негодовала по этому поводу. Лора помнит, как я однажды прибежала и сказала ей, что Стив и его друг Воз занимаются изготовлением «синих коробочек». По ее словам, я кричала, что «Стив – ге-е-ений». Я отчасти помню этот эпизод и могу описать реакцию Лоры. Никакого восторга. В глазах – разочарование.

Здесь необходимо рассказать о Стиве Возняке. Воз. Когда бы Стив и Воз ни встречались, они вели себя как восторженные дети. Они были настолько поражены своими открытиями и прорывами, настолько возбуждены, что в прямом смысле слова прыгали друг вокруг друга, гоготали, истерически повизгивали и громко смеялись. Их звуки действовали мне на нервы даже хуже, чем скрежет ногтей по классной доске. Своим шумом они выгоняли меня из гаража, и я старалась оказаться как можно быстрее вне пределов слышимости – настолько ужасен был их гам.

Воз не любил делиться со мной Стивом. Вероятнее всего, они оба предпочитали, чтобы я не мешалась под ногами, когда они работали. Но на самом деле это не было проблемой, равно как и тот дух гениальности, который они разделяли в своей взрывной радости. Нет, что-то иное так сильно действовало на мою нервную систему. Если когда-нибудь по мотивам событий, связанных с компанией Apple, будут делать музыкальную постановку, например пьесу, то сцены в этом знаменитом гараже, где все началось, должны быть крайне мрачными и сопровождаться отвратительно громким, скребущим, извращенным звуком, который вскорости вырывает пространственно-временной континуум из человеческого измерения. Именно такие ощущения я испытывала. Когда Стив и Воз были подобным образом возбуждены, возникало ощущение, словно они разрывают материю вселенной. Сегодня я задаюсь

вопросом, не явилось ли это предтечей тому, что люди позже будут называть полем искаженной реальности Стива.

Воз был старше меня и Стива и уже учился в колледже, однако он выглядел моложе во многих отношениях. Для меня как для девушки он не представлял никакого интереса, и я должна признаться, что находила его тревожно непривлекательным и не могла понять, как с ним разговаривать. Он не был весел или дружественно настроен по отношению ко мне. Когда один из нас находил другого в компании Стива, мы оба расстраивались. Мы стали двумя самыми важными для Стива людьми, однако нам нечего было друг другу сказать.

Однажды мы вместе с Возом отправились в поездку, чтобы повидать Стива в Портленде, после того как он начал учиться в колледже Рид. Мы выехали ночью, и когда приближались к горе Шаста, взошло солнце. Я заметила, какими красивыми в этот момент были облака – розовые, желтые, персиковые, плывущие по чистому голубому утреннему небу, – и сказала об этом Возу. Его ответ? Сухое «Видал я и лучше». Я помню, как мы остановились, чтобы заправиться – во время той же самой поездки, – и я пулей летела обратно из дамской комнаты, так как у меня было ощущение, что Воз подумывает уехать без меня. Однажды в аэропорту Сан-Франциско он так и поступил. Воз отвез Стива туда, а я решила его проводить. Воз уехал и оставил меня там одну. Позже он утверждал, что думал, будто я лечу вместе со Стивом. Нет никакого сомнения: Воз повел себя тогда крайне мерзко.

Однако, несмотря на все это, я очень сильно восхищалась проказнической, хулиганской натурой этих двоих. Они были запредельно забавны. В них чувствовалась заразительная, чистая радость, особенно когда они делали вещи незаконные, однако настолько хорошо продуманные, что никто не мог заподозрить, что они там как-то замешаны. Я помню, как однажды Воз поехал в Лос-Анджелес по пятой автомагистрали задолго до того, как она была открыта для общественного использования. Никакой полиции. Никаких пробок. Никаких скоростных ограничений. Лишь Воз, летевший на скорости 150 миль в час. Затем «синие коробочки», позволяющие пользоваться услугами междугородной телефонной связи бесплатно. Стив и Воз не были их изобретателями, однако они поняли, как их делать и как их можно улучшить. Эти парни обладали великолепием гангстеров. В их совместной работе было нечто возбуждающее и грациозное.

Через несколько лет после того, как Apple начала функционировать, Воз через Стива попросил меня помочь ему художественно оформить его квартиру. Это была довольно

неожиданная просьба, учитывая, что я знала, что он меня никогда особо не любил. Однако она послужила для меня подтверждением того, что, как известно, Воз не держал никакой злобы в сердце. Мы со Стивом пошли к Возу, где я дала ему пару рекомендаций по поводу того, какие цвета можно использовать и где лучше расположить отдельные растения. Меня не покидало чувство неловкости, но Воз был любезен и деликатен. Я думаю, что он пригласил меня из-за того, что ему стали интересны женщины, а возможно, какая-то конкретная женщина, и он стремился произвести на нее впечатление хорошим вкусом. Но может быть, он просто захотел произвести какие-то перестановки в жилище.

В тот день он показал мне свою машину «Позвони и прослушай шутку». Это был всего лишь огромный магнитофон, подключенный к телефону и проигрывающий странноватые шуточки парня-ученого на компьютерную тематику. Они были забавными лишь из-за крайней глупости. Глупые шуточки – как вульгарные комедии – необъяснимо смешны. У Воза был талант их придумывать. Продемонстрировав мне свою «юмор-машину», он сказал, что иногда сам отвечает на звонки и рассказывает анекдот, притворяясь, что говорит магнитофон, а затем удивляя звонящего живым ответом. Эта машина была похожа на прототип сайтов знакомств: Воз на самом деле использовал ее, чтобы привлечь внимание своей первой жены, на которую, похоже, произвели впечатление его забавные, бестолковые шутки. Значит, он все-таки был действительно милым парнем.

* * *

Стив много раз говорил мне, в том числе не напрямую, что боится «потерять свою человечность в мире бизнеса». Иногда он выражал эту мысль в контексте беспокойства о Возе. «Я боюсь, Воз потеряет себя в мире бизнеса», – говорил он, драматично закатывая глаза. Он никогда не вдавался в детали, как или почему это может произойти. Да и я не спрашивала: словами ситуации все равно было не описать.

Отношения Стива со временем и с будущим – так же как и со всем остальным – отличались от подхода к этим вопросам практически всех, кого я когда-либо знала. Постепенно я понимала, что ему по большей части известна его судьба и что интуиция позволила ему узнать его жизненный путь до того, как его пройти. Он знал, например, что будет встречаться с Джоан Баез, исполнительницей песен в стиле фолк и бывшей подружкой

Дилана, довольно известной. Он знал, что станет мультимиллионером. Много раз Стив говорил мне, что умрет, когда ему будет слегка за сорок, затем, когда нам обоим уже исполнилось слегка за сорок, он поменял свое предсказание на сорок пять – сорок шесть лет. Когда он стал миллиардером и не умер к обозначенной им середине сорока лет, я помню, как он продолжал повторять «мне осталось недолго», как будто бы сохраняющий пока что молодость шаман пытается добиться еще немного времени для себя.

Однако насколько хорошо Стив знал отдельные странные и точные детали, настолько плохо он разбирался во всем остальном. Лишь некоторое время спустя, когда я смотрела на спящую на моих руках нашу дочку, я вспомнила, как сильно Стив боялся потерять свою человечность. Именно в тот момент я осознала: не Воз утратит свою человечность, а Стив. Воз, обладавший крепкой духовной связью с обоими родителями, будет в порядке. Стив имел в виду себя, и он знал это все время. Говорить загадками о вопросах личного характера всегда было в его духе. Сейчас я представляю его как слепого, выстукивающего с помощью белой палки слова – где-то уже не здесь, вне пределов настоящего, – поддерживающего связь между своей истинной и фальшивой сущностью, желающего довериться мне, чтобы не оставаться одному, испытывая смесь ужасного страха и радости от такой редкой судьбы.

Глава 5
Подводные течения

Мое имя, Крисанн, происходит от названия цветка – хризантемы. Во многих культурах она представляет собой символ перехода в иное состояние, хотя и трактуется по-разному. В европейской культуре хризантема рассматривается в качестве портала из нашего мира в иной, а потому этот цветок используется на похоронах. В древней священной системе Хинду восьмая чакра, которая находится над головой, – это похожий на хризантему цветок с большим количеством лепестков различного цвета. Тоже портал – на этот раз между физической оболочкой души и ее более высокими сферами. В японской и китайской культурах очень большое значение придается выходу за пределы собственного «я»: там хризантема символизирует долгую жизнь и радость, рассматривается в качестве символа объединения души и духа в теле для достижения истинного счастья в земной жизни. В Японии Имперский орден хризантемы является самым старинным рыцарским орденом и эмблемой печати самого императора, где этот символ обозначает ни больше ни меньше чем полную реализацию божественного в человеке и человека в божественном. Имя, данное мне матерью, было сродни благословению успешно преодолеть все жизненные трудности. И я ощущала необходимость в этом огромном, ярком заделе, заложенном в моем имени.

* * *

Я родилась в 1954 году в Дейтоне, Огайо, и была первым ребенком в новом поколении семейства Бреннан. Я выросла с тремя сестрами: одной старшей единокровной, Кэтти, и двумя младшими, Джемми и Линдой. Мы были прекрасной маленькой семьей в Огайо, полной надежд на новые начинания. Мы жили в большом доме в конце улицы, рядом с лесом и неподалеку от наших бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, дядей и тетей. С крыльца нашего дома можно было увидеть кукурузное поле, в самом центре которого располагалась построенная почти век назад школа со все еще висящим снаружи колокольчиком. Зимой мы катались на коньках среди деревьев. Летом строили укрепления и притворялись, что наши сооружения в лесу являются другими мирами. По воскресеньям мы устраивали

большие семейные ужины, а по выходным ходили в церковь. На Пасху мы надевали новые платья с подходящими к ним дамскими шляпками. Рождество было нелепо пышным.

Когда мне исполнилось семь лет, отца повысили, и мы переехали из Огайо, от нашего огромного семейного окружения, в Колорадо-Спрингс. После этого отца еще дважды переводили по службе: в Небраску и в конечном итоге в Калифорнию. Мне было двенадцать, когда мы переехали в Саннивейл, Калифорния. В течение года после этого мои родители разошлись. Вскоре они развелись.

Мой отец, Джеймс Ричард Бреннан, в юности был симпатичным и талантливым спортсменом: первоклассным ныряльщиком и звездой американского футбола в высшей школе, конкурентоспособным боксером во время службы в военно-морском флоте, лыжником до шестидесяти девяти лет. В восемнадцать он поступил на военную службу. Отец никогда не учился в колледже. Однако с тем опытом, который он получил во флоте, и своим дружелюбием он сумел выстроить успешную офисную карьеру и обеспечить нам хорошие условия жизни.

В молодости мой отец походил на Марлона Брандо: у него были мистические глаза, могучая нижняя челюсть и открытое, как большая полная луна, лицо. В более старшем возрасте у него появились седые волосы и мимические морщины вокруг рта, свидетельствующие о чувствительной натуре, которая не соответствовала сломанному носу, так и не принявшему былую форму после участия в боксерском поединке во время службы на флоте. Мой отец вырос в непростом районе в тяжелое время и под мускулистым телосложением прятал волнение. Он был добрым, при этом, однако, чрезвычайно чувствительным и придавал большое значение вежливости и тактичности. Возможно, именно поэтому он очень внимательно относился к тому, чтобы держать свои настоящие мысли и эмоции при себе. Хотя отец мог быть неэмоциональным, он также обладал живительным пониманием жизни и любви к своим дочерям и внукам, которые подрастали по мере того, как он становился все старше.

Мой консервативный отец всегда знал, что хорошо, а что плохо, и всегда играл по правилам. Как было принято в 50-е годы, всю эмоциональную ответственность за становление семьи он возложил на нашу мать, в то время как сам выстраивал карьеру. Как результат, он оказался совершенно не готов к дальнейшим событиям: к превращению его красивой жены в душевнобольную женщину и к тому, как изменятся его четыре дочери под влиянием 60-х годов. Когда Стив и мой отец познакомились, как позже он сам рассказывал, Стив показался ему высокомерным,

эгоцентричным юношей, который не хочет становиться мужчиной. Он сказал моему отцу, что планирует дальше в жизни заниматься бродяжничеством. Два мира столкнулись. Последнее, чего мой отец желал бы для своей дочери, – чтобы она оказалась без ума от такого незрелого типа.

* * *

Моя мать, Вирджиния Лаверн Рикки, была чрезвычайно привлекательной и красивой женщиной. На кадрах из ее домашнего киноархива, на которых Вирджиния запечатлена двадцатилетней, она предстает миловидной девушкой небольшого роста с мягким женским обликом и неким сбивающим с толку чувством собственной сексуальности. У нее был детский рот, как у Элизабет Тейлор, самый обыкновенный нос и глубоко посаженные серые глаза с удивленным взглядом. Много позже, когда мне шел четвертый десяток лет и я увидела мой оригинал картины Джорджии О'Киф, единственное, о чем я могла думать, были руки моей матери.

Моя мать зачастую считала себя лучше остальных людей. Ее детство пришлось на 30-е годы XX века, времена Великой депрессии. Моя бабушка была поваром, и ей приходилось целыми днями работать, чтобы в те тяжелые времена содержать мою мать и своего мужа. Так что мама воспитывалась самостоятельно. После окончания Великой депрессии, когда ее отец ушел из семьи, мать привыкла коротать долгие вечера в одиночку. Она читала много книг и пила кока-колу из маленьких бутылочек. Как она нам позже говорила, «тогда кока еще была вкусной».

Моя мать прожила большую часть жизни в страхе. Ее отец приставал к ней, когда она была совсем малышкой, и моя бабушка выгнала его за это из дома – довольно необычный поступок для тех лет. Когда моей матери было девять, ее отец покончил с собой. Моя бабушка выходила замуж еще четыре раза, и еще один из ее супругов также приставал к моей матери – тогда ей было четырнадцать. Воспоминания об этих кошмарах преследовали ее всю оставшуюся жизнь.

В сороковые годы, уже подростком, мама придумала себе образ строптивой роковой женщины, образ, который был так популярен в фильмах тех лет. Изображая сильную женщину, что так контрастировало с ее моральной слабостью, она смотрела вниз из-под своих очков для чтения, делала большую затяжку и говорила нам: «Искренность и десять центов помогут вам раздобыть чашечку кофе, дети». Такой специфический у нее был

юмор.

Мать внимательно следила за тем, чтобы в нашем доме, где бы мы ни жили, всегда было чисто и уютно. Она очень серьезно, в консервативно среднезападном стиле, относилась к своей роли хранительницы очага. Это выражалось в том, что каждый день мы должны были провести некоторое время на улице, на свежем воздухе, смотреть телевизор недолго, рано ложиться спать и учиться в хороших школах. Моя мать была потрясающим поваром, она могла сделать блюдо из любой кухни мира. Она очень творчески подходила к тому, что нам готовила. (Она делала потрясающее блюдо из креветок с чесночным соусом. Я все еще пытаюсь найти ресторан, в котором вкус этого блюда хотя бы наполовину был близок к вкусу из моего детства.) Я помню моменты, когда мама сидела за кухонным столом по вечерам в Огайо, Колорадо, Небраске и Калифорнии, положив ногу на ногу, читая и куря сигарету, пока ужин медленно готовился. Готовка во время чтения, чтение во время готовки. Нельзя сказать, чтобы у нас случались традиционные ужины с обсуждением литературных произведений, однако чувствовалось, что многие из блюд, что нам подавали, были приготовлены за чтением работ Фолкнера, Лоуренса, Мелвилля, Стегнера и Капоте.

Всю жизнь моя мать читала хорошую литературу. Она прекрасно умела мыслить абстрактно, и я считаю, что величайшая радость в ее жизни заключалась в размышлениях и разговорах об экспансивных идеях. Ее разум был способен воспроизводить смелые, интересные мысли. Частенько она выдавала фразы типа: «Внутри каждого из нас живет нацист, и нам всем однажды придется столкнуться с этим фактом». В течение долгих лет я анализировала эту фразу, пытаясь понять, какое значение она имеет в контексте моей жизни.

Моя мать, без сомнения, была замечательным человеком в определенном смысле, но я думаю, что она, возможно, также слегка страдала аутизмом. Она была недовольна тем, что у нее так много детей, и часто казалось, что ее основная цель состоит в том, чтобы от нас избавиться. Мы надоедали ей. В более поздние годы, когда ее психическое заболевание усиливалось, мать набрала много лишнего веса и стала все больше беспокоиться о себе, причем это беспокойство имело оборонительный характер. Ее смех имел оттенок всезнайства и пренебрежения, и она критиковала всех и вся, демонстрируя черствое и отчетливо неблагодарное отношение.

В нашем доме было не принято обсуждать, что думают остальные члены семьи, кроме матери: она принимала решения, основываясь на собственных мыслях и суждениях. Это была эпоха

феминизма, и она погрузилась в поиск смысла и идентичности. Как результат в моем воспитании зияли огромные дыры. У меня никогда не было стола, за которым я могла бы делать домашнее задание, или чертежной доски, не говоря уж о мольбертах и необходимых для занятия рисованием материалов. Наоборот, в тех областях, где я демонстрировала талант и заинтересованность, мать либо игнорировала, либо высмеивала меня. Она не находилась на одной волне со своими тремя младшими дочерями. Она готовила нам пищу и контролировала нас, пока мы убирались дома и подстригали лужайку по субботам, однако после этого уходила в собственный мир. Она часто пыталась настроить нас друг против друга, сравнивая наши таланты и показатели IQ. По правде говоря, мать уделяла особое внимание лишь образованию моей старшей сестры. Она готовила ей специальные блюда, годами давала ей уроки игры на скрипке, проводила с ней долгие беседы о литературе. К тому времени, когда мы переехали в Калифорнию, она возненавидела моего отца и избрала Кэтти в качестве своего интеллектуального партнера. Все прочие члены семьи остались на собственном попечении. Учитывая ее состояние, подобное нарочитое невнимание не было такой уж плохой вещью.

* * *

Для матери стало полной неожиданностью, когда первая из ее четырех дочерей достигла переходного возраста. В результате ее психическое заболевание стало явным и более не намеревалось отступать. После этого, когда мы одна за другой становились старше, ее поведение по отношению к нам приобретало все более непристойные черты. У моей матери было кошмарное детство, и я полагаю, что наша растущая сексуальность с ее дальнейшим переходом в стадию женственности вызвала в ней панику и чувство потери. Она защищала нас, пока могла. Затем ее боль становилась все больше, преодолевая пределы наших домов, начиная с Колорадо, и заполняла все пространство темными слоями невыразимой ярости и печали.

Мою мать отправили на проверку к докторам. Мне кажется, что новое, набиравшее тогда обороты феминистское движение значило для нее очень многое и именно вступление в его ряды предоставило ей возможность вырваться из семьи. Мать променяла свою семью на вдохновенное бытие в роли феминистки-интеллектуалки. Вознесенная на вершину мира и обманутая, она пошла учиться в колледж, получив в конечном

итоге двойной диплом по психологии и литературе. Она уходила в свою спальню и сидела там часами для того, чтобы писать статьи на большом белом столе, который она раскрасила под старину. На бампер своей машины она нацепила стикер «Еще один студент в поддержку мира», предпочтя ее наклейке с надписью «Еще одна мать в поддержку мира». В то время как она не ценила себя саму как мать, она также не пыталась оставить обучение для того, чтобы заняться каким-то конкретным делом. Эта грань между душевным заболеванием и тем, что казалось плохим характером, не была мне полностью ясна. Будучи подростком, я просто считала ее обманщицей.

В характере матери смешивались настолько глубоко различные черты, что я просто не могла их понять: я испытывала угрызения совести, находясь рядом с ней. Она ненавидела мою креативность, мою цветущую сексуальность, моих друзей и мои юные взгляды на жизнь. Она говорила о подростковом периоде в насмешливом тоне, словно я должна быть в смущении или даже стыдиться того, что прохожу через него. Каждая положительная деталь, которую можно найти в этом возрасте, становилась объектом ее насмешек и ненависти. Все это происходило во время готовки прекрасных, гармоничных блюд, которые она придумывала и делала каждый день, создавая нам условия лучшей жизни, чем знала она.

У меня было чудесное, спокойное детство, однако подростковые годы для меня стали настоящим кошмаром. В свои двадцать с небольшим лет, когда мне пришлось столкнуться с таким огромным количеством различных проблем, Синди, моя лучшая подруга с шестого класса, выложила все начистоту, так как она провела очень много времени с моей семьей, чтобы увидеть все, что происходит: «Мне очень жаль тебе это говорить, но твоя мать настроена против тебя». Я не испытывала сентиментальности по поводу любви моей матери. Очевидно, что я знала куда больше, чем моя подруга, относительно того, какой ужасной была моя мать. Однако искренность Синди послужила для меня подтверждением того, что я знала. Я преклонялась перед ней за то, что она посмела выразить свою точку зрения и сделала это с такой осмотрительной добротой. Чего я тогда не знала – а она прекрасно знала, – какой хорошей может быть мать.

Моя ситуация была понятна многим. К тому времени, как я сошлась со Стивом, глаза матери смотрели на меня с откровенной ненавистью. Мой тогдашний друг сказал мне, что она считает меня жесткой и искрометной, хрупкой и душевно честной. Некоторые из моих преподавателей в Хоумстеде знали, что у меня проблемы дома, однако никто тогда в

действительности не подозревал, что она душевно больна. Я полагаю, что они сводили проблему к напряженным отношениям между дочкой и матерью. После того как отец переехал в другой дом, а моя старшая сестра уехала в колледж, младшие сестры и я начали жить в кошмаре, масштаб которого с каждым днем становился все больше. Без этих двоих никто не мог обуздать ее жестокость, и мать вела себя все хуже.

Первая встреча моей матери со Стивом была обескураживающей. Она сидела с нами на полу и вела себя как подросток, флиртуя и соревнуясь с ним по поводу того, чья литературная проницательность более развита: его или ее. Дальше ситуация становилась лишь хуже. Стив ушел в себя и говорил довольно мало. Он пробыл у нас очень недолго и покинул дом в гневе. Я же была ошеломлена и задавалась вопросом, не расстанется ли он теперь со мной.

* * *

Я не виню свою мать. Насколько я помню, мое сердце было тронуто тем, каким образом ее хрупкая незрелость и шаткое чувство личной идентичности сочетались с ее огромной любовью к жизни. До появления средств по контролю над рождаемостью многие женщины обзаводились детьми еще того, как были к этому готовы. Наконец, я ценила ту важность, которую она всегда придавала правде и ее изысканному, утонченному любопытству. Я полагала, что она была как олимпийский бегун, который передал нам сверкающий факел со всеми своими знаниями, прежде чем упасть от изнеможения от собственной жестокости. Однако в те времена, когда дом полностью находился в ее власти, она была хрупким человеком с жестокостью и ненавистью к себе, которую она проецировала наружу, на нас. Нам ничего не оставалось – только бежать.

Когда мне было около двадцати пяти лет, моей матери диагностировали целый набор психических заболеваний, который включал параноидную шизофрению, клиническую депрессию, биполярное расстройство с элементами психоза. Я не думаю, что кто-то понимал масштаб бедствия, и я задавалась вопросом, так ли важно, как они это назовут, за исключением того, что, называя вещи своими именами, легче относиться к человеку с состраданием. Мне понадобились годы, чтобы понять, как именно все эти термины могли трансформироваться в то поведение, которое мы вытерпели.

По мере того как весь масштаб трагедии болезни моей

матери становился все яснее, у меня возникло опасение, что я могу повторить ее судьбу. Это обстоятельство способствовало появлению у меня интереса к вопросам здоровья и альтернативных путей лечения. Мне было двадцать два, когда я составила план по лечению собственной психической болезни, если у меня проявятся ее симптомы. Номер один: я буду ответственно следить за своим здоровьем. Это стало моим главным приоритетом. Номер два: я откажусь от мяса. Номера три, четыре и пять: я буду заниматься медитацией, йогой и трудиться, чтобы оставаться верной своим идеалам. Я также думала – номер шесть, – что развитие собственной креативности играет чрезвычайно важную роль в поддержании здоровья. Я видела, что моя мать лишь читает и критикует, но не создает ничего собственного за исключением еды, да и то по рецептам, которые она черпает из различных книг. Я осознала, что люди, которые не развивают сами себя через свою креативность, в итоге направляют энергию в неблагоприятное русло.

Это были мои постулаты – самопровозглашенные порядки, – и они походили на жизненный план в моей юности. Он обеспечил меня необычной, непокорной безопасностью, основанной на ошеломляющей вере в собственные внутренние ресурсы. Обзаведясь ими, я подготовила себя к дальнейшей жизни, что бы в будущем ни произошло.

Прежде чем я покинула дом своей матери и переехала жить к отцу, я помню, что у меня из головы никак не выходила одна мысль: *Что, если бы люди были просто добры по отношению друг к другу? Что, если бы они обращали внимание только на то, что нужно, с глубоко сердечным здравым смыслом и приверженностью к доброте в целях общего блага?* Это было чувство, исходящее из маленького источника света, расположенного в самом центре моего сердца, и я не могла описать его словами. И поэтому я разрабатывала «проект любовь-в-обществе» в течение многих лет, не осознавая, что такой важный вопрос развивался и жил внутри меня. Я не знала, как принять скупую на чувства мать, поэтому я избегала ее. Но я получила второй шанс позже, когда столкнулась со схожим уровнем бессердечия в Стиве и была вынуждена пробиваться сквозь него ради благополучия нашей дочери.

Глава 6
Райские деньки

Стив и я нашли наш путь к любви той весной. Мы целовались часами в парке и в его машине и изо всех сил пытались понять, почему это нам казалось таким забавным. Мы так и не смогли подобрать необходимого определения. Однако вскоре другие вещи, происходящие между нами, также потребовали своего обозначения.

Когда Стив навещал меня дома, он шел прямо ко мне в спальню, чтобы избежать встречи с моей матерью. Я поднимала глаза, чтобы увидеть его очаровательное, горящее лицо на фоне окна, и у меня перехватывало дыхание. Я все еще вспоминаю выражение его глаз в те моменты – это были самые добрые, самые влюбленные глаза, которые я когда-либо видела. Стив стал моим великим пристанищем, а я радовалась, что я – это я, когда мы были вместе.

Когда на смену весне пришло лето, на четырех решетчатых колоннах на моем крыльце вырос китайский звездчатый жасмин и наполнил воздух крепким ароматом. Именно тогда Стив и я решили съехаться на летний период. Был 1972 год. Я не могу вспомнить, кто первым озвучил эту идею, однако у меня есть ощущение, что она, должно быть, носила крайне конспиративный характер, витала в воздухе, пока мы оба не сказали: «Все, пора съезжаться». Ни у кого из нас не оставалось никаких сомнений по поводу этих планов. Мы были полны решимости и отчетливо представляли себе весь наш замысел. Эпоха семидесятых дала нам разрешение, а все остальное мы дали себе сами.

Вскоре после того, как мы приняли решение, я поехала на велосипеде к местному колледжу низшей ступени, где увидела на доске объявлений информацию о том, что сдается одна комната в хижине в горах. Звучало идеально, однако, когда я позвонила арендодателю, он сказал мне, что места для пары нет. Я была очень расстроена, однако понимала, что с этим ничего нельзя поделать. Позже, когда я рассказала Стиву про упущенную возможность, он удивил меня тем, что попросил номер телефона владельца. «И действительно», – подумала я, пытаясь найти в моем кошельке кусочек бумаги, на котором я его записала. Стиву удалось договориться с этим парнем о встрече, и это навело меня на мысль, что в нем было что-то поразительное. Передо мной стоял парень, который мог добиться необходимого результата. Судя по той манере, в какой он попросил меня дать ему номер

телефона, я знала, что он тоже это знает.

В следующие выходные мы отправились на оранжевом «Фиате» Стива к тому, что было в прямом смысле слова последним домом в каньоне Купертино. Мы ехали мимо дамбы до тех пор, пока дорога не сузилась до двух извилистых тропинок, которые привели нас в глубь лесистых гор. Мы миновали большое количество маленьких хижин и местную закусочную, пока в конечном итоге не добрались до последнего поворота, за сто метров до тупика. Повернув налево, мы оказались на равнинной местности, глубоко в долине, между рядом очень высоких гор. Там стояли четыре маленькие хижины, на которые падал мягкий солнечный свет. Мы медленно подъехали к последней из них, мимо огромной свиньи в грязном загоне и множества свободно разгуливающих кур, которые кудахтали, освобождая нам путь. Четыре козла с безумными глазами вышагивали неподалеку и таращились на нас, когда мы выходили из машины. Все это было похоже на иной мир спокойствия и старых вещей из эпохи Аппалачей.

Альфонсо Татоно встретил нас озорной улыбкой и пригласил войти. В его доме стоял запах плесени. Первой замеченной мной вещью был большой белый парашют, использовавшийся вместо штор и свисавший с потолка вдоль темных деревянных стен для того, чтобы усилить освещение в фильме, над которым работал хозяин. Мы были поражены этим домом добросовестного хиппи. Ал показал нам хижину: маленькую, темную и хорошо убранную. Там стояла мебель 40–50-х годов, военное снаряжение 60–70-х, включая природные находки. Жилье было убрано с такой тщательностью, которую мужчина проявляет к окружающей обстановке, довольно далекой от домов в стиле вызывающей скуку монокультуры американских окраин, только что нами покинутых. Я находила хижину захватывающей и ужасной одновременно.

Алу было около 24–26 лет, но, казалось, он был на несколько жизней старше нас. Он ходил на режиссерские курсы в Университете штата Сан-Хосе и работал над фильмом о его отце – итальянском иммигранте. Когда Стив узнал, что у Ала есть доступ к фильмотеке университета, он загорелся интересом. В то время, пока они общались, я ходила вокруг, задаваясь вопросом, каково будет жить здесь и спать в одной постели со Стивом. Должно быть, мы показали себя с правильной стороны, потому что Ал предложил вариант, что он будет спать на раскладном диване в гостиной, а мы бы могли жить в его спальне в течение лета.

Прошло две недели, прежде чем мы переехали жить в

хижину, две недели, во время которых я затаилась и тихо наблюдала за переменами у меня дома. Моя мать смотрела на меня исподлобья это время, делая вид, что ей безразлично. Мне казалось, что такое отношение выдает глубину ее неуверенности. Я находилась в ее доме, не будучи желанной, погребенной под почвой неуверенности в себе, пытаясь перенести ее жестокость и справиться с ее психической болезнью. Прежде она много раз просила меня покинуть дом и пугала, заявляя, что она выкинет меня на Хайт-Эшбери. Однако теперь, когда я наконец-то уходила, она была странно добра и растеряна. В ней не осталось ветра для ее ненависти. Необходимого дыхания. Необходимой силы.

Я никогда точно не знала, что происходит в это время в доме Стива. Он об этом не говорил. Я не думаю, что подросткам пристало обсуждать такие вещи. Однако я внимательно следила за семьей Стива и знала, что он всегда был сам себе голова. Я видела, как он переносит то, что я представляла себе отвращением Пола по поводу нашего совместного проживания, в очень спокойной манере, с которой он подходил ко всем откликам Пола в то время, грустный, но уверенный в своем выборе.

В конце концов меня смутило то, что моя мать отреагировала с горечью на наш переезд, и то, что Пол не стремился каким-либо образом отомстить. В отличие от моей матери Пол умел избавляться от своего чувства разочарования до того, как оно приобретало форму конкретных действий. Несмотря на его отдельные вспышки гнева, он оставался каким-то необъяснимо беззлобным. Клара дистанцировалась от этого всего и предпочла хранить молчание. Свои суждения она всегда оставляла при себе. Я чувствовала ее недовольство, однако не теряла сдержанности.

Вскоре после того, как мы переехали, мы пригласили родителей Стива на обед, однако пришла лишь одна Клара. И сегодня я помню, что была удивлена тем, каким образом она позволила нам встретить себя. Клара продемонстрировала такую благодарность за то, что была нашим почетным гостем, что заставила меня со Стивом радоваться, что мы ее позвали. Мы очень гордились тем, что приготовили для нее целый обед, и мы порхали с места на место, как маленькие птички, накрывая на стол, говорили о том, как мы приготовили еду, и хотели узнать, понравилось ли ей. По какой-то причине я ожидала, что вечер не пройдет гладко и обязательно возникнут разногласия, однако этого не произошло. Вместо этого Клара – которую я звала миссис Джобс – сидела тихо и спокойно и была довольна, пока мы бегали вокруг нее с радостью и угощали нашими лучшими спагетти

вместе с салатом. Я видела, что она стремилась быть очарованной нами. И я могла понять, почему Пол женился на ней.

* * *

Наши ночи в хижине были райским наслаждением. Мы просыпались в любое время, когда хотели, безумно счастливые, что мы вместе, не веря, что нам не надо идти домой, потому что мы *уже* дома. Иногда я открывала глаза в середине ночи и неожиданно вспоминала, что мы вместе. Я чувствовала его и его запах, дотрагивалась до него, затем он просыпался, мы обнимались и целовались, смеясь, пораженные тем, что настолько близко друг к другу и настолько влюблены. Мы снова засыпали, обнимая друг друга, а затем уже он меня будил, чтобы поцеловать и опять заняться любовью. Я помню это время за его радость и свободу существовать и так чисто любить. Наши юные мечтательные тела были сметены в водовороте прошлого, настоящего и будущего всех времен и всех миров, имея все, не зная ничего.

В течение недели, когда бы мы ни ложились спать, Стив начинал рассказывать мне истории о том, что мы часть объединения поэтов и провидцев, которое он называл Витфильдская группа. (Стив иногда произносил «Уэтфильдская».) Мы вместе смотрим из окна, говорил он, наблюдаем мир с остальными. Я не знала, о чем это он, однако всем своим сердцем хотела увидеть такие пейзажи. Для меня это не было метафорой. Я знала, что это правда. Всю свою жизнь я мечтала стать героиней какой-нибудь волшебной истории. При этом рассказы Стива были отнюдь не первыми, но одними из наиболее красивых и волнительных из тех, что я когда-либо слышала. Иногда я думала, что вижу окно на том месте, где стояла стена, и чувствую силуэты поэтов, собравшихся в комнате с нами.

Стив всегда обладал изрядной самовлюбленностью. Его личная мифология давала ясно понять это. Я стремилась защитить его благословенное поэтическое видение и невидимое сообщество, в которое он мне открыл дверь. Я думаю, что раскрытие информации о Витфильдской группе являлось своего рода посвящением, поскольку позже я обнаружила, что лишь небольшая группа людей на похоронах Стива возложила пшеничные зерна на его могилу. Он, должно быть, нес Витфильдскую группу в своем сердце на протяжении всей жизни.

Стив повесил плакат Боба Дилана на черную деревянную стену над нашей кроватью, и мы закутывались в стеганое одеяло

моей прабабушки, которое моя семья возила с собой из штата в штат на протяжении всего пути из Огайо. Оно вместе с керосиновой лампой помогало нам согреться по ночам и быть счастливыми. Моя прабабушка пользовалась этой керосиновой лампой в форме песочных часов по назначению. В нашем электрифицированном мире мы ценили ее за ее старинную душевность. Каждую ночь, когда мы зажигали эту лампу, нам казалось, что мы два самых счастливых человека на земле. Наше взаимное счастье отражалось в мягком теплом свете, пуховом одеяле и окне в мир поэтов.

* * *

Тем летом Стив и я засиживались допоздна, чтобы посмотреть фильмы с Алом и его братом. Во времена, когда не существовало таких вещей, как домашнее видео, кассеты, DVD-диски, Netflix или потоковое вещание, сокровенный звук щелчка катушечного проектора был пышным и чувственным удовольствием. Преимущественно мы смотрели фильмы, которые Ал находил в архивах фильмотеки. Большинство из них содержало информацию об искусстве Востока. Мы разглядывали одно великолепное священное изображение за другим – мандалы и янтры с замысловатыми узорами, придуманными тысячу лет назад. Считается, что они поднимают сознание на новый уровень, чтобы сбалансировать дух в материи, в мужчине и женщине. Эти изображения были выдающимися и идеальными. Тусклому, почти мультяшному искусству 60-х годов до них было очень далеко. В конце 90-х я снова начала рисовать предметы этого священного искусства и добавила к ним нотки постмодерна, нового века, научной фантастики, концептуальной чувствительности.

Часто мои глаза уже слипались после половины десятого, и я уходила спать, в то время как Стив засиживался допоздна, разговаривая с Алом или занимаясь написанием стихов. У Стива были особые отношения с ночным временем суток. Он перетаскивал печатную машинку в гостиную, и я, просыпаясь от света, падающего на мою кровать, видела, как он заходит в нашу комнату, чтобы забрать забытые вещи. Он погружался в собственные мысли и, подобно подростку, придерживая волосы рукой, чтобы лучше видеть, искал необходимое: ручку, дополнительные листы бумаги, книгу.

До тех пор пока я полностью не засыпала, я слышала, как его электронная печатная машинка выдает в ночи новый текст с молниеносной скоростью. Он перерабатывал песни Дилана,

персонифицируя их для себя, или для нас, или для меня. Лишь сейчас я понимаю, что он пытался сделать. Он был довольно замкнутым человеком и не любил много говорить, и я думаю, что он переделывал песни Дилана, чтобы понять смысл своей жизни и отразить его.

Однажды он прикрепил на нашу парадную дверь одно из своих стихотворений – «Мама, пожалуйста, держись подальше», переработанную версию песни «Рамоне» Дилана. Это был его ответ на непостижимо грубое поведение моей матери по отношению ко мне и ее тревогу из-за того, что я переехала. Он написал его в порыве тихой ярости после того, как она заявилась к нам в хижину без предупреждения, чтобы посмотреть, как у меня дела. Она полагала, что я могу быть беременна. В действительности так оно и было. Я никогда не говорила ей об этом, однако она решила прочитать мне очень длинную лекцию по поводу того, как следить и ухаживать за ребенком. Я была поражена ее неистовым лицемерием. До этого она все время ныла о родительских обязательствах. А после того как в 1978 году родилась Лиза, она смотрела на младенца и вопрошала: «Зачем, ох зачем ты родила этого ребенка?» В этом была вся она. Однако тем летом в хижине мы со Стивом согласились, что не будем заводить ребенка. Мы не испытывали никаких сомнений относительно нашего решения, и я не намеревалась прислушиваться к ее советам по какому бы то ни было вопросу. Тем не менее ее поведение меня расстроило.

Сейчас я думаю, что для Стива моя мать была исчадием ада и он надеялся, что он сможет ее изгнать с помощью данного произведения, своего рода талисмана. Я припоминаю его содержание. Часть его была посвящена моей матери:

> Ты думаешь, ты знаешь нас и понимаешь нашу боль,
> Однако понять боль невозможно, не достигнув нового уровня осознания.

Другие части были адресованы мне:

> Я вижу, твой разум
> Скручен и связан
> Бесполезной пеной у рта.

Я не увлекалась произведениями Дилана в то время. В действительности в душе я не воспринимала всерьез разномастную поэзию Стива и была отчасти оскорблена фразой, что мой разум «скручен и связан». Я не сопоставляла вещи так

хорошо, как это удавалось ему. Стив также не был очень тактичен по отношению ко мне. Я не смотрела на мир сквозь призму произведений Боба Дилана, как это делал он. Я лишь видела огромное количество песен Дилана с рядом отдельных изменений. Я не понимала, почему он не подходил к написанию своих стихов с большей оригинальностью. Девочки могут быть очень жесткими по отношению к мальчикам.

У меня в голове сложился романтический образ поэта как непорочного создания, которое скорее прыгнет с обрыва, нежели поступится своими идеалами. Именно так я воспринимала Стива – как самое непорочное создание, которое когда-либо существовало. Однако теперь я понимаю, что тексты песен Дилана были блестящими и что Стив искал пути, чтобы жить внутри них, словно они являлись огромным пространством, в котором можно скрыться. Я бы очень хотела вернуться в прошлое и изменить его на ту версию, где я бы не жалела времени, чтобы прочитать оригинальные тексты песен, задавать ему вопросы и попытаться сделать все, что в моих силах, чтобы понять его перемены.

* * *

Вскоре после переезда мы обнаружили, что у козлов есть отвратительная привычка бодать нас в спину в тот момент, когда мы выходим из машины. Эти злобные создания были умны и быстры, а их атаки – крайне неприятны. Как только мы съезжали с дороги и попадали в долину, козлы поднимали головы и внимательно следили за нашим приближением. Затем они начинали подкрадываться к машине, держась чуть поодаль, чтобы не раскрыть своих намерений. Однако мы знали их планы.

Им хватало двадцатишаговой дистанции, чтобы достать нас, если мы не обращали на них должного внимания, а иногда даже и в тех случаях, когда обращали. После того как они напали на нас в очередной раз, мы разработали план действий. Стив взял на себя лидера козлиного стада, наиболее агрессивного черного самца, схватив его за длинные рога и начав с ним бороться, а я в это время достала всё из машины и ушла из-под их прицела. Когда я добралась до веранды, я рассмеялась, будучи пораженной его шутливой отвагой. Затем он повернулся и побежал так быстро, как мог, чтобы присоединиться ко мне на веранде, где мы вместе смеялись и задним числом боялись.

С веранды открывался отличный вид на окрестности. Из-за козлов я не могла много по ним бродить. Поэтому я частенько

стояла на ней, оглядывалась по сторонам, наслаждаясь солнцем и свежим воздухом. Однажды, именно этим и занимаясь, я заметила, что соседи на своей площадке устроили небольшую вечеринку. По натуре я не склонна совать нос в чужие дела, однако не могла не заметить происходящего, поскольку дом находился примерно в двадцати ярдах от нас. Ал как-то мимоходом сказал, что соседи принимают много наркотиков, ожидая получения наследства. Их стиль жизни не представлял для меня особого интереса, однако они были достаточно милыми людьми. Стив и я никогда особо их не обсуждали и с ними не общались, за исключением стандартных приветствий. Однако в тот раз, пока я наслаждалась свежим воздухом, Стив незаметно подошел сзади ко мне и спросил:

– Ты бы это сделала?

Я оглянулась и заметила, что его глаза сильно сузились, словно он смотрит вдаль, на летящий высоко в небе самолет.

– Сделала что? – спросила я. Он рассчитывал, что я знаю, о чем он думает.

– Ожидала бы получения наследства, – ответил он.

– Нет, – отозвалась я и, сказав это, почувствовала, что люди не должны так использовать свое время, и вместе с тем ощутила, что меня тайно испытывают. Поэтому, а также из-за того, что вопрос был настолько мрачный и целенаправленный, я запомнила эту ситуацию. Стив обладал прекрасной интуицией и знал, что будет чрезвычайно богат, – так он мне говорил. Может быть, он хотел оценить не только мой характер, но и ту роль, которую я сыграю в его будущем? И что насчет его собственной роли в таком будущем?

* * *

В середине лета Стив и я пошли в небольшой театр на северном пляже Сан-Франциско, чтобы посмотреть «Новые времена» с Чарли Чаплином. У нас было очень мало денег и никаких видимых перспектив в будущем, но он любил классические фильмы, и ему нравилось знакомить меня с ними. К концу вечера я была очень напряжена, поскольку понимала, что мы потратили большую часть того, что у нас осталось, на фильм и на обед. А когда мы обнаружили на машине штраф-талон на 25 долларов, меня накрыло полное отчаяние. Стив был спокоен, казалось, что он не особо переживает по этому поводу. Откровенно говоря, на его лице снова отражались грусть и задумчивость сдавшегося человека. Мне казалось, что он смотрел

в свое будущее.

После этого мы отправились на Крисси-Филд в Сан-Франциско гулять по пляжу, чтобы насладиться закатом солнца. Пока мы шли, я уже в который раз в тот день начала говорить о своем беспокойстве относительно нашего финансового положения. Стив пристально и раздраженно посмотрел на меня, засунул руку в карман, выгреб из него все оставшиеся деньги и выбросил их в океан. А-а-а! Кто так поступает? Меня одновременно обуяло чувство разочарования и восхищения – я начала смеяться, затем плакать и снова смеяться. Как я могла не любить его? Нахальство его шага превзошло все остальное. Он был безупречен, был настоящий поэт, а не человек, который засиживается допоздна, чтобы переделать слова песен Боба Дилана.

Позже на той неделе к нам в хижину приехал Воз и передал Стиву деньги от «синей коробочки», которую он только что продал. Вплоть до этого момента я даже и подумать не могла, что он делает деньги на этих штуках. Я просто не могла связать все факты в единое целое, возможно, потому, что они умело это скрывали. Также вплоть до этого времени я не осознавала, что Воз может принести нам какую-то серьезную пользу, хотя регулярно меняла свою позицию по его поводу, поскольку он постоянно вел себя по-разному. Какими бы странными ни были отношения между нами, я не могла испытывать к нему огромную неприязнь. Возможно, потому, что он так сильно любил Стива. Или потому, что он казался мне очень умным юношей, невинным и все еще не повзрослевшим.

Я не препятствовала Возу. Маленькие умные мальчики иногда играют так, что это напоминает эпидемию лихорадки – без остановки, напряженно и слабо взаимодействуя с другими людьми. В свои двадцать лет, казалось, Воз все еще бурлил и кипел идеями, которые хотел преподнести миру. И вот он стоял, ухмылялся и делил деньги со Стивом. Я испытывала за это огромную благодарность. В то время я была уверена, что, деля деньги со Стивом, он просто красиво поступает. Я не догадывалась, что они со Стивом являлись равноправными партнерами в этом подпольном бизнесе.

Позже тем летом мы втроем отправились в колледж Де Анза, чтобы посмотреть на доску с объявлениями о работе и найти подходящие для вакансии. Мы нашли вакансию для четверых: надо было одеться как персонажи из книги «Алиса в стране чудес» и выступить в торговом центре Санта-Клара. Заработок за два дня должен был составить 250 долларов – огромная сумма для 1973 года. Мы решили воспользоваться возможностью и в качестве

четвертого взяли с собой нашего соседа Ала.

Я была очень похожа на настоящую Алису: большая голова и маленькое тело, длинные локоны и круги под глазами. Ребята, раздобывшие костюмы Белого Кролика и Сумасшедшего Шляпника, носили эти огромные головные конструкции, которые простирались вниз вплоть до коленей. В те выходные кондиционер в торговом центре вышел из строя, а погода была испепеляюще-жаркой, так что парням с трудом удавалось находиться в костюмах более десяти минут. Даже после того, как они засунули внутрь мешки со льдом, все трое бегали в гримерную, чтобы обменяться костюмными головами и попить воды. На них было жалко смотреть, но при этом и крайне уморительно.

* * *

Когда я оглядываюсь в прошлое, тот эпизод кажется крайне причудливым и предвосхищающим события: большие головы и маленькая девочка, падающая в дыру, предзнаменовывали будущее, как ничто иное. В свете того, что произошло позже, думаю, было бы прекрасно взять и упаковать воспоминания в сказку, во что-то доброе, светлое и причудливое, на что бы я могла посматривать время от времени, а затем благополучно убирать назад.

Правда в том, что, когда я делилась своим миром со Стивом, я превращала себя в сироту, чтобы он чувствовал себя не так одиноко. Но я не являлась сиротой. Да, моя мать была больна, но моя большая семья любила и поддерживала меня. Я думаю, что представляла себе, будто смогу обойтись без всего этого, поскольку, как большинство молодых людей – возможно, почти все, – не могла осознавать ценности того, что имела, пока не потеряла. Я позволила Стиву оказать неправильное влияние на мое сердце. Мне понадобилось почти двадцать лет, чтобы понять, насколько сильный урон я нанесла самой себе, вбив в голову ту ошибочную мысль. Однако сейчас я могу с полной уверенностью утверждать, что это был действительно неверный шаг, который привел к существенным потерям в последующие годы.

Той осенью, прежде чем Стив уехал в колледж, а я вернулась в старшую школу, я нарисовала картину (давно пропавшую) в качестве выражения признательности за наше лето. Там была изображена марионетка, плывущая посреди звездных участков синего и зеленого цвета. Эта маленькая французская марионетка с грустной улыбкой, спрятанной внутри другой – большой и

веселой, – походила на Стива. У нее были простоватые, вздымающиеся брюки с большими освещенными пуговицами, спускающимися вниз по передней части тела, как чакры. Из-под широких штанин торчали большие, болтающиеся в воздухе ноги. К марионетке была прикреплена одна-единственная нить, которая по спирали тянулась от руки и, проходя над головой, скручивалась ложащимися друг на друга кольцами. Стив обожал эту картину. В конечном счете, я думаю, мы оба понимали, что она являла собой краткую характеристику того, чем мы станем.

Глава 7
Инструкция по превращению

Стив отправился учиться в колледж Рид в сентябре. В октябре мы с Возом собрались навестить его, выехав ночью и проведя в пути до Портленда около двенадцати часов. Мы прибыли на место назначения ближе к концу дня, оставили багаж в машине и отправились искать нашего замечательного парня.

Студенческое общежитие Стива располагалось в старом кирпичном здании с горгульями на крыше. Эти создания были уникально гротескны и выглядели настолько реалистично, что у меня создавалось впечатление, что они передвигаются вокруг, машут твердыми крыльями и взирают с высоты некоего средневекового авторитета.

Когда мы попали в комнату Стива, там находилось около шести человек. В процессе представления нас друг другу Стив взял меня за руку и отвел в совместную уборную комнату, где никого не было. Там он поцеловал меня так, как никогда не делал этого прежде.

Воза я увидела в следующий раз, лишь когда мы уезжали домой.

Я провела со Стивом два дня во время того первого визита. Мы спали в его узкой студенческой постели и прокрадывались в санузел, чтобы вместе принять ванну. Мы со Стивом питались в студенческой столовой, где за каждое отдельное блюдо гость должен был доплатить 1,35 доллара, однако когда мы хотели побыть одни, то ели в его спальне. Мы готовили пищу на бунзеновской горелке Стива – томатный суповой концентрат фирмы «Кэмпбелл» с крекерами, который мы главным образом пили маленькими глотками из предназначенных для использования в походах чашек и добавляли в него соль. Когда Стив был на занятиях, я ходила в книжный магазин. Именно там я нашла полный набор картин с открыток, которые посылал мне Стив, современного художника Мулдона Ельдера. Я помню, что была очень тронута тем, что нам со Стивом нравились работы одного и того же автора. Я также убивала время, слушая музыку (в основном Бетховена) в наушниках Стива. Я жизнерадостно подпевала – до тех пор, пока в один день Стив не пришел и не стал смеяться над отсутствием у меня слуха.

Во время моего первого визита я познакомилась с Дэниэлом Коттке. Как большинство друзей Стива того времени, Дэниэл – с его длинными белокурыми волосами и добрым лицом с усами –

походил на Иисуса. Однако у меня не было полной картины, что представляла собой жизнь Стива в колледже Рид, потому что мои посещения всегда носили краткосрочный характер и мы не так много времени проводили с остальными.

Когда я сейчас вспоминаю все эти события, в моем сознании складывается более позитивная оценка энергии юношеских эмоций. Мы со Стивом очень сильно друг по другу скучали. После проведенного вместе лета нам было сложно жить порознь, мы часто писали друг другу письма в это время.

Примерно три года спустя, когда Стив помогал мне перевезти вещи из гаража моего отца, он обнаружил огромную коробку из-под обуви, в которой я хранила все его любовные письма. Я помню, как он стоял там, изогнувшись буквой «S» и элегантно наклонив длинную шею, пока читал. Он посмотрел на меня скептическим, холодным взглядом и сказал: «Хей, да я был романтиком». В то время, когда все это произошло, наши отношения «то сходимся, то расходимся» находились в стадии «расходимся», поэтому мне показалось, что он также спрашивает: «Почему ты не осталась со мной?»

Не будет преувеличением, если я скажу, что для Стива было очень важно сохранять романтичность. Прошло уже много времени с того момента, как я потеряла все его письма, за исключением одной из открыток. Однако у меня до сих пор сохранились некоторые книги Кеннета Пэтчена с записями Стива на обложке. Он практиковал чистописание, используя серые или коричневые чернила и не придавая особого значения грамматике и правописанию, на которые я бы все равно не обратила внимания.

Витфильдский клуб (ночное отделение) приглашает тебя на свои встречи – каждую ночь на пшеничном поле твоего сознания. Приводи с собой своего возлюбленного. Увидимся там, Оаф.

Женщина долины с печальными глазами, где грустное предсказание говорит, что мужчина не придет, мои глаза-склады, мои арабские барабаны, должен ли я бросить это у твоих ворот или подождать, женщина с печальными глазами? (цитата из песни Боба Дилана)

Слова на последней странице совпадают с теми, которые Мириам Пэтчен использовала, рассказывая о своем муже и его смерти. Он тоже говорил так о любви, о том, что движущие силы остаются, продолжается жизнь, любовь, даже ненависть. И именно это я имею в виду, говоря, что Дилан Томас и Витфильдская группа находятся там, когда мы вместе.

Все, кто нас покинул, всегда остаются с нами.

Люблю тебя,

Стив.

Я буду любить тебя до конца жизни. Оаф.

Я заботливо относилась к письмам Стива и хотела услышать его голос, однако не могла позволить себе позвонить. (Удивительно, что междугородные звонки были такими дорогими, в то время как бензин стоил лишь 32 цента за галлон.) И тут на помощь пришла «синяя коробочка», теперь знаменитое устройство, созданное для незаконного бесплатного подключения к междугородной телефонной сети. Воз со Стивом выяснили, как их делать, и превратили продажу «коробочек» в источник своего дохода. И теперь я должна была воспользоваться ею. Стив устроил так, чтобы Воз встретил меня в одну из суббот в кампусе Хоумстеда. Им следовало воспользоваться общественным телефоном-автоматом, потому что «синие коробочки» были противозаконны, и существовала опасность, что могут отследить домашний номер, а телефоны-автоматы в Хоумстеде располагались во внутреннем дворе, и их не было видно с улицы.

Коробочки размером приблизительно три дюйма изготавливались из пластиковой оправы высокого качества. Они были большими, наверху располагались кнопки и провод, ведущий к маленькому динамику, который издавал ряд коротких звуковых сигналов, скрипов и тоновых волн, позволявших избежать оплаты звонка. Насколько я помню, звонок с помощью «синей коробочки» требовал использования обеих рук. Необходимо было поднести маленький динамик к телефонной трубке, одновременно с этим стабилизировать положение «коробочки» напротив своего живота и полки внизу, а затем нажать ноль. Прежде чем отзовется оператор, следовало в ответ на звуки, исходившие из телефона, нажать в правильном порядке номера. Машина против машины. Воз проявлял доброту и вел себя как преподаватель, когда объяснял мне механизм их работы, он сказал мне, что в своей основе «синяя коробочка» функционирует с помощью звуковых сигналов и отвечает на подсказки телефонной системы. Позже он или Стив писали указания на кусочке бумаги, чтобы я знала порядок действий.

Когда телефон Стива начал звонить, Воз посмотрел на меня и увидел на моем лице восхищение. Затем он отошел подальше, чтобы не слышать, о чем мы говорим, и начал терпеливо ждать. Я не помню, о чем мы со Стивом болтали в тот день. Я лишь помню, что периферическим зрением я наблюдала за Возом, который прождал меня около часа. Он скрестил на груди руки и спокойно смотрел вниз, погруженный все это время в свои мысли. Я была очень благодарна и поражена его терпением и добрым поведением в тот день, как никогда ранее. Впервые я увидела в

нем целостного, взрослого человека и благодаря этому одному впечатлению стала смотреть на него новыми глазами.

Позднее Стив и Воз, должно быть, решили, что мне можно иметь свою «синюю коробочку», и я какое-то время носила один экземпляр в маленьком бумажном пакете в промежутках между визитами Стива домой. Я знала, что эта аппаратура противозаконна с точки зрения ФБР, но никогда не думала о риске. У меня не было ощущения, что я наношу какой-то вред, так что я не испытывала никаких угрызений совести по этому поводу. На самом деле было захватывающе, даже головокружительно обладать технологией, которая превращала компанию «Белл телефон» в пустышку.

* * *

Позднее той осенью я отправилась на самолете в Портленд, чтобы побыть со Стивом. Наш план состоял в том, чтобы через два дня вернуться вместе в область залива Сан-Франциско автостопом. Патина идеализма 60-х годов спадала, и путешествовать автостопом было уже не так легко и безопасно, как раньше, если так вообще когда-то было. Однако романтик в Стиве все еще любил ездить автостопом, поэтому мы все запланировали.

Отец спросил меня насчет поездки. Я рассказала ему о моем полете и о том, что я собираюсь вернуться домой автостопом вместе со Стивом. Скептически настроенный, он заявил: «Ты ни за что туда не поедешь». Мы продолжали спорить друг с другом в течение трех дней, пока я не сказала ему, что Стив договорился с другом, который едет в область залива Сан-Франциско, чтобы тот нас подвез. Вымотанный, отец, казалось, поверил моей лжи. А может быть, он решил, что позволит мне самой разбираться с последствиями обмана. Он не собирался проявлять к нам обоим неуважение и требовать доказательств. На душе у меня было довольно мерзко, но, хоть я всегда старалась принимать во внимание озабоченность отца, в ситуациях, затрагивающих Стива, он мало как мог повлиять на мою решимость.

В итоге я полетела в Портленд, где мы пробыли вместе двое суток. Наступил день, когда нам надо было возвращаться. Стив и я отправились домой с небольшим запозданием в пятницу днем. Около половины пятого вечера мы вышли на близлежащую к колледжу улицу и поймали первую попутку. Затем, после череды пересадок и поглощенного обеда, мы застряли на три часа неподалеку от города Юджин, Аризона.

Земля была замерзшей, и мы озябли. Уставшая и сильно подавленная, я села на рюкзак и опустила голову. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что соврала отцу, и боялась, что допустила огромную ошибку. Стив оставался в приподнятом расположении духа и всякий раз, когда мимо нас проезжала машина, выходил к дороге и поднимал палец в надежде, что она остановится. В конечном итоге где-то в полдвенадцатого нас подобрал водитель огромного полуприцепа и предложил добросить почти до самого дома. Испытывая огромную благодарность и облегчение, мы забрались в кабину, где наши замерзшие лица наконец-то почувствовали теплый воздух. Сиденье было огромным и более упругим, нежели я представляла. Мы сидели чрезвычайно высоко над уровнем дороги. Я никогда не ездила в полуприцепе раньше, и чувство, что ты находишься в приятных объятиях его животной силы, было потрясающим. После двадцати минут поездки водитель грузовика предложил мне отдохнуть: «Почему бы тебе не перелезть за сиденья и чуток не поспать? Там, в задней части машины, находится кровать». «*Ух ты*, – подумала я, – *в этих штуках есть еще и кровати*?» Мне было интересно, не представлял ли опасности наш водитель и была ли чиста постель, однако он настаивал в доброй манере, и, поскольку мне очень хотелось спать, я решила ему поверить. Стив бодрствовал еще в течение двух часов, болтая с водителем. Затем он свернулся клубком рядом со мной, время от времени ворочаясь.

Прямо перед рассветом водитель разбудил нас и сказал, чтобы мы собирались, поскольку он намеревался нас высадить. Следующее, что я помню, – это что он остановил автомобиль на уступе неподалеку от дороги с туннелем, который проходил через огромную скалу над Сосалито. Мы были недалеко от дома, и солнце лишь начинало вставать.

Сосалито – магическое место, центр которого хранит некую тайну. Со своими похожими на ювелирные изделия домами, огибающими крутой склон горы, Сосалито возвышается над бухтой Сан-Франциско, островом Эйнджел, Беркли и самим Сан-Франциско. В Сосалито чувствуется европейский дух, и у этого места интересная история. Именно там Анаис Нин жила в плавучем доме и написала ряд отрывков «Дневника». Именно там были сняты отдельные сцены фильма Орсона Уэллса «Леди из Шанхая», ставшего классикой. Именно в Сосалито в 50-х годах предпочитали проводить свое время множество поэтов-битников. Именно там Отис Реддинг написал песню «Sitting on the Dock of the Bay».

Стив и я вылезли из черной кабины грузовика и попали в

предрассветное утро. На морозном воздухе наше дыхание приобретало форму огромных, витиеватых клубов пара. Убедившись, что забрали все наши вещи, мы попрощались с водителем грузовика и стали наблюдать, как он маневрирует, чтобы вернуть огромного зверя обратно на дорогу, прямиком к мосту Золотые Ворота.

С того места, где мы стояли, открывался божественный вид. Пока мы ждали следующую попутку, солнечные лучи начали пробиваться сквозь здания, обрисовывая силуэт Сан-Франциско. Это был самый чистый свет, который я когда-либо видела. Становясь все сильнее, он превращал область залива Сан-Франциско в одно огромное, святящееся пространство океана и неба. Стив посмотрел на меня с улыбкой, как будто из начала времен. Он мог так улыбаться. И мы стояли там, счастливые, что живы и находимся так близко к дому, и испытывали наслаждение от того, что решились на это путешествие.

* * *

Мы были всего лишь детьми, относившимися к нашим обязанностям так, как могли. И жили лишь настоящим моментом. Хотя, может быть, в моем случае настоящий момент был чрезвычайно богат различными событиями. Мне удалось отличиться, выиграв три награды: за мою работу в районном конкурсе картин, как помощник Марка в создании фильма «Хэмпстед», который заслужил похвальный отзыв в городском конкурсе, за талант и артистические достижения – высшая художественная награда Хоумстеда в моем выпускном классе. Однако я не строила планы на учебу в колледже. Мои родители тоже не думали о том, чтобы я пошла в колледж, и мы никогда это не обсуждали. Честно говоря, мой отец тоже выигрывал различные награды в своей юности и никогда не думал о том, чтобы пойти в колледж, так что, возможно, причина частично заключалась именно в этом. Тем не менее, несмотря на то что у меня не было конкретного плана относительно учебы в колледже, я не ставила перед собой амбициозные цели, в которых бы нашла отражение моя страсть к приключениям. Я не понимала, что возможности не были неограниченными, в отличие от времени. Я всего лишь заполняла заявления с чувством, что всегда подвернется отличная возможность предпринять следующий шаг, не осознавая, что можно упустить время и возможность, если в действительности не *планировать* следующие шаги.

Затем в этой общей суматохе наступил день (я думаю, что это

было начало ноября 1972 года или, возможно, января следующего), когда Стив позвонил мне, чтобы сказать, что он бросает колледж. Это были его первые слова, без всяких прелюдий и предупреждений. «Я просто *не могу* больше продолжать тратить деньги своих родителей таким образом», – сказал он. Я поняла, ему не надо было вдаваться в объяснения. Стива не покидало неприятное ощущение, что его образование оказалось слишком большим финансовым бременем для его родителей. Мы говорили с ним об этом несколько раз до того, как он отправился в Рид, однако я думала, что все будет в порядке, когда он там окажется. Мысли в моей голове закрутились, и я вспомнила о большой лодке, которая стояла на подъездной дорожке у дома Джобсов: из-за нее у меня сложилось впечатление, что они в состоянии покрыть расходы на образование Стива. Я глубоко восхищалась Стивом за то, как он считался с чувствами своего отца, однако меня не оставляло ощущение, что Пол был маленьким, воинственно настроенным человеком, который слишком много жаловался. Эти жалобы сильно влияли на Стива, предпочитавшего хранить свое беспокойство и мысли в себе. К моменту, когда он мне позвонил, он уже принял решение.

Он сказал мне, что собирается бросить колледж, а затем остановился.

– В любом случае, – сказал он, – я собираюсь стать свободным слушателем.

– Оу, – отозвалась я, заинтригованная. – Что значит «свободный слушатель»?

– Это значит, что я могу посещать любые занятия, которые захочу, и мне не нужно будет платить за них.

Я была поражена.

– Ты можешь так сделать? – Перед моими глазами разворачивались волшебные миры возможностей.

– Да, хотя я не буду получать никаких зачетов.

– Ох, – сказала я снова, на этот раз отчасти расстроенная.

– Но мне не нужны зачеты. Я всего лишь хочу посещать занятия. – Он произнес это абсолютно уверенно. И это было оно – доказательство синтезирующего ума творца. Стив обнаружил, как можно ходить в колледж, не используя при этом деньги своих родителей.

Оглядываясь сегодня на все это, я задаюсь вопросом, как судебный процесс относительно усыновления Стива, затеянный в период его младенчества, повлиял не только на это его решение, но и на его жизнь с самого ее начала. Во времена, когда усыновление ребенка не было таким культурно

распространенным явлением, каким является сегодня, создается впечатление, что биологическая мать Стива, Джоанна, была поразительной и удивительно отважной женщиной, чтобы оспорить выбор семьи, которая возьмет Стива на усыновление. И, может быть, также и чрезвычайно глупой. Я полагаю, что она действовала отважно, даже на фоне того, что, вероятно, было практически невыносимой болью от потери сына, не говоря уже об уходе его отца, человека, которого она, наверное, очень сильно любила. Ей было всего лишь 23 или 24 года, однако ее неукротимость и чувство власти бросаются мне в глаза. Так же как и отсутствие у нее понимания и сострадания по отношению к Стиву и эмоциональному состоянию его новой семьи.

Сейчас у меня складывается впечатление, что Джоанна могла сделать аборт, однако решила все же родить ребенка. И за те девять месяцев, что он в ней находился, она, должно быть, раздумывала о том, какое влияние может оказать на его жизнь, когда ее уже рядом с ним не будет. Она хотела, чтобы он вырос в католической семье под постоянным наблюдением Богоматери, чтобы его новые родители обладали высшим образованием, которое обеспечит появление у Стива глубокого уважения к учебе, чтобы его новая семья была достаточно богатой, чтобы позволить себе предоставить ее ребенку широкие возможности в жизни. Однако всем ее замыслам не суждено было сбыться, поскольку семья, которую она выбрала, в последнюю минуту изменила мнение и решила, что они хотят девочку.

Джобсы не имели высшего образования. Они не были католиками и не обладали огромным состоянием. После того как все процедурные особенности, связанные с усыновлением ими Стива, завершились, Джоанна потребовала, чтобы ее план в отношении будущего ее ребенка был выполнен. Я понимаю эту позицию. Однако в моем сознании возникают также и другие тягостные ассоциации: красота Джоанны, ее возвращение с намерением забрать Стива у Джобсов и отдать его, как она это воспринимала, в лучший дом к более совершенным родителям. И Джобсы, которые впервые стали родителями и которым говорят, что они недостаточно хороши, борются изо всех сил, чтобы оставить у себя новорожденного, названного ими Стивеном Полом. Они, возможно, даже задавались вопросом: а правильно ли они поступают, так борясь за него? Не проще ли взять и отдать его, как того жаждет его мать? Сквозь все это я могу представить, как буйный и прагматичный Пол говорит: «Черт подери, дамочка, отстань от него, теперь он наш».

Понятно, что бремя ожидания решения суда не позволяло Кларе чувствовать себя достаточно спокойно, чтобы любить

младенца в течение его первых шести месяцев. С того момента прошло семнадцать лет, прежде чем она об этом рассказала, но ситуация все еще не давала ей покоя. В доме Джобсов, должно быть, царила атмосфера полной неясности, пока они наконец-то не выиграли дело в суде. И все блестящие мечты Джоанны для ее сына сократились до одного простого требования: чтобы Джобсы пообещали, что Стив будет учиться в колледже. После того как по данному требованию было достигнуто согласие, наконец-то стало ясно, что все улажено.

В свете всего этого чувство вины Клары из-за того, что она не хотела по-матерински относиться к такому трудному ребенку, каким Стив был в два года, делает картину еще более пикантной. И потому что Мона, сестра Стива по линии его биологической матери, позже сказала мне, что Джоанна никогда не копила деньги ей на колледж, у меня возникает впечатление, что каждому из участников ситуации пришлось непросто, как из-за усыновления, так и из-за судебного процесса. Казалось, что существование Стива служило причиной различных катаклизмов с самого начала.

В Стиве чувствовался нерв. Это была тонкая линия, которая проходила прямо сквозь него. Если ты расшатывал ее каким-то неосторожным комментарием, он решительно говорил о своем происхождении: «Мои родители – те, кто меня вырастил, а *не* та, которая родила меня. *Она* отдала меня. Она не заслуживает называться моей матерью». Мне казалось, что постоянное повторение Стивом этой фразы служит подтверждением не только того факта, что вся работа по его воспитанию была выполнена Джобсами, но также и наличия у Стива горького чувства утраты, а кроме того, многолетних едких замечаний Пола Джобса по этому поводу и касательно всего остального, что он был не в состоянии контролировать.

В те дни Стив настолько хорошо умел понимать чувства других людей, что я думаю, что он проассоциировал себя с отцом и хотел поддержать его в его уязвимости. Таким образом, в нежном возрасте семнадцати лет он взял все в свои руки. Он принял решение бросить колледж и вместо этого ходить на занятия в качестве вольнослушателя. Это была забавная смесь его собственного желания изучить то, что он хотел, не прибегая к использованию банковского счета его родителей, и выполнения требования его биологической матери. Я никогда не слышала, чтобы он сожалел о своем решении. Ни разу. Было огромное количество ситуаций, когда он мог так поступить, потому что следующие несколько лет получились тяжелыми.

Тот факт, что родители согласились с его решением, тоже

является довольно показательным. Он был одним из самых умных учеников в старшей школе, известной тем, что выпускает чрезвычайно талантливых детей, настолько продвинутым, что он раз в неделю встречался с горсткой учеников, выбранных из тысячи для элитного математического класса. Мне кажется, что для ребенка его ума должны быть созданы все необходимые условия, однако это оказалось не в духе Джобсов. Когда он в том юном возрасте принял решение перестать быть студентом Рида, он в некоем роде стал сам себе указ. Он не предоставил своим родителям никакого права голоса при принятии решения по этому вопросу, и что самое смешное, такая позиция совпадала со взглядами Джобсов на мир. Это решение успокоило Пола и выставило Стива в положительном свете в его глазах.

Стив был рад перемене, и его юная уверенность выросла, когда он отважился на свой «Великий эксперимент». Я чувствовала, что он очень решительно настроен не отступаться от этой цели ни при каких обстоятельствах. Без сомнения, Стив был изобретателен, и ему хорошо удавалось находить альтернативные пути выполнения различных задач, как, например, использовать необналиченные талоны на обед других людей и спать на диванах и на полу в общежитии в спальном мешке. Стиву нравилось быть скитальцем в духе Вуди Гатри. Он наслаждался сложившимися обстоятельствами, в рамках которых он был бездомен и абсолютно свободен. В глубине своего сердца Стив был романтиком, который любил экспериментировать, и, вполне возможно, восхищался суровой красотой того времени. Я думаю, что именно это он имел в виду, когда говорил моему отцу, что хочет стать «бродягой». Для меня же это означало, что, прежде чем взойти на трон, он, как и Генрих V в молодости, должен провести какое-то время в стиле безрассудства.

В течение следующего года Стиву приходилось часто ездить из области залива Сан-Франциско в Орегон и обратно. Я подвозила его до выезда на главную дорогу, чтобы он мог поймать попутку. Его отъезды отчасти разбивали мне сердце: с плечами, поднятыми до ушей, и темными волосами, развевающимися на холодном ветру, он выглядел как замерзший и одинокий ворон, как одинокая птичка на проводе. Я помню, как он улыбался и махал мне на прощание, полный решимости выжать максимум из того, что имеет. Я все еще вспоминаю эти моменты.

* * *

Все, что происходило с ним тогда, было для меня абсолютным сюрпризом. Стив посещал в качестве вольнослушателя занятия, где изучали творчество Шекспира, поэзию, танцы и каллиграфию. Я была расстроена, что он не ходит чаще на естествознание и математику, потому что он был в них действительно хорош и именно ими славился Рид. Я не устаю удивляться тому факту, что Стив последовал своему инстинкту развиваться через изучение гуманитарных наук. Он, должно быть, сказал мне около двадцати раз, что он без ума от своих занятий танцами. «У меня не очень хорошо получается, – говорил он, потрясая головой в ритм танца и желая, чтобы я это заметила, – но мне нравится, мне просто нравится». Он не переставал повторять эту фразу. Ему нравились все его занятия, которые он посещал в качестве вольнослушателя, но… танцы? Я пыталась представить его в трико, однако у меня не очень хорошо получалось. В старшей школе Стив был отличным пловцом и до тех пор, пока не отправился в Индию, обладал красивым мускулистым телом с крепкими руками. Однако он также мог быть неловок и неуклюж во всех вещах, касающихся физической деятельности. Его массаж причинял боль. Стив был чрезвычайно застенчивым и запинался и путался в собственных ногах чаще, чем кто-либо может себе представить. Тем не менее в большинстве его движений чувствовалась некая потрясающая грациозность. Я пыталась представить, как все это сочетается в нем во время занятий танцами. И, может быть, у меня на лице от этих попыток даже возникала небольшая улыбка.

В одни из зимних каникул Стив вместе со своим другом на попутках добрался из Рида в область залива Сан-Франциско. Так как мой отец уехал в командировку, они остановились у меня и разработали хитроумный план, как на частном самолете, вылетающем из маленького аэропорта в Пало-Альто, который в те времена был известен лишь как студенческий городок Стэнфорда, бесплатно добраться до Мексики. Дождливый Портленд может производить очень гнетущее впечатление: в эти дни в Риде один из самых высоких показателей самоубийств среди всех американских колледжей. Яркая, солнечная Мексика, где все дешево, вероятно, казалась наилучшим вариантом, который можно было себе только представить. Парни разместили в местной газете объявление о том, что их нужно подбросить, однако не получили на него никакого ответа. Они решили заявиться в аэропорт и уговорить пилотов на месте. Телодвижения Стива свидетельствовали о том, что он был в полном предвкушении предстоящего бесплатного полета на самолете.

Следующие полтора дня мы провели втроем в Купертино, а затем я подбросила их до аэропорта в Пало-Альто на «Фольксвагене-Жуке» моего отца, держа за них кулачки, чтобы их план осуществился. Я поняла, что у них все получилось, поскольку они мне так и не позвонили ночью. Стив вернулся через неделю, загорелый и счастливый, привезя в качестве сувенира красивое разноцветное мексиканское одеяло, которое я хранила в течение многих лет, пока кто-то не украл у меня его с заднего сиденья автомобиля. (*Ты знаешь, кто ты!)*

В тот вечер до отлета, проведенный у меня, пока мы со Стивом сидели на диване и болтали, я заметила, что его друг бродит по гостиной с глуповато-потерянным выражением лица. Стив не обращал никакого внимания на друга, и я чувствовала, что он отдаляется от нас. Это обстоятельство встревожило меня. Перемена в отношениях между ними двумя была еле заметна, однако выражение лица его друга обеспокоило меня и не поддавалось объяснению.

В порыве негодования я соскочила с дивана, чтобы вовлечь его друга в наше общение. Поднявшись, я оглянулась на Стива и увидела его мутный, почти пьяный взгляд. Как будто он находился в состоянии измененного сознания. Я не могла этого понять: никто из нас не курил травку слишком часто, да и в тот день мы точно ее не употребляли. Я была обижена на Стива, потому что чувствовала, что он изолирует своего друга в некой странновато-могущественной манере. Я отошла от Стива и обнаружила, что его друг складывает свои постельные принадлежности, еду и воду. Мы чуть-чуть пообщались, поскольку меня переполняло желание позаботиться о нем. Не могу сказать, что отношусь к типу людей, которым необходимо со всеми нянчиться: как художник я склоняюсь к тому, чтобы получать удовольствие от собственного опыта. Однако я достаточно чутко отношусь к людям из моего окружения, и в тот вечер мое внимание было перенаправлено на того парня, поскольку я чувствовала, что что-то идет абсолютно неправильно. Меня не оставляло ощущение, что Стив, настолько душевно изувеченный, что ему необходимо было находиться в центре моего внимания, фактически прогнал своего друга из комнаты.

Оглядываясь в прошлое, я думаю, что все то время, что я знала Стива, его окружала некая темная аура. Однако именно тогда я впервые смогла ее распознать. После того случая я всегда чувствовала, где-то на подсознательном уровне, когда проявится эта черта Стива. На протяжении многих лет мне приходилось видеть, как на лицах людей точно по команде возникало выражение шока и потери, когда они попадали из категории

приближенных к нему в категорию игнорируемых. Меня не покидало ощущение, что что-то было ужасно неправильным. Слова «Ну вот опять» сами приходили мне на ум, когда я видела этот потерянный взгляд.

Я никогда не думала, что Стив страдает резкими перепадами настроения, поскольку в те дни они были практически незаметными. Однако после того как он стал тем самым Стивом Джобсом, известным всему миру, мне приходилось слышать о резких сменах его настроения, с которыми сталкивались другие люди. Пока я не смогла лучше понять собственную творческую натуру и, таким образом, начать разбираться в его, я продолжала думать, что это очень на него не похоже – впадать из крайности в крайность. Теперь я понимаю, что Стив не смог бы скрывать перепады настроения после создания компании Apple, поскольку творчество и изобретательность расширяют горизонты именно через движение между крайностями, точками «максимум» и «минимум». Переходы из крайности в крайность нужны, чтобы сломать устаревшие шаблоны сознания и открыть дорогу новым идеям, которые изменят мир. Внутри Стива была не только огромная дыра со времени его усыновления, у него также имелось непомерное эго, поглощавшее почти все, чтобы заполнить его. Стремясь обрести любовь, которой ему не хватало, он старался сделать так, чтобы все внимание обращалось именно на него, и за счет этого он мог получить то, что хотел. В ходе решения данной задачи он избавлялся от мешающих ему людей.

Однако в тот вечер в Купертино, накануне его поездки в Мексику, я была недостаточно зрела, чтобы понять, что Стив сам находится в большой беде и именно поэтому создает чувство потери в других. Это обстоятельство было вне пределов моего юношеского понимания, и я настолько устала от его непрекращающихся проявлений социальной неприспособленности, что внутри меня сработал некий механизм самозащиты, и я начала отказываться от дальнейшего развития наших отношений. Я не знала, что надо было с ним это обсудить, не говоря уже о том, что я не имела ни малейшего представления, как именно это сделать. Я уверена, мне препятствовали как мои собственные ограничения, так и его. Мне хотелось громко ворчать, кричать и топать ногами, поскольку он использовал свои слабости, чтобы манипулировать людьми, которые не знали, что происходит. Я не могла описать это словами, и даже если бы сумела, он вряд ли бы захотел выслушать.

* * *

К весне 1973 года я больше не навещала Стива в колледже. После того как он решил оставить учебу, мне негде было остановиться, да и в любом случае я не хотела к нему приезжать. Таким образом, наша удаленность друг от друга, эмоциональная и прочая, росла. Он находился в смятении.

Однажды ранней весной Стив позвонил мне, чтобы сказать, что он арендовал комнату в доме неподалеку от Рида. Он спросил, перееду ли я в Портленд, чтобы жить с ним, как только закончу старшую школу. «Нет, мне очень жаль, но нет», – ответила я. Он казался настолько расстроенным, что мне стало не по себе из-за моего отказа. Однако у меня не было там никаких знакомых, да и мое отношение к Стиву в тот момент времени оставляло желать лучшего. По правде говоря, я чувствовала, что все то бессознательное, что было между нами, слишком велико, чтобы способствовать счастью. Впоследствии я начала понимать, что он встречался с другими девушками в то время. Он сам бахвалился и кичился этим много лет спустя. Он учился в колледже и был окружен различными красивыми и интересными молодыми девушками, так что все логично. Однако на самом деле – и я не осознала этого в то время – он попросил меня переехать к нему, чтобы остановить его от продолжения тех, других отношений. Это было его попыткой *не* разрушить наши отношения.

Я думаю, что Стив позвонил мне и озвучил свое предложение, поскольку у него была прекрасная мечта о нас двоих как о паре. Он хотел, чтобы я переехала в Портленд и начала серьезно заниматься живописью, пока он сочинял бы стихи и учился играть на гитаре. Однако отчасти все это осталось лишь пустыми домыслами, которые крутились исключительно в его голове, куда он поместил свою воображаемую «*Инструкцию по превращению в Боба Дилана*». Это был отличный план, гораздо более четко сформулированный в его голове, чем любой другой план, который имелся у меня для самой себя. В тот момент я не могла стать профессиональным художником, поскольку не знала, как концентрироваться или тяжело работать. Я нуждалась в практике, опыте, советах от хороших учителей. И поскольку я не видела перспективы для Стива в качестве музыканта, у меня не было основополагающей веры, необходимой, чтобы поддержать идею объединения наших судеб таким образом.

Я больше не строила себе никаких фантазий.

Стив начал походить на тряпичную марионетку, потерявшую тугие нити, на которых держалась его связь со своим превосходством. Я никогда не упускала из виду его красоту и не сомневалась в том, что он выдающийся человек. Я всегда верила в

него. Однако он настолько закрутился и запутался, что я не знала, что могла бы сделать, чтобы тогда как-нибудь помочь. Именно в то время для Стива начался, на мой взгляд, один из самых тяжелых периодов нескрываемого замешательства. Это было отражено в парадоксальных словах песни Дилана, согласно которым нет большего успеха, чем неудача, и что неудача – это всегда неприятно. Лично у меня, в отличие от него, никогда не получалось оставаться такой искренней при столкновении с подобными трудностями, а потому это оказался один из тех моментов, когда я испытывала глубочайшее благоговение перед ним. Это было началом того периода, когда я стала верить в провал Стивена Пола Джобса намного сильнее, чем в успех.

* * *

Однажды, примерно в марте 1973 года, мать Стива как бы случайно наткнулась на меня и ненароком спросила, не хочу ли я пожить в их доме, в комнате Стива до тех пор, пока не закончу старшую школу. Я думаю, что она поставила вопрос так осторожно, чтобы не шокировать меня. Однако я была шокирована, и мне стало чрезвычайно интересно, откуда взялся этот вопрос. Почему она предлагает мне пожить у них? Может быть, она знает, что моя мать психически больна? Вполне возможно, что всей школе известно об этом, однако я не намеревалась обсуждать свои проблемы публично.

Не желая обидеть Клару, я промямлила в ответ что-то наподобие: «Огромное спасибо, но нет, еще раз спасибо». *НЕТ!* – подумала я про себя, учитывая возможные последствия. Дело было в том, что в то время я встретила Джима, парня из моего художественного класса, и мы проводили много времени вместе. Я не могла находиться в доме родителей Стива, пока росла моя привязанность к этому новому мальчику. Это было бы нечестно. Однако, кроме того, предложение Клары испугало меня. Я чувствовала себя изгоем в собственной семье и не имела ни малейшего представления, как влиться в другую. Это было бы похоже на тюрьму. В то время, когда дети не доверяют старшему поколению, ее предложение оказалось полной неожиданностью, хоть и выглядело великодушным. Однако у меня не было с ней близких отношений, и я не нуждалась в ее великодушии. Мне казалось, что в происходящем нет никакого смысла. Лишь позднее мне пришло на ум, что, вполне возможно, Стив попросил ее сделать мне такое предложение, за счет чего он рассчитывал сохранить меня в своей жизни. Я уверена, что она не стала бы

первой рассматривать такую возможность без просьбы с его стороны в любом случае. Просить других людей выступить для него посредником всегда соответствовало стилю Стива.

На смену весне пришло лето. Я жила в квартире своего отца в Купертино, была абсолютно свободна и могла делать то, что нравится, когда мой отец отправлялся в командировки. Я допоздна гуляла с Джимом, и мы бродили по Саннивейлу, Лос-Альтосу, Купертино, вниз по длинным темным улицам, сквозь цветущие вишневый и абрикосовый фруктовые сады, иногда до самого рассвета, стремясь узнать друг друга лучше. Это был богемный стиль жизни, к которому меня всегда тянуло, и мне при этом удавалось удерживать свои оценки на высоком уровне. В те голубые звездные ночи мы тихо разговаривали друг с другом и много смеялись, пока шли вдоль тихих улочек, забирались босиком на крыши машин, лазили через заборы и окна, карабкались на кровли домов, верхушки деревьев и холмов, слушали, как одинокие собаки через огромные расстояния лают друг на друга. Иногда все это продолжалось до самой поздней ночи. В темноте территория приобретает отличные от дневного времени очертания, и в этом я нашла свой путь из серости обратно, к полноценному чуду.

Чувства Джима были теплыми, человеческими и земными. Наши отношения оставались платоническими: мы больше походили на счастливых душевных приятелей, которые влюбляются друг в друга, однако не очень серьезно. Как и мне, ему нравилось жить внутри альтернативных миров. Он был без ума от трилогии Толкина «Властелин колец» и уже наполовину ее проиллюстрировал, когда мы с ним встретились. Зрелище было великолепное. Однажды, когда он лежал на моем диване, а я сидела на полу рядом с ним, мы обнимались и целовались, я чувствовала его дыхание на моем лице, и он прошептал: «Я люблю тебя». Я едва успела понять смысл этих слов, прежде чем все мое существо, вся моя суть, казалось, провалилась в какие-то неизведанные, даже несуществующие глубины, на сотни тысяч миль ниже, чем любая поверхность. Выражение его любви шло из глубины сердца, и я признаюсь, что позже я сравнивала его с выражениями любви Стива, которые в тот момент, казалось, больше связаны с неуверенностью, нежели с чем-либо иным. Однако я все еще была крепко привязана к Стиву и любовным чувствам, которые ощущались одновременно неустойчивыми и огромными. Они *были* огромными. Сегодня, когда все склонны выискивать везде и во всем патологии, легко подумать, что нас со Стивом влекло друг к другу, поскольку мы оба, по существу, были детьми, лишенными матери. Однако в действительности

отсутствие матерей помешало нашей любви, искренней и неподдельной. Я любила Стива. Он был для меня временем и безвременьем, я все оценивала по нему. Я бы связала свою судьбу со Стивом, предпочтя его кому-либо иному, если бы я знала как. Однако я не знала.

Глава 8
В поисках самоопределения

В конце лета 1973 года Стив вернулся в область залива Сан-Франциско. Он жил с соседом в доме в конце бульвара Скайлайн, двухполосного шоссе, которое прорезало идеальную холмистую линию между горами и небом. Стив подобрал прекрасное место с огромной террасой, сделанной из красного дерева и окруженной старинными деревьями. Я навещала его в этой хижине, добираясь автостопом до горы на 84-й авеню, выбирая в качестве попутчиков исключительно грузовые автомобили класса «пикап», чтобы сидеть в кузове на открытом воздухе и любоваться прекрасным видом, пока водитель взбирался вверх по горной дороге.

Наши отношения были сложными. Я не могла их порвать и не могла полностью им отдаться. Стив стоял перед той же дилеммой. В один вечер, когда хижина была в его полном распоряжении, он позвал меня провести там с ним ночь. Мы спали в обнимку на открытой веранде, на подогревающейся кровати с водяным матрацем, что в те дни было своего рода немыслимым чудом. Таковым оно, возможно, является и сегодня. В глубокой тишине ночи, под кронами вечнозеленых растений, при этом под защитой веранды и с удобством теплой кровати… Лучше быть просто не могло. Если бы мы это тогда осознавали.

Утром, когда мы проснулись, воздух был наполнен веселым щебетом птиц. Стив играл на гитаре песню Кэта Стивенса «Morning Has Broken», пока мы делали завтрак и болтали о пустяках. Затем заявился друг соседа Стива по комнате. «Боже мой, – воскликнул он, – да этот дом полон любви!» Заявление вполне себе в духе 1970-х годов. Однако, по правде говоря, я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь произносил даже что-либо отдаленно похожее на эту фразу. Его реплика поразила меня. Как кто-то может замечать такую вещь, которую я оказалась не в состоянии увидеть? Однако, когда я посмотрела вокруг, я поняла, что незнакомец прав: дом светился и сиял нашей любовью. Я была поражена силой и простотой любви между нами. Стив знал это с самого начала. Я единственная не осознавала, чем мы обладаем.

Были и другие случаи, в другое время, в других местах, когда люди замечали любовь между мной и Стивом. Они очень ясно высказывались по этому поводу, и я была озадачена тем, что другие видят то, чего не вижу я. Подростки часто живут в

беспорядочном состоянии проб и ошибок, и они нуждаются в подсказках и наставлениях со стороны людей, обладающих опытом. Мне понадобилось некоторое время, чтобы осознать это, однако с той поры не было ни единого раза, чтобы я не выступала наставником по крайней мере одного молодого человека. Осознав, как много я упускала из виду, когда нуждалась в понимании любви, теперь я чувствую себя обязанной помочь другим уменьшить время, которое они тратят на нелепые, ненужные проблемы.

* * *

Стив мог бы провести прекрасное лето в своей хижине, однако оно не стало беззаботным по одной простой причине: Стив по натуре своего характера не был беззаботным. «Мне уже девятнадцать, и я все еще не знаю, что я должен делать», – говорил он, волнуясь из-за отсутствия у себя представления о своем будущем. Я была отчасти шокирована данным заявлением и поражена. Мне стало интересно, должны ли мужчины более серьезно относиться к вопросу своего будущего, поскольку, для сравнения, я просто наслаждалась жизнью и абсолютно не волновалась, хотя не имела ни малейшего представления, чем собираюсь заниматься. «С чего ты вообще решил, что ты должен знать так много в свои 19?» – спросила я Стива. На его лице появилась пантомима отчаяния. Не желая или не стремясь рассказать мне, в чем суть проблемы, он вскинул руки в воздух в порыве крайнего разочарования. Он просто не хотел использовать слова. И в этой тишине я задалась вопросом, под каким давлением находится Стив. Теперь я понимаю, что он был одновременно смущен и встревожен тем, что его будущее все еще не началось. Я думаю, что он также беспокоился из-за того, что мог его упустить. В конце концов, он думал, что умрет в 42 года, так что понятно, почему он не мог тратить свое время впустую.

После того как Стив решил бросить учебу в колледже и перед тем, как отправился в Индию, в его жизни началась длинная фаза самоопределения. Он был американским юношей, который искал путь, чтобы добраться до огромного потенциала, скрытого внутри него. Его переполняли надежды и отчаяние, стремление двигаться вперед и желание сдаться, жизнерадостность и опустошение. Он не гнушался ничего. Следуя интуиции и здравому смыслу, Стив путешествовал на попутках между Орегоном и областью залива Сан-Франциско. Он работал. Он собирал новые идеи. Он встречал новых людей и оставался на связи со старыми. Иногда он снимал

комнату. Он находил меня, когда чувствовал необходимость. Он являл собой пример движения от великого к смешному и обратно, пока в один день из маленьких кусочков не начала складываться общая картина. Позднее, на моем третьем десятке лет, когда я испытывала серьезные трудности, Стив разозлился на меня. «Слушай, – сказал он. – Если у тебя проблемы, ты должна искать пути их решения. Прорабатывать каждый возможный вариант до тех пор, пока не найдешь его!» Ох, если бы у него было право давать мне такие советы.

Много раз в ходе своих скитаний Стив объявлялся как гром среди ясного неба, чтобы сказать мне, что он в городе и что он хочет мне что-то показать. Все началось с губной гармоники, которую он хранил в карманах или в рюкзаке. Я думаю, что он учился на ней играть во время поездок автостопом. Затем он пытался заставить меня разглядывать огонь свечей, как будто в нем были скрыты послания от высших сил. Затем он показал мне, как использовать *Книгу Перемен*, сначала с помощью монеток, а затем палочек тысячелистника, предлагая собственные трактовки шестиугольных комбинаций, которые у нас получались. Стив объяснил мне новый вид мышления, основанный на древней мудрости и воле случая. Это знание было интуитивно доступно, однако мне понадобилось определенное количество времени, чтобы понять, что потенциал момента можно прочесть, бросив несколько монет. *Книга Перемен* действительно изменила мое понимание времени. Я использовала ее в течение многих лет.

Примерно в тот же период Стив познакомил меня с Джорджией, женщиной сорока с небольшим лет из Сан-Франциско. Своим великодушием и энергичностью она напоминала мне Мод из фильма «*Гарольд и Мод*». Стив вместе с ней работал над основанной на цветах системе терапии, которую она изобрела для излечения душевных травм, полученных в прошлом. Он наполовину закончил свою часть, когда попросил меня также поработать вместе с ней. Вскоре я узнала, что в прошлом она была коллегой и девушкой Вернера Эрхарда из ЭСТ-тренинга. ЭСТ представлял собой систему психологических тренингов, направленных на личностный рост. Занятия проходили в форме семинаров по выходным. Начало их проведению было положено в 70-е годы. Люди должны взять на себя ответственность за собственные жизни – таковым весьма агрессивным призывом они сопровождались. С тех пор эта тренинговая система немного изменилась, и после того, как она несколько раз переименовывалась, теперь она называется «Форум». Как Стив впервые наткнулся на Джорджию – я не знаю.

Мы начали сеанс с семью листами цветной бумаги – красной,

синей, желтой, коричневой, фиолетовой, зеленой, оранжевой – и одним большим белым листом, который в два раза превосходил все остальные размером. Он был предназначен для ведения записей в рамках сеанса. Затем мы вырезали изображения из журналов и прикрепляли их на цветную бумагу, которую выбирали сами. Стив и я по большей части вырезали изображения из архивных изданий *National Geographic*, которые покупали в магазинчике, занимающемся сбытом старых вещей в Пало-Альто. В самом начале процесса мы не понимали, что значат цвета, размеры и изображения. Мы просто собирали приглянувшиеся нам картинки и приклеивали их к цвету, который казался нам подходящим. Когда мы завершали этот процесс, Джорджия опрашивала нас, делая пометки о наших мыслях и объяснениях нашего выбора и того, какой смысл мы в него вкладываем. Затем завеса тайны спала, и она расшифровала, что мы сделали, чтобы мы смогли увидеть наши проблемы и начать работать над их преодолением.

Я помню большинство своих изображений и два Стива. Его лучшим было аккуратно вырезанное, раскрашенное вручную фото каменного рельефа с изображением египетского бога Интуиции. Он поместил картинку на кусок оранжевой бумаги, где от него исходил небесный свет. Это было изумительно, и мы все втроем испытывали благоговейный трепет, поскольку не сомневались, что если когда-либо какой-либо бог станет следить за судьбой Стива, то это будет египетский бог Интуиции. Стив всегда наклеивал на цветную бумажку лишь одно изображение, что служило подтверждением его минималистского чувства эстетики. Мы оба знали, что оно было исключительным, и он торжествовал по этому поводу. Мне нравилось его осознание собственного превосходства в сфере дизайна, однако я была немного озадачена его чувством соперничества.

То время, которое я провела с Джорджией, привнесло новое осознание в мое мышление. Она сказала мне: «Я чувствую, у тебя есть огромная способность любить». Это замечание было похоже на потрясающее перерождение после тех ужасных методов, с помощью которых моя мать общалась со мной. Джорджия ценила меня и помогала мне ценить саму себя. Однако в конечном итоге она заболела, и я так и не закончила ее программу. Позднее, после того как я забеременела Лизой, я, зареванная, позвонила Джорджии, и именно тогда она рассказала мне, что Стив сидел у нее долгими часами, безутешный из-за того, что я его недостаточно люблю.

Когда я познакомилась с Джорджией, она уже была больна, и со временем ее непонятная болезнь лишь прогрессировала.

Однажды она сказала нам, что Вернер Эрхард крал ее творческую энергию и из-за этого она болеет. Я понятия не имела, как ко всему этому относиться – очевидному и тем не менее абсолютно выходящему за пределы моего понимания. Однако мысль о том, что это все-таки возможно, не покидала меня. Конечно, это было ужасно, но в то же время крайне волнительно, потому что у меня фактически впервые появилась возможность взглянуть на ситуацию с совершенно иной, до того момента неведомой для меня стороны. В общем и целом Джорджия помогла поднять мою самооценку, и именно она научила меня использовать систему цветов в качестве механизма для преобразования. На протяжении последующих лет я освоила и многие другие методики.

* * *

Мало-помалу мы со Стивом отдалялись друг от друга. Однако мы были не в состоянии взять и поставить точку в наших отношениях. Мы никогда не говорили о том, чтобы *расстаться* или *пойти различными путями*, у нас не было диалога, в ходе которого один из нас бы произнес, что все кончено. Я думаю, что мы просто не знали, как поставить точку. Позднее Стив шутил по поводу нашего расставания, говоря людям: «Я знал, что нашим отношениям конец, когда она купила спальный мешок, который не подцеплялся к моему». Это было в его стиле – найти какое-то шуточное объяснение ситуации. Однако, с моей точки зрения, его оценка не полностью соответствовала истине.

Я помню иной поворотный момент в наших отношениях, а именно драматическую ситуацию, которая разыгралась ближе к концу дня в августе 1973-го, когда Стив все еще жил на Скайлайн. Мой отец, моя маленькая сестра и я подвозили Стива домой. Когда мы добрались до вершины горы, чтобы высадить его, Стив вышел из машины и схватился за живот, как будто испытывая сильную боль. Однако он выглядел так, словно ступил на заброшенную бесхозную землю. То, что я видела, можно было бы назвать забавным из-за исключительной драматичности, если бы это не происходило на самом деле. Он даже не смог попрощаться. Он вертелся на своих длинных, тонких ногах и переминался с одной ступни на другую, пока его неуклюжее тело двигалось в сторону хижины, как ковбой, которого только что подстрелили. Я смотрела, пытаясь понять, что происходит. Я взглянула на отца и сестру, которые тоже находились в недоумении. Ранила ли я его? Имело ли место какое-нибудь недопонимание? Позднее я задавалась вопросом: не было ли вызвано его чувство сильного

одиночества и изоляции моим пребыванием с моей семьей?

После этого дня мы все больше отдалялись друг от друга. Он более не стремился встречаться со мной так часто, и наши пути не пересекались. Я не знаю, чем он занимался все это время, потому что была занята, учась в школе и работая в кафе. Однако благодаря тому, что я видела его так редко, мне удалось лучше понять те перемены, которые он переживал. Однажды он позвонил мне и спросил, не хочу ли я прогуляться. Я не видела его некоторое время и не знала, что он вернулся в дом своих родителей. Я поехала в Лос-Альтос и зашла к нему. Он сидел на полу в своей спальне, играл на гитаре и пел. Теперь я понимаю, что он специально подготовился, чтобы произвести эффект. И это ему успешно удалось. Он держал в руках великолепную гитару с широким ремнем из декоративной ткани, на его шее висел амулет с прикрепленной к нему губной гармошкой. Он посмотрел на меня, в его глазах была мистическая глубина. В тот раз он целиком и полностью позиционировал себя в качестве рок-звезды.

Я была моментально очарована. Он растягивал звуки. Его манера рифмы была великолепна. Слюна летала, пока его рот передвигался между произнесением фраз и игрой на губной гармошке, и я видела, что он овладевал искусством нахождения необходимого баланса между энергетической силой своего пения и грациозностью песни. По существу он как бы требовал – *посмотри на меня*! Я стояла там, моргая, и была поражена тем, как он хорош и как далеко продвинулся. До того момента я просто не верила в него как в музыканта. Десять различных видов надломленности во мне, должно быть, могли побудить меня к такому выводу, или же возможно, что я была права все это время.

Музыканты составляли большую часть моих друзей в старшей школе. Для них музыка представляла собой их жизненный путь. Однако в случае Стива это было не так. Он знал, что станет знаменит. Однако вполне возможно, что тогда он не мог придумать ничего иного, кроме как превратиться в копию Дилана. В тот день я с трудом удержалась от того, чтобы изменить свою точку зрения по поводу его будущего в качестве музыканта. И я бы ее изменила, если бы он не остановился на достигнутом.

На протяжении многих лет меня не покидала идея о возможном альтернативном развитии событий: если бы в тот момент я упала к его ногам в порыве восхищения, побудило бы это его стать мистическим поэтом-музыкантом вместо миллиардера-бизнесмена? Его правдивость и красота вывернули меня наизнанку от восторга. Однако вместо того, чтобы взять и поддаться этому чувству, я медлила, будучи неуверенной, как его

выразить, и боясь полностью признать его и тот эффект, который он на меня произвел.

* * *

Мы могли не видеться со Стивом неделями, если не месяцами, однако ему всегда удавалось найти меня. Когда я трудилась в кафе здоровой пищи, он заглядывал в нерабочие часы. Когда я была няней на дому, он приходил по ночам и стучался в окно моей спальни. Мы говорили через ширму, и иногда он оставался у меня. В эти ночи, после наших занятий любовью, я впадала в глубокое спокойствие, которое не покидало меня потом на протяжении последующих дней. Позже я спрашивала себя, как ему удавалось заставить меня чувствовать себя таким образом. Я не понимала собственных ощущений.

Стив был тем человеком, по которому я оценивала всё и всех. Если я вступала в не самые великолепные отношения с парнем, встречи со Стивом было достаточно, чтобы их прекратить. Если он показывал мне какую-то новую вещь – пальчатый финик, духовную книгу или этот научный магазинчик, которого уже больше нет в Пало-Альто, – я возвращалась к ним много раз. Он и его глаза привносили элемент благоразумия в мое сердце и в мою душу. Его подход к вещам освещал меня. Однажды он сказал мне:

– Ты не чувствуешь, насколько глубока наша история?

Я думаю, что он имел в виду наши прошлые жизни.

– Нет, – ответила я. – А ты? – Я посмотрела на его лицо, зная, что он скажет «да». Он кивнул с серьезным выражением лица и стал разглядывать горизонт. Он знал, что смысл его слов мне непонятен.

Во времена поиска самоопределения Стив отправился в Орегон, чтобы пройти курс первичной терапии. В промежутках между прослушиванием песни Джона Леннона «Oh My Love» и занятием прочей ерундой Стив рассказал мне о терапии. У меня были большие ожидания. Я пыталась рассмотреть в нем перемены, после того как он вернулся четыре месяца спустя, однако у меня не получалось. Я призывала себя смотреть еще глубже и быть более проницательной, однако мне все равно не удавалось ничего обнаружить. По меньшей мере я предполагала, что его голос стал глубже, а его техника массажа улучшилась. Однако его голос остался прежним, а его массаж все так же причинял боль. Стив умел надавить именно на то место, где кожа над самой острой костью была наиболее тонкой, что неизменно вызывало появление нового синяка. Ничего не изменилось.

Если сравнить Стива со всеми остальными, кого я знала, в моей жизни он был Споком из фильма «Звездный путь». Я думала – представляла, – что курс первичной терапии сделает его более человечным. В конечном итоге я узнала, что он его так и не закончил. На самом деле он едва успел начать, прежде чем бросил. Я чувствовала, что что-то пошло не так с терапией или с врачом, который ее проводил, однако, когда я его спросила, что случилось, он отмахнулся и сказал: «У меня закончились деньги». Это не походило на правду. Стив всегда мог найти средства, если ему это было нужно. Однако к тому моменту я знала его хорошо, и если он не хотел мне чего-то рассказывать, он просто не собирался этого делать.

Позднее Стив спокойно поведал об эмоциональной травме, не дававшей ему покоя и связанной с эпизодом из его детства с участием его матери, Клары. Ему было тогда пять лет, и Клара ушла с его сестрой Пэтти домой, оставив его на улице одного. Клара исключила Стива из ее с Пэтти внутреннего мира, и это, по-видимому, оказало разрушительное воздействие на психику маленького мальчика, который и так чувствовал, что уже однажды был оставлен своими биологическими родителями. Он спросил мать об этом инциденте, когда вернулся в область залива Сан-Франциско, и я представляю, что Клара искала ответ внутри себя, прикладывая все усилия, какие она только могла, потому что ее ответ звучал: «О Пэтти было проще заботиться». Мой бог, это просто преуменьшение века. Слова Клары не могли оказаться более простыми или сильными. За ними последовало ее извинение: «Я не хотела оставить тебя одного. Я не знала, что причиняю тебе боль. Я сожалею». Я уверена, что она действительно сожалела.

Неспособность Стива пройти полный курс терапии первичного крика произвела на меня огромное впечатление. Этот курс являл собой прекрасную возможность для преображения, а он просто взял и сошел с дистанции. Учитывая, в каких восторженных тонах Стив говорил о терапии первичного крика, я целиком и полностью верила, что чудо возможно. Я очень хотела, чтобы Стив пришел в порядок. Однако когда я поняла, что он покинул курс, я ни в чем более не была уверена. Я видела, что в нем поселилась какая-то разочарованность, может, даже спокойная, тихая горечь во всем, словно лед, который постепенно покрывает пруд. Казалось, что, когда умерла надежда, связанная с этой терапией, прагматизм вошел в жизнь Стива и очерствил его. Такие перемены не всегда заметны, и поскольку Стив хранил мысли и чувства в себе, я не могу назвать ни одной вещи, которая бы изменилась глобально, за исключением того, что он стал чуть

более склонен к сарказму. Составленный Стивом в детстве план на жизнь исчерпал себя, и в тот момент он начал свыкаться с мыслью о потерянной мечте. Он постоянно старался занять себя чем-то – причем не игрой на гитаре.

* * *

Во время одной из поездок автостопом домой из Орегона он познакомился с парнем по имени Томас. Томас жил в Купертино, прямо напротив квартиры моего отца (к тому моменту я перестала подрабатывать няней). Я никогда не встречала этого человека. У Стива были свои причины, по которым он не знакомил своих друзей друг с другом, однако я помню Томаса, поскольку Стив никогда не говорил мне о тех людях, которые его подвозили, за исключением этого парня. По всей видимости, они поладили. Стив даже сказал мне, что Томас хотел купить туристические ботинки Стива марки North Face – причем прямо с ног Стива!

В свои сорок с чем-то лет Томас был ученым. Это уже произвело на меня сильное впечатление, потому что я представляла Стива именно ученым, и мне нравилось, что этот мужчина старше. Однако это было далеко не все. Я чувствовала, что Стив пытается косвенно рассказать мне о нем, так что я стала слушать более внимательно. Я была ошеломлена этой историей с покупкой обуви.

– Как же это странно, что он просил купить твои ботинки, – сказала я. – Ты собираешься их продать?

Затем Стив выдал другую фразу, новый намек:

– У этого парня есть свои.

Явный уход от ответа, так что я спросила:

– Тогда зачем он хотел купить твои?

Стив посмотрел на меня очень удивленно – я крайне медленно соображала.

– Он хотел снова встретиться со мной, – сказал он, слегка смутившись.

То, как Стив смущался, всегда казалось мне очаровательным. У него было редкое качество, проявление которого я позже заметила в Моне, когда хвалила ее работы. Оно словно заложено в их ДНК. Я думаю, что в их выдающихся умах было столько красоты, что, когда ее признавали, это заставляло их чувствовать себя неловко, почти загнанными в угол. Много лет спустя я спросила Мону, почему она ведет себя таким образом, когда ее хвалят. Она покачала в смущении головой и ответила: «Я просто

не знаю, что сказать».

Именно после того, как Стив познакомился с Томасом, он начал говорить о том, что необходимо «выдержать испытания» и что, как только ты их выдержал, «обратного пути нет». Я уверена, что эти двое друзей много говорили на тему природы правды и просветления. Я чувствовала, что эта дружба шла на пользу Стиву, помогала ему с чем-то важным. Он говорил мне немного одержимо: «Возможности для ошибки нет, нет пути назад, если ты выдержал испытания, то ты прошел. Ты не можешь повернуть назад». Я верю, что он внушал это не только мне, но во многом самому себе. Стив ходил вокруг да около, постоянно повторяя, заклиная и намекая, однако никогда не говорил прямо: «Я буду просветлен. Это наконец-то происходит». Стив говорил: «Это похоже на куст. Ты даже не можешь ответить, что это такое… Ты можешь просто указать на него!» Это походило на замечание Алана Уоттса относительно определения сущности правды, что-то в стиле: «Ты лишь можешь показать пальцем на полную луну, однако ты не можешь потрогать ее, а большинство людей лишь хотят обсосать твой палец». Таковы были метафоры того времени.

Согласно чрезвычайно изысканным и изощренным традициям Востока, нельзя говорить, что ты просветлен, поскольку это запрещено. Существуют пути мышления и использования языка, которые могут препятствовать достижению настоящего состояния пробуждения. Восклицания, что ты просветлен или намереваешься быть просветленным, являются одним из таких путей. Я всегда чувствовала радостное волнение по поводу того, что Стив настолько выдающаяся личность, однако мужские системы философии и духовности были мне скучны. Мне всегда казалось, что систематизация специальных слов и поступков является исключающей и, в противовес всем ожиданиям, чрезвычайно эгоистичной. Она также никогда не трогала мою душу и не поражала мое воображение. Позже я узнала, что женщины достигают просветления иным путем. Мне это было понятно, однако в те дни никто не говорил об отличиях, все говорили только о сходстве, в то время как это было неправдой.

Говорить намеками, не говоря на самом деле ничего, было вполне в стиле Стива. Мне следовало распознать невидимые чернила в воздухе вокруг него, чтобы понять, что происходит. Моя точка зрения заключалась в том, что Стив собирается «выдержать испытания» и что потом он изменится и больше не вернется к своему прежнему состоянию. Меня грызло некое опасение – обоснованное, – что останусь в стороне. Думаю, это происходило потому, что что-то в Стиве хотело, чтобы я испытывала этот страх. Большая часть его желала избавиться от

меня и оставить меня в пыли. Но он также был глубоко искренен, и тот диалог, который он вел с самим собой с момента, как мы впервые встретились, в конечном итоге начал набирать смысл и содержание. Он наконец-то начал находить правильные связи. И как истинный болельщик, наблюдающий за перипетиями его жизни издали, я почувствовала облегчение и радость за него и тревогу за себя.

Прошло несколько месяцев перед тем, как Стив позвонил мне, чтобы сказать, что он переехал в маленькую хижину в горах недалеко от центра Лос-Гатоса. Была ранняя весна 1974 года, когда он зарабатывал на поездку в Индию, трудясь в «Атари». Я ничего не знала об «Атари», за исключением того, что это многообещающая компания, занимающаяся разработкой игр. Позднее мне стало известно, что Стива перевели в ночную смену, поскольку его коллегам было некомфортно рядом с ним находиться. На самом деле ходили активные слухи, что люди не хотели работать с ним в одну смену, поскольку от него плохо пахло. Такие заявления казались мне полной ерундой: когда Стив был со мной, от него никогда не пахло плохо. Я узнала, что его перевели на работу в ночную смену, поскольку сотрудники считали его очень мрачным и негативным. Такое объяснение было более понятным.

Стив пригласил меня на обед в свою хижину. Когда я до него добралась, я увидела, что он живет довольно простой жизнью на большой территории, которой на благо своих детей делилась разведенная пара. Стив рассказал мне об обстоятельствах жизни этих людей в такой манере, будто подмигивал мне и говорил: вот что произойдет с нами. У нас будет ребенок, и именно так мы станем справляться с ситуацией.

Я была удивлена такому приему.

Стив умел предсказывать будущее. Я не сомневалась в этом и потому была загипнотизирована его представлением вещей, которые ждали нас в будущем. Я слушала чрезвычайно внимательно его мнение по всем вопросам, и мне в голову не приходило не согласиться с его видением или пытаться изменить его. Стив посеял семена в моем воображении, и я даже не думала о том, чтобы сказать «нет» или выдвинуть какие-либо условия. Я не знала, что могу быть практичной или даже очаровательной по собственным правилам, так что я просто сдалась. Какой же огромной ошибкой это было!

Стив лишь дважды приглашал меня в свою хижину в Лос-Гатосе. И оба раза я была разговорчива, а он холоден и молчалив. Мы двигались в разных направлениях. Одна часть меня все это признавала, в то время как другая хотела снова свести нас вместе

и устранить наши различия. Однако он принял решение. Он хотел держать меня на расстоянии. Или, что более вероятно, он хотел, чтобы я испытывала неуверенность относительно того, какое место рядом с ним занимаю. Во время проживания в хижине он приобрел японскую подушку для медитации и читал «Будь здесь и сейчас». Он дал мне ее экземпляр в одну из тех ночей и подписал «С любовью, Стив» коричневыми чернилами своим каллиграфическим почерком. Он включал некую южноиндийскую музыку, которая настолько отличалась от всего, что я когда-либо слышала, что я даже задалась вопросом, можно ли вообще называть это музыкой.

Во время моего второго визита в хижину Стив в очередной раз попросил меня посмотреть на огонь от свечей, чтобы увидеть в нем некое мистическое откровение, однако в этот раз он вел себя не слишком мило. У меня было ощущение, словно меня проверяют неким подлым образом, поскольку он утомил меня, постоянно спрашивая: «Что ты видишь? Что ты видишь?» К сожалению, я не смогла разглядеть никакого более высокого уровня. Вместо этого я видела, как он скорее наслаждался тем, что я *не могу понять* происходящего. Этот его неуклюжий трюк в стиле Гудини пришелся мне не по душе.

До того времени Стив хотел, чтобы я принимала участие в каждой его авантюре, однако после описанного инцидента это желание у него исчезло. Давление нашего бессознательного на правду нашей любви было непомерным и приводило в ярость нас обоих. Стив винил меня, и это свидетельствовало о недостатке его духовного развития. Чувства, которые я испытала, смотря на огонь от свечей, вероятно, были верны. Мне показали низкосортный дешевый фокус: один огонь и никакой любви, терпения или сострадания. Сердце Стива наполнилось негативом по отношению ко мне, и он использовал спиритические техники в качестве средства для демонстрации своего превосходства и намерения двигаться дальше в одиночку.

* * *

Стив вырос в поразительном несоответствии с остальным миром, потому что он находился настолько впереди в интеллектуальном и интуитивном плане, но очень сильно отставал в эмоциональном. Он следовал своей судьбе с непреклонной преданностью, и любой промах, который он мог допустить, в итоге оборачивался на пользу великой цели его возвышения. Это должно было произойти. Я уверена, что один из

его замечательных друзей, Роберт Фридланд, подтолкнул Стива к тому, чтобы его жизнь изменилась необычайным образом.

Я не могу сказать, что хорошо знала Роберта. Они познакомились в Риде. Тем не менее я провела некоторое время весьма содержательно в компании Роберта, поскольку он помогал мне. Роберт был чрезвычайно умным, амбициозным молодым человеком, я бы даже сказала, что в 70-е годы XX века он был искателем в стиле кого-то, наподобие Рама Дасса. Он начал изучать мыслительные традиции сознания, затем перешел к употреблению ЛСД, а уже после стал последователем Ним Каролi Бабы и восточных духовных практик.

Примерно в девятнадцать лет Роберт попал в тюрьму за наркотики. Его поместили в отделение тюрьмы для неопасных преступников, где у него начались постоянные проблемы с охранниками, поскольку он пытался обучить своих сокамерников йоге. Я знаю все это и даже больше, поскольку Роберт, которого именовали Сита Рам, когда я его встретила, умел прекрасно рассказывать истории о своих выходках.

Когда я встретила Роберта, он был приятным молодым человеком, лет двадцати пяти, среднего роста и телосложения, с длинными светлыми волосами. Роберт был привлекателен, обладал изысканным спокойствием и убийственным чувством юмора. Его большие глаза открывались и закрывались медленно и размеренно, и, когда он рассказывал своим легким слогом свои истории, создавалось впечатление, что перед вами молодой человек, который любит слушать сам себя и которого также стоит послушать. Он держал голову ровно, с достоинством, и, какие бы намерения и цели у него ни были, он напоминал мне белого Кришну.

Однажды мы вместе с Робертом находились на его ферме, и он рассказал мне историю своего пребывания в тюрьме. По всей видимости, ему удалось выйти из нее после достижения договоренности, что он обязательно отправится в колледж, будет получать одни отличные оценки, а также выполнит ряд дополнительных требований, которые помогут ему сфокусироваться на новой жизни. Это был пристойный второй шанс для действительно умного парня, которого поймали, когда он находился по уши в проблемах. Он использовал эту возможность и именно так попал в колледж Рид. Я думаю, что он встретил Стива, когда баллотировался на пост президента студенческого совета (и выиграл), что было частью его обязательств, данных при освобождении.

Роберт был старше всех своих сокурсников из Рида. Когда я его встретила, у меня было ощущение, что он обладает огромной

способностью наслаждаться жизнью. Дело было не только в том, что он был очень умный, а в том, что у него было глубокое чувство человечности и метауровень осознания обстоятельств, в которых находятся другие люди. Вкратце: он единственный, кто мог принять Стива таким, каким он был – сиротой во всех его королевских констелляциях – и все еще оставался открытым для чего-то большего.

Я подозреваю, что Роберт и Стив, как родственные души, немедленно нашли общий язык. Я могу представить, как быстро они, наверное, признали смелые, нестандартные умственные способности друг друга. И хотя Стив и Роберт были равны друг другу как друзья, я всегда чувствовала, что у Роберта есть своеобразная черта, которая заставляла его заботиться о Стиве, как отец о сыне. Это было в духе Роберта – вживаться в необходимую роль, увидев в ней потребность.

Помимо того, я видела, что они оба признали друг в друге желание и способность детально запланировать свой будущий успех – в том числе и за счет использования эзотерического знания, открытого на Востоке. И я ни в коей мере не поверю, что Стив в Apple, а Роберт в горнодобывающей компании за двадцать лет со дня их первой встречи добились создания многомиллионных предприятий случайно или благодаря везению.

В те дни, когда на их лицах пробивался первый пушок, Роберт подбил Стива отправиться в Индию, чтобы встретиться с Ним Каролли Бабой. Индия! Золотая земля в другой части света, где родился Будда Гаутама. Где, как говорят, гулял Иисус в «утерянные годы», где Ганди придумал сатьяграху. Индия! Одно из немногих мест на земле, где боги и богини все еще осязаемы, неоднозначны и взаимодействуют друг с другом. Это место, где такой творец, как Стив, мог также получить то, в чем он нуждался.

После Индии Стив отказался от всех терапевтических моделей и преобразовал все согласно духовным предписаниям. По моим наблюдениям, именно в Индии в Стиве произошла космологическая перемена. И хотя Ним Каролли Баба скончался, прежде чем Стив успел добраться до Индии, он был чем-то тронут, поскольку, когда я увидела его снова, Стив уже знал свое место во вселенной.

Утром того дня, когда Стив должен был отправиться в Индию, он пришел ко мне домой, чтобы попрощаться и дать мне 100 долларов. Он заработал немного денег в «Атари», и ему просто хотелось преподнести мне подарок. Я не видела его некоторое время и стояла у входа в свой дом вместе с моим

новым парнем, когда подошел Стив. Он коснулся моего лба, чтобы продемонстрировать, что я принадлежу ему, что показалось мне возмутительным. Когда я заявила, что мне не нужны деньги, Стив потребовал, чтобы я перестала строить из себя невесть кого и взяла их. Стив не особо церемонился при выборе выражений, и эти деньги имели большее значение для него, чем для меня, так что я взяла их и поблагодарила его. В следующий раз я увидела его через четыре месяца, после того как он вернулся в США. Он поправлял здоровье на ферме Роберта в часе езды в сторону юга Портленда.

Глава 9
Единая ферма

Лора Шюлер и я решили отметить окончание старшей школы, отправившись в трехнедельное путешествие. Мы не особо понимали, что значит для нас выпуск из школы, однако знали, что отметить данное событие необходимо. Поэтому мы обсудили, что собираемся сделать, а затем заработали денег, чтобы претворить намеченные планы в жизнь. Я поменяла шины на своем «Шевроле» цвета слоновой кости, и мы отправились в дорогу, радуясь, что оставляем все позади, а к работе официантками и учебе в колледже с двухгодичным курсом вернемся лишь осенью.

Все было спланировано, когда примерно за две недели до поездки мне как гром среди ясного неба пришло письмо от Стива, в котором он сообщал, что вернулся из Индии и снова привыкает к Соединенным Штатам где-то в Орегоне. Я была обрадована весточкой от него и написала ответ, сообщив, что мы с Лорой в скором времени сами собираемся отправиться в путешествие через северо-запад. К моему удивлению, Стив написал снова и пригласил его навестить.

Мы с Лорой поехали на север из Сан-Франциско по побережью Калифорнии, по автомагистрали 1. Нашей первой остановкой стала Юрика. Наше довольно долгое путешествие затянулось из-за решения следовать по прибрежной дороге, где мы миновали живописные рыбацкие селения, очаровательные, как любой валлийский портовый город, облик которого может возникнуть в воображении. Я прочла много работ Томаса Дилана, именно поэтому, полагаю, образ валлийского портового города пришел мне на ум. Эти произведения человеческого искусства скрашивали нашу поездку во всех смыслах этого слова и переворачивали буквально все внутри меня, заставляя с горечью задуматься о той жизни, которой, к сожалению, у меня никогда не будет.

Вид, открывавшийся с береговой линии северной Калифорнии, поражал своей массивной, необычной красотой. Нетронутая и дикая, с сильными течениями, которые набрасывались на землю, с волнами, что во всем своем неряшливом великолепии разбивались о скалистые утесы и остро торчащие камни. Мы остановились искупаться и обнаружили песчаный съезд к кромке воды с безопасным местом, чтобы припарковаться. Всю весну я принимала холодный душ, что

позволило мне зайти прямо в океан и испытать чистое вожделение его бодрящего холода. Это был новый тип свободы, как будто за спиной раскрывались крылья или – не менее привлекательная аналогия – как будто можно было спокойно приплыть голышом на север Тихого океана.

В Юрике мы остановились у старших сестер нас обеих, которые проживали там со своими бойфрендами и учились в Гумбольдтском государственном колледже. Мы провели там четыре дня, прогуливаясь по влажной дикой местности, любуясь милым студенческим городком, отлично проводя время с семьей, прежде чем отправиться в Орегон, на единую ферму к Стиву. Я не помню, останавливались ли мы переночевать на площадках для кемпинга по пути, я лишь помню, что из Гумбольдта мы свернули на материковую часть и испытали облегчение, променяв извилистую дорогу прибрежного шоссе на легкость и скорость открытой автострады. Я также помню, что пересекать границу штата Орегон было слегка волнительно.

Приблизившись к пункту назначения во второй половине дня, однако не будучи уверенными, каким именно путем ехать, Лора и я по очереди звонили на ферму с телефонов-автоматов на заправочных станциях. Всякий раз отвечала женщина по имени Абха прекрасным неземным голосом и передавала трубку своему мужу Роберту, который объяснял нам, как добраться до единой фермы от нового места нашего пребывания. Несмотря на то что мы звонили шесть раз, Роберт был спокойным и дружелюбно настроенным всегда, когда говорил с нами. В конце концов мы нашли дорогу.

Мы слышали, как из-под толстых шин вылетал гравий, пока мы ехали по длинной дороге к ферме. Нашим ориентиром были следы от шин, которые были хорошо заметны под навесом очень густой листвы деревьев. В один из моментов все озарилось ярким солнечным светом, и мы увидели красивую россыпь светящихся серебристым гор, усеянных темными пятнами похожих на кружево деревьев, и небо доверительно голубого цвета над нашей головой.

Лора была за рулем, когда мы доехали до фермы. Она сидела, поджав под себя левую ногу, наклонившись вперед, чтобы внимательно смотреть на длинную крутую дорогу. Ее женская добросовестность всегда заставляла меня задаваться вопросом, каково это – быть ею. Со своими большими, иногда обремененными заботами голубыми глазами и высоким, приятным голосом она выглядела так, словно никогда не могла разозлиться. И она вправду не могла. Неубедительно, во всяком случае (она в итоге стала воспитателем в детском саду). Лора

была ширококостной, хорошо сложенной молодой женщиной с девичьим добродушием, читающимся на ее красивом лице. Она могла бы служить вечным вдохновением для немецкого производителя часов более ранних времен. Возможно, ее прапрабабушка и была такой музой. Лицо Лоры словно сияло. Наблюдательная, довольно крупная, в ее улыбке всегда можно было прочитать легкую неуверенность в себе из-за высокого роста, который никогда не позволял Лоре оставаться незамеченной. Однако именно в этой ситуации ее задорный смех делал свое дело. Смех, подобный переливам колокольного звона в начале каждого часа. В итоге не оставалось ничего, кроме как заливаться смехом над всем этим. Лора и я любили посмеяться. И смеялись мы очень много.

Мы припарковались там, где нам сказали – немного севернее большого дерева, – и вышли, чтобы размяться. Мы с недоумением посмотрели друг на друга над машиной. Лора дразнила меня, двигая бровями вверх и вниз.

Она знала, что я нервничала, предвкушая, как снова увижу Стива. Было приятно выключить мотор и снова почувствовать у себя под ногами землю. Воздух благоухал свежими запахами природы, а солнце над нашими головами придавало ему яркость. Я все еще помню эти ароматы. Осматривая жилище, в котором нам предстояло провести следующую неделю, мы увидели старый потрепанный сарай, огромный сад, где выращивали различную зелень, и большую корову, которая, как мы позже узнали, досталась хозяевам в наследство вместе с фермой. Главный дом находился на юге.

Нас встретил Роберт Фридланд. Он рассказал нам обо всех особенностях нахождения на единой ферме и с юмором изложил основное правило: мы должны просыпаться с рассветом, чтобы идти и медитировать со всеми остальными под большим деревом. Также нам следовало помогать с работой. Роберт, которого в тот момент звали Сита Рам, оказался более приятным молодым человеком, нежели я ожидала, однако я тоже старалась вести себя идеально, так как прежде встречала его лишь несколько раз (и то мельком), когда он приходил вместе со Стивом в кафе, где я работала, и в Риде. Я уверила Роберта в том, что Стив рассказал мне о требованиях и что мы будем очень рады помочь, как сможем, а также с удовольствием примем участие в занятиях медитацией.

Затем Роберт указал на сарай внизу холма и заявил, что мы можем остановиться в маленькой комнате справа в задней части главного зала сарая. На время поборов свою дислексию, я сконцентрировалась и привела себя в чувство, чтобы быть в

состоянии отличить право и лево, а затем мы продолжили путь, захватив с собой рюкзаки и спальные мешки.

Мы нашли Стива в тот момент, когда он отдыхал в своем голубом спальном мешке в центре главной комнаты похожего на пещеру сарая. Он выглядел ужасно. Хуже, чем я его когда-либо видела. «Привет, – простонал он. – Я подхватил паразитов». Он был очень болен и неразговорчив. Я чувствовала его противоречивое отношение к моему нахождению на ферме, что немного вывело меня из себя, поскольку он сам пригласил меня. Я хотела, чтобы он был счастлив видеть меня. Однако он этого не показывал, даже если и действительно это чувствовал. Тем не менее он проявил доброту и посоветовал нам осмотреться и познакомиться со всеми.

Мы с Лорой обе были застенчивы, однако добрались до кухни, чтобы познакомиться с Абхой. В начале вечера того первого дня мы помогли расстелить красочные одеяла на траве, чтобы провести ужин на улице. Мы также принесли огромные миски салата, который все ели палочками, сидя на одеялах, предназначенных для пикников. Я была удивлена, узнав, что для каждого отдельного блюда предназначалось три или четыре различных салата и что особый акцент делался на сдобных хлебцах и на миндальном, а не на арахисовом масле. Все присутствующие на единой ферме были вегетарианцами, отдававшими предпочтение бесслизистой пище. Бесслизистая диета! Она помогает интегрировать эмоциональное, физическое, интеллектуальное и духовное тела в единое целое, и на ферме к ней очень серьезно относились. В тот вечер в ужине принимали участие около восемнадцати человек – некоторые жили и работали на ферме, другие, как и мы, прибыли ненадолго. Стив был слишком болен и не смог присоединиться к трапезе, поэтому я чувствовала себя свободнее и могла знакомиться с людьми на своих условиях. Беседа шла очень активно, и я наслаждалась нежной фамильярностью и своим участием в проделанной за день работе. Я радовалась, находясь в компании этих людей, каждому из которых было под тридцать.

В первую ночь, после того как была вымыта вся посуда, мы с Лорой вернулись в сарай и устроились в наших спальных мешках. Я хорошо осознавала, что Стив спит менее чем в двадцати футах от меня. Мы с Лорой начали шепотом обсуждать прошедший день, чтобы не побеспокоить его. Затем она заснула, и сарай наполнился тихими и незнакомыми звуками: маленьких животных, скрипящих бревен и едва заметных шорохов, издаваемых людьми, возвращающимися поздно ночью. Я слышала, как они двигаются и готовятся отправиться спать, и

представляла, что они зажигают крошечные свечи и медитируют в прозрачном, открытом ветрам здании. Я долго лежала и смотрела в темноту, чувствуя жизнь этого массивного сооружения изнутри, словно постройка была продолжением моего собственного тела.

На следующий день мы с Лорой работали на кухне, помогая Абхе и двум другим женщинам консервировать огурцы в укропном соусе. Мы чувствовали себя статистами, которых привлекли к съемке сцены фильма. Кухня, построенная примерно в 40-х годах, была красиво и аккуратно прибрана, хотя я и заметила, что ее эмаль цвета яичной скорлупы уже много раз перекрашивалась. У Абхи стояло множество ярких стеклянных банок на полках, прибитых высоко к стенам: с зерном, макаронами, фасолью, чечевицей, морскими водорослями, сушеными фруктами и овощами. Было приятно посмотреть на все это многообразие и изобилие, великолепное чувство порядка среди огромного количества даров природы.

Ранее я занималась консервированием, однако никогда не мариновала. Абха кипятила банки и крышки, а мы внимательно слушали ее инструкции, прежде чем перейти к действиям. Мы находились в середине производственной цепочки: брали травы и специи, укладывали половинку лимона Мейера, парочку зубчиков чеснока, небольшой острый красный перец, куркуму и свежий укроп в стеклянную банку с завинчивающейся крышкой, где уже лежали огурцы. Мы двигались очень быстро, чтобы не тормозить работу системы, вытирая пролитое в свободные моменты. После завершения всех необходимых процедур со специями другая женщина добавляла уксус и кипящую воду в этот набор прекрасных вещей, а затем помещала на банки обтекатели, оставляя их остывать. Каждая завершенная банка начинала светиться и становилась собственным миром из густой лесной зелени. Я смотрела в каждую из них, наслаждаясь их композиционной красотой, словно они были рисунками одного и того же натюрморта. К концу первого дня мы сделали где-то двадцать банок огурцов в укропном соусе. Они были изумительны. На следующий день мы проверили их и крепко завернули их крышки. Было абсолютно восхитительно закончить их, и я трепетала от осознания того факта, что плодами нашей работы, проделанной за неделю пребывания, станут пользоваться будущие посетители фермы. Я представляла, как Абха в течение предстоящего года открывает банки, и помню, что испытала огромное сожаление по поводу того, что мне не удастся попробовать даже частички. Тогда я не знала, что через год вернусь.

Абха в свои двадцать восемь была на пять лет старше

Роберта. Она находилась на шестом месяце беременности, когда я впервые встретила ее, и имела волшебную девочку трех лет от предыдущего брака, которую Роберт позже удочерил. Высокая, излучающая радость будущей матери, Абха казалась одновременно властной и очень милой. Ее лицо покрывали бронзовые веснушки, а волосы, с отдельными прядями медно-розоватого цвета, имели бронзоватый оттенок. Взгляд Абхи был более чем пронзительным: казалось, ее золотистые глаза смотрят прямо сквозь людей. Когда она смеялась, ее лицо словно разбивалось на тысячу светящихся осколков.

Абха в равной степени была серьезной и отчужденной, как это свойственно тем, кому небезразличны судьбы стольких людей и кто в то же время оторван от земной жизни. Она хорошо управлялась на кухне и была удивительно прекрасным поваром. От нее я узнала новые сочетания различных блюд, как, например, прессованный творог с темно-красными съедобными морскими водорослями, или свежий укроп и соевый соус с творогом, или бефстроганов с тофу на пивных дрожжах. Я наблюдала за лицом Абхи, пока она готовила пищу и пробовала ее, и по ее мимике видела, как она определяет получившийся вкус, пытаясь понять, нужно ли еще что-нибудь добавить в блюдо или нет. Наблюдение за ее лицом во время дегустации приготовленной пищи открыло мне дорогу к идеям моих собственных новых рецептов блюд.

Много лет спустя, после того как родилась Лиза, а Стив приобрел мировую известность, у меня появилось ощущение, что я должна скрывать собственную личность, встречаясь с новыми людьми, поскольку у них было слишком много субъективных мыслей – одновременно позитивных и негативных – и слишком много вопросов. Я лишь держала свой рот на замке и становилась все более и более незаметной, пока Стив приобретал все бо́льшую известность. Тем не менее со временем сохранять скромность стало затруднительно. История моей жизни была наполнена Стивом, и сокрытие этого факта преуменьшало значимость моего присутствия среди людей. Фактически оно превращало меня в невидимку.

Осознание всего этого пришло мне в голову много лет спустя, когда я начала посещать занятия по визуализации информации для корпораций. В ходе их нам давали огромные листы бумаги – размером четыре на восемь футов, – на которых мы должны были использовать наши истории, чтобы проиллюстрировать пути, какими пошла наша жизнь. Я сделала около шести таких штук в различных сочетаниях. В результате того, что мне пришлось раскрыть себя на этих занятиях, я впервые осознала, как действительно некомфортно я чувствую себя, когда меня

замечают и когда меня не замечают. Я однозначно не хотела выставлять мою жизнь и все остальное напоказ в профессиональной среде. Я не могла с этим справиться и решила, что у моих коллег это также не получится.

Теперь я сожалею, что не была более решительной и изобретательной. Я могла бы нарисовать огромную черную неуклюжую воронку и нанизывать одно за другим несчастья, продвигаясь внутрь, к центру, где крохотная изможденная фигура, держащая ребенка, выглядывает прямо из глубин огромной дыры. После нескольких занятий, остро ощущая, какую значительную часть своей жизни я «санировала» (и стыдясь ощущения этого самоуничижения), я в конечном итоге осознала, что могу обращаться к своему прошлому, используя еду. И через еду я могу транслировать свою жизнь и мои представления о ней окружающему миру. Именно через еду и ее приготовление я могла говорить о людях, которые обогатили меня новыми идеями, и иллюстрировать прожитое и свои страсти. При этом стройный рассказ складывался сам по себе. И в такой версии моей истории Абха – первая, кто оказал на меня сильнейшее влияние с тех пор, как я покинула дом моей матери. Впервые осознав это, я почувствовала себя гениальной, поскольку приготовление пищи позволяет стать заметной, привлекательной и полной энтузиазма, не раскрывая подробностей своей личной жизни. В конце концов, я обрела внутреннюю улыбку, после того как нашла этот маленький способ, на который могла опереться и с помощью которого могла быть частью окружающего мира, не испытывая необходимости сталкиваться с удивлением или пренебрежением.

* * *

После того первого дня работы на кухне Абха, по всей видимости, сказала Роберту, что мы с Лорой были отличными помощницами, благодаря чему община приняла нас благосклонно. Мы не понимали, что данному обстоятельству придается такое большое значение, однако, когда осознали, что мы прошли этот тест, нас захлестнуло неожиданное счастье от признания.

Единая ферма, похоже, была для Роберта, который владел ею вместе со своим дядей Марселем, одним сплошным смелым экспериментом. Если я правильно помню, в партнерстве на Роберта возлагалась задача привести ферму в порядок, чтобы он вместе с дядей мог изменить ее к лучшему и выгодно продать.

Так как потребность в рабочих руках для бесконечного числа проектов была очень высока, Роберт постоянно размещал небольшие объявления на всем пути до Портленда, стремясь найти людей, которые бы работали за свежую, выращенную на ферме пищу и место для ночлега вне пределов города. Эта бизнес-модель – дополнительные рабочие руки в обмен на еду и жилье – не была нова для фермерского хозяйства, однако к ней добавлялись две новые особенности: хиппи и медитация.

Казалось, на объявления Роберта откликались два типа людей: те, которые, по моему представлению, пришли туда по причинам духовного характера, и те, кого я считала «нормальными» – молодые люди, переехавшие на единую ферму, чтобы работать, хорошо питаться, жить на природе. Ими не двигали духовные мотивы. Такое сочетание было настоящим инь и ян: мистическое и мирское, с веселыми подколками, которыми обменивались эти две группы.

Ведомые мирскими мотивами считали своих одухотворенных товарищей по ферме весьма забавными. Будучи по большей части материалистами и основываясь в своих суждениях на сухих фактах, они смеялись над тем, что в их представлении было чрезвычайно комичным. Когда, например, духовные люди на ферме называли друг друга святыми, «О, да ты святоша», – комментировал кто-то из «нормальных». Или: «Не будешь ли ты столь свят и не сделаешь ли то или это для меня», – говорили они, закатывая глаза. Однако все эти подколки оставались неизменно добродушными, и сейчас мне кажется, что никто не считал свою точку зрения единственно правильной. Именно потому эта группа людей была мне так важна. Мы сосуществовали в своего рода общем благосостоянии, связанные щедростью места, ежедневной работой, здоровой пищей и естественно формирующимися отношениями. Все это сплачивало неким фундаментальным и очень приятным способом.

На единой ферме можно было много чем заняться, вести забавные беседы на различные темы. Находясь там, я чувствовала себя безмерно счастливой. Ощущение пространства и времени, постоянного пребывания в работе и многообразие людей настолько заполняли время, что к концу первого дня моего нахождения на ферме я была сбита с толку тем, что прошел всего лишь один день. Казалось, что с момента восхода солнца миновал целый месяц. У Лоры были те же самые ощущения. На следующий день, когда я залезала в спальный мешок, я проверила свои ощущения, и они были такими же. И на следующий после этого день… и еще через день после. В конечном итоге я решила, что время, видимо, бежит по-другому на ферме. Это было небольшое

открытие, которое я отложила для будущих времен.

* * *

Я практически не видела Стива в те первые несколько дней пребывания на единой ферме. Я была занята, получая удовольствие от знакомства с новыми людьми и работы. Конечно, он чувствовал себя плохо и был угрюм: даже при этих условиях я задавалась вопросом, нравлюсь ли я все еще ему. Девочек-подростков всегда интересует, нравятся ли они кому-то или нет. Мучить себя этим вопросом – абсолютная потеря времени, однако от него никуда не денешься.

На второй день Абха дала мне огромную миску самого густого зеленого салата из петрушки, который я когда-либо видела, чтобы я отнесла ее непосредственно Стиву, который был настолько сильно болен, что это вызывало опасения. Она делала эти смеси специально для него, чтобы убить всех паразитов в его печени и успокоить зуд от укусов клопов, которых он привез из Индии. Я несколько раз приходила к нему с такими «ланчами»: Стив медленно поворачивался, затем опирался на один локоть, чтобы дотянуться до миски. Я сидела рядом с ним, пока он ел, счастлива тем, что теперь у меня есть повод, чтобы его видеть. Мне было действительно интересно, помогут ли ему все эти смеси, особенно учитывая, что требовалось приложить много усилий, чтобы съесть такое огромное количество петрушки. Однако он полностью посвятил себя этому занятию, выразив смирение и в конечном итоге даже интерес.

Та забота, которую Роберт и Абха проявляли по отношению к Стиву, была неподдельна и прелестна, словно он их сын или любимый младший брат. Я наблюдала, как они смотрят на него с юмором и нежностью. Они звали его Стивен. В действительности почти всех на единой ферме называли полными именами, что воспринималось мной скорее как проявление зрелости и любви. Складывалось впечатление, что использование полных имен, которые нам дали родители, лучше раскрывало наше внутреннее «я». Даже *я* чувствовала себя более полноценной, когда слышала, что имя другого человека произносят полностью. Я уверена, что в этом было все дело.

За неделю нашего пребывания на ферме я познакомилась с Грегом Калхоуном – Грегором, – который был забавен, умен и ужасно симпатичен. Он также учился в Риде вместе с Робертом и Стивом и переехал жить на ферму, после того как закончил учебу. Отец Грега погиб, когда тот был ребенком, а его отчим служил

священником в англиканской церкви. Грег относился к числу ведомых духовными мотивами – плотно сложенный, привлекательный мужчина с ухоженной светлой бородой и усами. У него был добрый темперамент и мерцающие, стальные серые глаза с большими светлыми ресницами, которые красиво порхали, когда он задумывался. Он играл на фортепьяно и ряде других инструментов, включая волынку.

Находясь на единой ферме, Грег переделал курятник в жилище для себя. Я считала это здание самым симпатичным из всех, хотя в нем не было канализации и водопровода.

Однажды Грег решил провести меня по окрестностям фермы, чтобы продемонстрировать различные проекты, уже начатые или такие, работа над которыми должна была скоро стартовать. Он показал мне яблочный сад, благодаря которому компания Apple получила именно такое название. Он находился в двадцати минутах ходьбы неспешным шагом от главного дома и представлял собой самый старинный сад, какой я когда-либо видела. Высокие деревья с растущими во все стороны ветками, покрытые лишайниками всех цветов, словно отслоившаяся краска. Казалось, что ветви деревьев этого сада не подрезались сотню лет, в результате чего они производили отпугивающее впечатление. Грег звал их «старыми солдатами».

Вскоре после этого все молодые люди на ферме приступили к оживлению деревьев. Мне казалось, что их работа в саду явилась для Стива своего рода возрождением, какое пережил святой Франциск. После того как он отправился в Индию и там сильно заболел, он, должно быть, испытал великолепные чувства оттого, что возвращается к жизни именно здесь, со всеми своими друзьями, работающими вместе, как братство, на свежем воздухе, которому нет конца и края. Сады являются своего рода церквями. Ты гуляешь под ветками, переплетающимися и образующими грациозные летающие арки, наполненные цветущими плодами, птицами и дождем весной, а затем благодатными, тяжелыми фруктами осенью.

* * *

Я пыталась найти способ пообщаться со Стивом, несмотря на его болезнь и нашу отстраненность. Он много сделал, чтобы отдалиться от меня, однако я хотела знать, кем мы были друг для друга и какое место рядом с ним отводилось мне. Порой ночами я на цыпочках добиралась туда, где он лежал, и залезала к нему в спальный мешок, поближе к его пышущему жаром худощавому,

страдающему чесоткой телу. Мы лежали в обнимку часами и иногда проявляли друг к другу настоящую нежность и любовь, хотя оба знали, что это плохая идея. Я не знаю, чего я пыталась добиться: никто из нас в тот момент не мог открыться другому. Я думаю, что просто хотела почувствовать масштаб тех перемен, которые произошли в нем и в нас. Не стремясь к тому, что теоретически могло между нами возникнуть, я, тем не менее, стремилась установить с ним определенную связь, невзирая на всю странность наших отношений в тот момент. Я скучала по нему и думаю, он пытался понять, может ли спать рядом со мной, не испытывая прежней привязанности. После всей его страсти, которая казалась мне непомерной в первые два года нашего знакомства, наша новая отчужденность была для меня странной. Как ни захватывающи перемены, они огорчают меня. И я никогда толком не понимала расставаний или окончаний отношений.

С первого дня пребывания на единой ферме мне приходилось сталкиваться с увеличивающейся отчужденностью Стива. Той прежней глубокой, молодой любви больше не было. За некоторыми редкими исключениями, Стив не шел мне навстречу, и я его практически не видела. Однажды, когда он прогуливался, сутулый и болезненный, я заявила о своем недовольстве. Мы стояли рядом друг с другом, вокруг никого не было, и я сказала ему: «Кажется, я тебе даже не нравлюсь!» Это оказался словесный эквивалент моего желания топнуть ногой в порыве боли и отчаяния, однако под влиянием его явного безразличия я словно утопала и чувствовала, что надо что-нибудь сказать или совсем идти на дно. В ответ на этот небольшой взрыв гнева он рассказал, что один из его друзей на ферме только что говорил ему после встречи со мной: «Стив, я знал, что у тебя есть вкус». «*О*, – подумала *я*, – *он сказал это про меня, чтобы сделать Стиву комплимент*». У меня возникло ощущение жизненно важной коммуникации, связи, признания моей ценности, однако с некой хитрой оговоркой. Словно он дотронулся до кармана, чтобы найти там нечто великодушное и быстродействующее, чтобы облегчить мою боль и смущение. Однако вся эта алхимия неожиданного подарка удивила нас обоих, поскольку идеально подходила для расставания. Его слова придали мне уверенности. Они освободили меня. После этого я чувствовала, что мне не нужно более давить на Стива, заставляя его проявлять любовные чувства, которые он не хотел демонстрировать. С моих плеч упал груз, я стала счастливее, в мои паруса подул свежий ветер.

Сам факт, что Стив пригласил меня на единую ферму, стал его подарком для меня и стремлением поделиться со мной тем, что было для него важно. Я знаю точно: Стив проявлял

великодушие, когда дело касалось блестящих мыслей и идей. В течение следующих пятнадцати лет он приглашал меня на ряд мероприятий в Apple, и это всегда было для меня загадкой, поскольку, стоило мне действительно постараться и прийти, он неизменно игнорировал меня. Вероятнее всего, он принимал решение направить мне приглашение в момент вдохновения, поскольку ему нравился мой интеллект и он хотел поделиться со мной новой идеей, однако в конечном итоге он никогда не мог вспомнить об этом или осуществить задуманное достаточно дружелюбно. Мне тоже всегда было сложно выносить такое отношение к себе.

* * *

Однажды вечером, ближе к концу нашего с Лорой нахождения на единой ферме, я зашла на кухню и обнаружила, что прибыла новая волна визитеров. Среди них была женщина с четырехлетней дочерью. Они стояли в центре кухни, их окружали около десяти человек, включая меня. На девочке были надеты длинное платье и сандалики. Ее мать носила длинную юбку в стиле хиппи с симпатичной блузкой и вьетнамками. Она являла собой идеальный пример доброты, высокая и непоколебимая рядом со своей маленькой девочкой. Все болтали, как это свойственно женщинам, осыпая их похвалами и пожеланиями. Кто-то сказал, что ребенок родился в мае и по гороскопу был Тельцом. «*О*, – размечталась я, – *маленький Телец*!» Я была очарована ребенком, поскольку вокруг нее чувствовалась такая мощная аура. Не задумываясь и находясь в полном изумлении, я поймала мысль: «*Хочу себе маленькую девочку как она, маленького Тельца!*» Я знала, что женщина была матерью-одиночкой, однако в тот момент даже это обстоятельство казалось мне нормальным. Это желание настолько быстро пронеслось в моей голове и основательно поселилось в ней, настолько покорило меня, что я полностью не осознавала, что уже нахожусь на пути его реализации.

Много лет спустя другие женщины – я знаю по крайней мере трех – смотрели на моего ребенка и тоже думали, что хотят такую же девочку. Все оказались очарованы Лизой, как я была очарована тем ребенком на ферме, и все обзавелись дочерьми. Удивительно, что каждая из них находила меня после рождения ребенка, чтобы гордо заявить мне, как члену какого-то тайного общества: «Теперь у меня есть девочка, и она очень похожа на Лизу». Наклоняя головы, они улыбались, и в их глазах отчетливо читалась

гордость, точно выражавшая то, что нельзя было передать словами: «Моя дочка тоже очень на нее похожа».

Я плакала навзрыд, когда мы с Лорой в конце недели покидали единую ферму. Я чувствовала себя там как дома. Такого я больше нигде не испытывала. Дело было не только в Стиве, поскольку его чрезмерная раздражительность мешала ему находиться с остальными и разбавлять свою боль смехом и добротой. Дело было в самой ферме и тамошней жизни, которая так пришлась мне по душе. Существовал некий элемент, насыщавший мое пребывание в том месте, качество, по которому, как говорит Руми, «тосковала вся твоя жизнь». Подъемы на рассвете и участие в медитации, прекрасное чувство сконцентрированной работы с остальными, сидящее глубоко внутри, и при этом столько всего, чего нельзя передать словами. Возможно, это было влияние Ним Каролли Бабы, потому что однозначно казалось, что кто-то, обладающий такой же огромной любовью, как он, выступал священным хранителем этого места. Стив, бывало, говорил, что отдельные части чего-то в сумме могут превосходить целое. Эта характеристика идеально подходила для единой фермы. Я хотела остаться там навсегда и никогда ее не покидать. Ничто во мне не могло скрыть глубину и чистоту печали, которую я испытывала, покидая это место. Я обещала уехать с Лорой, однако стояла у двери машины и плакала. Хотя в следующей жизни я там останусь.

Единая ферма являлась обществом мудрости, где мы все всё еще были так молоды и глупы. Это духовное сообщество работало для принесения прибыли. Святилище. Именно в том месте и в то время компания Apple получила свое название, и именно там у меня впервые появилось желание обзавестись жизнерадостной, счастливой, духовно развитой дочкой.

Глава 10
Практичное и поэтичное

У меня всегда был причудливый талант обнаруживать самые лучшие книги, фильмы и одежду, заходить в магазин и сразу же находить нужную вещь, без дополнительных изысканий и сравнений. Это идеальное чувство истинной находки. Именно его я испытала весной 1975 года, когда наткнулась на ресторан «Pan's», расположенный в центре Лос-Альтоса. Я была очарована этим небольшим заведением, а особенно тем, как парадная дверь в форме маленького углубления отгораживалась от улицы. Поэтому я решила зайти внутрь.

Мужчина лет тридцати пяти с бритой головой стоял за прилавком и занимался приготовлением пищи. Он был сравнительно коренастого телосложения, обладал крупной грудной клеткой и почти не поднимал ног от земли, словно в его жилах текла кровь хоббита. В его глазах чувствовалась кристальная твердость, не жестокая, но хрустально прозрачная и настойчивая. Воздух вокруг него был настолько ощутимо приглушенным и сосредоточенным, что казалось, что я попала в другой мир. Кроме нас двоих в помещении никого больше не было, поэтому установившаяся поначалу в комнате напряженная тишина давила на нервы. Однако вскоре она переросла в нечто миролюбивое. В конечном итоге он спросил меня, что я желаю, затем повернулся, чтобы закончить ряд своих остальных дел, прежде чем приступить к приготовлению моего заказа.

Во время ожидания я не переставала ерзать. На прилавке рядом с книгой отзывов и предложений я заметила брошюру о дзен-буддизме, которая привлекла мое внимание. «Вам стоит ознакомиться с ее содержанием», – сказал мужчина. Затем он вновь ушел с головой в работу. Я взяла брошюру и начала ее читать, поглядывая на мужчину, пока тот готовил мой ланч. Он двигался очень размеренно, стряхивая крошечные капельки воды с одного листа салата за один подход, а затем возвращался на место, чтобы положить их на кусок хлеба, который только что отрезал. В итоге он принес мне сандвич и сделал это с такой заботой, что у меня появилось странное чувство, будто меня обслуживает кто-то с очень высоким уровнем духовного развития. Именно с помощью этого сандвича, наполненного брюссельской капустой, я впервые познакомилась с миром дзен-буддизма. Мужчину звали Стив Бодхиан, и он был рукоположенным монахом.

Я увидела Стива Бодхиана в его монашеском одеянии в следующую среду в хайку зендо Лос-Альтоса, месте, изображенном на брошюре. Зендо было расположено в двухместном гараже, переоборудованном в современный японский центр медитации. Впервые туда попав, я увидела великолепные, окрашенные в пшеничный цвет татами, которыми оказался застлан весь пол, и похожий на балкон ярус для сидения, тоже покрытый ими. Передняя стена была оборудована сценой в форме островка, построенной специально для учителя, с двумя выступающими платформами позади него, где сидели наиболее продвинутые ученики. Выглядящие по-королевски свитки с японской каллиграфией висели за сиденьем учителя, а перед ним были разложены церемониальные принадлежности: чаша в форме ладана, подушки, на которых были колокольчики двух размеров, похожие на кубки, колотушки и длинная палка. Помещение не было слишком просторным – в нем могли поместиться всего около 17 человек, – однако настолько хорошо организовано и так красиво, что пустота комнаты казалась всеобъемлющей.

Я звонила в течение недели, и мне было сказано приходить в среду в 17.30, на час раньше группы, чтобы я могла научиться, как «сидеть» и вести себя, когда придут остальные. Худощавый мужчина лет тридцати уже ждал меня снаружи, когда я добралась до нужного места. Мы сняли обувь, затем он достал из стоящего снаружи деревянного ящика две овальные подушки для медитации, называемые дзафу, и два мягких мата – дзабутоны. Он передал мне подушку и мат, затем взял свои под мышку. Я последовала его примеру, после чего мы приступили.

Меня предупредили, что я должна поклониться, прежде чем войду в зал. Затем мы бесшумно передвинулись к деревянной платформе, где он продемонстрировал три различных способа сидения. Первый состоял в том, чтобы подогнуть ноги под себя с каждой стороны подушки. Он сказал, что именно таким образом сидят японские женщины, одетые в кимоно. Следующими позами были полулотос и полный лотос, сразу после чего мой проводник отметил важность поддержания тела в стабильном положении, которое я могу обрести путем триангуляции моей нижней части тела на подушке и коленей на мате. Он сказал мне: «Делай так, как у тебя будет со временем получаться». Меня забавляли его инструкции, я пыталась всячески шутить, чтобы установить с ним личный контакт. «Равнозначно ли падение с подушки выпадению из вагона?» – спросила я. Однако он был полностью погружен в работу, так что я угомонилась и сконцентрировалась. Затем он показал мне, как сложить кисти рук в симметричную чашевидную

форму, называемую мудра, и разместить их напротив нижней части живота, возле пупка. Когда пришло время, мне следовало повернуться лицом к стене и сохранять абсолютное молчание. При этом мой подбородок должен был быть слегка прижат, а верхняя часть головы наклонена вперед – так я сохраняла прямую осанку. Я также должна была держать веки частично открытыми и расслабленными. Медитация с открытыми глазами типична для дзен-буддизма. Более того, говорят, что точность формы, которую принимает тело, является сама по себе просветлением. В дзен-буддизме ты не пытаешься достичь просветления, по логике ты уже просветлен, поэтому здесь речь не идет о каком-либо путешествии и постижении чего-либо. Эта религия убедительна, элегантна и обманчиво проста.

Спустя некоторое время я обнаружила, что все люди в зендо были умными и немного экстравагантными, спокойными, заботливыми и по-доброму посмеивающимися над странными вещами. Казалось, что все они поэты, и/или ученые, или женаты на поэтах и/или ученых. Большинство из них были каким-либо образом связаны со Стэнфордским университетом. Позже я узнала, что японский буддизм частично был создан для японского интеллектуального класса как деятельность по освобождению сознания от интеллектуального шлака. В конечном итоге в моем понимании все элементы мозаики сложились воедино, однако в первый день я будто попала в центр девственного леса людей-деревьев.

В тот вечер я сидела в положении полулотоса на протяжении кажущихся практически невыносимыми сорока минут медитации, пока наконец изящно не прозвенел колокольчик. Когда это произошло, все поклонились. Все еще сохраняя тщательную внутреннюю концентрацию, люди быстро повернулись вокруг на своих пятых точках, продолжая смотреть вниз, но на сей раз лицом к группе и учителю. В этот момент в комнату вернулась тишина, и я чувствовала, как открылось глубокое резонирующее пространство и как каждый человек, присутствующий в комнате, становился цветущим источником тишины. Комната была наполнена проникновенным чувством одобрения. Тишина коллективной силы впечатляла, пока учитель тщательно думал над тем, что скажет. Он не торопился начинать говорить, а я была в такой агонии, что не удержалась и осмотрелась вокруг, чтобы убедиться, что все идет так, как должно. *О мой бог! Неужели мы все действительно просто собираемся так и сидеть?*

Наконец учитель заговорил, и это была изысканная, осторожная речь. Я никогда не слышала такой абсолютной и кроткой уверенности. Я помню, как он сказал: «Мы идем к правде

ни с чем и вернемся ни с чем». Это была традиция дзен, и она проникла прямо в глубину моей души. Я не могла отвести взгляда от учителя, да и не хотела, хотя и подозревала, что это, возможно, невежливо. На нем была красивая мантия в оборку с длинными рукавами с петельками. Большую часть его тела покрывали великолепные складки черного материала с белыми и цвета слоновой кости воротничком и манжетами. Его фигура дышала безмятежностью. Ему трудно было скрывать свои эмоции, они все, от серьезности до веселья, отчетливо читались на его лице. Впервые в жизни я настолько вдумчиво слушала кого-то из Японии, и из-за правды на его добром лице и мягко произносимых слов голосом янтарного тембра я почувствовала исключительный прилив очищения.

В компании могучего учителя и взрослых студентов я успокоилась и осознала, что я в комнате сидящих Будд. На протяжении часа, пока говорил учитель, из палочек с благовониями струилась вверх волна голубого дыма, чтобы сначала заполнить все пространство вокруг, а затем осыпаться белым пеплом в чашу, откуда она исходила. Как только село солнце, небо окрасилось в темный цвет, а внутри помещения разлился тонкий свет от свечи. По мере того как учитель делился с нами своими размышлениями, я вдруг почувствовала единение со всеми немногими, присутствующими в комнате. И в то же время это чувство было близко к великодушию и, казалось, охватывало весь мир, как будто ты наткнулся на совершенную, красивую ракушку, сложную и невредимую, лежащую на берегу, – подарок от турмалинового моря. «*Что я нашла?*» – спрашивала я себя. На протяжении следующих трех лет я выслушала огромное количество лекций, похожих на эту первую.

Неожиданно учитель прекратил свою речь. На его глазах появилась легкая повязка, когда он оставил нас изучать глубины своей души. Звеня подносами, на которых располагались белые чашки, два чайника зеленого чая и небольшое печенье, в помещение вошли два человека. Один за другим были обслужены все присутствующие в комнате: кружка, чай, салфетка и печенье – оба официанта подходили к каждому, кланялись, опускались на колени и снова поднимались, чтобы перейти к следующему человеку.

После медитации, лекции, выпитого чая и возврата чашек прозвенел миниатюрный звонок, и все поклонились друг другу. Всё закончилось. Люди встали на колени, чтобы взбить свои подушки, а потом поднялись. Держа в одной руке дзафу и дзабутон, каждый по отдельности кланялся и дотрагивался другой рукой до того места, где только что сидел, отдавая дань

уважения пространству, которое их приютило. Затем все бесшумно двинулись к выходу, сделав последний поклон перед дверью, прежде чем ступить на ночной свежий, прохладный воздух. На улице люди очень тихо говорили и смеялись, когда обувались, а их брюки трещали на коленях.

Я пыталась выяснить имя учителя у одного из мирских монахов, парня по имени Траут, который был так любезен и представился. Однако его поведение изменилось, когда я неверно назвала его учителя Чино. Имя учителя было Кобун, а Чино – фамилия. Кобун Чино Сэнсэй, то есть учитель Кобун Чино. Позже он стал Кобун Чино Роши, то есть мастер Кобун Чино. Все слоги из имени учителя были настолько мне незнакомы, что я не имела ни малейшего представления, где начинается или заканчивается тот или иной звук. Я старалась, как могла, однако без особого успеха. Очевидно, этим я обидела монаха, который, казалось, возмутился. «Тебе бы понравилось, если бы я звал тебя Бреннан?» – воскликнул монах. «*О, парниша, как же тебя легко обидеть!*» – подумала я. Позже я поняла, что требование Траута быть точной в своих высказываниях является ключом ко многим важным вещам.

Вскоре после этого я узнала, что Кобун, которому тогда шел пятый десяток лет, прибыл в США, чтобы стать настоятелем в калифорнийском буддийском монастыре Тассахара по просьбе Сузуки Роши, и покинул Японию, не получив благословения своего учителя. В культуре, в которой такое большое значение отводится церемониальному порядку, очищению и согласованности, Кобун отважился на большой риск, отправившись в Америку. Лишь позже – намного позже – его учитель воздал ему полностью по заслугам и сказал, что он поступил правильно.

Та ночь в зендо заставила мою голову кружиться. Пока я суммировала свои самые первые впечатления и собиралась уходить, я оглянулась по сторонам и, к своему большому удивлению, заметила Стива всего в восьми футах от меня. Я не видела его и не получала от него ни одной весточки со времен нашей встречи на ферме Роберта. Он стоял в стороне от группы, ожидая в полутьме. Учитель повернулся к нему спиной, заставляя Стива ждать, и приветствовал подходящих к нему людей, исполняя часть вечернего ритуала. Ученик, ожидающий учителя, – эта ситуация стара, как сам мир. Стив был максимально сконцентрирован, однако выглядел настолько худощавым и уязвимым – казалось, он едва держится на ногах. Мое сердце наполнилось жалостью, однако я также была просто очень рада видеть его, так что подошла, чтобы поздороваться. Тем не менее, когда он заметил меня, я увидела, как его лицо

перекосилось от мысли: *о нет, только не ты.*

«Когда ты вернулся с фермы? – спросила я. – Ты живешь у родителей?» Стив давал расплывчатые и односложные ответы и смотрел на меня свысока, словно я была дном очень глубокого ущелья. Он превратился в чужака, и это потрясло меня до глубины души. Я попрощалась и ушла так быстро, как могла.

Во время следующего сеанса медитации в среду я избегала Стива, чтобы не заставлять никого из нас испытывать дискомфорт, однако в конце вечера он подошел ко мне и спросил, не хочу ли я зайти в гости к его родителям на ланч на следующей неделе. Я согласилась.

Я была рада снова увидеть Клару и за короткое время нашего общения почувствовала, что она стала великодушнее и веселее. Она отвела меня на задний двор, где на небольшом травянистом бугорке сидел Стив и смотрел на небо. У него было радостное, изумленное выражение лица, а вокруг него концентрировался такой гул энергии, словно кто-то только что совершил хлопок двумя огромными музыкальными тарелками над его головой.

Задние дворы в пригородах Калифорнии часто бывают огорожены шестифутовым забором из красного дерева по границам участка. Как правило, они состоят из небольших, имеющих форму боба лужаек с бобовидными террасами и бобовидными бассейнами. После огромных лесов Среднего Запада эти задние дворы всегда казались мне крошечными, но также и необычными, как зимний сад, украшенный экзотическими цветами и солнечным светом. И мне всегда нравилось то, как они, казалось, создают личный участок неба – одновременно особенно и отчасти скупо.

Все то время, что я знала Джобсов, их задний двор был бесплодной, выжженной землей. Далеко не личный райский уголок, их двор представлял собой пустую коробку с традиционной лужайкой с ползучими сорняками и пятнами от воды, которые покрывали темное ограждение, словно замысловатая армия тлей-древоточцев. Однако в тот день я лицезрела его превращение из Канзаса в Оз. Зеленый сад, около шестидесяти футов в ширину и тридцати футов в глубину, покрывал заднюю треть земельной собственности. Признаками бурной деятельности в саду стояли стойки, шпагаты и циркуляры металлической формы, удерживающие растения в какофоническом подобии порядка. Складывалось ощущение, словно территория заднего двора все минувшие годы ждала этого вопиющего правосудия.

В Индии говорят, что ребенок не в состоянии каким бы то ни было образом ответить родителям за жизнь и заботу, которые они

ему подарили. Я прочитала это в книге Рама Дасса, данной мне Стивом, «Будь здесь и сейчас». В Америке в шестидесятых или семидесятых не было принято выражать благодарность родителям, однако Стив нарушил привычные нормы. Казалось, что после его возвращения из Индии для него стало самым важным отблагодарить родителей за все то, что они для него сделали. Красивый сад олицетворял собой проявление его благодарности. Это была одна из великих характерных черт Стива – объединять практичное и поэтичное. После того все время, что я знала Джобсов, они всегда весною засаживали сад, и казалось, что это обстоятельство делало их счастливее.

Стив посмотрел на меня с небольшого холма в правой части сада. С легким вздохом он поднялся и, пока я стояла в дверном проходе, придерживая своим телом дверцу с проволочной сеткой, неким образом ожидая приветствия или по крайней мере улыбки, проскочил мимо меня на кухню. Встреча была настолько небрежной – даже разочаровывающей, – что мне стало интересно: а не явилась ли я не в тот день? Почему такое безразличие? Он пошел к плите и начал жарить в масле коричневый рис. Абсолютно растерянная, я подошла посмотреть, что он делает. Я никогда не видела, чтобы рис готовили подобным образом – идеальные толстые зерна полупрозрачного маленького коричневого риса, поджаривающиеся в крошечных пузырях кунжутного масла. Я была поражена. Даже кастрюля с длинной ручкой, в которой происходило все действо, оказалась великолепной. Такой подход к приготовлению риса был настолько нов для меня, что он спровоцировал внутри меня небольшую революцию. И я не преувеличиваю тот эффект, который он произвел. Я стояла позади него, бормоча что-то в волнении, пытаясь передать увиденную мною красоту, потому что не могла остановиться. Он продолжал молчать. Его манера поведения отталкивала и производила впечатление настолько же суровой, насколько безразличной. Я боялась, что мое присутствие он, вероятно, переносил с трудом. Это все при том, что само приготовление пищи было настолько великолепным.

Я отошла в самый дальний угол маленькой кухни. Затем Стив залил кипящую массу водой и закрыл крышкой сковороду. Все происходящее выглядело странным. Он не только не говорил со мной, но и само его поведение и безразличная манера отбивали все мое желание с ним разговаривать. Затем, когда он бросил несколько зерен приготовленной на пару волокнистой фасоли из сада в чашку и добавил туда соль, я наконец-то с облегчением осознала, что он готовился к моему приходу. «Садись, – приказал он, после чего бросил через стол тарелку с фасолью в моем

направлении и рявкнул: – Ешь!»

На Востоке существует традиция усмирения своего эго жесткими способами. Индусы, тибетские буддисты, даже суфийские мистики считают, что для спасения человека от его собственного невежественного эго любые средства хороши. Так, например, если гуру говорит тебе спрыгнуть с обрыва, то ты бежишь к ближайшему и бросаешься с него вниз головой, поскольку это значит, что в следующей жизни ты будешь более просветлен. В наше время знаменитый учитель йоги Айенгар мог в прямом смысле слова ударить ученика, если у него возникало ощущение, что тот пытается выделываться, исполняя различные элементы йоги. За подобное поведение в США могли бы и засудить, однако на Востоке ты бы посчитал себя счастливчиком, имея такого учителя.

По всей видимости, Стив пытался играть роль учителя, рассматривая меня в качестве своего ученика. Это оказалось слегка чересчур – практиковать на мне такие вещи, особенно учитывая, что я об этом не была осведомлена. Обычно для установления отношений в формате учитель/ученик требуется согласие обеих сторон – однако я никогда не давала ему согласия на подобные вещи. Казалось, что я должна была играть роль объекта его шарады на протяжении всего ланча, но я чувствовала себя мучительно обиженной, поскольку он не разговаривал со *мной*. Я хотела уйти, однако сжала зубы и осталась. Позже я узнала, что каждый, кто знакомится с восточными духовными традициями, пытается примерить на себя поведение своего духовного наставника. Это затруднительно, однако все проходят через это тем или иным образом, что зависит от учителя, поведение которого они имитируют. Судя по всему, Стив имитировал поведение шестидесятилетнего индийского гуру, Ним Каролли Бабы, потому что он строил гримасы, чтобы изобразить глубокие морщины и большой нос, как у старика. Как можно не захотеть сымитировать поведение своего учителя, когда тебе действительно удалось познать истину, которую он олицетворяет?

Сидя за столом, я подвинула к себе тарелку с фасолью. Я никогда не любила стручковую фасоль и ожидала огромного разочарования, пока выполняла свою роль гостьи. А затем я собиралась пойти домой и заплакать. Таков был мой план. Однако как только я попробовала первую ложку, пища неожиданно оказалась настолько восхитительной, что я снова начала что-то лепетать Стиву. За всю жизнь я никогда не ела столь идеально приготовленной стручковой фасоли; по правде говоря, я не ела ничего более вкусного, чем эта фасоль. И, как

идеальное размещение драгоценного камня в благородном металле, все стало на свои места: в жизни Стива происходило что-то, заслуживающее внимания.

Суровое поведение Стива в сочетании с прекрасной готовкой, качеством и вкусом пищи и нашим совместным пребыванием в комнате представляло собой ударное смешивание особенной тьмы и света. Складывалось впечатление, что вся сцена была снята в замедленном темпе. Меня заботили лишь светлые моменты и поиск истины, а на остальное я не обращала внимания. Это плохая стратегия, однако именно ее я использовала, чтобы пережить совместное пребывание с матерью, и именно она наделила меня ярким взглядом на жизнь. После ланча, когда я уходила, Стив пригласил меня прийти снова в следующую субботу. Я согласилась и сказала себе: будь что будет. Я однозначно хотела заполучить новую порцию фасоли, однако он больше никогда ее не готовил. Это было так в стиле Стива!

Когда я снова пришла в субботу, от Пола исходил более яркий свет. Этот свет был ярче, чем во все остальные времена, когда я его видела, хотя в нем явно присутствовала частичка стремления отомстить. Зайдя на задний двор Джобсов поздним утром, я обнаружила все в суматошном движении – постановочном. Стив, как всезнающий режиссер, демонстрировал хорошую выдержку и несомненное чувство удовлетворения, когда показывал и говорил родителям, что они должны делать. Пол прошел мимо меня, управляя тачкой, на три четверти наполненной травой, наполовину усохшей под воздействием солнца. У него на лице сияла улыбка, и он на что-то походя мне пожаловался. Это был все еще тот же самый Пол Джобс, однако теперь он светился, как счастливый ребенок и его хрупкость искрилась отчаянной радостью. Работа в саду способна наделять людей высоким уровнем возбуждения и подпитывать их новой энергией. Счастье Пола служило для меня подтверждением правоты этого тезиса.

* * *

На протяжении следующей пары месяцев, пока мы со Стивом проводили вместе время, отношения между нами стали немного налаживаться. Хотя мы не особо задумывались о системе нашего общения, я с большим уважением относилась к переменам, через которые он проходил. Ему, должно быть, нравилось, что я находилась с ним рядом, поскольку он приглашал меня к себе домой… на полупостоянной основе. Стив превратил кладовую на

заднем дворе дома в спальню. Это было небольшое шаткое строение, однако идеально подходившее для того, чтобы привыкнуть к США после Индии. Стив спал в своем спальном мешке на пенопластовом мате на голом деревянном полу. Помещение было чистым и опрятным, с минимумом вещей – несколько книг по духовной тематике, свечка и его подушка для медитации. Эта простота была настолько великолепной и искренней, что мое прежнее восхищение им вновь дало о себе знать.

Однажды Стив пригласил меня зайти к нему примерно в одиннадцать вечера, после того как я провела время с друзьями. Когда я появилась, он велел мне раздеваться. Держа в руках бутылку мыла Dr. Bronner с запахом мяты, он сказал что-то наподобие: «Мы должны тебя отмыть». Стиву очень нравилось мыло фирмы Dr. Bronner. Для него оно было прекрасным коммерческим достижением: его высокая полезность, экологическая основа, философски монистическая эстетика. Стив держал в руках садовый шланг, когда говорил мне, что делать.

«Я полью тебя водой. Затем помою всю тебя сверху донизу с помощью этого, – сказал он, показывая на мятное мыло. – Затем я снова тебя ополосну».

Не впервые один из нас считал, что другой полностью слетел с катушек. Стояла холодная ночь, вода в шланге была, скорее всего, ледяная, и я находилась во дворе дома его родителей, не более чем в пятнадцати футах от задней двери их дома. Этих трех причин было достаточно, чтобы его затея выглядела неосуществимой.

– Ни за что! – приглушенно провопила я. – Могут вернуться твои родители и обнаружить меня голой!

Однако он так настойчиво требовал, чтобы я выполнила его указания, что даже разозлился. Его слова превратились в быстрое, неясное бормотание – требовательное, но по-своему также и умоляющее.

– Просто сделай это, – сказал он, сердито посмотрев на меня. – Мои родители не собираются заходить на задний двор в это время! Давай, Крис!

– Я не стану этого делать, – прошипела я в ответ. – Ты, должно быть, шутишь, на улице холодно. И ты не можешь точно знать, что твои родители не возьмут и не заявятся!

Я была очень встревожена, жесткость его требования вызывала отвращение. Сейчас я могу представить, как он думал, что мне «необходимо проснуться», как отшельнику, признающему свою вину через отрицающее наличие телесной оболочки омовение. По всему выходило, что он что-то принял – то ли

лекарство, то ли наркотик – перед моим приходом, однако в очередной раз он не раскрывал никаких подробностей, поэтому я настолько же не была склонна подчиняться приказам, насколько он не собирался вдаваться в объяснения.

В общем, я сопротивлялась многим пигмалионовским импульсам Стива по принципиальным мотивам. Когда я думаю об этом сегодня, мне кажется, что все те случаи, когда я должна была сказать Стиву «нет», объединились внутри меня и образовали своеобразную систему сообщающихся пещер. Он, вероятно, был абсолютно убежден, что он должен стать моим гуру, моим учителем, моим лидером – этот его порыв проявлялся еще долго и часто на протяжении дальнейших лет, – однако мне так никогда не казалось. Я думаю, что в ту ночь мне было жаль нас обоих.

И тем не менее как я могла не оказаться абсолютно очарованной им, когда он был настолько одержим целью? Стив, сбитый с толку безумный шаман, редкий баловень, вел себя тем летом более экстраординарно, чем когда-либо, и я, как всегда, обнаружила необходимость защищать его разбитую и надломленную красоту. В те дни наши отношения были исключительно плотскими. В Индии внутреннее сияние Стива обрело свободу, и я думаю, что он держался обособленно, чтобы увидеть, к чему это приведет. Я даже не уверена, что он знал, что с ним творится. Я понимала и уважала это, поскольку все происходящее было настоящим.

Я не знала, что он значит для меня. Он не знал, что я значу для него. Мы не знали, что мы значим друг для друга. Я всего лишь пыталась приспособиться к обстоятельствам, поскольку он оставался важен для меня. Словами это чувство не описать. По моим ощущениям, Стив находился в аморфном состоянии и никак не мог определиться со своими желаниями. То, что он доверял тому, что с ним происходит, когда он был в настолько нестабильном состоянии, кажется мне сегодня феноменальным. И хотя я уверена, что не знаю всей ситуации, возможно, будет справедливо сказать, что во время того периода Стив приходил в себя после потрясения, пережитого в Индии. Готовил себя к тому, чтобы стать тем, кем он стал.

* * *

В науке о метаморфозе насекомых существует термин *имагинальные диски*, который описывает группу клеток в организме насекомого, ответственную за трансформацию. Я

думаю, что у людей тоже есть имагинальные диски. Не все осознают наличие такого огромного потенциала, однако Стиву это удалось. И именно тогда начался процесс его раскрытия, позволивший разработать новый тип кода для тех невероятных перемен, через которые он будет развиваться. Его разум выходил на новый уровень развития.

Это был сложный процесс, потому что, как мне кажется, Стив выходил за рамки разумного. В своих элегантных попытках достичь некоего более высокого, более совершенного состояния я ощущала и видела, что Стив также начал отвергать женский аспект и считать его второстепенным по отношению к блистательному мужскому. О да, это уходящий своими корнями в античные времена вопрос. Когда Стив вернулся, я испытывала крайнюю неловкость в связи с его мнением относительно меня и всех женщин в целом. Количество его аргументов по вопросу, связанному с женщинами, было значительным, и он не стеснялся их озвучивать. Он позволял себе острую критику, полную резких реплик, как, например, – «плохая женщина подобна змее в траве» (это высказывание взято из книги «Будь здесь и сейчас») и «если бы женщины были хорошими, они бы не испытывали боль при рождении ребенка». К сожалению, больше я ничего не могу вспомнить. Зато я отлично помню, что эти высказывания сопровождались смехом зазнайки или сдержанным молчанием такого же зазнайки. Когда дело касалось женщин, Стив не ставил под вопрос свое право критиковать или определять значимость. Если у Стива и имелся талант от Бога, то это был его не терпящий возражений голос. Однако его идеи по поводу женщин стали причудливо фундаменталистскими.

Стив находился в процессе своего рода духовной трансформации. Одновременно он достигал мужской зрелости и принимал на вооружение негативные мифы, которые мужчины придумывали по поводу женщин на протяжении всех времен. Одно было связано с другим. Я помню, в моем детстве люди жали на гудок автомобиля всякий раз, когда видели пару молодоженов. По всей свадебной машине было написано кремом для бритья или стирающейся краской «Молодожены», а к заднему бамперу привязаны консервные банки. Когда мой отец слышал эти гудки, он поднимал глаза и говорил: «Ах, еще один хороший мужчина потерян». В то время это высказывание казалось мне чрезвычайно забавным, и я смеялась над папиной шуткой, однако более глубокий смысл этой точки зрения означал, что для меня, как для женщины, не найдется своего места и будущего в отношениях с мужчиной, который не окажется проблематичным. Стив оставил меня с тем же самым чувством «отсутствия своего места».

Когда в мое девичье сознание проникла информация о программе по освоению космоса президента Кеннеди и феминистском движении, я решила, что хочу стать астронавтом. Меня никогда не посещало желание стать женой человека, ходящего по Луне, поскольку я не сомневалась, что хочу и способна на то, чтобы у меня были собственные приключения. Теперь я думаю, что без женского движения не появилась бы и космическая программа. Они возникли в одно и то же время, а это означает, что они являлись частью коллективного диалога между мужским и женским началами. Попытки разобраться в том, что значит быть мужчиной и женщиной, довольно часто вводили меня тогда в заблуждение. Однако, по крайней мере, мечты маленьких девочек стали больше и отважнее, и этот факт сподвиг нас создать будущее, в котором эти мечты могли бы быть реализованы.

* * *

Стив привез домой из Индии новые духовные идеи и стремился претворить их в жизнь. Возможно, именно по этой причине некоторое время спустя после случая с мылом Dr. Bronner между нами возник заметный разлад, когда он спросил, не хочу ли я заняться с ним тантрическим сексом в его сарае в саду. Его вопрос прозвучал словно мольба. В мгновение ока я потеряла контроль над собой. У меня пошла кругом голова. Насторожившись, но не потеряв способности быстро мыслить, я задалась вопросом: *Стив хочет использовать тантру, поскольку она оправдывает секс, при том, что он так пытается стать кем-то вроде аскета?* Знал ли он вообще, как заниматься тантрой?

Вообще я открыта риску (возможно, даже чересчур), однако моя реакция на эту его просьбу была продиктована глубоким чувством самосохранения – частично из-за той манеры, в какой Стив попросил меня, частично из-за того, как он ко мне относился. Единственное, что я знала о настоящей тантре, – это то, что лучше с ней не связываться, если ты не посвящен, не готовился к ней некоторое время, проходя обряды очищения, и если за тобой не надзирает учитель. Я не думаю, что Стив был готов. Я точно знала, что я не была готова. Думал ли Стив, что он достаточно умен, чтобы разобраться во всем этом за нас двоих? Думал ли он вообще?

Тантра – это профессиональное познание духа в человеческом теле. Необходимы практика и непорочность, чтобы справиться с энергией сосредоточенного в теле духовного

движения, называемого кундалини. Я знала, что кундалини может быть высвобождена внутри одного человека или между двумя людьми в священном союзе. Тем не менее без правильного подхода огонь кундалили может промчаться через эфирное тело настолько быстро, что способен причинить вред на всю оставшуюся жизнь. Как мне было известно, вызов кундалини мог стать самой грубейшей ошибкой, какую человек способен допустить, если сделает это неверно, и наиболее важной вещью, если все сделать правильно. Не знаю происхождения таких глубоких познаний, однако они у меня были, поскольку это такая вещь, на которую я обращаю внимание. Я боялась тех сил, что могут быть выпущены через нас, или, еще хуже, что ничего не изменится и я буду просто участником самообмана Стива. Но я не сказала ему ничего этого. Я просто не знала как. Единственным, что я промолвила, было выразительное «Нет».

* * *

Я думаю, что многим людям стоит сначала заполнить духовную нишу внутри себя, прежде чем приступать к реализации своего истинного призвания. Бранч Рики, мой двоюродный дедушка, сначала проучился в семинарии и только потом ушел в бейсбол и содействовал решению расового вопроса в американском спорте. Стив отправился в Индию, потому что, при всем огромном уважении к Бобу Дилану, он нуждался в чем-то большем, чем мог дать ему певец – автор текстов популярных песен, что бы вдохновило его заниматься тем, чем он будет продолжать заниматься.

Говорят, что мы не выбираем богов, а они выбирают нас, когда мы к этому готовы, и я чувствовала, что что-то подобное произошло со Стивом в Индии. Некий большой исконный бог выбрал Стива. Он казался настолько другим после своего возвращения из Индии, что я ощущала, что он был причислен к числу «готовых». Он знал что-то глубоко внутри. Казалось, что теперь он чувствует себя комфортнее в своем теле. Несмотря на его чрезмерную уязвимость и неуравновешенность (или, возможно, из-за этого), я видела, что внутри Стива загорелся огонек и что-то внутри него нашло свое подтверждение. Прежде чем полностью завершить процесс преобразования, он прошел через странный промежуточный этап (живя в сарае на заднем дворе). Однако он не затянулся надолго.

В Индии священный мужской принцип представлен троицей богов. Это Брахма-создатель, Шива-разрушитель, Вишну-

избавитель, каждый из которых по-своему является богом-создателем. Сейчас я думаю, что Стив был выбран Шивой, разрушителем, поскольку его следы наблюдались во всех действиях мальчика. Шива-обманщик. Шива-аскет. Шива – высокомерный создатель, который разрушает все, что было раньше, чтобы породить новое. Стив продолжал изменять все, к чему он когда-либо прикасался, и мир уже никогда не оставался прежним.

Глава 11
Хранитель врат

Так как Стив и я не смогли по-настоящему сойтись, мы пошли своими дорогами. Стив не покладая рук трудился с Кобуном, Возом и остальными. Я отправилась в колледж с двухгодичным курсом обучения, чтобы иметь возможность учиться у лучших преподавателей живописи, которых я когда-либо видела.

Гордон Халлер был феноменом. Он читал потрясающие лекции об эволюции искусства, а сам проявлял настолько язвительную честность и бдительность, что фактически наводил ужас. Я помню одну из лекций в середине семестра, когда погас свет и один из моих одногруппников наклонился и прошептал: «Пристегни ремень безопасности». Это был отличный совет. И я им воспользовалась. Гордон Халлер служил примером для подражания для молодых художников не только потому, что его работы покупались и вывешивались в крупных художественных музеях Нью-Йорка, но и потому, что он и его творения были так прекрасны, умны и пугающи. Он объяснил нам, что абстрактно-экспрессионистские картины Джексона Поллока были посвящены эпохе ядерного противостояния и что они содержали в себе энергию бомбы. Он призвал нас признать тот факт, что в большинстве случаев брызги краски на полу – как следы от шин на дороге – обладают большей энергией, чем наши картины. Он побуждал людей создавать произведения, основываясь не на том, что мы знаем, а исходя из непосредственного прямого восприятия. Хорошо это или плохо, он убедил меня оставаться верной себе как художнику. И я никогда не прекращала творить и создавать по большей части из-за его влияния.

В художественных классах, где большинство преподавателей живописи просто пытаются заставить своих учеников научиться хорошо рисовать, Халлер говорил об энергетической силе, которая содержится в визуальной информации как таковой. Он крутился как черт в табакерке, чтобы научить нас создавать изображения, взятые из невербального уровня осознания. Мы использовали угольные карандаши всех размеров и весов, наряду с грязными обрезками ткани, губками, щетками и палками, которые находили на земле и макали в различные чернильные растворы, чья палитра очень разнилась – от совершенно черного до мягкого изысканно-серого цвета. По его словам, идея заключалась в том, чтобы использовать материал, который помешает ученикам быть слишком педантичными. Халлер обожал

энергию, особенно исходящую из ошибок. «Если ты собираешься сделать ошибку, – говорил он, – то пусть это будет наигрубейшая ошибка в твоей жизни, какая возможна, поскольку по крайней мере ты чему-то из нее научишься». Тем не менее все эти его реплики не отменяли того, что мы должны были создавать изысканные образы. Потому что, хотя он и засыпал нас абсолютно новыми указаниями, задача всегда состояла в создании хорошего изображения.

Помимо занятий в творческих мастерских иногда по выходным устраивались круглосуточные художественные мероприятия концептуального характера. Специально для них люди подготавливали проекты по различным тематикам. Я особенно запомнила парня, позволившего незнакомцу сделать ему на сцене стрижку, во время которой он непрерывно делился своими впечатлениями о том, каково это – добровольно доверить кому-то создание своего образа в мире и почему это важно лично для него. Мы, может, и учились в маленьком колледже с двухгодичным курсом в Лос-Альтос Хилс, однако были связаны с важным направлением в искусстве и с учителем – настоящим мастером своего дела.

Гордон Халлер также устраивал на выходных концептуальные выставки собственных работ. Он подготавливал помещения, где обнаженные молодые люди плавали в светящихся баках для воды или были полностью обернуты полиэтиленовой пленкой, как мумии. К бьющимся сердцам мужчин привязывались стетоскопы, и их ритмичное, тяжелое дыхание слышалось повсюду. Люди бесцельно бродили вокруг, глазея на все, пока Халлер фотографировал моделей: позднее он выпустил снимки в формате трафаретной печати. Его гомоэротические изображения были брутальными и крайне возмутительными, однако при этом совершенно великолепными. Хотелось одновременно смотреть на них и отвести взгляд. В этом заключался особый смысл, поскольку он постоянно говорил об одновременности испытываемых ощущений.

Гордон Халлер был звездным огоньком, освещающим всех своей энергией. Собиравшихся вокруг него студентов переполняла та неведомая энергия, обычно свойственная выдающимся людям. Я получала у него отличные оценки, которые он очень редко ставил. Однажды он сказал классу не беспокоиться об оценках, поскольку он ставит лишь около пяти пятерок в год и людям, их получающим, нет до них особого дела. Это оказалось правдой. Мне не было никакого дела до этого.

* * *

В череде всех этих событий произошло одно достаточно примечательное – Грег Калхоун вернулся с единой фермы, и я позволила себе влюбиться в него. Он был сексуален, умен и мил. Мы вместе весело проводили время, и по мере того, как наши чувства становились сильнее, мы решили жить вместе. Я переехала в его отремонтированный курятник и стала частью жизни на единой ферме на протяжении примерно полугода.

Грег рисовал небольшие, похожие на символы картины, первые виденные мной образцы сокращенной передачи формы, света и звука. Они обладали блеском, который я могла чувствовать, и звуками, которые я могла слышать. Вдоволь насытившись необходимостью создавать на занятиях по живописи произведения сложной формы, я была восхищена силой его небольших линейных рисунков. Я все еще их храню. Много лет спустя, все еще вдохновляясь ими, я разработала своего рода алфавит для визуализации информации, полученной в ходе деловых встреч. Я даже организовала бизнес, основываясь на этой идее. Как и многие другие вещи с единой фермы, рисунки Грега опережали свое время, поскольку данный тип графической фасилитации начал широко использоваться лишь в середине девяностых годов.

Неизбежно (или по крайней мере именно так это выглядело в то время) мы с Грегом решили отправиться в Индию. Практически все, кого мы знали, либо находились в Индии, либо испытывали сильное желание отправиться в Индию, либо зарабатывали деньги на поездку в Индию, либо уже вернулись и приходили в себя после Индии. Поездка на субконтинент представляла собой самую захватывающую возможность, о которой можно было только мечтать. Мы с Грегом были следующими в списке намеревающихся отправиться в Индию. Мы вернулись в область залива Сан-Франциско, поскольку там заработать на поездку было проще всего. Мы уже практически заключили соглашение об аренде жилья, где планировали остановиться, когда вмешался Стив и сказал, что у него плохое предчувствие относительно этого места или людей, которым мы собирались довериться. Более того, он нашел для нас место получше с *более приятными людьми*. Я представила Стива в его хиппи-фургоне, как он разъезжает по местам аренды помещений, проверяя их для нас. Это было в стиле Стива – проявить бдительность и великодушие таким образом. Стив оказался прав. Когда мы переехали, нам действительно очень понравился наш дом, так же как и наши соседи. Когда мы устраивали вечеринки, Стив всегда был в списке приглашенных.

Пока мы работали и откладывали деньги на поездку, Стив

предупредил Грега, что меня не стоит брать с собой в Индию, поскольку, как он сказал, я буду препятствовать духовному развитию Грега и получению им опыта. Я предполагаю, что он абсолютно не придавал никакого значения моему собственному духовному развитию. Стив говорил: «Все женщины, которые едут в Индию, лишь толстеют!» Стив не лез за словом в карман. Хотя в его мыслях обычно имелась некая толика правды, он очень редко был абсолютно прав. Когда он высказал нам этот совет, которого никто не просил, мы с Грегом просто посмотрели друг на друга и развели руками.

Нам понадобилось шесть месяцев, однако мы заработали достаточное количество денег и отправились в Индию. Стив подвез нас до аэропорта и дал нам по пути последний совет: «Как только прибудете, выпейте воды – вы сразу заболеете, но через это нужно пройти, и как можно быстрее. Потом вы сможете пить воду везде, и вам не придется опасаться, что вы снова заболеете». Мы не задавали очевидных вопросов о паразитах. Мы просто подумали, что это отличный совет, и поблагодарили его.

Грег и я приземлились в Гонконге после изматывающего 24-часового перелета, который включал в себя два часа, проведенные в ангаре, из-за проблем с двигателем. В Гонконге у нас была одна свободная ночь, чтобы немного поспать, размять ноги и погулять в морском порту, прежде чем сесть на следующий самолет. Для чтения в полете я выбрала книгу Франка Герберта «Дюна» и продолжила читать ее в лайнере до Нью-Дели. Пролетать над иссохшими пустынями Индии, при этом читая о мальчике, который узнает, что он – аватар на покрытой песком планете, было весьма сюрреалистично (к слову об *имагинальных дисках*[6]). Я закончила читать книгу как раз к моменту нашего приземления в Нью-Дели – нашем доме на ближайший год.

Нас предупредили, что мы встретим в аэропорту попрошаек, мужчин и женщин, держащих крошечных, накачанных наркотиками младенцев без рук и ног, чтобы вызвать ужас и заполучить деньги у впервые туда прибывших туристов. Нас также предупредили, что таксисты и рикши возят новичков по всему городу, чтобы накрутить счетчик, прежде чем добраться до нужного отеля, на что иногда уходит много часов. К счастью, друзья сказали нам, какую примерно сумму мы должны будем заплатить, поэтому Грег взялся за дело и договорился о такси, прежде чем сесть в машину. Он хотел быть абсолютно уверен, что с нас не сдерут лишнего, и я была этому рада.

Мы ехали по дорожным ямам в похожем на консервную банку автомобиле, который маневрировал по стоящим в пробках улицам. Ослепленная солнцем, жарой и шумом, я была рада,

когда мы добрались до того обшарпанного небольшого отеля, который нам посоветовал Стив. Пока Грег зарегистрировал нас, носильщик взял наш багаж и отвел меня наверх, в нашу темную и убогую комнату. Когда я положила свои вещи, чтобы достать кошелек и дать ему чаевые, молодой индус захлопнул дверь и схватил меня, воскликнув с типичным драматическим жестом в стиле фильмов Болливуда: «Твои глаза пленили мое сердце!»

Книга Элвина Тоффлера «Шок будущего» предостерегла меня, что подобное развитие событий возможно, однако ничто не могло подготовить меня ни к этому, ни к острой пище, ни к круглосуточному, непрекращающемуся шуму, ни к беспощадной жаре. В те первые дни нам с трудом удавалось что-либо съесть или поспать. Тем не менее мы находились друг с другом и радовались тому, что у нас есть комната. И мы были в порядке.

Через два дня после нашего приезда Сита Рам – он же Роберт Фридланд – доставил нас во Вриндаван. К счастью, его пребывание в Индии совпало с нашим. Роберт вел себя удивительно компанейски во время двухчасовой поездки на автобусе, рассказывая истории и отвечая на вопросы, прежде чем нам хотя бы приходило в голову задать их. Роберт сказал: «Люди с Запада путешествуют в Индию огромными массами уже на протяжении десятков лет. Индусы повидали все, поэтому не бойтесь делать ошибки».

Ярко окрашенный автобус во Вриндаван издавал много шума и двигался по большой, но неровной магистрали для автобусов. На приборной панели был установлен алтарь с зажженными благовониями. Черт, да весь автобус со своими блестящими лентами и расположенными в передней части изображениями божеств в рамке, например Ганеши (в основном выбирают именно Ганешу, поскольку он помогает преодолеть препятствия, одновременно духовные и материальные), был похож на передвижной алтарь. В некоторых автобусах даже играют священные песни, которые транслируются через громкие, небрежно настроенные динамики – независимо от того, нравится тебе это или нет. Слава богу, на том, где мы ехали, этого не было. По крайней мере, мы могли слышать друг друга.

Роберт сел на место позади нас и наклонился вперед. «Дело в том, – сказал он, – что тебе необходимо знать лишь двести пятьдесят слов, чтобы владеть хинди». И чтобы доказать это, он перевел болтовню наших соседей по автобусу. Однако он прекратил переводить, когда индусы заговорили обо мне, женщине, путешествующей в компании двух мужчин. «Это омерзительно и не стоит повторения», – заметил он. Я хотела, чтобы он сказал мне, что они говорили, однако он тактично

сменил тему и поведал о его знакомой молодой женщине, американке, которой было примерно столько же лет, сколько и мне, и которая изучала индийское пение со своим гуру. «Она изучала одну ноту в течение целого года, – заявил он. – После того как она ее освоила, гуру разрешил ей изучить еще три ноты, – продолжил он. – Она настолько красива, что могла бы быть моделью в США, однако она отказалась от этого всего, всех мужчин и всего гламура, чтобы изучать музыку с этим гуру». Он также рассказал о ее саттвической диете – она питалась продуктами, которые, по мнению последователей индуизма, очищали тело и успокаивали ум, и сказал, что если она будет путешествовать и есть лук, ей понадобятся две недели, чтобы восстановить свое владение нотами. Я была поражена тем, что женщине-американке дали доступ к этому уровню священного музыкального руководства на хинди. Мне также было интересно, как она пришла к такому решению и не привирал ли слегка Роберт. В основном я чувствовала, что он говорит это, чтобы привлечь и заставить работать мое духовное воображение.

Он продолжал делиться своими наблюдениями. «Индусы едят слишком много сладкого, – сказал он нам. – Это происходит потому, что им скучно. Посмотрите, через каждые три дома располагается новый магазин со сладостями». Он был по-своему прав. Каждый город, что мы проезжали, кишел маленькими, захудалыми магазинами со сладостями. Комментарии Роберта и его оценки содержали в себе неприкрытый реализм, который заставлял меня сильнее прислушиваться к его мнению. Часто я понимала, что задаю сама себе вопрос: «Что я только что услышала?» В этот день он говорил не только с нами, но и с самим собой, и от активных размышлений его глаза приобрели темно-серый оттенок, как будто он был чьим-то дядей, рассуждающим о недостатке характера члена семьи. Словно он носил большие ботинки, как у Поля Баньяна, пока бродил по территории всей Индии, собирая информацию о потрясающих деталях.

Прибыв во Вриндаван, мы зарегистрировались в отеле. Вскоре после этого Роберт повел нас к реке для священного омовения. Ямуна является одной из наиболее почитаемых рек в Индии, и пока мы к ней шли, Роберт делился с нами историями о детстве Кришны. Считается, что именно во Вриндаване четыре тысячи лет назад вырос Кришна. По святыням, располагающимся в деревне – их так же много, как и банкоматов в любом американском городе, – можно было сказать, что согласно поверью Кришна является богом в человеческом обличье. У набожных индусов существуют две различные точки зрения о

божественном воплощении Кришну. Некоторые считают, что Кришна представал совершенным собой в облике ребенка, со всей подразумеваемой невинностью и чистой любовью. Другие верят, что он был молодым человеком, который влюбился в свою божественную женскую ипостась, Радху. Вопрос о том, следует ли искать олицетворение совершенства бога в образе ребенка или молодого любовника, выступает частью культурного диалога в Индии, и это просто поражает меня.

Мы пошли к реке кружным путем, прокладывая себе дорогу через песчаные белые подворотни, больше похожие на крошечные аллеи. Индусы шагали очень медленно, что было логично, учитывая жару. Но Роберт, обладавший чертами характера Безумного Шляпника, шел быстро, не желая терять времени, а его одежда цвета слоновой кости развевалась на ветру. Он обнимал Грега, который был меньше его ростом, и сопровождал нас, давая советы: чего избегать, где можно найти приличную одежду и лучшие сладости. Я слушала все это вполуха, поскольку не обращаю особенного внимания на такие детали, а также из-за огромного культурного шока. Большую часть времени эти двое шли впереди, оставляя меня любоваться окрестностями, пока я плелась следом. Я была поражена огромным количеством свободно разгуливающих по всему городу павлинов, которые были на земле под нашими ногами, сидели на деревьях и убегали с пути рикш, а также грациозностью красочных, развевающихся на ветру сари, которые носили женщины. Казалось, что даже для выполнения самых простых, повседневных дел индийские женщины надевали элегантные одеяния. Я была слишком уставшей, чтобы разговаривать, однако Грег и Роберт всю дорогу болтали и не прекращали смеяться. Во мне боролись два противоположных желания: вернуться обратно в номер отеля и спрятаться или же не отставать от них, поскольку я не хотела пропустить ни малейшей детали.

Когда мы приблизились к реке, Роберт сказал, что мне придется искупаться одной, поскольку ни в коем случае нельзя, чтобы женщину и двух мужчин увидели купающимися вместе в реке, «особенно представителей Запада». Я чувствовала, что меня «кинули», и боялась остаться одна, однако он объяснил, как купаться в священной реке, и они отправились дальше. Мужчины пошли вокруг дюны, их голоса все удалялись, пока в один прекрасный момент единственным звуком, который я слышала, не стал оглушительный рев реки. Оставшись в одиночестве и испытывая дискомфорт, я огляделась вокруг и посмотрела наверх, на огромное синее небо над головой. Я сняла слишком много элементов одежды – позже я осознала это с большой тревогой – и

вошла в реку.

Следование инструкциям никогда не было моей сильной стороной, и я не смогла вспомнить, что Роберт сказал мне делать, поэтому я изобрела собственный ритуал и затем окунулась в воду в акте самокрещения, чувствуя себя слишком стесненно, чтобы полностью отдаться новому опыту. Когда я встала, вода доходила мне до ребер. Я заглянула внутрь себя, пытаясь обнаружить какие-либо перемены, а затем посмотрела по сторонам. Антураж был настолько мрачный, будто бы я находилась на Луне.

Ямуна – широкая река, может, сто футов в ширину, с песчаным берегом светло-сероватого цвета. Я чувствовала притяжение, исходившее со дна, и силу воды, мчащейся мимо моего тела. Вокруг были лишь песок, небо и эта широкая, мутная вода. Никакого гула голосов. Я сделала глубокий вдох, все мое тело наконец-то снизило темп до своего естественного ритма после длительных переездов, жары и кошмарного недосыпа. В конце концов я ощутила, что мое тело стало единым целым с тем, что меня окружало.

Находясь в таком умиротворенном состоянии некоторое время, я заметила, как что-то проплывает примерно в десяти футах от меня, в быстро движущемся водовороте реки. Я попыталась разобрать, что это такое, и резко подпрыгнула, поняв, что вижу часть человеческого плеча, прикрепленную к кусочку туловища. За ним следовала отделенная рука. Неимоверно испугавшись, я вдруг в ужасе поняла, что не вижу собственных ног в мутной воде. Приложив все усилия, чтобы вылезти из реки, я добралась до берега, нагая, паникующая и крошечная, как Ева, которую изгнали из райского сада.

Я оделась так быстро, как только смогла. Процесс замедлялся из-за того, что я все еще не обсохла. Священный и физический аспекты странным образом наложились друг на друга в тот причудливый момент. Ничего не оставалось делать, кроме как сидеть и ждать, когда вернутся Грег и Роберт. Кожей я испытывала ощущение той обновленной свежести, которая наступает от холодной воды, сухой одежды и прекрасного теплого солнца. Приходя в себя, я увидела, что река была спокойной и нескончаемой, и вспомнила не только слова Роберта, что «индусы уже все повидали», но и других, кто говорил мне, что «Индия-мать разрешает все». В тот день я очень сильно надеялась, что этот тезис действует и в отношении меня.

Позже я узнала, что в тот день вверху по течению реки проходили похороны, во время которых родственники выбросили тело усопшего в воду, прежде чем оно успело полностью сгореть, поскольку у них не хватило денег, чтобы купить достаточное

количество дров и полностью кремировать члена своей семьи. Но в тот момент, всего лишь на третий день в стране, все, что я понимала, – это что около меня проплывают части тела. *Быстро вылезай!* – единственное, что могло прийти мне в голову.

После купания в реке Роберт показал нам, как курить бонг – индийскую марихуану, измельченную до густой массы. Конопля растет во многих районах Индии: я была поражена, увидев склоны холмов, покрытые остроконечными растениями, засыхающими от недостатка влаги. Индийская марихуана – продукт не слишком высокого качества, и мне было интересно, способствует ли каким-нибудь образом измельчение соцветий конопли до пастообразной массы с помощью двух камней тому, что из нее выделяются наркотические элементы, которые улучшают эффект при ее курении. Она была липкой и мокрой, удивительно, что она вообще зажглась. Когда мы достигли состояния наркотического опьянения, у меня появились проблемы: марихуана делает меня уязвимой перед страхами, а им конца не было видно на мой третий день пребывания в Индии. Я притихла и свалилась в ту ночь с температурой сорок градусов, которая продержалась неделю. Как только я поправилась, Грега подкосила такая же болезнь. После этого мы приобрели своего рода «серебряный иммунитет», пока путешествовали по Индии. Стив был прав. Мы никогда больше не болели.

* * *

Когда Стив вернулся из Индии, он рассказал мне, что ходил на ретрит[7] с учителем, который каждое утро пел своим студентам. Он описал этот процесс в таких красивых подробностях, что у меня возникло огромное желание увидеть его своими глазами. Абсолютно случайно мы с Грегом оказались на одном из ретритов у этого учителя, затем еще на пяти или даже больше. Однако в то утро я впервые услышала пение С.Н. Гоенки и сразу вспомнила о рассказе Стива. Глубокий резонанс его голоса звучал сквозь весь холл для медитаций, и я знала, что это, должно быть, тот самый человек. Именно его песни проносились сквозь нас каждое утро, очищали нас и укрепляли нашу решимость в течение десяти дней глубокой медитации випассана.

Много позже, после моего возвращения из Индии, Дэниэл Коттке, который путешествовал вместе со Стивом, сказал мне, что лишь он, Дэниэл, ходил медитировать с учителем. Стив же лишь слышал об этом от Дэниэла. Я была шокирована. Зачем Стив врал?

Заимствование чужой истории и использование ее в качестве своей относится к такому типу воровства, очаровательному или же наоборот, который требует к себе внимания, маскируясь вуалью поверхностных знаний. Будучи взрослой, я научилась давать молодым людям достаточное количество свободы, чтобы экспериментировать с ложью, поскольку воображение и то, что мы называем реальностью, являются всего лишь совокупностью тесно связанных между собой явлений. И поскольку шестое чувство наиболее развито и включает в себя все остальные, иногда то, что мы называем ложью, на самом деле лишь шестое чувство, которое нельзя увидеть или доказать – на нынешнем этапе.

Вполне возможно, что для Стива обман являлся радикальной формой созидания. Однажды он сказал Говарду, нашему общему другу из старшей школы, что Боб Дилан послал за ним свой самолет Learjet, чтобы отвезти его на концерт. Стив придумал эту небылицу в семнадцать лет, значит, он был достаточно молодым, чтобы ему подобное сходило с рук – пусть и едва-едва, но, безусловно, достаточно взрослым, чтобы выходить за рамки приемлемого поведения. «Какой лжец!» – сказала я Гоуи. В двадцать один год я была недоверчива. В те времена я не могла представить, что Стив может опуститься до такого. Однако спустя много лет я уже думала об этом скорее так: «*Какая это была необычная ложь!*» По крайней мере, Стиву хватило смелости рассказать такую невероятную небылицу. И позднее, когда он обзавелся собственным самолетом Learjet, я не могла не оценить способность этого фокусника оперировать вне локальных рамок пространства и времени. Ложь и созидание слились воедино.

Я считаю, что Стив преследовал несколько целей, говоря неправду. Как я уже сказала, одной из них было созидание. Еще мне кажется, что он также врал в целях сбора информации, чтобы изучить реакцию людей. Иногда, я думаю, он лгал просто для того, чтобы выглядеть интереснее в глазах других, поскольку был уверен, что слишком глуп и ничем не примечателен, и верил, что ему недостаточно оставаться таким, какой он есть. И я думаю, что он врал, чтобы подшутить над неуверенностью людей в себе и за счет этого взять контроль над ситуацией в свои руки. Обретя славу, Стив сумел сохранить способность разбираться в людях и уходить от дискуссий о том, что он предпочел бы не предавать огласке. Все это, конечно же, крайне очаровательно, поскольку человек, сыгравший важную роль в создании технологий, объединяющих людей по всему миру, сам был крайне эффективен в том, чтобы держать приближенных к нему людей поодаль друг от друга. Это ему удавалось одновременно на деловом и личном

уровнях. Я абсолютно уверена, что Стив преднамеренно использовал этот парадокс в своих стратегических интересах. Он был искусным обманщиком, действующим вне пределов понимания других людей. В конечном итоге это вызывало у меня беспокойство не потому, что он врал, а потому, что он использовал мастерское понимание слепых мест других людей, чтобы формировать восприятие и управлять им в собственных целях и интересах.

* * *

В мае или в июне мы с Грегом переехали в город Далхаузи в штате Уттар-Прадеш, Индия, чтобы спрятаться от жары. Во время европейской оккупации Далхаузи был английским поселением, который использовался британцами, чтобы избежать воздействия палящего летнего солнца. С нашего переднего двора открывался вид на утес высотой семь тысяч футов, переходящий в равнины, где нечеткая дуга горизонта пересекалась с небом, которому, казалось, не было конца и края. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор жил на самой вершине горы, на которой мы обосновались и откуда открывался самый необычный вид на пики Гималаев. Ничто из того, что я когда-либо видела, не могло сравниться с великолепием этого зрелища.

Грег помог мне обосноваться в Далхаузи, а потом отправился на автобусе в Тегеран через Пакистан и Афганистан, чтобы преподавать английский язык и заработать денег, благодаря чему мы могли остаться в Индии более длительное время. У меня была слишком сильная дислексия, чтобы учить английскому языку: любой иранец или иранка, скорее всего, понимали английскую грамматику лучше меня, поэтому Грег поехал один.

Около двадцати уроженцев Запада, попавших в Индию со всех уголков США и Европы, переехали в район горы, чтобы спрятаться от жары в тот сезон. Месяц спустя после прибытия большинства из нас в Далхаузи вместе со своей женой Джириджей появился Лари Бриллиант. В период с 1973 по 1976 год он работал вместе со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и помогал искоренить оспу в Индии. Пока он этим занимался, Джириджа писала свою кандидатскую диссертацию по изучению проблем, с которыми женщины сталкиваются в обществе. Мы все были очень рады познакомиться с ними. Однажды они пригласили всех к себе на обед.

Единственное, что я запомнила из празднеств того вечера, – это рассказ Джириджи о ее исследовании. Она сказала, что

наиболее высокие показатели самоубийств наблюдаются среди молодых индусок, которые недавно вышли замуж. Серьезные вещи откладываются в памяти, как ничто иное, и я помню, что захотела узнать ее поближе, поскольку сообщенный ею факт был просто ужасным. Джириджа, яркий представитель своего времени, обладала производящей сильное впечатление грациозностью. Цвета одежды, которую она носила, были приятными и легкими: шелковая блузка и юбка широкого фасона, волочившаяся по полу, когда Джириджа стояла, ходила и готовила. Своей юбкой она рассекала воздух таким образом, который вызвал у меня ассоциации с вальсом из диснеевского мультфильма. Это была счастливая женщина, и я удивлялась ее браку – он производил впечатление счастливого союза.

Когда Джириджа говорила, было видно, что перед нами осторожный докладчик, со стороны обозревавший и понимавший суть процессов, которые я в настоящий момент назвала бы преступлениями против человечности. Она была осмотрительна и ясно излагала свои мысли: ее глаза расширялись, чтобы продемонстрировать нам весь масштаб тех ужасов, которые она не могла передать словами. Она поделилась этой информацией с нами, когда мы стояли группой, однако я хотела поговорить с ней один на один и узнать больше. Она сказала мне, что молодые женщины, выходя замуж в Индии, переезжают в огромные семьи своих супругов. У молодой индусской жены нет никакого статуса и никакой власти. Ее ценят меньше всех, меньше всего о ней заботятся и понимают менее всех остальных в новой семье. Если семья жестока, как чаще всего и бывает, то девушка попадает в беду: свекровь может взять на себя воспитание ее детей, а золовки могут подкладывать ей в еду камни, чтобы она сломала себе зубы, или делать другие гадости, похуже. Если эмоциональное окружение становится невыносимым, молодые жены чаще всего видят единственно возможный выход из ситуации в самоубийстве. На этой информации Джириджа не остановилась: «Если она выдерживает эти суровые испытания, то может в будущем сама взять под контроль воспитание детей своей снохи». Я помню, как я подумала: *какой ужасный замкнутый круг*. Возможно, что богини и находятся на равных условиях с богами в Индии и индуизме, однако реальные обычные женщины ужасно страдают. Можно многое сказать о ценностях культуры по тому, как в ней относятся к отдельному сегменту населения. В данном случае показателем выступало отношение к молодым женщинам, которые рожали детей и от которых зависело будущее всей нации.

Однажды, после того как Грег вернулся из Ирана, два наших

друга, которых мы встретили в Нью-Дели, неожиданно сказали нам, что в городе, в модном отеле «Ashoka», остановился 16-й Кармапа[8] и что мы можем получить у него персональный даршан[9]. По происхождению Кармапа тибетец, и его линия перевоплощения начала прослеживаться в тибетском буддизме на двести лет раньше, чем линия далай-ламы. Неимоверно обрадовавшись, Грег и я взбодрились духом и поймали рикшу, чтобы добраться до отеля, в лобби которого мы встретили наших друзей. Нас приняли немедленно. Мы прошли настолько легко, что это было подобно ощущению свободного падения.

Прежде чем пропустить нас во внутреннее святилище, где сидел Кармапа, монахи разъяснили нам четверым, как следует вести себя в присутствии его святейшества. Нам было велено стоять прямо и при этом сложить руки в молитвенном жесте над головами. Затем нам следовало опустить руки на уровень нашего третьего глаза, а позже поднести их к сердцу. После этого мы должны были высунуть языки и опустить их по направлению к подбородку, а также закатить глаза вверх и поклониться. Три поклона предполагали, что мы должны распростереться на полу перед тем местом, где сидел Кармапа. Я была смущена, однако готова сделать все, что понадобится, чтобы удостоиться чести находиться в его присутствии.

Нас ввели в комнату, его святейшество сидел и наблюдал за тем, как мы выполняли вызывающую головокружение рутину до тех пор, пока мы наконец не встали в одну линию, как четыре мушкетера, затаив дыхание и думая о том, что будет дальше. С точки зрения представителя западной цивилизации, то, что я скажу дальше, покажется полной бессмыслицей, однако это правда – что мы все вчетвером стояли вместе, но каждый из нас получил персональную аудиенцию у его святейшества. Сверкающий свет появился в его взгляде, когда он посмотрел нам в глаза, каждому по отдельности и всем нам одновременно. С этого момента я знала, что нахожусь в присутствии совершенно просветленного, многомерного человеческого существа. Он пристально на меня смотрел, и я чувствовала, как расширяется мое сознание и как внутри меня разгорается огонь. Позже я глядела на его изображение, висящее в магазине книг по духовной тематике в Пало-Альто, и испытывала те же самые ощущения.

Кармапа через переводчика задавал вопросы и, казалось, самым чудесным образом смеялся над нами все это время. Часть соглашения по получению от него благословения заключалась в том, что он даст каждому из нас тибетское имя. На Востоке учителя и гуру часто дают своим подопечным имя бога. Двумя

разными учителями мне были даны другие имена, Паравати и Шарда, и теперь я должна была получить третье. Я не преследовала цели коллекционировать священные имена, так получалось. Кармапа собирался на ланч, поэтому нам сказали прийти за своими именами на следующий день. Вернувшись в назначенный час, мы прошли через еще один раунд поклонов и в очередной раз почувствовали возбуждение из-за того, что каждого из нас принимают индивидуально, словно у его святейшества четыре головы и восемь глаз. Он заставил монахов достать шляпу и вытащить из нее одну за другой бумажки с именами. Каждое имя было написано тибетской системой письма и оглашено вслух, после чего бумажку передавали переводчику, который объяснял его значение на английском и передавал ее каждому из нас. Я не помню своего тибетского имени, однако я хорошо запомнила его перевод: «Хранитель врат». Кармапа побуждал нас задавать вопросы, и после небольшой сессии вопросов и ответов мы были отправлены на чересчур людные, озаренные солнцем, шумные улицы центра Нью-Дели.

Я отправилась в Индию потому, что хотела, чтобы нечто такое же огромное, как сила, оказавшая воздействие на Стива и изменившая его, тронуло глубины моей души и изменило меня. После встречи с Кармапой во мне словно зажегся огонь, значение которого трудно переоценить. Имя, что он мне дал, было слишком могущественной загадкой, на понимание ее у меня ушло более тридцати лет.

Позднее Стив критиковал меня, говоря, что моя поездка в Индию была скорее отпуском, а не паломничеством. Однако он абсолютно ничего не понял. И только сейчас, когда прошло так много времени и я обзавелась глубинной проницательностью, которой одарили меня опыт работы и долгая жизнь, я абсолютно уверена, что Индия не может быть отпуском для любого, кто провел там более трех недель, – это слишком священное место. Мне понадобилось чересчур много времени, чтобы понять, что Стив не мог или не хотел видеть этого, что он не мог позволить мне иметь собственный священный опыт, не сопровождаемый его извращенными толкованиями.

Прежде чем я отправилась в путешествие в Индию, учитель дзен-буддизма, Кобун, сказал мне: «Если ты захочешь вернуться, сначала подожди две недели, а затем, если это желание все еще не покинет тебя*, возвращайся домой*». Я провела в Индии год, прежде чем поняла, в конце концов, что с меня хватит. Мои отношения с Грегом также исчерпали себя. Наши подходы к жизни настолько сильно различались, что мы постоянно раздражали друг друга. Ощущения, что наш союз – на всю

оставшуюся жизнь, не было, поэтому я вернулась в Соединенные Штаты отдельно от него.

Глава 12
Настоящий робот

В тот день, когда я прилетела в аэропорт Окленда из Гонконга, мне пришлось ехать на общественном транспорте вдоль побережья, поскольку семья перепутала дату моего возвращения и ждала меня на следующий день. Когда я добралась до дома в Саратоге, двери оказались заперты и никого поблизости не обнаружилось. Оставалось только сидеть и ждать. Было необычное ощущение, что я вернулась в условия великого материализма Калифорнии. Наши окрестности с их пустыми улицами и идеальными газонами казались стерильными после Индии. Сногсшибательный контраст.

К вечеру моя семья вернулась, и я провела самое прекрасное время, развлекая младших сестер, отца и его жену историями об удивительных приключениях, случившихся со мной за год. Я была чужаком в чужой стране слишком долго, поэтому так прекрасно оказалось очутиться дома, где люди знали меня и где я знала их. На следующий день я позвонила Стиву, который к тому моменту был просто моим другом. Позднее в тот вечер мы встретились за обедом, который закончился нашим решением пойти к нему домой. Пол с Кларой смотрели телевизор, когда мы явились. Поздоровавшись, мы прошли в спальню к Стиву, где потом сидели на полу и пили портвейн. Я рассказала Стиву о своей поездке и помню, что в тот вечер мы говорили о Девариме[10], так как во время полета домой я прочла несколько современных исследований по этой теме. Слово «Деварим» казалось загадочным и ужасным, пока я не ознакомилась с его смыслом, однако затем я пришла в восторг от того, как искусно я его произношу. Я думаю, это открыло для Стива новую меня.

Тем вечером я хотела уйти домой, однако Стив соорудил на полу кровать, и мы занялись любовью. В два часа ночи Клара постучала в дверь и спросила: «Все в порядке?» Я онемела от страха, подумав, что сейчас она зайдет и увидит меня в таком положении, однако тут раздался мягкий, уверенный голос Стива. «Я совершил очень, очень длительное путешествие», – сказал он ей. Он смотрел на меня, однако обращался к матери. «Хорошо», – ответила Клара. Она не испытывала потребности знать больше и вернулась к себе. Общение между матерью и сыном в форме «вопрос-ответ» было абсолютно естественным, и в этом заключалась его прелесть. Именно благодаря такой манере строить отношения с Кларой Стиву удалось оградить от других

наше с ним личное пространство. И в этом Стив раскрылся для меня с абсолютно новой стороны.

Всю жизнь Стиву не давала покоя природа его отношений с родителями и, более того, природа жизни, в которой он вырос. Я думаю, он задавался вопросом, в правильной ли жизни он вообще находится. Он очень много шутил по поводу того, что в этом вопросе допущена *грубейшая ошибка*, что-то в духе, что необходимо завести *судебное дело об ошибочной идентичности*. В этом заключалась одна из его фишек. Забавно было наблюдать, как он приступает к этому действию, поскольку он просто проявлял честность по поводу понесенной утраты. Думаю, он постоянно переживал, что нечто оказалось нарушено или безвозвратно утеряно из-за допущенной во время усыновления ошибки или, возможно, из-за самого усыновления.

ВОПРОС: Что испытывает человек по поводу того, что было утеряно в прошлом?

ОТВЕТ: Переживает, что эта потеря может привести к потерям в будущем.

По моим ощущениям, эти вопросы стали главными для Стива как раз тогда, когда я вернулась из Индии. Я чувствовала, что он рассчитывает на окружающих его людей, чтобы они ответили на его вопросы предельно честно и откровенно. *Было ли что-то утеряно?* Обращаться к другим, чтобы они оценили нечто в тебе, – не в моем характере, по крайней мере не подобным образом. Я никогда не испытывала такого уровня доверия. Тем не менее это деликатная и честная черта, которую я замечала не только у Стива, но и у нашей дочери Лизы, а также у сестры Стива Моны. Возможно, это врожденное качество, хранящееся в их древних сирийских генах, связанное с важностью достижения группового консенсуса; качество, которое является абсолютно открытым и уязвимым, это стремление поставить перед группой вопрос: «Посмотрите, достоин ли я?» Иногда у меня складывалось впечатление, что эта черта делает ее обладателя слишком зависящим от мнения других, а иногда она казалась мне поразительной мудростью. Стив чаще всего излучал чувство, что он совершеннее и важнее, чем кто-либо иной в мире. Однако в тот момент он искал поддержки вовне, и его заботы тронули мою душу.

Хотя я не помню каких-либо отдельных разговоров (кроме одного, с Робертом Фридландом), но прекрасно помню чувство растущего консенсуса, которое, казалось, придало уверенности, чтобы Стив двинулся навстречу своей судьбе. Я думаю, что Стив, как настоящий принц, которым он и являлся, рассчитывал на помощь других, чтобы как-то оставить в прошлом проблему своих

родителей и вернуть себе трон. Я помню, как в один прекрасный весенний день открыла сетчатую дверь дома Джобсов и ощутила, что это семейство не только подходит для Стива, но, может быть, даже идеально для него. По-моему, Пол, который был столь практичен и так ясно выражался по поводу деловой рутины своих дней, и Клара, являвшая собой своего рода великаншу хороших намерений, были правильными родителями для Стива, по крайней мере достаточно правильными. Возможно, они стали именно тем, что предначертала для него судьба. Когда я смотрела на их сдержанные чувства – установившийся образ жизни, рабочую этику синих воротничков, – я видела, что все это слилось воедино и создало базу, необходимую Стиву, чтобы стать тем человеком, которым он стал.

* * *

Сегодня я считаю, что за всем стоял Кобун. Восточные наставники способны устранять сложности, которые ученику готовит карма, чтобы он или она могли легко и непринужденно развиваться. В Индии это называется милосердие гуру, и, хотя я не имею представления, как зовется этот тип знания в японской традиции просветления, я знаю, что он там также присутствует. Кобун, как духовный учитель, обладал серьезными способностями. Он был большим умельцем в области объединения восприятий между группами людей и открытия дверей для обеспечения духовного роста. Однако было ли уместно для учителя устранять кармические препятствия на пути продвижения коммерческой инициативы? Возможно ли, что Кобун был настолько вдохновлен гением Стива, что решил отказаться от своей духовной чистоты, чтобы помочь парню продвигаться по карьерной лестнице? Был ли Кобун духовным материалистом? Возможно, он дергал за ниточки из-за кулис, не осознавая полностью возможных последствий. Члены сообщества дзен-буддизма много раз говорили, что Кобун никогда не злоупотреблял своей силой. Эти слова производили на меня двойственное впечатление, поскольку люди часто склонны говорить одно, а в действительности дело обстоит совсем по-другому. Кобун был удивительным человеком, и его любили. Однако он, несомненно, обладал и коварством.

Преодоление трудностей, если рассматривать этот процесс кармически или психологически, делает людей более гуманными. Быть человеком – значит уметь преодолевать препятствия. Слишком много добродетели – и мы уже перестаем понимать

значение вещей, можем сойти со своего пути. Слишком много трудностей – и мы никогда не найдем наш путь. Линия между двумя этими аспектами слишком тонкая: если мы хотим преуспеть, то дорога к успеху должна быть достаточно ухабистой, чтобы позволить нам понять ценность тех усилий, которые мы приложили. Это, в свою очередь, позволяет состраданию расцветать и приносить свои плоды. Был ли Кобун достаточно мудр, чтобы найти правильный баланс для Стива?

В наши дни сострадание, возможно, ценится не очень высоко. Наши замысловатые системы бизнеса и политики считают человечность менее важной, чем размер полученных доходов. Много лет назад, в 1976 году, Кобун дал Стиву нечто хорошее и важное. Но я также чувствовала, что они были своего рода пособниками. Мне кажется, Кобун способствовал подъему Стива и, поступая таким образом, помог избежать ему некоторых ухабов, встреча с каковыми пошла бы Стиву на пользу. Может быть, именно поэтому Стив лишился некой частички человечности, идя по своему пути.

* * *

Мы со Стивом вновь полюбили друг друга. Однажды той весной он склонил голову и сказал мне, что знал о возвращении нашей любви задолго до того, как я вернулась. Это было проникновенное признание, честное и меняющее представление о жизни. Мы стали старше, испытывали более глубокие чувства и смотрели на вещи по-другому. Это был наш следующий шаг: он свидетельствовал о готовности принять на себя бо̂льшую ответственность, к которой мы оба стремились. Стив был открыт и влюблен в меня. Иногда, заходя к нему в офис в конце его рабочего дня, я чувствовала и видела, как его переполняла любовь, когда он встречал меня. То, как Стив воспринимал меня, очень впечатляло и притягивало меня к нему еще сильнее. Наши поцелуи стали глубже, а занятия любовью – на порядок лучше. Мы становились старше, и ставки росли. Мы со Стивом оба изменились.

Я была рядом и видела, как все эти перемены, происходящие со Стивом, влияют на его родителей. Они очень гордились им, но им также причинял боль тот факт, что Кобун обладает таким влиянием на жизнь их сына. Вряд ли по этому поводу возникали конфликты или говорилось что-либо прямо, по крайней мере не при мне, но я знала, что они были расстроены и раздражены. Я поняла это по выражениям их лиц. Стив проявил максимальную

заботу и отблагодарил своих родителей с помощью сада и многих других вещей, однако казалось, что они странным образом были вытеснены из собственного дома с тех пор, как учитель дзен-буддизма взял под свой контроль внутренний духовный уровень образования Стива. В культурах Востока такое развитие событий – то, что учитель выбрал Стива в качестве своего подопечного, – считалось бы поводом для наибольшей гордости и радости. Как ни горько, такой поворот можно было бы считать показателем успеха и особого отличия. Однако Пол и Клара жили в условиях другой культуры, и я видела, как Стив пытался очень осторожно обращаться с их болью. Они думали, что им нашли замену – в каком-то смысле это было действительно так.

* * *

Однажды вечером, ожидая Стива с работы, я смотрела телевизор вместе с Полом и Кларой. Телевизор был важной частью быта Джобсов. Они тяжело трудились и сильно уставали, умственно и физически. Они расслаблялись за просмотром телеканалов и именно так проводили конец своего дня. Клара сидела в кресле La-Z-Boy, вытянув ноги и покачивая ступню туда-сюда, словно отсчитывая время, оставшееся ее семье.

Гостиная дома Джобсов являлась для меня своего рода пересадочной станцией между различными событиями. Но я также научилась воспринимать ее как сцену, на которой произойдет много важных перемен. Тогда я, казалось, провела самый общительный вечер с Полом и Кларой из всех. Свет был притушен, телевизор ярко горел. Стемнело, и синий экран наполнял всю комнату агрессивным шумом. Когда Стив зашел, Клара выключила телевизор, оставив единственную лампочку светильника болезненно озарять комнату. Однако так она восстановила в ней благословенную тишину.

Стив держал в руках первый прототип корпуса компьютера, который хотел показать своим родителям. Я наблюдала, как они охают и ахают по этому поводу и как белизна их глаз сияла в тусклом свете. Стив стоял у конца дивана, высокий и впечатляющий, крутя в руках твердый пластиковый каркас. Казалось, в тот вечер детьми стали Пол и Клара, а Стив – гордым родителем. Он был доволен дизайном и сказал нам, что итальянская компания, которую Apple первоначально наняла, изобрела форму головной части для экрана телевизора. Головная часть для компьютерного экрана! Стив зажмурился и погрузился в мечты.

Именно тогда я поняла, как мало мне известно, чем Стив занимался во время работы. Не знай я Стива лично, никогда не обратила бы внимания на восходящую звезду в мире компьютеров. Если бы продукция компании Apple выглядела уродливо, я бы узнала о ней еще позднее. Признаюсь, я не знакома с историей Apple, за исключением тех моментов, когда она пересекалась с моей собственной. Стив считал, что мне не хватает любопытства, но это не так. Вокруг Apple и Стива царила шумиха, от которой мне всегда было не по себе. Я считала Стива интересным и привлекательным за его изысканность, интуицию и поэтическую уязвимость, в то время как его деловое альтер эго находила язвительным и непривлекательным. Тем не менее пластиковая упаковка, которую он держал в руках, была реальна, и с этого вечера я стала уделять его работе больше внимания.

Одной из самых необычных перемен в Стиве оказался его новый способ смотреть телевизор. Прежде он это делал довольно пассивно, а теперь садился очень близко к экрану и внимательно изучал происходящее. Все мышцы на его сверхчувствительном лице содрогались вместе с трагедией, разворачивающейся на экране, взгляд ни на секунду не отрывался от происходящего. Он смотрел телевизор так, словно читал, словно обрабатывал в сознании огромное количество данных. Абсолютно вовлеченный в процесс просмотра, он пытался собрать информацию и просчитать ее, вглядываясь в телевизор, словно пытаясь видеть сквозь стены и дверные проемы. Ни до того дня, ни после я никогда не видела, чтобы кто-либо смотрел телевизор так, как он. В то время я считала, что он использует феномен телевидения, чтобы ускорить свое изучение мира власти и сексуальных отношений. Если в программе содержалось послание, которое он не хотел слышать, он выключал телевизор и радиоприемник. Это было для него своего рода духовной проницательностью и дисциплиной. Большинство людей прозябали, принимая на поверку все, когда смотрели телешоу, однако Стив превратил телевизор в инструмент творческой самореализации и проникновения в суть системы построения власти.

Той весной в другой день я заметила лежащую на столе в столовой Джобсов записку с моим именем. Я шла через весь дом на задний двор, когда увидела ее. Я остановилась, посмотрела записку и обнаружила, что Стив составил мою астрологическую диаграмму. Там также была и его собственная. Стив вошел, когда я смотрела на нее.

– Вау, – сказала я. – Это сделано по твоей просьбе? – Я удивилась, но также заинтересовалась, почему он совершил это, ведь однажды он сказал, что астрология не является достойной

системой для самоанализа.

– Да… Есть компьютерная программа, которая составляет астрологические диаграммы, и я сделал их для нас с ее помощью.

– Зачем? – был мой единственный вопрос.

Изучая красивые схематичные изображения, я заметила, что все планеты Стива находились поверх линии горизонта, в то время как все мои, за исключением одной, располагались внизу. Эта одна планета была в верхнем полушарии в седьмом доме.

– Ух ты, все твои планеты сверху, а большинство моих внизу.

– Как думаешь, что это значит? – спросил он.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила я. – А ты?

Он лишь посмотрел на меня. В прошлом, когда Стив спрашивал меня, что значит та или иная вещь, он был добр. Однако на сей раз в его молчании крылось нечто иное. Хотя я считала, что близость между нами удалось вернуть, но начала замечать скрытую враждебность, наносящую вред нашим отношениям. И я старалась ее игнорировать чаще, чем мне бы того хотелось.

Относясь с уважением к астрологическим диаграммам, я вскоре выяснила, что верхнее полушарие означает жизнь, открытую окружающему миру, в то время как нижняя часть обозначает главным образом замыкание в себе. Я была очень расстроена, когда услышала это, поскольку я от природы очень открытый человек и ожидала жизни во всей ее красе. Это должно было быть абсолютно очевидно астрологу, объясняющему мне значение диаграмм, поскольку он старался изо всех сил, уверяя меня, что оба жизненных пути могут приносить радость.

* * *

Возможно, Кобун тогда влиял на отношение Стива ко мне. В ходе моей первой встречи с сэнсэем – задолго до того, как я отправилась в Индию, – он говорил со мной о моей одежде. Он сказал: «Одежда предназначается не только для тебя. Она также для других людей, которые смотрят на тебя». Он заявил, что одежда должна быть скромной и простой, а также не раздражать людей. Не *более* скромной и простой, а скромной и простой. Это было не первое плохое наставление, поскольку одежда отражает пересечение внутренней и внешней реальностей, где личные свойства и особенности характера выступают единым целым с духовной составляющей и где личное сталкивается с общественным. Однако я одевалась скромно и не могла понять,

почему он мне это говорит. Такое суждение показалось мне очень поверхностным. Более того, я чувствовала, что Кобун пытался пристыдить меня этими словами, что, по его мнению, я была недостаточно скромна. В итоге он заставлял меня насторожиться. Помню, как я думала: это не то, о чем мы должны говорить. Главное – *этот парень не понимает меня. Он не знает, кто я*. Я была рассержена и ощущала себя невидимой. Я не знала, как ему ответить.

Позднее, когда я стала более смышленой, задалась вопросом по поводу социально-экономической динамики вокруг Кобуна. Японская культура разработала целую систему поддержки духовных учителей уровня Кобуна. В американской культуре такого не было. Японская культура сильно структурирована, американская – нет. Когда Кобун прибыл в США, его окружала элитная группа образованных, богатых и, в некоторых случаях, знаменитых людей. Это были люди, которых по своей природе притягивал приходящий в Америку дзен-буддизм, энтузиасты, опережавшие свое время. С такими последователями у Кобуна были все основания надеяться, что он станет лучшим учителем дзен-буддизма, которым потенциально мог стать. Я не принадлежала к элитному обществу: никакого богатства, никакого неслыханного образования, однако я умна, и мне всегда удавалось опережать свое время.

Сегодня я задаюсь вопросом: Кобун просто не понимал, кем я являюсь, или же решил, что я не буду для него полезной? Я была самой молодой женщиной в сообществе выдающихся людей, старших меня минимум на пять, а максимум на двадцать пять лет. У меня было мало жизненного опыта и никаких перспектив стать известной, поэтому, возможно, Кобун не счел меня важной персоной. Не то чтобы он был недобр, однако он рассматривал внешние черты в качестве индикатора моих возможностей. Я полагаю, что моя внешняя сторона не позволяла сделать обо мне многообещающих суждений. Это мои предположения, однако я все еще задаюсь вопросом: почему он не видел ростки *внутри* людей, которые приходили к нему? Что за наставником он был? Почему он не распознал *меня*?

Кобун был достойным учителем. Я возвращалась снова и снова, чтобы послушать его лекции, попрактиковать медитацию, обратиться за его советом. Двери зала для медитаций в Лос-Альтосе были широко распахнуты. Я чувствовала, что там мне рады. Действительно, люди говорили мне: «Ты понимаешь, что здесь происходит». Я уверена, что я была в правильном месте в правильное время. Однако я никогда не получала какого-либо типа стоящих наставлений от этого учителя. В конечном итоге я

поняла это, сравнив то, как он относится к Стиву и ко мне.

Когда я вернулась из Индии, Кобун сказал мне: «Ты не была человеком до своей поездки, однако теперь им стала. Что там произошло?» Он много раз задавал мне этот вопрос: «Что произошло в Индии?» Снова и снова повторял: «Ты не была раньше человеком». Он смеялся и отчасти мучил меня, говоря это, однако создавалось впечатление, что ему было искренне любопытно. Я не знала, как ответить на такой вульгарный вопрос. Я пыталась учтиво отреагировать, однако внутри себя я считала его откровенные высказывания жестокими.

Много лет спустя духовная наставница говорила мне, что Кобун не работал со мной, поскольку «он просто не признал тебя, как американку, которой предопределено достичь просветления в этой жизни». Тогда мне не хватало знаний, чтобы уйти от Кобуна, поскольку я умела задавать правильные вопросы. Люди, которым известно, как формулировать хорошие вопросы, поражают меня. Для этого требуется огромный опыт, у меня тогда его не было. Джим Блэк – Траут – владел таким искусством. Мирской монах в зендо (именно он поставил меня на место, когда зашел разговор об имени Кобуна в тот первый вечер там), он представлялся мне похожим на Маленького Джона из банды веселых ребят Робин Гуда. Он работал с детьми, обладал забавным круглым брюшком и добрым, интеллигентным лицом здравомыслящего человека.

Талант Траута также позволял ему разбираться в мельчайших деталях. Однажды он спросил меня: «Кто из вас двоих, ты или Стив, обнаружил зендо первым?» Я сказала ему правду, что мы нашли его совершенно независимо друг от друга, примерно в одно и то же время. Затем он сказал мне: на такой же вопрос Стив ответил, что первым зендо нашел он и привел меня сюда. Это была типичная для Стива ложь. (В тот момент я просто этого не знала.) И типичный для Траута подход к постановке вопроса. Тот факт, что он решил спросить меня после того, как Стив дал свой ответ, навел меня на мысль, что он уважал нас в одинаковой степени. Более того, он не покупался на власть Стива. Удивительно.

* * *

Однажды Кобун обсуждал со мной Стива, сказав, что всегда хотел иметь сильного ученика. Слово «сильный» он выделил отдельно, четко выговорив его. Скривив губы, выпятив грудь и держа руки разведенными в разные стороны, Кобун выглядел так, будто кукарекал. Он сказал мне: «Ни один мужчина, который

когда-либо был в Тассахаре, не может быть сильным». Однако теперь у него будет лидер! Кобун хорошо сознавал, какого особого студента он обрел в лице Стива. «У меня никогда не было ученика, который бы мог освоить информацию в такие короткие сроки. Всего три месяца!» – воскликнул он. Его глаза были широко раскрыты, а рот поразительно растянут. «Остальным требовалось больше времени, чтобы достичь понимания». Его счастье было очевидно и не имело границ.

Мне всегда нравилось, когда мужчины доверяются мне и открывают свои души, и я была действительно рада за Кобуна. Тем не менее в той беседе у меня возникло нехорошее ощущение. Кобун злорадствовал. Почему он сравнивал Стива с теми, кто практиковал дзен в Тассахаре? В некотором смысле, даже зная, что Кобун игнорирует и обделяет меня вниманием, я не завидовала, ведь я любила Стива и его бесстрашные и позволяющие жить полной жизнью качества так же сильно, как и Кобун. Но Кобун начал мне все это рассказывать, когда мы проходили мимо дома Стива. Мне было интересно, что стоит за его разговорчивостью. Почему он стал делиться со мной информацией об уровне их отношений? Раньше он никогда этого не делал.

Несколько месяцев спустя случилось продолжение той беседы. Кобун сказал мне, что, когда Стив мучился сомнениями относительно того, стоит ли ему дальше заниматься развитием компании Apple, он сказал ему: *просто продолжай*. Кобун говорил с ярко выраженной настойчивостью, следя за тем, чтобы я понимала его ключевую роль. «Я сказал ему это», – повторял он. Именно в том и было дело. Кобун хотел, чтобы я осознала: именно он дал парню крылья. И здесь, в рамках этой беседы, я уловила еле заметную перемену во власти и позиции учителя. Стиву уже не нужны были крылья, чтобы лететь, и Кобун жаловался мне на потерю своей значимости, выбрав именно меня из всех остальных. Если говорить конкретнее, возможно, он сокрушался по поводу недостатка у Стива благодарности за то, что Кобун для него сделал. Через некоторое время я стала свидетелем того, как скверно эта ситуация развивалась дальше.

* * *

После своего возвращения из Индии я осознала, что Стив выходит на мировую арену через два бастиона мужской власти, сформировавшихся в каждом из полушарий его мозга. Через Apple, систему ценностей американского большого бизнеса:

большие деньги, большие ставки, большие игроки и большие ноу-хау. Через Кобуна, двадцатипятивековую историю буддизма, истолкованную в духе Японии, одной из наиболее изощренных культур, когда-либо существовавших в мире.

Некая комбинация из высоко очищенного плутония и первоклассной суперпищи, богатой питательными веществами и обеспечивающей получение самой высококачественной энергии, давала толчок траектории развития Стива. Конечно, он был молод и легко мог работать от десяти до шестнадцати часов в день, шесть-семь дней в неделю. И по крайней мере раз в неделю по вечерам он попадал под наблюдение учителя дзен-буддизма, метафизические практики которого помогали ему сфокусироваться и укрепить свое могущество. Восток стимулировал Запад, а Запад стимулировал Восток. Стив был своего рода шаманом нового типа, идущим между двух миров. Он, должно быть, казался всем им чудо-мальчиком, так как успешно сочетал занятие бизнесом днем и постижение эзотерических учений вечером.

Я слышала, как люди говорили, что Стиву на начальном этапе просто везло. Но даже тогда я не думала, что дело было в удаче. Ведь я видела, как развивалась часть этого процесса. Я считаю, что вначале важнейшую роль сыграл Роберт Фридланд, который преднамеренно увязал духовно-эзотерическое измерение с бизнесом. Думаю, они вместе со Стивом хотели увидеть, как далеко им удастся зайти. И я уверена, что они сотрудничали и обменивались мнениями по этому поводу. Они оба использовали пищу и очищающие диеты в сочетании с духовными практиками, чтобы открыть и укрепить сознание. Воздержание от приема пищи и медитация – это проверенный временем подход, который создает крепкую практическую алхимию, необходимую для кардинальных перемен. Я постилась достаточно часто, чтобы знать, что отказ от еды способствует повышению осведомленности и приходу нового озарения. Но если индусские предания содержат рассказы с предупреждениями об опасности применения духовного видения и практик в целях получения мирских благ, этот тип укрепления силы для удовлетворения амбиций не так распространен на Западе. Стив и Роберт, может быть, были осведомлены об опасностях, но, вероятно, они не особо переживали по этому поводу перед лицом такой захватывающей возможности. Или же дело заключалось в желании добиться ошеломляющего мирового успеха любыми средствами.

Помимо взаимодействия с Робертом, работе Стива помогал схожий тип сотрудничества с Кобуном. Однако Кобун, в отличие

от Роберта, достиг абсолютно умопомрачительного уровня духовного развития. Случаи, когда истинный духовный наставник помогает своему ученику добиться успеха и создать технологию, которая изменит весь мир, должно быть, крайне редки в мировой практике. Я видела, как благодаря безграничным способностям Кобуна и умению Стива, подобно воину, развивать свою хватку последний становился неудержимым – организованным, хладнокровным, в постоянном напряжении. Настоящий робот.

Из каких же ингредиентов состояла удача Стива? Я думаю, что это было сосредоточение эстетики: универсальная полезность и мощность микрочипа, объединенные с глубокой потребностью Стива добиться признания. Затем это была его диета, основанная на суперпище, учитель дзен-буддизма в заднем кармане и готовность добиться мирового признания во что бы то ни стало. Это сочетание Запада и Востока, кажется, наделило Стива наиболее восхитительным чувством цели. И, по крайней мере, вначале казалось, что истинная смесь его гения и простоты усиливается и расцветает. Я была свидетелем того, как Стив готовится к получению власти, двигаясь от одного уровня к другому, и я буквально созерцала поразительные этапы его становления – из некогда несчастной марионетки в ведущего игрока.

Глава 13
Жизнь на двух уровнях

Хотя я не была готова к культурному шоку, который испытала по прилете в Индию, я знала, что он произойдет. Но я ни в коей мере не была готова к культурному шоку при возвращении в США. Мне требовались большие пространства, свежий воздух и природа. Много природы. Поэтому через два месяца после возвращения из Индии я покинула дом отца и переехала в местечко под названием ранчо Дювенек в Лос-Альтос Хилс. Когда-то оно принадлежало некой семье, однако затем превратилось в хостел и образовательный центр по вопросам охраны природы, место, куда приезжали дети со всей области залива Сан-Франциско, чтобы побольше узнать о жизни на ферме и экологии. Оно все еще успешно функционирует, однако сейчас, после того как умерли Джозефина и Франк Дювенек, оно называется ранчо «скрытая вилла». Жизнь на ранчо после Индии обеспечила меня наилучшими условиями, которые облегчили мое возвращение к жизни в Америке. Оно также дало нам со Стивом место, где мы могли вместе проводить ночи.

Ранчо находится между восемью холмами на сравнительно широком ложе долины, простирающейся до Муди-роуд, двухколейной автострады с крутыми поворотами, которая выводит в город или, если ехать по ней достаточно долго, к Тихому океану. На ранчо были животные, сады, пешие тропинки, оливковые деревья и большой превосходный бамбуковый сад. Там также имелись похожие на сараи сооружения, свойственные любой ферме, разбросанные по всей территории ранчо, но в целом восхитительные. В те времена на ранчо были одна или две коровы, много куриц, около четырех овец и от двух до трех свиней. Число животных увеличивалось с новым потомством весной и снова сокращалось осенью.

Я прожила на ранчо четыре месяца, переехав в одну из хижин в его дальней части в обмен на тринадцать часов работы в неделю. Поначалу я занималась странными видами деятельности, однако Траут предложил, чтобы я перешла к преподаванию. Он не только был мирским монахом в зендо, но еще и руководил детской программой по изучению природы на ранчо Дювенек. Однажды он увидел, как я играю с новорожденными ягнятами, остановил группу и заставил их присоединиться ко мне: думаю, он хотел, чтобы дети обратили внимание, какую сильную любовь я испытываю к этим милым, неповоротливым созданиям. Вскоре

после этого он пригласил меня стать частью преподавательского состава и обучать городских детишек, посещающих ранчо. Я прирожденный педагог, однако Траут этого не знал. Философия обучения детей на ферме состояла не в том, чтобы загружать их информацией, а в том, чтобы открыть в них самих естественную страсть к природе и животным. Сначала эмоции, затем имена и факты, и только после этого дети начинали испытывать трепет и задавали вопросы из инстинктивного любопытства.

То, что мне дали работу всеобъемлющую, веселую и интересную, я рассматривала в качестве подарка. Я уверена, Траут это знал. Двумя самыми поразительными коллективами обучавшихся были группа обеспеченных детей из школы для одаренных юношей и девушек в Хилзборо и группа детей из социально необеспеченных семей восточной части Пало-Альто. Таким образом, мое сердце сильнее всего тронули самые богатые, ни в чем не нуждающиеся дети – и самые бедные, не имеющие никаких благ. В детях из восточной части Пало-Альто было столько радости, столько счастья, что я все еще могу ощущать их огромное изумление. Дети же из школы для одаренных юношей и девушек были поразительно выдержанны и умны. Это хорошо запомнилось мне, и позже именно туда я направила своего ребенка.

Я провела некоторое время на ранчо еще до поездки в Индию – так же, как и Стив, – поскольку пять раз в году центр дзен-буддизма Лос-Альтоса проводил там свои медитационные ретриты. На это время члены буддистского монашеского ордена сангха превращали хостел в монастырь, убирая всю мебель в старом, пыльном общественном центре и покрывая пол татами. Мы мыли окна, подметали балконы и расставляли фотографии и статуи Бодхидхармы и Гаутамы Будды вокруг стен и на алтарях. Снаружи вывешивали огромные колокольчики и плиты из дерева с большими молотками, чтобы просыпаться в 3.55 утра, а также другие элементы, подающие сигналы к медитации, как того требовали строгие монашеские предписания.

В 1974 и 1975 годах, после того как Стив уже вернулся из Индии, а я еще туда не отправилась, мы оба принимали участие во многих ретритах. В те времена, казалось, Стив дистанцировался почти от всех, он выглядел слабым и одиноким, без стержня, но, похоже, он только набирал силу под прессом одиночества. Стив выбирал, с кем он хотел дружить, а на остальных смотрел как-то сердито. Его окружала какая-то темная аура, которая подбиралась к границам его тела и подтачивала его. Мне он представлялся одновременно изумительным и трагичным.

Казалось, что Стив был слегка удивлен моим присутствием на этих ретритах в 1975 году, однако это было изумление с толикой враждебности. (Я представляла себе, что именно такие ощущения испытывали первые христиане и буддистские монахи по отношению к женщинам.) Он держался подальше от меня и если вообще вспоминал о моем существовании, то делал это очень настороженно. Меня, со своей стороны, к нему слегка тянуло, но я также побаивалась смотреть на него. Я пыталась не обращать внимания, однако из-за моих проблем с дисциплиной все заканчивалось тем, что я следила за его действиями и перемещениями. И я всегда знала, где его подушка для медитации. Если Стив и я сталкивались взглядами, мы одаривали друг друга абсолютно противоположными эмоциями: те, что исходили от него, я не желала испытывать. Я содрогалась от холодной тьмы, которую чувствовала в нем. Я хотела выйти за пределы, но не осмеливалась. Он отчасти нес ответственность за это, поскольку был настолько грубым. Иногда же он вел себя дружелюбно, как в прежние дни.

Однако весной 1977 года мы со Стивом вновь сблизились, и, хотя я не забыла, как он вел себя прежде, это было новое время, и мы опять полюбили друг друга. Стив приходил на ферму после работы и обнаруживал там меня. В эти моменты на нем была обувь фирмы «Биркеншток», джинсы и выглаженные белые рубашки, смятые в тех местах, где нужно. Казалось, он приносил с собой яркий воздух хорошо проведенного времени. Мне нравилось видеть его в конце дня. Когда он приходил достаточно рано, мы шли куда-нибудь обедать, и три-четыре дня в неделю мы проводили вместе ночи в моей старенькой маленькой хижине, которую я без него делила с несколькими пауками. Если Стив приходил поздно, он бросал одежду на койку у другой стены, затем шел ко мне в кровать, смеясь и излучая великолепие. Я смотрела на него в свете луны, проникавшем в окна моей хижины, и именно в этот короткий миг времени между земной постелью и небесными башнями моя Индия и его восходящая траектория в Apple переплетались воедино и затем смешивались.

Наши со Стивом характеры были полностью противоположными в то время. Его дни были четко расписаны, пролетали как минуты и не позволяли расслабиться. Он работал в офисе, претворяя в жизнь большой план с представителями бизнеса, которые были старше его. Я же проводила свои дни на свежем воздухе, с животными и детьми, занимаясь странной работой и живя настоящим моментом. Казалось, впереди нас ожидало все, о чем можно мечтать в отношениях между молодыми мужчиной и женщиной. Я считала, что всегда любила

Стива, что не было такого момента, чтобы он стал не важен для меня. И хотя с тех пор, как ему исполнилось двадцать, он был то груб, то мил, я знала, что он испытывает те же эмоции, что и я.

Дюневек подарил необходимое пространство, позволившее мне вновь привыкнуть к западной жизни. Индия дала мне возможность более естественно познать свое женское начало. В этом древнем матриархальном обществе я спокойно могла покрыть голову сари и посмотреть вниз: данный жест означает право женщины уйти в себя. Прогулки с цветным куском ткани поверх головы давали мне такое соблазнительное чувство спокойной защищенности в хаосе, царившем на базаре. Однако в Соединенных Штатах я ощущала себя незащищенной в своей женственности. Здесь не нашлось подобного способа приходить в гармонию с миром, оставаясь защищенной. Я испытала облегчение, осознав в Дювенеке, что можно замаскировать себя в пределах естественных красот природы.

* * *

Стив спал очень неспокойно. Думаю, что его восхождению к власти способствовало кое-что, почерпнутое им из снов. Одно из самых драматических проявлений произошло при очередной совместной ночевке на ранчо: он спал как мертвый, когда неожиданно вскочил с постели и прокричал: «Мужчина должен быть лидером». Вытянув вперед правую руку, Стив повторил эту фразу еще громче, благородным шекспировским тоном: «Мужчина должен быть лидером!» Боже, каким он был милым. Я не знала, обращался ли он ко мне или представлял, что находится в степях Монголии и кричит эту фразу всему миру, но я отчетливо видела в этом послании влияние Кобуна. После таких вспышек Стив всегда падал обратно на подушку и погружался в глубокий сон, а я просыпалась и поражалась происходящему.

Готова поспорить, что, когда одна система ценностей берет верх над другой или когда мы боремся с большими переменами внутри нас, эволюция проявляется в первую очередь в наших снах. Мы со Стивом не только пытались понять расстановку сил между нами, но он также осмысливал ту власть, которую незадолго до того он начал черпать из других аспектов жизни. Полагаю, что свидетелем именно этого я и стала, когда Стив слег с высокой температурой и Клара попросила меня приглядеть за ним ночью. Почему-то мы находились в комнате Пэтти, я сидела на стуле у кровати, где он лежал, и наблюдала, как Стив ворочается из стороны в сторону, борется, затаив дыхание, что-то

выкрикивает и бормочет. Я никогда не видела ничего подобного: архонт[11] в тумане звука и движений, дико мечущийся в жару и тоске. Казалось, Стив обрабатывал огромный массив информации, словно внутри его шел спор по поводу огромных территорий времени и пространства, какие из них необходимо выбрать, а какие обрезать. Он хотел, чтобы я была там с ним, но всякий раз, когда я прикасалась к его лбу или искала его руку, чтобы как-то помочь, он вскрикивал «Отойди» – и резкий скрежет его голоса буквально переворачивал мне душу.

Порой у меня тоже случались проблемы со сном. Мне вечно снился один кошмар, в котором я задыхалась под грузом бесчисленных масок. Причем это были не просто маски, а также тюремные замки. И не обычные замки, а тюремные замки такой технической сложности, что они не могли быть созданы моими руками. Однажды во время такого сна я проснулась, тем самым освободив себя от оков, и спустилась в ванную комнату. А выйдя за двери хижины, я впервые в жизни увидела привидение. По крайней мере, оно выглядело как привидение и располагалось прямо напротив меня. Оно светилось и походило на Кобуна в его робах. Я рассказала Стиву об этом, когда он пришел навестить меня на той неделе, однако он, похоже, был заодно с призраком, поскольку подпрыгнул и спросил меня с широкой улыбкой на лице: «Ну, ты пожала ему руку?»

На ранчо я размышляла о следующих шагах, которые собиралась предпринять в своей жизни одновременно на практическом и метафизическом уровнях. Каждое утро я усердно медитировала, поскольку чувствовала, что передо мной стоит преграда, которую необходимо преодолеть. Джозефина Дювенек вдохновила меня на это. Квакер и очень практичная женщина, она также являлась последователем метафизической школы. Ее ферма – сама земля – изобиловала этими двумя качествами. Позднее она написала о том книгу, назвав ее «Жизнь на двух уровнях». Такой подход восхитил меня. Я сочла его прекрасным способом прожить свою жизнь, и он таковым и оказался. Чем дольше я находилась на ранчо, тем больше я работала и развивала вновь обретенные способности, позволяющие видеть за гранью мирского, тем больше я также начинала проживать свою жизнь на двух уровнях.

Однажды я сидела на бревне на прохладном сыром лугу, за хижинами хостела, под кронами ряда больших, разбухших калифорнийских лавров. Ко мне приблизился олень и стал греться под лучами солнца. Он оказался примерно в восемнадцати футах от меня, и мы смотрели друг другу прямо в глаза по меньшей мере десять минут. Причем я иногда делала перерывы и опускала веки, и в эти моменты в моем сознании

появлялись изображения, исполненные в таком направлении искусства, которое я никогда не видела прежде. Они чем-то напоминали картины Питера Макса шестидесятых годов, за исключением того, что были свежее и отважнее, с эстетической лаконичностью поразительной искренности. Изображения холмов, долин, цветов, неба, струящихся ручьев и различных растений, все в оригинальных цветах. Ясные упрощенные изображения, неконтрастные, но имеющие определенную смелую форму. Я чувствовала без каких-либо вопросов и сомнений, что это был межвидовой процесс передачи информации, и, судя по огромным немигающим глазам оленя, я не сомневалась, что он знает, что посылает мне эти изображения. Я нахожу ту ситуацию почти невыносимо трогательной, ведь олень поверил мне настолько, что показал свой мир. Как будто он говорил: «Эти вещи я знаю, люблю и делюсь ими с тобой».

Позднее я попыталась рассказать Стиву о случае с оленем и образами, но он лишь хладнокровно заметил: «Людям не полагается на равных общаться с животными». Такое могла бы заявить моя душевнобольная мать: его слова источали грубость и полностью упускали суть истории. То, как Стив воспринимал меня в моменты, подобные этому, ошеломляло меня и заставляло уходить в собственный мир тишины. Я не могла заставить себя подобрать ответ. Такое поведение выглядело огромным предательством и служило предупреждением, что мне не следует надеяться на его понимание.

* * *

Стив жил в собственном символическом мире. У него всегда была богатая и значительная внутренняя жизнь, и именно его пример вдохновил меня научиться уделять внимание собственной внутренней символической жизни. Однако даже при этом он либо не мог, либо не хотел позволить мне иметь свои таланты. Примерно тогда Стив поинтересовался моим мнением о первом наброске возможного логотипа Apple. Он редко просил меня о помощи в работе, но тогда хотел узнать мою оценку. Казалось, он перестал игнорировать мое мнение. Стив показал лист, полный различных вариантов, и спросил: «Какой тебе нравится больше?» Слово «Apple» было написано различными типами шрифтов, к этому прилагалось около десяти или пятнадцати изображений яблока. Насколько помню, на всех предложенных вариантах яблоко было надкусано. Я просмотрела и попыталась понять значение такого символа. Надкушенное яблоко? Ева, стремящаяся

к знаниям, Ева, несущая вину за падение человечества, Стив, делающий деньги на управлении базами знаний? Меня очень сильно, до трепета, поразило, что единственное изображение может рассказать такую огромную историю. Я сообщила, что мне понравилось изображение с горизонтальными разноцветными полосами. (Мне оно пришлось по вкусу, поскольку походило на ювелирное изделие.) Стив сказал, что многие ответили так же, как я. Затем я добавила: «И кстати, то, что ты действительно хочешь, – это сильное и притягательное изображение, благодаря которому люди будут немедленно узнавать твою компанию без подписанного внизу логотипа слова «Apple». Изображение доносит информацию до людей быстрее, с бо́льшей прямотой и силой. И это яблоко великолепно!»

«Это показывает, как мало ты знаешь!» – парировал он.

Раньше Стив оберегал меня, но теперь он ревновал и вел себя отвратительно, как злобная, старая змея. Однако тогда я этого не понимала. Его низость озадачивала и сбивала с толку. Иногда Стив спрашивал меня, на что тратится вся моя уверенность, и в его голосе были слышны порицание и смущение. Ему даже в голову не приходило задуматься, что существовала прямая связь между его отношением ко мне и тем, как я постепенно утрачивала собственную личность. Я верила в него. Я позволила себе подвергнуться его влиянию. Я расслабила все свои защитные механизмы, поскольку и любила его. Но это была ошибка. По иронии судьбы, сделав себя уязвимой по отношению к Стиву, я пала жертвой его слабых мест и эмоционально-психологических всплесков. Стив так сильно сомневался в себе, что хотел выиграть во всем и у всех. Включая меня. И тем не менее – ирония в иронии – именно вера Стива в собственную несравнимость заставляла его смотреть на меня так неодобрительно.

У меня все сжималось внутри, я не понимала его новых правил. Я думала, что если просто смогу *быть* лучше, то все сработает. В основном мы ладили, но когда эти шипы прорезались и наносили уколы, я застывала или спорила и волновалась. Я не могла собрать воедино все фрагменты этой головоломки. Временами Стив был добр, временами соревновался со мной, а иногда считал, что я должна жертвовать всем, что имею, и что у меня вообще нет своих потребностей. Его перемены настроения вызывали у меня чувство незащищенности, я все пыталась угадать, кем должна быть. Все происходящее начинало напоминать опыты по изучению поведения крыс, интересовавшие его пятью годами раньше, когда непоследовательная обратная реакция сводила крыс с ума.

Если бы Стив был только мерзким, я бы ушла. Если бы он был

более чувствительным и внимательным, а также приложил усилия, чтобы наши отношения не иссякли, я постепенно стала бы сильнее его любить и всецело доверять. Однако он был груб, он был добр, он был заботлив, и он был равнодушен. Иногда он не перезванивал мне, а в другие дни мой телефон не смолкал. Эти вечные перемены буквально опустошали меня. Я переставала понимать, что для меня важно, и я переставала понимать свою ценность.

* * *

В буддизме отсутствует миф о сотворении мира. Никакого Адама и Евы. Никакого Вишну, купающегося в море блаженства. Никакого Бога. Никакого Большого взрыва. Там нет начала и нет конца. Буддизм фокусируется на достижении высших состояний осознания. И так как все это бесконечно, буддизм придает огромное значение мудрости и состраданию. Голодные духи – это потерянные души, которые вечно скитаются по миру в состоянии неутолимого голода. Говорят, что, осуществляя подношения голодным духам, можно избавиться от самых тяжелых переживаний и тем облегчить свои страдания. Более того, считается, что в результате этого ритуала люди могут выйти за пределы собственного разума и преодолеть те ограничения, что сковывают их развитие. Меня безмерно привлекает подобного рода возможность познания счастья, и в то же время она напоминает мне о детской беспечной убежденности, что все должно быть хорошо. Однако, надо признаться, мне очень нравится миф о божественном сотворении мира.

В мае того года наступило полнолуние, а с ним и время медитационного ретрита в честь дня рождения Будды. Хостел в очередной раз превратился в зендо, и я записалась туда на неделю. Часами я сидела в позе лотоса, сочетая это действие с медитационными прогулками, концентрируясь на своем дыхании, как и все остальные. Когда мой разум погружался в эту среду, он словно обогащался, и я начинала думать буквально обо всем: от сбивавших с толку деталей фильма Трюффо «Американская ночь» до того, что на самом деле представляет собой звук хлопка в ладоши, до воспоминаний слов пришедшей мне в голову песни или мысленной картины того, как свет пробивается сквозь растущие рядом деревья. Затем я неожиданно вспоминала, что мне необходимо вернуть внимание к дыханию и осанке.

Я записалась, чтобы делать дневные подношения голодным духам в ходе недели своего пребывания. Но однажды я забыла о

подношении и задержалась на ланче на десять минут. Просто не заметила. Когда я наконец добралась до кухни, повар передал мне тарелку с подношением и вытолкнул меня из двери в главную комнату для медитаций, говоря, чтобы я не писала, пока не найду работу. Это была шутка, мне пришлось немедленно подавить в себе желание громко рассмеяться в абсолютно тихой комнате. Я вернулась в спокойное состояние так быстро, как смогла, и отнесла маленький поднос с едой к центральному столу, где тихо поклонилась и сделала подношение. Свечкой я зажгла палочку с благовониями в центре фокуса и размахивала затем в воздухе пламенем, чтобы не использовать свое дыхание. Я поставила палочку в красивую, сделанную своими руками кружку. Потом я осторожно поклонилась и настолько неловко, насколько возможно, положила на алтарь подношение, после чего снова поклонилась и начала двигаться в обратном направлении. Кобун посмотрел на меня неодобрительным взглядом, который обжег каждую клеточку в моем теле. Больше я никогда не пропускала сигнала на подачу подношений.

* * *

Кобун сказал Стиву, что я обладаю очень изысканным чувством передачи. Под «передачей» имелось в виду то, каким способом ученик получает от мастера наставления. Стив вел себя почтительно, когда говорил мне это, однако его почтение то появлялось, то тут же исчезало, и я не чувствовала, что могу быть в нем уверенной. Было интересно, как это скажется на его отношении ко мне в будущем. Но вскоре Кобун сказал мне: «Ты должна проявить бо́льшее понимание по отношению к тому, чем занимается Стив». Я подумала: возможно, действительно стоит так поступить, однако я сопротивлялась. Я признавала, что некая часть меня оставалась незрелой и что Стив входил в важную фазу ответственности, до которой мне требовалось дорасти. Но все было не так просто. Как можно проявлять чуткость по отношению к Стиву, когда я чувствовала себя настолько униженной? Помимо этого, я также ощущала, что Стив находил у Кобуна поддержку своих двойных стандартов. Мне бы понадобился целый отряд советчиков, чтобы справиться с тем, как ко мне относились одновременно Стив и Кобун, и чтобы понять, как позаботиться о себе. Но у меня не было отряда советчиков, у меня даже не было матери.

После этого весеннего ретрита я познакомилась и влюбилась в сына старшего члена сангхи. Во время одной из сессий Крис

присоединился к сидячей медитации; нас представили друг другу в перерыве. Он был высок, со светлыми волосами и легкими веснушками на лице и на руках. На его широком лбу отчетливо виднелся отпечаток света. Мы сразу же понравились друг другу. Через некоторое время я поняла, что рядом с Крисом не испытываю дискомфорта. Я не чувствовала постоянной угрозы моей самооценке. Я не была несостоятельна или недовольна. Я ощущала себя уверенной и счастливой. Я оставалась собой.

У Криса был благородный дух. Ему не требовалось загонять меня под пресс собственной важности. Стив, конечно же, терпеть не мог, что я провожу время с Крисом. Это бесило его, однако он честно справлялся с этой ситуацией. Но потом Стив уже не был так честен и пытался использовать мою дружбу с Крисом, чтобы снять с себя ответственность за своего собственного ребенка.

Мрачные тучи сгущались надо мной и Стивом. Знаки этого были повсюду, но тем не менее наша любовь и юность заставляли нас фокусироваться на блестящих перспективах, пока мы двигались в сторону, как мы надеялись, хороших отношений. Мы были уверены, что до них осталось совсем немного. Через два месяца мы вновь съехались.

Глава 14
Змейки-лесенки [12]

Стив говорил: возможно, в прошлой жизни он был пилотом во Вторую мировую войну. Он рассказывал, что, управляя машиной, иногда очень хочет потянуть руль назад – словно для взлета. Странное заявление, однако он действительно обладал чувством сурового гламура родом из сороковых годов. Он любил звук биг-бендов – звук Томми Дорси, Бенни Гудмена, Каунта Бейси. На первой вечеринке Apple он даже танцевал так, словно был из сороковых. Так что я видела соответствие: Стив – молодой человек, со всей этой американской изобретательностью, родом из менее стесненного времени, с простым ощущением добра и зла. Однако в 1977-м я представляла его не таким. Дела Apple шли в гору, и Стив управлял не самолетом, а ракетным кораблем, взмывающим за пределы атмосферы того, что всем представлялось возможным. И он менялся.

Примерно в это время Стив, Дэниэл и я сняли жилье в Купертино: дом в стиле ранчо, с четырьмя спальнями на проезде Президио, рядом с первыми офисами Apple. Стив сказал, что не хочет снимать дом лишь вдвоем со мной, для него это недостаточно. Он хотел, чтобы его приятель Дэниэл жил с ним, считая, что это сгладит напряженность между нами. Наши отношения бросало то в жар, то в холод. Мы то были без ума друг от друга, то предельно наскучивали друг другу. Я предложила Стиву расстаться, но он заявил, что не сможет распрощаться со мной. Радостно было слышать это, однако на тот момент я еще слишком часто уступала напору его идей.

Кроме того, Стив не хотел, чтобы мы жили в одной комнате. Он сказал, что не хочет, чтобы мы играли принятые роли, а желает иметь возможность решать, когда нам следует быть вместе. Меня это задело, но я рассудила, что здесь есть смысл – нам обоим нужно ощущение личного пространства и выбора. Так что я согласилась. Однако я не спрашивала себя, чего хотела сама. Я также не могла прояснить для себя, кем и чем становится Стив. Я не использовала грубые методы, я стремилась к достижению консенсуса и рассчитывала на честность. Несмотря на все факты, я не понимала ситуации частично потому, что излишне полагалась на его честность.

Стив выбрал спальню в передней части дома, словно хотел обозначить себя в качестве капитана корабля – впереди. Он всегда стремился руководить. Я выбрала главную спальню и

обустроилась там, зная, что у меня лучшая комната. Дэниэл, который был обворожительным образом странноват, спал в гостиной на полу возле пианино. Однако спустя месяц Стив буквально перевез меня и все мои вещи в переднюю спальню. Он осознал, что мой вариант был лучше: более просторная комната со своей ванной и возможностью уединиться на заднем дворе. Стив заплатил залог за дом, так что мог на самом деле выбирать ту комнату, которая ему по нраву. Однако он повел себя настолько некрасиво, что я была унижена и возмущена.

Даже после такого обмена комнатами Стив и я по-прежнему по ночам занимались любовью с таким пылом, что – удивительно – спустя пятнадцать лет он внезапно позвонил мне и поблагодарил за это. На момент звонка он был женат, и я смогла лишь подумать: «Э-э-э, *мужчины… действительно… другие*». Представьте, чтобы я позвонила ему и сказала что-нибудь подобное.

Наши с ним воспоминания отличались. Мне запомнилось в основном то, каким ужасным он становился и как мне было нехорошо от всего этого. Однако чистая правда: наш секс был безупречным. Когда Стив позвонил, я ощутила трепет как от самого воспоминания, так и от его странного желания отважиться на такую откровенность. Я положила трубку, стояла и думала: «*Может быть, Стив считает, что у любви свои законы и императивы? Но к чему звонить сейчас?*»

Его чувство времени всегда было таким специфическим.

* * *

Буддистские священные писания гласят, что окружающая нас обстановка на одну треть определяет, кем мы являемся и кем мы станем. (Остальные две трети распределены между кармой и личным выбором.) Я стала свидетелем подтверждения правдивости этого тезиса лично, когда летом 1977 года отправилась в тассахарский горный центр дзен на двухнедельную стажировку как слушатель, еще до того, как съехалась со Стивом. У меня не было машины, поэтому Стиву и Дэниэлу пришлось подвезти меня до Тассахары. Дорога шла вниз по побережью, мимо Кармела, Калифорния, затем на восток, от океана в глубь страны, через горы. После четырехчасовой поездки они решили остаться, чтобы погулять, посидеть в горячих серных ваннах и насладиться прекрасной вегетарианской пищей, прежде чем вернуться в Лос-Альтос той же ночью.

В тот день в Тассахаре я стала свидетелем того, какое

сильное влияние может оказать окружающая среда. Стив превратился там в другого человека. Его прежняя проникновенная доброта вновь вышла наружу, он опять выглядел снисходительным. Движения были более изящными и легкими. Контраст сильно бросался в глаза, поскольку по мере разрастания Apple Стив становился быстрым и жестким. Я успела позабыть, что Стив может быть другим.

Кобун считал, что Стив является новой реинкарнацией святого Франциска. Он много раз повторял это – то была часть его ритуала по идеализации Стива, чтобы вдохновить его образом смиренного монаха, чьими руками была построена церковь. Увидев Стива в тот день в монастыре, я поразилась увиденному контрасту и смогла понять, почему Кобун рассматривает именно его в качестве своего идеала. И хотя все это было эфемерно, я знала, что передо мной более целостный и более зрелый Стив – его истинный образец.

Примерно в это время, когда Стив бывал дома, у него появилась дурная привычка. Всякий раз, когда он проходил мимо куста или цветущего дерева, он срывал листья и лепестки, раздирал их на маленькие кусочки, а затем бросал на землю, пока говорил. Словно такие действия помогали ему думать. Готова поспорить, все, кто гулял по улице вместе со Стивом после 1977 года, наблюдали его странную привычку. Он постоянно делал это. Это бесило меня, и я часто умоляла его прекратить. Это действие выглядело настолько безучастным и уж точно не в стиле святого Франциска. Но в тот день, наблюдая за Стивом в Тассахаре, я поняла, что в этой разреженной среде вокруг Кобуна и монастыря он был более искренен и добр. Задумавшись, я услышала, как некая часть меня подсказывает: *ты должна запомнить, насколько другой он здесь.*

Я провела в Тассахаре две недели, а затем вернулась в дом моего отца в Саратоге. Сразу на следующий день Стив зашел ко мне в гости, чтобы пойти со мной на вечеринку у бассейна для сотрудников Apple. Так как Apple была еще маленькой компанией, вечеринка вышла небольшой. Пожалуй, именно тогда я впервые познакомилась с женами и подругами сотрудников Apple. Особенно хорошо мне запомнилась супруга одного из членов совета директоров Apple. Все в ней было идеально: ее одежда, ее прическа, ее пышущая здоровьем юность и ее смех, похожий на звук колокольчика. Меня абсолютно очаровало ее чувство беззаботности.

Она говорила о том, как раньше беспокоилась о чистоте деловых операций ее мужа – особенно о том, откуда берутся деньги, – однако теперь ей просто больше нет до этого дела. Она

была примерно на шесть лет старше меня, и вот она стояла и достаточно откровенно говорила, что ее более не заботит вопрос, откуда приходят деньги и куда они уходят. Я не имею представления, кем была эта женщина и изменила ли она свое мнение позже. Все, что я знаю, – что на той вечеринке у бассейна, апатичная и самоуверенная, стоящая перед компанией из семи человек, она держалась особняком и была погружена в свои мысли, пока говорила о переменах, которые произошли в ней. Она фактически признавалась в том, что отказалась от этической бдительности. Потому ли, что она и ее муж становились настолько обеспеченными, они более не нуждались в той системе ценностей, по которой живет большинство людей? Или дело заключалось в чем-то другом? Я чувствовала, что схожая перемена ценностей идет в Стиве, и любопытно, было ли случайностью, что я услышала скрытое предупреждение в словах женщины в тот день. Может, внутри Apple происходило нечто, вызвавшее данную перемену?

* * *

Жизнь со Стивом в Купертино выглядела не так, как я рассчитывала. У нас бывали славные ужины и некоторые прекрасные вечера, но мы с трудом сохраняли ощущение эмоциональной близости и уж точно не укрепляли ее. Это было похоже на индийскую игру «змеи и лестницы», причем Стив в ней водил. На подъеме испытываешь воодушевление, а уж если падаешь – то очень низко. Я не понимала, как мне не сдавать свои позиции, потому что он играл нечестно. Он играл для того, чтобы выиграть – причем любой ценой. Я знала, что крепкие отношения не могут строиться на победе одного из участников, но не понимала, почему все ускользает и разбивается на мелкие кусочки.

Когда мы только переехали, я оставалась дома одна, пока Стив и Дэниэл трудились в Apple. Меня очень угнетало, что я ничем не занята. Я поставила себе цель стать художницей, но не имела ни малейшего понятия о том, как это сделать. Между мной и моей работой стояли такие сложности, что я не знала, с чего начинать или куда мне приложить свои усилия. И когда моя подруга Эллен предложила мне вакансию официантки в ресторане в Пало-Альто, я ухватилась за нее. Я хотела быть среди людей, зарабатывать деньги и перестать зависеть от Стива и Дэниэла. Мне требовалась собственная независимая жизнь и перспективы вне этого дома. Я хотела быть среди людей – так,

чтобы не забывать, кто я есть и что интересно мне. Я также думала, что это поможет Стиву и мне найти точку опоры, а если у нас не получится – позволит мне изыскать возможность уйти из этих отношений, если такое потребуется.

К сожалению, мне пришлось отказаться от этой работы, потому что без машины я не могла добираться до Пало-Альто. В итоге я начала трудиться в Apple в Купертино. Утром ехала в офис вместе со Стивом и Дэниэлом, а вечером шла пешком домой, если после работы у нас не было совместных планов. Также я начала ходить на художественные занятия в колледж Де Анза, который удобно располагался между Apple и нашим домом. В Apple я работала в отделе отгрузки, где, если правильно помню, я припаивала отдельные микросхемы к платам и вставляла платы в корпуса Apple II. Работа не была интересной, но шутки и смех с моими товарищами, Ричардом Джонсоном и Бобом Мартиненго, меня развлекали.

На тот момент у компании было порядка тысячи квадратных футов площади, разделенной на три помещения: одно для отгрузки, одно – что-то вроде технической лаборатории для исследователей и разработчиков и один крупный офис для всех руководителей и секретарей. Помню, как-то мы все стояли вокруг стола Стива, когда позвонил Джон Дрейпер, он же Капитан Кранч. Дрейпер известен своим вкладом в разработку технологии «синей коробочки». Стив переключил Дрейпера на громкоговоритель, и все могли его слышать – а Дрейпер не знал, что мы его слушали. Дрейпер был ужасно раздражен, он просил Стива что-то для него сделать. Я уже не помню, что именно, но люди тихонько над ним посмеивались. Это капля в море историй о Стиве Джобсе, но она хорошо мне запомнилась, потому что его склонность играть нечестно казалась мне неприличной. Мне было не важно, над кем именно он смеялся. Мне она просто не нравилась.

* * *

Вечерами, когда Стиву и мне нечем было заняться вместе – а таких вечеров становилось все больше и больше, – он часто приходил домой поздно и будил меня, чтобы поговорить или заняться любовью. В те ночи, когда он хотел лишь беседы, я знала, что он явился от Кобуна. Я просыпалась и находила Стива в легком исступлении, он говорил со мной на языке символов, с узнаваемой манерой речи своего учителя дзен-буддизма. Несколько раз он сообщил о том, как ему дали «пять бриллиантовых цветков». Он сиял, когда произносил это, а я

пыталась понять, что этот символ для него означал. Наиболее вероятной догадкой после месяцев этих грез стало то, что цветы олицетворяют пять разных людей, в чьем просветлении задействован был Стив. Среди них, очевидно, находилась и я. Вначале он говорил об «одном бриллиантовом цветке» и трогал мой нос, словно говоря: «Это ты!» Затем число выросло до трех, а потом до пяти. Интересно, кто были остальные.

Стив снова пытался взять на себя роль моего духовного наставника, и это было странно. А если я не хотела стать одним из этих «бриллиантовых цветков»? Кроме того, мне казалось неправильным отсутствие ясности в том, что касалось Стива и Кобуна, в особенности если речь шла обо мне. За несколько лет до этого Стив пытался добиться от меня первичного крика «мама, папа, мама, папа», когда мы приняли ЛСД, считая, что способен присмотреть за таким озарением во мне, просто прочитав книгу. То, что сам он никогда не проходил терапию первичного крика, не смущало его. Он ощущал себя Пигмалионом. А теперь он и Кобун считали, что Стив должен присматривать за моим просветлением?

Кроме того, в то время Стив хвастался тем, что он ленив. Он работал как маньяк, но… голова откинута назад, глаза блуждают, и он бормочет: «Да я самый ленивый человек в мире». После примерно десятого повторения этой фразы я негласно перевела это как то, что он реагирует лишь на вдохновение и в таких случаях действия не требовали никаких усилий, так что он был ленив. Это отдавало кодовым языком, которым пользовались они с Кобуном. Кроме того, это становилось самовозвышением. Меня не приглашали в ночные беседы между учителем и учеником, но мне доставались остатки их, когда я находилась в полудреме. Кое-что из этого было прекрасно, и я радовалась, что Стив хотел поделиться со мной этим, но некоторые вещи оказывались совершенно неадекватными. Стив был духовно продвинутым, будучи притом эмоционально недостаточно развитым, и я начала задумываться, почему Кобун этого не понимал. Действительно, почему?

Я беспокоилась, считая, что просветленные люди не хвастаются, и ощущала, что эти двое слишком вскружили друг другу голову. В прикасании к носу скрывался элемент покровительства. Стив, который был моим молодым человеком, а не моим гуру, по ошибке решил, что мне следовало подчиняться его эго, а не своей, более высокой цели и своему присутствию. В итоге, я считаю, он мог завидовать, что у меня есть собственные силы и понимание. Думается, он хотел либо обладать всем, либо приуменьшить его ценность.

Однажды у нас со Стивом дома была вечеринка. Я не очень много помню о ней и о тех, кто там присутствовал – вероятно, Билл Фернандес, Воз, Дэниэл и их подруги. Но я хорошо запомнила неловкий момент на следующее утро: Стив, поглядев вокруг и сощурившись, спросил, что нам с «этим» делать. Я не сразу поняла вопрос, а потом вдруг осознала, что он спрашивает, есть ли какая-то служба, которую мы можем вызвать, чтобы они разобрались с грязной посудой. Самим мыть посуду – для Стива это уже не годилось. Он стал частью элиты – мира, где другие люди выполняют низкоуровневые функции, чтобы он мог работать более эффективно, – на своем, несомненно, более высоком уровне. Я недовольно вымыла посуду сама. Это ставило меня в неправильную позицию, потому что я никогда не видела себя его прислугой. Я не понимала, как себя вести перед лицом его растущего чувства собственной важности.

* * *

Спустя несколько недель после вечеринки Стив начал говорить, что у меня на лбу слишком много морщин. У меня ирландские и французские корни, и с ирландской стороны досталась тонкая кожа. В возрасте чуть за двадцать морщин у меня не было, но, когда я поднимала брови, появлялась куча мелких морщинок, как странички в книге. Стив заметил это и, как придирчивая мать, стал разглаживать мой лоб всякий раз, когда я вскидывала брови. Это был новый Стив. Мне никогда не нравились такие вещи в матерях, а уж в молодых людях и того меньше.

Я не из тех женщин, кто ставит исключительно на свою внешность. Это не единственное, в чем мое «я» находит свое отражение. Но я растерялась. Раньше Стиву всегда нравилось, как я выгляжу, а теперь даже мое лицо ему не по душе? Я плакала, чувствуя себя отвергнутой и отягощенной всем этим.

Теперь я понимаю, что Стив учился получать власть, навязывая другим негативное представление о самих себе. Он начал больше определять меня по тому, кем я не являлась, чем по тому, кем я была. Это оказалась абсолютно новая категория бессердечия, приводившая меня в замешательство, и жестокая, и я ощущала себя отвергнутой, но не знала, чем ему ответить.

Мне нужен был более проницательный человек, и однажды днем я отправилась в гости к Кобуну, чтобы обсудить это с ним. С ним оказались двое его учеников, которые добились значительного прогресса. Они всегда производили на меня очень

сильное впечатление. Не только потому, что были старше и прилетели через всю страну, чтобы учиться у Кобуна, но и потому, что на лице каждого из них виднелся отпечаток крайне глубокой и чистой доброты. Хотя тогда я удивилась, что Кобун назначил мне встречу в присутствии остальных. Это оказалось дискомфортно, раньше он никогда так не поступал. Кобун посадил меня в светлой обеденной зоне своего дома, и я шепотом рассказала, в чем состояла причина моего прихода. Я очень боялась, что после моих слов он скажет: «Да, ты недостаточно красива для растущей славы Стива, и теперь ты это знаешь».

Вместо этого он вздохнул. «Значит, Стив сказал тебе такое?» – спросил он. «Да, – ответила я. – Он это сделал». И по мере того как мы разговаривали, я постепенно начала успокаиваться, видя смиренное принятие всего Кобуном.

Примерно через двадцать минут после начала нашего разговора Кобун дал указание тем двум мужчинам зайти в комнату, где мы находились. Я была настолько смущена, что мне хотелось вылететь из помещения со скоростью пули. Не могла поверить, что он так поступил. Однако я не сбежала, те двое мужчин подсели ко мне, когда Кобун начал рассказывать им, что произошло. Они немедленно все поняли и сразу же проявили свое милосердие, доброту и почтительность. Они сказали мне, что я привлекательна. В их словах не было ни капли лжи. Где-то через сорок минут я покинула дом Кобуна, хрупкая и трясущаяся, но чувствуя себя более солидно, ибо в том, что мы обсуждали, был смысл. Несколько месяцев спустя один из этих двух мужчин направил мне небольшой рассказ о красоте в женщине, написанный Шервудом Андерсоном. Это перевесило все то, что Стив говорил мне.

* * *

Компания развивалась – а с ней и ощущение Стива, что ему все дозволено; и то и другое начало, казалось, жить своей собственной жизнью. Его поведение не улучшалось по мере прихода успеха, оно менялось от подросткового и странноватого до просто чудовищного. Так, в доэппловскую эпоху, когда мы ходили ужинать (что бывало не так уж часто), Стив нередко включал сарказм в отношении персонала ресторана. Официант спрашивал: «Вас двое?» – Стив отвечал: «Нет, пятнадцать!», вызывая у того непроизвольное: «Да ну?!» Однако после основания Apple мы стали чаще ужинать вне дома, поведение Стива в отношении обслуживающего персонала переменилось и

стало унизительным по-другому.

День за днем Стив заказывал одно и то же блюдо и при этом каждый вечер жаловался на небольшое количество соусов, которые с ним подавали, с презрением отчитывая официантов за жирную-соленую-безвкусную-претенциозную-высокую кухню. Словно бы он считал, что всем в ресторане должно хватать ума не подавать такую еду – не только ему, а вообще. Он набрасывался на официантов с нотациями об особенностях хорошего сервиса, включая в них и принцип: «вас должно быть видно лишь тогда, когда вы мне нужны». Стив стал бесконтрольно требователен. Его реакции походили на синдром Туретта – словно он не мог остановиться.

Конечно, это дико, когда твой гений признают в возрасте двадцати двух лет, когда тебе навязывают роль такого авторитета. Стив всегда был гениальным маргиналом, но на тот момент он, мягко говоря, не очень хорошо справлялся со своим растущим влиянием. На самом деле он превращался в абсолютного деспота. Совершенство Стива всегда было изумительно, но тогда он использовал его как оружие. Он искал совершенство, а когда не находил, вел себя отвратительно и срывался на людях. Словно в ходе бешеной погони стать лучшим из лучших эстетические ценности приходили на смену благопристойности и этике.

Быть может, Стиву элементарно не хватало зрелости, как и многим «технарям», для которых эмоциональное понимание просто не имеет большого значения. Возможно, это был результат процесса созидания и эффект необходимости творить с таким баухаузовским минимализмом, который сделал его настолько требовательным. В конечном счете все, что создаем мы, в свою очередь, создает нас. Или же в своем стремлении сокращать все и оставлять лишь самое нужное он утратил чувство добродетели и вместительности. (Не это ли был основной смысл в дзен-буддизме и разработке компьютера – оставить лишь самое важное и нужное?) Может быть, это был изначально заложенный в естественных науках недостаток дальновидности – эти науки настолько сфокусированы на всесильной цели, что люди лишаются возможности смотреть на ситуацию с нескольких ракурсов. Или опять это мог быть чрезмерный дух соперничества Стива, стремление выиграть любой ценой, росшее из чувства его уязвимости и бравшее верх над любой мыслью.

Я также чувствовала, что взлет Стива сопровождается проявлением в его характере черт Фауста Гёте. Так, поглощенный идеей и возможностью полного технического превосходства, Стив был неспособен уделять внимание всем аспектам своей жизни. (Хотя, по иронии судьбы, именно его «вера в превосходство» в

дальнейшем породила своеобразную культуру поклонения совершенству.) Моя рабочая теория – хотя, видит бог, у меня их было множество – состоит в том, что Стиву удалось создать перевернувшую мир технологию именно благодаря тому, что он пропускал через себя абсолютно все, воспринимая любую мелочь как часть собственного жизненного пути. Именно так подверженный сменам настроения молодой человек начал олицетворять часть всего того самого хорошего и самого плохого, что было в нашем времени.

Будучи первой девушкой Стива, я все чаще испытывала, каково это – когда он восстает против меня. Именно тогда я поняла, что чудесное и чудовищное могут идти рука об руку. Полнота Стива с ошеломительной красотой столкнулась с моей (он не просто так звонил мне спустя пятнадцать лет, чтобы признать значимость ночей, которые мы проводили вместе), но при этом он становился настолько творчески нестабильным, настолько лишенным целостности, что все могло потерять равновесие в одно мгновение. Именно тогда мое сердце охладело. Я пыталась свыкнуться с переменой, но однажды все это перевесило для меня его ценность.

Глава 15
Мир мужчин

В двадцать три года я лишь начинала становиться частью мира взрослых мужчин. Мое восприятие мужчин и отношения с ними определялись равно как моим личным опытом, так и меняющимися ценностями времени. Мой отец, по своей натуре привыкший скрывать эмоции, был типичным представителем мужского пола своего времени. Его небольшие садистские и мазохистские замашки проявлялись, когда он не находил решения той или иной задачи, но по большей части он был добр и намерен исполнить свой долг. Для каждой из своих семей он служил надежной финансовой опорой: он зарекомендовал себя как человек, способный зарабатывать хорошие деньги и знающий меру в выпивке. Он шел по стандартному пути белого воротничка, усиленно работая, чтобы выстроить свою карьеру с самого низа и заслужить должность вице-президента по маркетингу в ряде крупных компаний. Стоило нам переехать в новый штат, и он покупал для нас прекрасный дом с обширной лужайкой и гаражом на две машины. И всякий новый дом был лучше предыдущего. Тем не менее его образ жизни не отражал его собственную манеру бытия, поскольку его эпоха того и не предполагала.

Когда я была маленькой, отец казался мне таким же ярким и привлекательным, как Рой Роджерс[13], «Король ковбоев». Он был всем интересен для меня, не важно, брился он или поливал из шланга подъездную дорожку. Мне нравилось наблюдать, как он работает. Утром по субботам он приходил в комнату с телевизором и до слез хохотал над нашими мультфильмами. Это делало мультики в сто раз смешнее для нас. Сидя за обеденным столом, он использовал ножи, чтобы познакомить нас с понятием бесконечности. В своем мысленном эксперименте он демонстрировал нам, как можно постичь смысл бесконечности при помощи кухонного ножа – он разрезал что-то пополам, затем снова на две части и так далее, показывая, что у половинок нет конца и что это и есть бесконечность. Затем он смотрел на наши лица, чтобы увидеть, как эта изумительная идея проникает в наши сердца и оседает в них.

Когда мы жили в Колорадо, я откладывала деньги и купила за 40 долларов зеркальный телескоп, нарисованный тогда на упаковке кукурузных хлопьев. Жизнь в нашем доме заиграла новыми красками. Мой отец проводил один вечер в неделю,

настраивая и перенастраивая телескоп, чтобы поглядеть на ночное небо. Каждый из нас много раз по очереди смотрел в него, и все родители и дети нашего квартала приходили к нам на задний двор любоваться небом. Блестящий Юпитер с его четырьмя большими спутниками будоражил мое воображение. Марс был ужасно красный. Мне также запомнились прекрасные кристаллические узоры, оставленные метеоритами на поверхности Луны тысячи лет назад, – визуальный эквивалент симфонии.

В моем отце чувствовалась добродетель, и когда он заходил в комнату, мне казалось, что свет приобретает голубой оттенок, что давало пищу моему духовному началу и приносило мне ощущение безопасности. Однако с ним не все было так просто. Когда он говорил о бесконечности, похоже, этот эксперимент с ножом и бессчетными половинками не столько расширял его видение, сколько заводил его в тусклый тупик. Дети любят думать, что их отцы подпирают собой небо, однако я очень рано обнаружила чувство интеллектуального хаоса в своем родителе. Мне кажется, что все мы пытались помочь ему преодолеть его, однако эти усилия лишь сделали нас, пятерых женщин в его доме, расстроенными и недовольными.

Мой отец вырастил четырех дочерей и заботливо относился ко всем нам, но, думаю, я досаждала ему больше, чем все мои сестры, вместе взятые. Моя изобретательность часто сбивала его с толку. Он пренебрежительно относился к моим инструментам для рисования, считая, что они в конце концов меня погубят. Он игнорировал мои работы, а однажды и вовсе накричал на меня в присутствии моих друзей, увидев, как мы по очереди обматывали друг друга бумагой в темной комнате для того, чтобы постичь процесс появления на свет. Это была фишка семидесятых. Нам она казалась безобидной и крайне забавной. Для него же это являлось абсолютно непостижимой вещью, бардаком. В другой раз мой отец вернулся домой из командировки. Было раннее утро (он поехал ночным рейсом), и когда он зашел, то обнаружил меня и Стива спящими вместе на полу. Он не произнес ни слова, однако позднее я услышала, как он сказал своим друзьям: «Если бы два года назад кто-нибудь сообщил мне, что я найду свою дочь спящей с парнем в центре гостиной, я бы выбросил его через окно». Подростком я то приводила отца в ярость, то лишала его дара речи – попеременно.

Мой отец хотел дочку, которая была бы покладистой и скромно одевалась. Однако я находилась на другой волне, экспериментируя с тем, что представляло для меня интерес, поскольку испытывала счастье, лишь ожидая нового опыта. Я не

была покладистой, и то, что мой отец не мог принять меня такой, какая я есть, в юности, означало, что у меня никогда не было возможности довериться мужчине, ставящему мои интересы наравне со своими. К сожалению, все это привело к непониманию и породило обман в наших отношениях. И когда в мои двадцать два года отец заметил, что Стив вел себя неуважительно и был угрожающе безотчетен в своих действиях по отношению к нему, мы не смогли сесть друг против друга и подробно обсудить эту ситуацию.

* * *

Я испытываю шок, когда сегодня представляю мир, в котором жила моя мать. Когда моя семья еще обитала в Небраске, она как-то призналась нам, что сможет законно развестись с отцом, как только мы переберемся в Калифорнию. Вплоть до 1968 года женщинам было запрещено законом разводиться с мужьями в Небраске. К тому времени мы, девочки, знали, что она его не очень-то жалует. Полагаю, ее чувство беспомощности, что она не может освободиться от брака, послужило причиной проявления ее психического заболевания. Отец, в свою очередь, много раз повторял, когда мне уже было около двадцати: «Я не должен был давать вашей матери идти учиться в колледж. Из-за этого она начала думать». Весьма пугающе слышать такие невежественные фразы во времена феминизма от мужчины, у которого четыре дочери. Позже мой отец осознал, что заблуждался, и решительно изменил свое мнение, но семидесятые были временем медленного пробуждения для здоровяков, которые придерживались тайных альянсов внутри компаний, где ключевые позиции занимали мужчины. Хотя в его словах имелась доля истины: к 1970-му ряд представителей феминистского движения утратили настоящие цели и настолько радикализовались от разочарования, что, в сущности, приказывали женщинам вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Я не обладала достаточным опытом, чтобы понять женское движение или то, почему люди говорили: «Женщина без мужчины – все равно что рыба без велосипеда». Это смешное заявление просто нужно было понять. Я также не знала, как отнестись, нечаянно услышав, как Кобун заканчивает телефонный разговор, жалуясь на качества американских женщин. Стоя у двери, я ждала, пока Кобун в дальнем конце своего кабинета смеялся и говорил что-то вроде: «Ох, они не как эти *американские женщины*…» – намекая на превосходство некой другой группы

женщин, более почтительных по отношению к мужчинам. Возможно, он говорил специально для меня, так как знал, что я его слышу.

Я наблюдала много подобных вещей задолго до того, как научилась понимать их подтекст, не говоря о том, чтобы реагировать на них. Но однозначно, что в семидесятые годы антагонизм между полами был ярко выражен и не отвечал ничьим интересам: ни мужчин, ни женщин и уж точно ни детей. Если бы я не встретила духовных наставников, которые помогли мне выжить среди противоречивых взглядов на мир, у меня были все шансы стать жертвой того времени. Теперь мне нравится думать, что суть этих противоречивых семидесятых заключалась в том, что это был самый разгар процесса. Или лучше так: это было похоже на тот музыкальный хаос, что сопровождает настройку оркестра. Возможно, время моего взросления просто было турбулентной начальной стадией этапа, который нес благо и добро.

Я – осторожный оптимист. Позднее мое сердце наполнилось восторгом, когда я услышала, как далай-лама сказал на Всемирном саммите лауреатов Нобелевской премии мира в Ванкувере: «Женщины Запада спасут мир». Хотя не думаю, что нас спасут именно западные женщины – на Востоке, Ближнем Востоке и в Африке можно найти прекрасные примеры достойных девушек и женщин, – я все же знаю, что иногда необходимо проделать большую работу, прежде чем достойная концепция укоренится в мире. Однако нет сомнения в том, что это произойдет и окупит все усилия.

* * *

После многих лет жизни в доме, где преобладали женщины, переезд к Стиву и Дэниэлу стал для меня огромной переменой. Поначалу мне нравилось жить с ними в одном доме. Я наслаждалась тем, как они анализировали вещи, добирались до самой сути, а затем начинали безудержно смеяться, осознавая, насколько же безумен наш мир. Дружба Стива и Дэниэла излучала изящное добродушие, а их разговоры крутились вокруг технологии, просветления и еды. Мне запомнился комментарий Стива про оптимальное использование личной энергии: «Полностью выразить себя – значит очиститься. Воздерживаться от самовыражения – значит взращивать силу изнутри». Ух ты.

В доме стало веселее с появлением Дэниэла. Подобно ребенку, он получал нескончаемое удовольствие не только от

того, что интересовало его, но также и от метауровня того, *каким образом* это его интересовало. И пока Стив все больше времени проводил на работе, я находилась дома с Дэниэлом, и мы лучше узнавали друг друга. Он научился играть на пианино. Я готовила и жарила хлеб, а еще делала себе одежду из дешевой индусской ткани, имитирующей гобелен, которую находила в магазинах Cost Plus. В семидесятых возрождался интерес к навыкам ведения домашнего хозяйства. После нелепо механизированных, промышленных идеалов пятидесятых шестидесятые и семидесятые ознаменовали приход более земных, здоровых привычек. Я исповедовала контркультуру. Стива вовсе не интересовал этот мой аспект творчества, он был настроен на иную волну. Однако Дэниэл часто проявлял удивительную заинтересованность тем, как я шью и готовлю. Казалось, что ему нравилось все, чем я занималась. Он не мог скрыть удивления, узнав, что мне не нужны рецепты и примеры, чтобы сделать какую-то вещь, и сказал, что я обладаю «врожденной гениальностью». Я не знала, что именно это значит, но звучало это великолепно. Думаю, Дэниэлу не приходило в голову, что я не имела понятия, как следовать рецепту или чьему-то примеру. Мой разум был так нетерпелив, что, когда доходило до правил, я постоянно от них отклонялась и делала все по-новому.

Хотя Дэниэл меня никогда не привлекал, иногда он меня очаровывал. Стив признавал мою креативность абсолютно иначе: его больше интересовали мои подходы к вещам. Дэниэл же просто позволял мне чувствовать себя видимой в тех аспектах, на которые Стив не обращал внимания. Однако это была лишь часть картины. Вскоре я открыла, что отношения Стива и Дэниэла базировались на наиболее идиотском уровне вседозволенности, которую я когда-либо наблюдала. Я поняла, что их разум наполнен негативными женскими образами и представлениями. Будь у меня нестандартный юмор, возможно, мне бы казалось забавным играть роль карикатуры. Стив и Дэниэл приводили в действие и лучшие, и худшие качества друг в друге. Часто я бывала одновременно поражена их легкостью и шокирована их бесчувствием. Возможно, они относились ко мне с точностью до наоборот. Я не задавалась этим вопросом. Я лишь наблюдала, как они связаны друг с другом, словно абсурдистские инсайдеры в клубе «Твоя жизнь». Постепенно я стала понимать, что эти шуточки были главным, если не единственным, способом обмена информацией между ними. И это стало очень предсказуемым.

Я осознала, что для Дэниэла Коттке Стив был примером для подражания, а возможно, даже и исполнял роль отца, как Роберт Фридланд для самого Стива. И хотя все трое были равны как

друзья, думаю, что иерархия существовала: у Роберта (а затем и Стива) имелась жажда власти, Дэниэл же относился к ней противоречиво и был более склонен присоединяться к обладающим властью, нежели властвовать самому. Потому я отводила Дэниэлу роль прислужника в этом братстве.

Где-то спустя месяц после того, как мы начали жить вместе, Стив завел манеру восклицать, что «мужчины просто намного интереснее женщин». Затем Дэниэл последовал его примеру и стал повторять ту же самую фразу с такой же интонацией. Это было пренебрежительное заявление, но если цель заключалась в том, чтобы вывести меня из себя и подорвать мой моральный дух, ее не достигли. Зато я задалась вопросом, почему Стив гордится подобными мыслями. Была ли это такая шаткая стадия мужского созревания? Позднее до меня дошло, что суть этих братств, в их менее развитых состояниях, состоит в достижении консенсуса, прославлении одинаковости и оттачивании остроумия. Это договоренность, которая компенсирует экзистенциальную и личную незащищенность. И она прославляет мужество, чтобы гарантировать то, что мужчины, по крайней мере некоторые, рассматривают как безопасность. Стив искал одинаковость уже вскоре после того, как начала свою работу Apple: он, кажется, упустил из виду, что я представляла ценность для него, потому что была иной.

Эта *схожесть* набирала обороты. После второго пришествия Стива в Apple я заметила, что мир был атакован армией стремящихся внешне походить на Стива людей: черный свитер с высоким завернутым воротником, стрижка ежиком, очки как у Леннона и синие джинсы. Европейский облик в стиле casual Стива был взят на вооружение мужчинами в каждом городе Америки. Это была утонченная простота, и это было классно. Сегодня я придерживаюсь мнения, что Стив втайне желал видеть везде свое отражение. И это случилось. «Стивы» оказались повсюду. Хотя меня это раздражало. Мне думалось, что этот его костлявый образ с бритой головой своим происхождением обязан Полу Джобсу. С моей точки зрения, Стив неустанно стремился к одобрению со стороны мужчин, в первую очередь Пола. Копирование милитаристского облика Пола было частью этого процесса.

* * *

Все, что я действительно хотела и в чем нуждалась в то время, был спокойный дом и чтобы меня любили и ценили за то, кем я являюсь. Я начала забывать тошнотворную логику моей

матери и ее душевное заболевание. Удаление воспоминаний о том, как мыслила моя мать, стало важной вехой для меня; я начала проводить вечера дома, где могла сосредоточиться и погрузиться в чтение ради культурного обогащения. Я начала исцеляться, и этот процесс, кажется, побудил Стива и Дэниэла захотеть вновь расфокусировать меня, хотя они постоянно шутили и критиковали меня за то, что я недостаточно сфокусирована. Я находилась в разболтанных чувствах и не могла стабилизироваться в этом доме, где чувствовалось столько обид и недомолвок.

Дэниэл Коттке, как и Стив, всегда был несокрушимо уверен в своей правоте. Казалось, оба воспринимают идеализированную версию самих себя как единственную истину, а остальных оценивают не так великодушно. Я рассматриваю эту черту как глюк в программировании и не думаю, что Дэниэлом двигала недоброжелательность. Проблема была в том, что парни воспринимали себя в качестве золотого стандарта, а меня – как нечто искаженное и портящееся. Я реагировала на такое очень лично, что давало им еще больше поводов посмеяться.

Дэниэлу нравились интеллектуальные традиции, возникшие на основе духовности семидесятых, и все время, что я его знала, он изучал эти идеи и применял их на практике в поиске новых возможностей. Однако он мог рассмеяться не над тем, чем нужно, и часто упускал смысл ситуации, поскольку он, как и многие помешанные на науке, был отрешен от эмоциональных оценок в своей проницательности. Однажды он заявил мне: «Ты была куртизанкой в Китае в прошлой жизни», рассмеялся мне в лицо, а затем вернулся обратно в свой самодовольный внутренний мир. Я не знала слова «куртизанка» и не поняла намека. Эта насмешка глубоко ранила меня, и эта рана долго не заживала. (Сегодня я бы ответила, что моим выбранным архетипом скорее является четырехрукая богиня Сарасвати: могущественный созидательный женский аспект, находящийся в состоянии равновесия с ее гармонией, реализованный мужской аспект, никакой компрометации или проституции в обоих из них. Лишь полнота бытия.)

Тот дом был наполнен большим потенциалом, который расцветал и струился – чувствовались огромные дальновидность и перспективы, – но мои попытки высказаться и быть понятой слишком часто становились объектом насмешек. Когда я передала Стиву слова Кобуна «Стив глубоко невежественен», он ответил, что это для него комплимент. Он превращал себя в воина, достигшего просветления, поэтому не обратил внимания на предупреждение, решив, что невежество не является

проблемой в его великом плане. Тогда все меньше оставалось поводов заставить его задуматься, если только это не была неспособность, по его мнению, подумать о других. Порой я могла молчать несколько дней, так как Стив мог повернуть все, что я скажу, против меня; моим единственным убежищем был бунт тишины. Это побуждало Стива и Дэниэла еще сильнее насмехаться надо мной. Время шло, и я начинала съеживаться и исчезать (даже в собственных глазах) соответственно растущему высокомерию Стива.

Теперь я понимаю, что все мы олицетворяли культурные нормы нашего времени. Никто из нас не осознавал, что мы были звеньями в длинной цепи нерешенных вопросов. У меня перед глазами не имелось ни примеров, способных помочь мне познать ценность женского аспекта, ни образцов, демонстрирующих нам со Стивом развитые отношения между мужчиной и женщиной. Масла в огонь также подливала и японская предвзятость Кобуна в пользу мужчин. Я много раз слышала слова Кобуна, что хороший мужчина убегает от женщины, которая хочет выйти за него замуж. *И правильно делает!!* Однако я никогда не слышала от него, что хорошей женщине следует бежать от мужчины, желающего на ней жениться. Сейчас мне кажется, что от влияния учителя было больше вреда, чем пользы.

* * *

Стив почти перестал проводить со мной время, поэтому я была счастлива, когда однажды он предложил пройтись вместе. Тем не менее наша прогулка свелась к тому, что мы вновь выслушивали взаимные жалобы. Мы ощущали, что не получаем друг от друга того, что хотим. Прогулка стала весьма печальной, когда на полпути через школьную лужайку наше внимание привлекла захватывающая картина. Среди ряда недавно посаженных деревьев слышался шум множества пчел, свисающих с ветки: они были крепко сцеплены друг с другом и похожи на зловещую гроздь винограда. Под ее тяжестью слабая ветка молодого деревца прогнулась дюймов на пять.

Мы не встречали ранее ничего подобного. Мы подошли поближе и разглядели мешанину из несметного количества крошечных насекомых раздражающего желтовато-черного цвета, издающих вибрирующие звуки. Их жужжание лишало нас мужества. Я задалась вопросом, не потеряли ли они свою матку. Очарованные как дети, мы огляделись вокруг в поисках палки, чтобы ткнуть в них. Мы боялись, что рой нападет на нас, но было

чересчур любопытно, чтобы пройти мимо. Стив взял палку, а я встала позади него. Подойдя настолько близко, насколько хватило смелости, мы были готовы убежать в любой момент. Затем Стив сказал: «о'кей, раз, два, три» – и ткнул в рой. Внезапно половина слипшейся массы упала на землю, словно незастывший цемент: пчелы рассыпались по траве, продолжая жужжать и ползать друг по другу, некоторые улетали прочь. Возбужденные встречей с пчелиным роем, мы наконец-то прекратили все споры и утихомирились, вернувшись домой в молчании.

В этом пчелином хаосе я увидела знак, что мой мир отдалялся от мира Стива. Вместе мы обладали необычными кодами для творчества, однако я была исключена из траектории потока его мысли, а он из моей. Такие примеры в истории не редкость. Некоторые прекрасные импульсы, что существуют в людях, остаются нереализованными из-за встречных ветров невежества, отвлечения внимания, злоупотребления властью, зависти, неудачного времени, плохой памяти, дефицита ресурсов, недостатка уверенности, сексизма, расизма, неправильных амбиций, лени, войн… Список препятствий можно продолжать бесконечно. Подавленная, я освободила себя от него, не желая двигаться в заглушающем душевные порывы направлении, в котором он, казалось, шел.

Вскоре после той прогулки все переменилось. В субботу после полудня, прежде чем Стив ушел на работу, мы поругались на кухне. Скривившись, он бросал самые грубые, резкие слова в мой адрес – заряд ненависти чувствовался в каждом слоге. Я не помню, из-за чего разразилась ссора, я лишь запомнила частый огонь его словесных атак, подобный нападению беспилотников. Находясь в позиции обороняющейся, я отделила свою душевную оболочку от физической и начала изучать его как с неправильного конца телескопа, трансформируя его ужасное поведение и делая его более управляемым через эти суженные линзы. Я подумала, что его подлость превысила все пределы. И затем осознала, что для меня между нами все кончено. Всем телом я ощущала, что не способна больше выдерживать такие выходки. Обычно в ссорах меня выставляли крайней, однако теперь я была спокойна, поскольку нашим отношениям пришел конец. Его гнусность взяла верх. Не было никакого соревнования. С меня хватило.

После такого ясного осознания я более не могла вернуться к прежнему состоянию, как бы того ни хотелось. И хотя мне понадобилось время, чтобы достичь цели, с того момента я оказалась запрограммирована на расставание. Это было нелегко, поскольку мой семейный опыт не учил верности себе, он был

богат, но не этим. С того момента начался мой путь к зрелости.

Десять дней и пятнадцать споров спустя Стив бегал за мной вокруг своей машины на подъездной дорожке дома. Был поздний вечер, Дэниэл отсутствовал, и нам представилась счастливая возможность провести время без него. Я смеялась и плакала, пытаясь спустить шины автомобиля Стива в шутливой и полной слез попытке заставить его побыть со мной. Он также смеялся и кричал, пока бегал за мной. Вдруг он воскликнул: «Я никогда не говорил тебе того, что я хотел бы, чтоб ты знала». Я остановилась, пытаясь понять его. Он был прав. В последние годы нам не удавалось одинаково интерпретировать наши чувства. Именно поэтому наша любовь никогда не выражалась полностью.

Это был тяжелый удар. Его чувствительность, наша любовь и последующая ее утрата – все разом навалилось на меня. Горе, которое я испытывала, оказалось так сильно, что я схватилась за живот и в те мгновения желала умереть от боли. Таков был весь Стив, постоянно стремящийся задеть за живое, заставить пережить чувство вины и утраты, хотя только любовь и доброта могли бы спасти наши отношения.

* * *

Я одновременно сопротивлялась идее уйти от Стива и планировала, как это сделать. В итоге я решила перебраться в Пало-Альто, который я считала идеальным примером небольшого красивого городка – до того, как он был реконструирован и превратился в центр компьютерной индустрии и ее денег. В первую очередь я договорилась установить себе внутриматочную спираль. Однажды я проснулась из-за осознания того, насколько невыносимо все стало, в другой раз я пробудилась, поняв, что почти не забочусь о себе. Прежде всего это касалось средств контрацепции.

На тот момент нашим способом предохранения был прерванный половой акт, также известный под названием «вынь и остынь». Для Стива его суть состояла в том, чтобы сохранить свою энергию для работы. Воздержание от достижения оргазма – практика, заимствованная из восточных традиций Индии и Японии, которая передается от наставника ученику-мужчине для развития у того концентрации и накапливания энергии – предположительно для духовного роста. Эта практика также была описана в опубликованной в 1937 году мотивационной книге Наполеона Хилла «Думай и богатей», где говорится, что власти и большого состояния можно добиться путем сохранения своей

жизненной энергии. Я знала, что прерванный половой акт является фиктивной формой контрацепции, но до тех пор старалась не обращать внимания на опасения и следила за своими циклами.

Я позвонила в Центр по планированию семьи в Саннивейле. Мне было сказано, что они устанавливают внутриматочную спираль лишь в конце женского менструального цикла, поэтому я дождалась, когда у меня почти закончился период, и затем отправилась к ним на процедуру. Я сомневалась, зная о возможных побочных эффектах использования внутриматочной спирали, но это был меньший риск, чем таблетки, ведь из-за добавочных гормонов я набирала лишний вес и у меня развивалась апатичность. Я знала это, поскольку то принимала таблетки, то прекращала на протяжении нескольких лет. В ту ночь я сказала Стиву, что поставила спираль, и он меня высмеял. Осознание того, что я все сделала правильно, дало мне возможность наконец-то понять модель: он будет продолжать унижать меня за все без исключения независимые мысли и действия. Это было сродни заболеванию внутри его.

После установки спирали я ощутила, что вновь могу чувствовать себя спокойно после практически года интимных отношений со Стивом. Я знала, что не забеременею, и испытывала облегчение, даже эйфорию, по поводу того, что сняла со своих плеч громадную заботу. По крайней мере, так казалось. В течение двадцати четырех часов после установки внутриматочной спирали я забеременела. Я точно знаю, когда произошло зачатие, поскольку в ту ночь Стив был добрее, чем обычно. Он дышал так, словно избавлялся от всего того, что его обременяло, и ласкал мое лицо с глубоким чувством так, как не делал уже долгое время. На мгновение я расслабилась, чувствуя полное принятие. Луч любви пробился через тучи, а затем снова скрылся.

Глава 16
Старая история

В течение двух недель в начале октября 1977 года каждая минута была на счету. Я поняла, что моим близким отношениям со Стивом конец. Получение «надежного» средства контрацепции стало моим первым шагом к расставанию. Род Холт, один из первых десяти сотрудников Apple, предложил пройти оплачиваемую стажировку по разработке шаблонов для продукции компании. Стив с Родом считали, что я идеально подхожу для данной работы, и так оно и было, но меня беспокоила подобная перспектива, поскольку я просто хотела быть художником. Будучи заботливым взрослым человеком старшего возраста, предлагающим мне очень ценную возможность, Род счел мое нежелание принимать это предложение глубоко ошибочным. Я сказала ему, что подумаю об этом. Затем я узнала, что беременна.

Мне понадобилась пара дней, прежде чем я отважилась рассказать Стиву о беременности. Мы говорили на кухне о посторонних вещах, и я сказала ему: «Я беременна». На лице Стива появилась гримаса ужаса. Он яростно уставился на меня, а затем выскочил из дома, не сказав ни слова. Это был первый день.

Сегодня распространена версия, что Стив просил меня сделать аборт. Существуют цитаты, вероятно, самого Стива, что он предлагал мне прервать беременность. Он даже заставлял людей верить, что я спала со всеми вокруг. Но все это неправда. Все это Стив делал для того, чтобы выставить себя жертвой сумасшедшей женщины, к которой он испытывал незначительное влечение, но никогда не любил. Правда заключается в том, что в начале моего третьего триместра Стив как-то сказал: «Я никогда не собирался просить тебя пойти на аборт. Я просто не хотел этого делать». И он никогда этого не делал.

Стив не говорил со мной о беременности и не намеревался говорить. Когда он не скандалил, то держал меня на расстоянии, плотно сомкнув в молчании губы. Мне понадобились годы, чтобы понять, почему он не желал обсуждать нечто столь важное для обоих, особенно принимая во внимание, что мы уже сталкивались с такой ситуацией пятью годами ранее и нашли решение. В этот раз я извелась, пытаясь понять, почему он со мной не разговаривает. Когда Стив свыкся с фактом моей беременности, он встречал мою панику и слезы неестественно спокойно. Если бы я просто рассердилась, то я бы пришла в себя и предприняла что-

нибудь, поскольку у меня не было возможности ухаживать за ребенком. Однако я даже не злилась на Стива. Меня слишком задевала его молчаливая отстраненность от меня и то, что много месяцев я была заложницей его плохого настроения. Так что я оказалась между молотом беременности и наковальней окружавшего меня хаоса. У меня больше не осталось сил это терпеть.

Молчание Стива оживило чувства, которые я испытывала рядом с психически больной матерью, пытаясь найти смысл в ее жестоком поведении. Она, как и Стив, жила в своем символически богатом мире, в котором воспринимала все мои действия крайне негативно – то, что она мне говорила, слишком ужасно, чтобы воспроизводить. Теперь я понимаю: вместо признания, что моя мать была психически нездорова, я верила ее худшему восприятию меня. Таким же образом я поняла: мне было проще решить, что что-то не так со мной, чем признать, что Стив использовал мою боль и смятение не только для своей защиты, но и из склонности издеваться. Я выглядела слабой, и это вызвало у него такое желание.

Если бы я надавила на Стива и заставила его поговорить, возможно, мы бы нашли выход из ситуации. Однако он вел себя так, словно все было моей ошибкой, и я не знала, как противостоять мощи его обвинения. Все это происходило до того, как анализ ДНК стал общедоступным, поэтому доказать отцовство было сложно. Когда Стив выбежал из дома, я не сомневалась, что он отправился к юрисконсульту и тот объяснил, что если он ничего не будет говорить, то ничего не сможет быть использовано против него. Уверена, основным его побудительным мотивом было все то, что происходило в компании Apple.

Стив представлял себе всю картину, я же не могла знать, что компания Apple в течение трех лет выйдет на открытый рынок и что моя беременность может восприниматься как угроза общественному мнению о Стиве и самой торговой марке Apple. К тому времени они, скорее всего, выяснили, что Стив был непредсказуемым человеком и кошмаром для пиарщиков. А надо было создать романтический образ честного, немного странного гения. Apple, молодая компания, нуждалась в хорошем общественном мнении. Поэтому пиарщики сформировали образ одаренного, внешне привлекательного молодого человека. Дело было в укреплении своих позиций и создании торговой марки с помощью личности одного человека. Весь вопрос заключался в деньгах. Вот и все.

* * *

Аборт был одним из приоритетных вариантов. Женщина знает, есть у нее возможность заботиться о другой жизни или нет. Также я могла отдать ребенка на усыновление. Однако на меня нашло затмение. Я не имела ни малейшего представления, что делать. И я довольно плохо питалась. Я была идеалистической вегетарианкой, хотя, возможно, нуждалась в мясных продуктах. Я также подозреваю, что в Индии подхватила паразитов, которые негативно влияли на мою возможность концентрироваться, а заодно подрывали силы. Не последнюю роль играла буддистская заповедь «не причини вреда», которая была для меня очень важна. Неопытность. Идеализм. Проблемы со здоровьем. Изобилие гормонов, свирепствующих в моем теле. Я слишком запуталась, чтобы принять умное решение.

Я не разговаривала с отцом. Он понимал, что значит иметь детей и содержать семью, и, возможно, мог оказаться полезен, но я не полностью доверяла его мнению; кроме того, я была немного скрытна и, возможно, заносчива. Мне не хотелось общаться с ним – я уже пережила слишком много предательств. Никто из друзей также не имел опыта, чтобы помочь мне. Они все еще проходили стадию созревания в рамках своих прекрасных жизней.

Время шло, и я чувствовала себя все более одинокой и слабой из-за конфликта. Я не хотела ребенка, но я также не желала причинять вред маленькому существу, растущему внутри меня. Вдобавок мне начал регулярно сниться кошмар: доктор, у которого не было лица, приближался ко мне с паяльной лампой в руках, чтобы сделать аборт. Поэтому я решила пойти к учителю дзен. Кобун, в отличие от Стива, разговаривал со мной. Кобун, в отличие от моего отца, не казался человеком с наполненным хаосом сознанием, а еще Кобун производил впечатление доброго и сознательного. Кобун понял ситуацию. Он хотел помочь с ней разобраться, и, когда я обрела того, с кем можно было поговорить, у меня с души упал камень. Теперь я понимаю, что Кобун и Стив поменялись ролями. Кобун дал меня Стиву, чтобы помочь с моим просветлением, а Стив оставил Кобуна, чтобы тот помог мне принять решение о беременности.

Сильнее всего хотелось, чтобы Стив просто поговорил со мной, и принять решение вместе с ним. Это была наша общая проблема, однако он винил меня, словно она касалась только меня. В какой-то момент он мне заявил, что чувствует, словно я краду его гены. Он начал рассматривать себя как что-то вроде элитного, высококачественного товара, в то время как манера его поведения, наоборот, была сродни дешевой, низкопробной продукции. Я даже не смела себе представить, что Стив хочет жениться на мне. Все его действия свидетельствовали о том, что

он начал рассматривать меня в качестве неудобства, заставляющего его чувствовать себя неловко.

Поэтому я отдала себя на милость Кобуну, чтобы найти выход из сложившейся проблемной ситуации. «Оставь ребенка, – сказал он с энтузиазмом. – Я помогу тебе». Позднее, в ходе моей беременности Кобун заявил: «Ты не из тех женщин, которые могут отдать ребенка на усыновление». Я не знала, хотел он тогда мною манипулировать или же действительно в это верил. Лично я не имела представления, могу я или не могу отдать ребенка на усыновление. Но, по крайней мере, я знала, что Кобун пообещал свою поддержку, если я решу оставить ребенка.

В ряде своих лекций о дхарме Кобун предупреждал, что «медитация не должна использоваться для психологических целей или для целей, несовместимых с духовным развитием». В то время эта мудрость была непонятна мне. Теперь я осознаю, что под ней подразумевалось: духовное развитие человека всегда сказывается на его психологическом состоянии и улучшает характер, иногда весьма заметно. Однако духовность не должна использоваться для реализации личных целей или получения мирской выгоды. Такие действия лишают ищущего аутентичности, результата искреннего духовного поиска.

Все же я пришла к выводу, что Кобун манипулировал развитием ситуации для достижения своих целей. Однажды, примерно на шестом месяце моей беременности, он сказал, что использует всю свою внутреннюю энергию, чтобы свести Стива, меня и «ребенка» вместе; но пользы это не приносило. Если это правда (быть может, нет), то это – показательный фактор, поскольку важный смысл любой истинной медитации состоит в том, чтобы проникнуть в суть проблемы, благодаря чему правильное решение происходит само собой и без принуждения. Кобун не смог проникнуть в суть проблемы. И он оказался ошарашен своей неудачей. Его потенциал не был так велик, как я думала или, возможно, как считал он сам.

Он также не был любознателен, поскольку после этого признания Кобун сделал то, что делают многие, кто не желает честности: он стал сентиментален, этакой скользкой лицемерной смесью из открыток «Холмарк», уклончивости и счастливых концов. «Дай дорогу новой жизни», – сказал он с воодушевлением, неприменимым к моей ситуации. И я подумала: «Ух ты, какое отвратительное заявление, сделанное в личных интересах!» Позднее я рассказала своей старшей сестре, Кэтти, об этом, и она отозвалась: «Мне хочется ударить его». Я была согласна.

* * *

Я пребывала в нерешительности, зная, что близится день, после которого будет поздно делать аборт. Я отправилась в центр планирования семьи, чтобы там извлекли внутриматочную спираль, думая, что это может положить конец сомнениям. Однако в центре планирования семьи в Саннивейле я узнала, что внутриматочная спираль разрушилась, предположительно через несколько часов после установки. Потому я и забеременела.

Чем ближе подходил срок решения о беременности, тем чаще Кобун говорил: «Я дам тебе денег, и я стану растить ребенка до тех пор, пока ты не будешь готова, или даже оставлю его у себя навсегда, если хочешь». Я знала, что Кобун идеализирует себя и свой обычай, и уже потому мне следовало быть проницательнее. Его мать руководила своего рода сиротским приютом в монастыре его отца, поэтому я думала, что он на самом деле понимает мою ситуацию. Он повторял, что поможет мне и моему ребенку, столько раз, что я поверила ему. Но я не получала от него никакого письменного обязательства. Да и по какой причине я должна была получить? В конце концов, он духовный лидер, и никто в сообществе не говорил мне, что его слова не согласуются с делами. Никто. Моим самым смелым вызовом ему была фраза: «Кобун! Твоя жена никогда не согласится, чтобы мой ребенок находился в твоем доме». Мне понадобилось набраться наглости, чтобы сказать ему это, ведь спорить с ним тогда казалось из ряда вон выходящим.

Я не знала Гарриэт Чинно лично, но иногда она на меня смотрела – сурово и неприятно. Плюс на его лекциях я слышала истории о ее ярости, сравнимой с яростью тигра. Подозреваю, он называл ее тигром, поскольку она была сильной женщиной с собственными целями, и еще она кричала на его студентов, чтобы они убирались прочь из их дома. Я была идеалистично настроена и не могла себе представить, что она, возможно, утомилась от желающих практиковать дзен, вмешивающихся в их семейную жизнь. Но Стив часто шутил по поводу того, как она не могла переносить его поначалу. Он рассказывал, что Гарриэт относилась к нему с презрением из-за привычки приходить к ним домой поздно вечером и ждать на боковой дорожке или на узкой улице за их домом, заставляя Кобуна выйти подышать свежим воздухом и покурить. Тем не менее негативное отношение Гарриэт к Стиву изменилось, как только Стив стал знаменит: теперь она начала просить его сопровождать ее на социальных мероприятиях, когда ее муж уезжал из города.

Кобун сказал мне: «Если она не поддержит мое предложение

взять твоего ребенка, *то я с ней разведусь*». Ох-хо-хо, это заявление явно предупреждало меня о мрачном повороте событий. То обстоятельство, что он говорил это с такой бравадой, насторожило меня. Я чувствовала, что это звучит чересчур высокомерно в той ситуации. У Кобуна и Гарриэт уже было два маленьких ребенка, и я полагаю, что именно на ней лежала основная ответственность за поддержание семейного быта. Кобун, как оказывается, хотел больше детей, а она этому противилась. Через два года она с ним развелась, уехала жить в другой штат и забрала детей с собой. Что касается меня, то я постепенно начинала осознавать, что Кобун подвергал меня и жизнь моего ребенка опасности.

* * *

Род Холт все еще ждал от меня ответа на свое предложение о трудоустройстве в Apple, однако я была в таком сильном смятении, что не могла собраться, чтобы своевременно ответить ему. Он очень злился, и, честно говоря, не в моем духе было упускать нечто столь серьезное, как хорошее предложение о работе, тем более одновременно пристойной и подходящей мне. Однако я была настолько ошарашена, что потеряла способность мыслить и даже не могла сказать ему, что происходит, ведь это было личное. Я даже не могла представить себе, что останусь в Apple. Стив поразил меня, когда небрежно, даже наивно, сказал: «Твоя беременность не помешает работе в Apple, соглашайся на предложение. Не понимаю, в чем проблема». Однако мне было стыдно от мысли о том, чтобы находиться в профессиональной среде Apple со своим растущим животом, внутри которого его ребенок, и все это на фоне непредсказуемого поведения Стива, поочередно сурового и сентиментально смехотворного. Я бы не смогла этого выдержать.

Примерно в то же время я заметила, что манера Стива держаться была грубой, с некой королевской легкостью. «Грубой» – в его отношении ко мне чувствовалась изрядная надменность, которая позволяла подпитывать чувство его собственного достоинства за счет моего отчаяния. «С королевской легкостью» – теперь он обладал властью представить любую вещь обоснованной и с ресурсами, чтобы все это работало без особых усилий. Именно это он мне и сказал. «Если ты отдашь ребенка на усыновление, ты пожалеешь, – заявил он. – И я никогда не помогу тебе».

Вскоре я ушла с той небольшой должности, которую

занимала в Apple. Я стала получать пособие и подрабатывать уборщицей, чтобы тайно получить немного денег. Я также пару раз просила у Стива средств, чтобы снять жилье: он наклонил голову, как маленький ребенок, чтобы вызвать у меня сочувствие, и сказал: «Ты знаешь, я даже не могу удосужиться заставить Apple, чтобы они компенсировали мне, когда я выхожу за рамки своих карманных расходов». И, достав кошелек, показал стопку чеков, собранных за месяц. Таков был его ответ. Он даже не захотел честно сказать «нет». Я уверена: его предупредили, что если дело дойдет до суда, то, что он давал мне деньги, могло бы его дискредитировать.

* * *

Много лет спустя, в сентябре 2011 года, буквально за месяц до смерти Стива, я сидела с Джеффом Гуделлом из журнала Rolling Stone в уличном кафе в Менло-Парк, Калифорния. Он написал несколько статей об Apple и несколько раз интервьюировал Стива. Джефф рассказал, что он прочел все, что было написано про компанию.

Жизнь научила меня не общаться с репортерами, и я не собиралась встречаться с Джеффом, пока он не удивил меня, сообщив по электронной почте, что писал и мемуары и знает, что это за ужас. Тогда я была далека от мысли писать воспоминания, и это привлекло мое внимание. Джефф также сказал, что он действительно нравился Стиву. Последнее замечание является стандартным способом заполучить интервью у близких друзей известных людей, но это показалось таким наивным и забавным, что я решила встретиться с ним. Я знала, что в ситуациях, связанных с работой, Стив следил за тем, чтобы его окружали великие люди. Если Стиву нравился Джефф, если он давал Джеффу интервью, это значило, что Джефф, скорее всего, был великим человеком. Так что я встретилась с ним и в тот единственный раз, когда мы общались, поняла, почему он нравился Стиву. Мне он также понравился.

Наша беседа продлилась около четырех часов. Джефф поведал, что он тоже работал в Apple и ушел оттуда до того момента, как компания стала публичной[14]. Я внезапно и мучительно захотела узнать побольше. Я с трудом могла поверить, что сижу за столом с другим человеком, который прошел через сопоставимую ситуацию, уйдя из Apple как раз накануне прорыва, который мог бы обеспечить его финансово на всю жизнь. А он бросил все, чтобы отправиться на озеро Тахо и

раздавать карты для игроков в «двадцать одно». Я спросила: «Ты жалеешь о своем решении?» Это был единственный настоящий вопрос, который я хотела задать. Джефф покачал головой и сказал: «Нет, абсолютно нет. Ни капли. Среда Apple не позволяла мне процветать». Оазис ответа.

Казалось, что в ходе этого разговора воспоминания о временах, проведенных в Apple, и обо всем, что связано с компьютерной техникой, сгустились над столом, подобно миниатюрной песчаной буре. Затем Джефф сказал что-то вроде: «Оставаться там не стоило ни при каких обстоятельствах». Джефф был тактичен, любезен и так хорошо разбирался в вопросах могущества, что мне стало любопытно, у скольких людей со сложным эго он брал интервью.

В этом разговоре я осознала, что воспринимала реальные потери в своей жизни в соответствии с традиционным мышлением, не осознавая ту степень, с которой я на самом деле принимала великие решения. Джефф сказал: «Жизнь в небольшом, душном помещении, отвратительный воздух и свет, страдающие лишним весом люди, которые писали программные коды до поздней ночи, их плохие диеты и отвратительные шутки…» Он вздохнул и подвел итог: «Крисанн, это была плохая среда для меня». Присутствие Джеффа, его любовь, простота и уверенность, которую он выказывал к своей жизни и семье, заставили мое сожаление трансформироваться в нечто более глубокое, правдивое и значимое. Хорошо было это услышать от кого-то еще. Потому что, несмотря на общее преклонение перед компанией Apple, это просто была не моя религия. И, честно говоря, я всегда испытывала серьезные сомнения, что есть смысл проводить жизнь в таком месте. Даже одна минута, потерянная на движение в ошибочном направлении, кажется мне слишком дорогим удовольствием.

* * *

Во время своей беременности я просидела три или четыре сеанса дзенской медитации. Я хотела испытать близость и теплоту сообщества дзен, а также вкус полезной еды, которую там подавали. Еще я считала, что медитация поможет мне лучше понять обстоятельства и найти выход из ситуации. Мой способ отыскания ответов заключался в том, что я сидела без движения. Вне ретрита я ела без удовольствия и теряла вес. Мало кто знал, что я беременна, пока не пошел шестой месяц, когда стало невозможно это скрывать. Я жила в разных местах. У меня всегда

был дом, где я могла переночевать и приготовить себе еду, но по существу я оставалась бездомной. Я ела исключительно для того, чтобы ребенок получал необходимую энергию, и переживала, что не получаю достаточного количества протеина, будучи вегетарианкой. Мой отец сказал мне: «Учти, что в первую очередь питательные вещества идут твоему ребенку, поэтому тебе следовало бы хорошо питаться и получать то, что *тебе* нужно». В те месяцы я относилась к приему пищи как к повседневному стрессу.

Именно во время медитации я ощутила, как мой ребенок сворачивается в клубок в центре моего туловища. Своим третьим глазом я увидела, что ребенок обладает такими же качествами, как Стив, и у меня не было сомнений, что это мальчик. Казалось, пол ребенка играл определяющую роль для Кобуна, который к тому моменту превращался в драматическую карикатуру самого себя. Он сказал Стиву, что ему следует больше помогать мне, по причине, как он воскликнул: «а что, если это мальчик?». Кобун все яснее давал понять, что для него ребенок мужского пола будет представлять большую ценность. А по ассоциации и я.

Это беспокоило меня. Идея, что мальчики и мужчины представляют бîльшую ценность, чем девушки и женщины, не из тех, в которые я могла бы поверить. Диалог по поводу пола моего ребенка позволил мне яснее понять, во что Стив и Кобун действительно верили. Я считала, что такое представление возможно в стране под гнетом фундаменталистской религии, но никак не в толерантном американском обществе. Если они верили в это, тогда мы исключали друг друга: я не принадлежала к их сообществу, а они к моему. Описать мое ощущение словами можно было так: «Мой бог, я превосхожу этих двух темных личностей». Стив, чудо-мальчик, гений, и Кобун, непостижимый учитель дзен, придерживались представлений, которые глубоко шокировали меня полным отсутствием моральной проницательности.

Еще хуже было то, что, когда Кобун говорил «Что, если это мальчик?» – Стив улыбался с огромной тайной уверенностью и отвечал: «Я не переживаю. Это не мальчик». Я чувствовала себя некомфортно в их маленьком обществе, и я использовала его, чтобы наконец-то добиться независимости для самой себя.

Но какая девушка хочет независимости, когда она беременна?

* * *

В ту весну Кобун проводил медитационный ретрит в Кловердейле. Я записалась туда и хорошо питалась. На кухне подавали самое прекрасное молоко, полученное от местных коров. Я пила его кружками, закусывая медом и свежим домашним тассахарским хлебом с маслом. Сешины являлись местом отдыха, хотя мне было сложно держать свою спину прямо, учитывая под каким физическим и эмоциональным давлением я находилась. Я помню, что на одной из лекций Кобуна, посвященной духовному естеству логики, он говорил: «Сказать «нет» – значит возвыситься, сказать «да» – углубиться». Он также продолжал утверждать, что, наклоняя голову налево, ты говоришь «да», направо – «нет». Из-за своей дислексии я часто путаю право и лево, поэтому, возможно, все было и наоборот, однако что я очень хорошо помню, так это то, что однажды Кобун неожиданно разразился смехом перед всей группой и сказал: «Крисанн, твое «да» – это «нет» всех остальных». Я вняла предупреждению. По существу он говорил, что я отделила себя от племени, сангхи, коллектива. Практически он имел в виду, что я была сама по себе.

Я поехала домой с Кобуном после этого сеанса. В машине нас было трое, и мы собирались сначала высадить женщину, проживавшую на холмах близ Себастопола, а затем мы с Кобуном поехали бы вместе назад в Лос-Альтос. Когда мы остановились, чтобы попрощаться с ней, она пригласила нас зайти, прежде чем мы отправимся домой. Кобун согласился. Она угостила нас чаем. Вскоре эти двое зажгли самокрутку и начали курить марихуану. Я не присоединилась к ним, поскольку была беременна. Я сидела на расстоянии, чувствовала запах горящей марихуаны и наблюдала за ними через голубоватую дымку.

Кобун сказал женщине: «Никогда не позволяй любому, кто не просветлен, заходить на твою территорию». В этот момент женщина указала на меня и заявила: «Вот она не просветлена». И они начали говорить обо мне в третьем лице, словно я отсутствовала. Я чувствовала себя отвратительно. До этого женщина была милой, поэтому я не понимала такой перемены. Кобун ответил что-то наподобие: «Ну, она со мной, так что все в порядке». После этого он сказал женщине, как сильно его теще понравится эта марихуана, которую эта женщина вырастила сама. Может ли он принести ей несколько граммов? Женщина открыла большой контейнер и начала щедро нагребать листья и ростки в большую пластиковую упаковку, стараясь только не повредить высушенные грозди. Она дала ему довольно много марихуаны, однако Кобун просил все больше и больше. Это смутило меня, поскольку требование, чтобы женщина дополнила и так довольно щедрый подарок, было неправильным. Еще больше меня

поразило, что марихуану курит бабушка его детей – бойкая, морщинистая, седовласая старушка невысокого роста, с некой изюминкой. Я не могла представить ее под кайфом. Это казалось кощунственным. (Мои родители были слишком консервативными представителями пятидесятилетней возрастной группы, чтобы даже задуматься о том, чтобы покурить травку, и на этот раз поведение Кобуна, наоборот, показалось мне детским по сравнению с моими родителями.) Ситуация становилась все более ясной.

В конце концов пришло время, когда нам надо было отправляться назад, и пока мы шли к машине, Кобун показал на ястреба, парящего высоко в небе, и обратился женщине: «Всякий раз, когда ты будешь видеть орла или ястреба, летающих над твоей землей, знай, что это я наблюдаю за тобой и твоей землей». Я увидела, как женщина начала задаваться вопросом, уж не является ли Кобун немного невежей, заинтересованным в приукрашивании своего образа в глазах симпатичной женщины. В ряде своих лекций Кобун говорил, что его жена зовет его плейбоем, и теперь мне тоже стало интересно, было ли это правдой на самом деле. Я почувствовала себя неловко за них обоих.

В итоге я и Кобун сели в машину и отправились назад в Пало-Альто. Поездка требовала около двух часов, если обойтись без пробок. Но как только мы добрались до вершины лесистого холма, по грунтовой дороге к шоссе от хижины женщины, Кобун остановил машину, вышел из нее, посмотрел назад, громко рассмеялся, хлопнув себя по ляжкам двумя руками, и сказал: «Я украл у нее! Я вор!» Он продолжал смеяться и с гордостью повторять, что он украл. Подобные вещи были в стиле духовных наставников семидесятых годов, полных веселья, свойственного обманщикам. Например, Чогьям Трунгпа Ринпоче[15] открыл новые рубежи сознания в западном мышлении, но, судя по всему, он слишком много пил. Какое-то время эти учителя обладали тефлоноподобной защитой. Они использовали свои выдающиеся способности, чтобы обучать, но также и для того, чтобы подняться по социальной лестнице. Я полагаю, что никто на самом деле не понимал этику в этом новом сценарии столкновения Востока с Западом.

Я была шокирована. Кобун оскорбил мое юное чувство идеализма, поскольку я знала, что сделанное им не забавно и не этично. Я рассматривала его как олицетворение честности и доверяла ему. Я ни с кем не обсуждала его, и вышло так, что пользу моего решения сохранить ребенка подтвердили многие факты. В частности, именно он поддержал меня, сказав, что я

поступила правильно и могу на него рассчитывать в любой ситуации. Но кем он был на самом деле? В данном случае он не только курил марихуану и «украл» ее некоторое количество для своей тещи, но и считал все это уморительным.

Меня осенило: ставки были слишком высоки, а этот парень просто играет в игры. Более того, он также давал мне это понять. Все, что касалось меня и моего ребенка, находилось в неустойчивом равновесии, и всем существом я начинала понимать правду. Произошло еще несколько подобных ситуаций, прежде чем я осознала обстоятельства, в которых находилась. Я осталась одна. Кобун не собирался помогать мне, и по его меркам я была достойна лишь того, чтобы надо мной смеялись. Я действительно не знала того, что не знала, однако получала достаточный опыт.

* * *

Стив хотел контролировать то, что люди думали о нем. Именно поэтому он, возможно, начал сеять в умах людей представление, что я спала со всеми вокруг, а он бесплоден и это не мог быть его ребенок. Люди верили ему. Я думаю, это происходило потому, что люди нуждались в герое. Компания Apple преуспевала, Стив был гениален, а моя история банальна, и никому не было дела до матери-одиночки. До матери, которая находится в браке, – да. Но до матери-одиночки? Нет.

Стив добивался значительных успехов и рос как личность. Однако он не обладал эмоциональной зрелостью, чтобы справиться с нашими проблемами. Однажды я отправилась в дом на Президио после того, как оттуда съехала (мне нужно было забрать пару вещей, которые я там оставила), и застала момент, когда Стив вернулся домой в отвратительном настроении. Он вбежал в свою комнату и громко захлопнул дверь. Я подождала пару минут, прежде чем вошла и спросила, что произошло. Он сидел на полу и махнул рукой в мою сторону, даже не оглянувшись. Вместо этого он не сводил глаз с зажженной свечи на журнальном столе. Он настолько пристально смотрел на свечку, что у меня не было никаких сомнений: он использует ее как своего рода источник помощи. Вся эта сцена была очень странной: мое молчаливое нахождение в комнате с моим огромным животом, наблюдение за Стивом, контраст между мягким сиянием горящей свечи и накалом накопившейся в ней злобы, моя полная растерянность. Я вспомнила, как нам было по девятнадцать лет и Стив впервые спросил меня, какой образ я

вижу в горящей свече. Возможно, все в мире знают об этом способе, но я нет, и, полагаю, он использовал индуистскую технику медитации, чтобы контролировать свой инфантильный гнев. Казалось, что методика работает, поскольку чем дольше он смотрел на огонь, тем быстрее улетучивалась его ярость. Также казалось, что в тот вечер мое присутствие в комнате странным образом одобрялось: я – как игнорируемый нарушитель всей этой гармонии, нахождение которого он даже, возможно, хотел ощущать, поскольку, несмотря на свое ужасное настроение, не попросил меня уйти.

Позднее на той неделе я встретилась с подругой на курсах по подготовке к родам, и она рассказала мне, что так вывело его из себя. Лори работала секретарем в Apple, и когда увидела, как Стив ведет себя со мной, предложила мне свои услуги в качестве тренера по подготовке к родам. Умная, талантливая женщина, которая была немного старше меня, она просто хотела помочь. Лори объяснила, что компания переехала в новое здание, а Стив тишком быстро занял самый лучший кабинет. Это была угловая комната с большим количеством окон, откуда открывался прекрасный вид, поэтому он по праву должен был бы достаться тогдашнему президенту Apple Майку Марккуле. Очевидно, поползли слухи. У меня никогда не было достаточно внутренней силы, чтобы противопоставить себя Стиву и привести его в ярость подобным образом. Для меня это был новый Стив.

Лори служила моим источником информации, которую я бы не могла иначе получать и которая позволяла мне лучше представлять, что происходило со Стивом. Я поняла, что он вел себя на работе столь же отвратительно, как со мной. Лори рассказала, как проходило заседание по вопросам медицинского страхования, в котором приняли участие все сотрудники компании. Пока оно шло, Стив продолжал докучать агенту, описывавшей различные варианты оформления страховки, говоря ей: «Это посредственная страховая компания, если она не несет расходы за беременность, в случае если пара не жената». По всей видимости, пререкания между Стивом и агентом продолжались до тех пор, пока агент с отвращением не сказала: «Если это ваш ребенок и вы – человек, то вы оплатите счет». По словам Лори, это замечание положило конец обмену репликами, попав в яблочко и обнажив весь пижонский обман и лицемерие Стива. Если не знать подноготной, из-за этого обмена мнениями могло сложиться впечатление, что Стив – дальновидный защитник обиженных и оскорбленных. А правда заключалась в обратном.

Согласно другому рассказу, 24 февраля 1978 года, на двадцать третий день рождения Стива руководители компании

подготовили ему подарок в виде похоронного венка, на который была накинута лента с надписью «С днем рождения, Стив!!!». Конечно же, это была шутка, однако Лори сказала, что, когда Стив зашел в кабинет и увидел похоронный венок со своим именем, он остановился как вкопанный. Он был поражен. У него отвисла челюсть. Он резко побледнел. Я знала это свойство у Стива. Его реакция оказалась настолько личной и драматичной, что, по-моему, подтверждала наличие внутри его огромного символического мира – мистического восприятия происходящего. Было ли это страшным напоминанием, что его жизнь продлится не так долго? Лори сказала мне, что потеряла дар речи в тот момент, поскольку, хотя Стив и мог вести себя крайне отвратительно, это свойство могло трансформироваться в крайнюю уязвимость, которая вызывала желание отбросить все свои дела и прибежать к нему на помощь.

* * *

Понимая всю сложность прежней личности Стива и происходивших с ней метаморфоз, я всегда давала Стиву пространство для перемен. Я верила в него, как почти все: некоторые стороны его характера были настолько выдающимися, что он всегда оправдывал доверие к себе. Когда я находилась на седьмом месяце беременности, Стив очень нежно спросил меня: «Не хочешь ли ты родить нашего ребенка в доме на Президио?» Я задумалась о такой возможности. Даже теперь я еще надеялась, что благопристойность поможет разрешить ситуацию. Я подумала, что он, может быть, образумился.

Однако после трех недель серьезных размышлений я поняла, что мое благополучие и благополучие ребенка зависят только от меня. Я не могла пойти на риск и довериться Стиву. Я решила быть честной и прямо сказала ему: «Ты знаешь, я хорошенько подумала о твоем предложении, однако мне не кажется, что это хорошая идея – рожать ребенка в твоем доме». Я намеревалась продолжить свою речь и раскрыть причины своего решения, однако Стив, как обычно, прервал разговор: «О чем ты говоришь?» Он был равнодушен и растерян, словно забыл, что когда-то предложил эту идею. Затем небрежно сказал: «Ах, это, ну ладно, не проблема». Небрежный ответ сразил меня наповал в тот момент и не давал покоя долгие годы. Сегодня я понимаю, что и на слова «Да, я хочу родить ребенка в твоем доме» он бы также ответил: «О чем ты говоришь?»

Победа всегда была поражением для Стива. Чем сильнее он

себя защищал, тем более черствым делался. Чем более черствым делался, тем больше власти он получал в свои руки. Чем больше у него было власти, тем больше он зарабатывал денег. Чем больше денег он зарабатывал, тем больше им восхищались. Эта рекурсия никогда не менялась – она лишь росла в масштабах. Поскольку я не обладала властью над миром, мое убежище заключалось в том, чтобы не участвовать в событиях. Непосредственное участие перестало быть источником моей силы.

Глава 17

Совершенство

Я думаю, что роды следует проводить в больнице лишь в том случае, если здоровье ребенка или здоровье его матери находится под угрозой, но когда роддом, который я выбрала, сгорел, казалось, что единственным вариантом осталась больница. Шел восьмой месяц беременности, однако я была спокойна и уверенна. Тогда же Роберт, Абха и их дети вернулись из Индии. Они остановились на несколько дней у Стива, прежде чем отправиться домой в Орегон. Именно тогда я пошла навестить их, и они заметили, как развалились наши отношения со Стивом. Как порядочные и хорошие люди, они пригласили меня родить ребенка на их ферме. Я приняла их предложение с радостью и облегчением.

За две недели до того, как ребенок должен был появиться на свет, я поехала в Орегон, чтобы привыкнуть к новым условиям и окружению. Здесь мы с Абхой начали искать повивальную бабку или акушерку. Мы также думали, кому я могла бы отдать ребенка на усыновление, поскольку я еще рассматривала такой вариант. У нас было много времени, по крайней мере так казалось. Меня предупредили, что, если я почувствую приток дополнительной энергии, это значит, что приближаются схватки, и в этом случае мне следует особо не напрягаться и сохранить ее до родов. Тем не менее я решила, что испеку хлеб, когда со мной это случится. Однако произошло это довольно рано – через два дня после моего приезда, – и это был настолько неуловимый приток энергии, что его упустили одновременно и я и, Абха. Я поехала в магазин здоровой пищи, чтобы купить муку и прочие нужные продукты.

Магазины здоровой пищи семидесятых годов разительным образом отличались от сегодняшних огромных, красивых хоул-фудсов. С интерьером из темного дерева и пикантными запахами, они были похожи на аванпосты меняющейся культуры, а их посетители представали искателями приключений и открывателями нового. В тот день я наслаждалась своим небольшим походом за покупками и думала о хлебе, который

намеревалась испечь, когда неожиданно у меня появилось странное ощущение. Я пошла в туалет и обнаружила, что протекла. Время пришло! Волнение, подобно потоку бурной реки, прокатилось по моему телу. Я хотела найти телефон и позвонить Абхе, когда, по счастливой случайности, она вошла в магазин. Я взволнованно рассказала ей, что происходит, и мы отправились обратно на ферму на наших двух машинах.

Ребенок появился на свет на две недели раньше, чем ждали, а у нас ничего не было готово. Однако младенцы не ждут. Абха сделала пару звонков, и мы поехали в город на ее грузовике, чтобы встретиться с какими-то докторами. Каждая кочка на дороге приводила к усилению схваток. Приливы ужасной боли не давали мне покоя, пока мы искали двух докторов, державших однокомнатный родильный дом в Шеридане. Мы беседовали – доктора работали в команде, – когда зашла женщина, родившая неделю назад. «Эти два клоуна великолепны», – сказала она, и все втроем начали шутить, как они смотрели американский футбол, пока она рожала. Судя по добродушному подшучиванию, женщина была не против. Однако я бы такого не потерпела. Какая женщина разрешит такое? Я дала знак Абхе, что этот вариант не для меня. Я прервала собеседование, и мы отправились обратно на ферму, где она начала звонить всем, кого знала, чтобы они посоветовали подходящую акушерку.

Роберт взял на себя задачу по оповещению Стива и позвонил ему. Его секретарша забронировала ему место в самолете, который прилетал ночью. Тем временем я обнаружила, что если сама сижу спокойно и не двигаюсь, то схватки проходят. Из-за этого у Роберта сложилось впечатление, что у меня ложные схватки. Он позвонил Стиву, сообщил о своих сомнениях, и Стив снял бронь. Но к 17.00 схватки шли каждые две с половиной минуты. Роберт снова позвонил Стиву, однако было уже слишком поздно, чтобы достать билет на следующий самолет.

К началу вечера Абха нашла команду акушерок, которая была готова прибыть на ферму. Они попросили ее подготовить новую занавеску для душа и неоткрытую бутылку оливкового масла – основные предметы для рождения ребенка дома. К 19.30 акушерки поднялись по лестнице в мою комнату, где мы познакомились друг с другом и начали готовиться к вечеру. Помимо акушерок, пришли подруги Абхи – шесть женщин с милыми лицами и теплыми улыбками – и принесли подгузники, одежду для ребенка, пеленальный стол, букеты цветов и конфеты. Это оказалось настоящее чудо, что все мы там тогда собрались. Среди всех присутствующих Роберт был единственным мужчиной, и он фотографировал процесс родов, а также держал зеркало,

чтобы я могла видеть, что происходит.

На курсах по подготовке к родам меня учили, что надо дышать и тужиться, но в реальности я столкнулась с другой ситуацией: схватки становились все сильнее, и ребенок выходил настолько быстро, что вопрос заключался не в том, чтобы тужиться, а в том, чтобы замедлить этот процесс. Я даже не знала, что такое вообще возможно, и начала паниковать. «Постарайся помедленнее», – сказала главная акушерка. Но у меня не получалось. Затем она выкрикнула: «Помедленнее!» Теперь я точно паниковала. Чуя опасность, я искала лица женщин в надежде на помощь. Одна пара глаз за другой. Ничего не помогало. Я не могла уменьшить скорость появления ребенка на свет, пока наконец не остановила свой взгляд на лице ассистентки акушерки – и там нашла то, что искала. Между нами произошел обмен целыми мирами информации, и ее душевная чувствительность передалась мне, и я смогла неожиданно замедлить скорость схваток. После этого их приступы уже не были такими резкими.

С помощью зеркала я видела, как головка ребенка приобретает все более четкие очертания. Боль была безумная, и неожиданно все прекратилось, когда мой малыш полностью явился на свет. Акушерка подняла его, осторожно повернула и положила мне на живот. Женщины с трепетом зашептали: «Ох! Это девочка! Это девочка!» Моя новорожденная сама задышала, после чего акушерка перерезала пуповину. Именно тогда для моей дочери открылся мир, а моя дочь открылась для мира.

Я была изумлена. Я могла поклясться, что вынашиваю мальчика. Однако в тот миг, когда я осознала, что у меня девочка, мое сердце наполнилось чистой радостью и благодарностью. Я смогла осознать, что хотела девочку настолько сильно, что я бы не осмелилась признаться себе в этом, будь у меня мальчик. Здоровый ребенок – уже само себе благо, и я уверена, что была бы вне себя от радости, родись у меня мальчик или девочка, однако случилось именно то, что я по-настоящему хотела. Роберт написал время рождения на кусочке бумаги и добавил к нему символы на санскрите «Джай Рам», что на английском языке означает что-то вроде «аллилуйя Богу Всевышнему».

17 мая 1978 года, 22.38.

* * *

Моя дочка внешне не походила на младенцев, являвшихся на

свет у моей матери и у матерей моих друзей. В моей семье у новорожденных были светлые волосы и крошечные носики, а у этой малышки оказались черные как смола волосы и крупный характерный нос, а также продолговатый затылок, как у египетской принцессы. Ее пальчики медленно шевелились, словно морские анемоны. В ту первую ночь я слегка помассировала ее щечки и наблюдала, как она льнет к моим рукам. Она обожала массажи! Девочка весила 7,5 фунта (около 3,2 кг). Я сразу же полюбила ее. Акушерки спросили, может ли у меня быть венерическое заболевание, на что я ответила «нет», чтобы им не пришлось закапывать ей в глаза нитрат серебра. В больницах обычно так делают, чтобы исключить вероятность, что ребенок ослепнет, однако это может нарушить связь между матерью и ребенком, ведь от таких капель ребенок теряет способность видеть на период от трех до пяти часов. Мой ребеночек глядел на меня, а я не могла перестать смотреть на него. И все время я продолжала думать: *я не знаю абсолютно ничего*!

Для меня самым ясным в жизни оставалось то, что я не знаю абсолютно ничего о крошечном, совершенном добродушии моей малышки. Я была молодой мамой с новорожденной дочкой. И в этот момент пришло осознание, что мои родители, вероятно, испытывали те же чувства, когда я появилась на свет. *Я сейчас, как и они тогда, объята страхом и неопытна*. Я знала, что мой ребенок герой, родившись от Стива и от меня. Потрясенная и заплаканная, я с удивлением наблюдала, как она спит. С какой целью она явилась на свет именно сейчас? Я никогда ее не жалела, я лишь горячо, по-настоящему восхищалась ею. Я знала, что она была отважной с самого первого дня ее существования.

Стив раздувал из мухи слона, повсюду твердя о том, что он не уверен, от него ли это ребенок. Однако когда Роберт, один из его самых близких друзей, внимательно всмотрелся ей в лицо, он сказал: «Ну, в ней точно чувствуется его энергетика». Однако я не обратила внимания на это. Я смертельно устала от обвинений во лжи и намеков, что я не знала, кто отец ребенка, когда я это знала и говорила, что знала, все это время.

В ту ночь всякий раз, когда я или ребенок издавали какой-либо звук, Роберт поднимался и заглядывал в дверной проем, чтобы спросить: «Ты в порядке?» и «Все в порядке?» Он был крайне заботлив и сильно переживал о нашем благополучии. Я вся измучилась во время родов, и мои соски горели от боли, так как кровоточили при кормлении, но я убеждала Роберта, что все нормально. Меня очень удивили его ответственность и пылкая забота обо мне и моем ребенке. Я видела, что ее рождение также

сильно впечатлило его.

Стив не звонил. Ни слова за три дня. Я чувствовала абсолютную опустошенность и при этом бешенство. Не знаю, был ли он занят, или труслив, или то и другое одновременно. Роберт позвонил ему на третий день и приструнил за недостойное поведение. Было приятно это слышать. К тому времени Стив превратился в такого золотого мальчика, что никто, кроме Роберта, не был для него моральным авторитетом и не имел над ним власти. Я слушала их диалог из гостевой спальни, держа на руках малышку. Стив прилетел на следующий день.

Он остался на три дня. В первый вечер он поднялся по лестнице ко мне в спальню, где я находилась вместе с ребенком. Он сел рядом со мной на японскую кровать, которая лежала на полу, наши спины были прислонены к стене, и я начала плакать. «Я просто не знаю, что я собираюсь…» – я даже не успела закончить свое предложение, прежде чем он меня оборвал. «Ты чиста и суха, так что ты в порядке», – сказал он резко и вышел. Это был настолько чудаковатый ответ, что он вывел меня из состояния уныния и ужаса. Позже я поняла, что подходы к деторождению передаются из поколения в поколение. Возможно, Джобсы говорили это Стиву. «Я была слишком испугана, чтобы любить его», – в свое время сказала мне Клара. Я представляю, как они обращаются к Стиву: «Ты чист и сух, так что ты в порядке» – уходят и оставляют его плакать. Многие усыновленные дети считают, что заслуживают только удовлетворения основных потребностей. Мне часто казалось, что данный принцип сработал в отношении Стива и что он, по иронии судьбы, зеркально отразился в нем и превратился в его чувство вседозволенности.

Обстановка в доме Фридландов изменилась после его приезда. Стив был убедителен, и у него очень хорошо получалось убеждать в дурном, причина чего скрывалась в его собственной безответственности. Я не знаю, что он сказал Роберту и Абхе, однако я чувствовала, что вместе с собой Стив принес тьму. Его отсутствие во время рождения ребенка оказалось благом.

В последний день пребывания Стива Абха вытолкала нас обоих на улицу: «Вы вдвоем должны решить вопрос об имени ребенка. Ей уже шесть дней!» Так что мы со Стивом пошли гулять в поля, которые окружали их дом, нашли там место и разложили скатерть. Мы сидели под открытым небом, между нами находились наш спящий ребенок и книга с именами для детей. Стиву нравилось имя Клэр. Казалось, что он выбрал его заранее. Мне оно пришлось не по душе. Клэр было слишком созвучно с именем его матери, и я не намеревалась чествовать ее таким образом.

«Это разные имена, ты понимаешь?» – кротко сказал он.

«Они слишком созвучны, и их можно спутать, поэтому ни в коем случае».

Мы продолжили просматривать книгу. Мы оба находили красивым имя Сара, однако моя сестра дала его своей малышке, рожденной шестью месяцами раньше. Мы видели много имен, и казалось, ничего не подходит, пока я не вспомнила имя, которое мне очень нравилось в старшей школе.

«Как насчет Лизы?» – предложила я. Это имя казалось настолько ярким и красивым, что я с трудом смогла выговорить слова достаточно быстро.

Стив сказал: «О да!! Мне оно нравится!»

Мы посмотрели значение имени и обнаружили «Свет Бога». Нам оно также понравилось. Потом мы договорились и о среднем имени – Николь. В нем было приятное чувство классики, испытанной временем красоты, и это подходило нашему ребенку.

Будучи еще просто новорожденной, она была по-настоящему красива.

Лиза Николь Бреннан.

И позже – Лиза Николь Бреннан-Джобс.

В течение месяца, когда я начала сомневаться в правильности выбранного имени, Стив выступал всецело за то, чтобы сохранить «Лизу». Это было особенно странно, учитывая, что публично он отрицал отцовство. Противоречия бросались в глаза, однако я была слишком измучена, и мне оставалось только смириться. Дэниэл Коттке позвонил мне и посоветовал заработать на имени деньги, поскольку Стив заплатит, чтобы я его сохранила. Он не раскрывал мне всю информацию, которой владел, однако сама идея вымогания денег за то, чтобы оставить имя ребенка, казалась мне крайне отвратительной. Я не представляла, что Стив использует имя Лиза для названия своего компьютера.

Позднее я поняла, что он хотел назвать нашу дочь Клэр не по созвучию с именем его матери, а потому что намеревался назвать следующую модель Apple «Компьютер Клэр». Идея заключалась в том, чтобы связать образ канонизированной святой с Apple и самим собой, ведь он воображал себя очередным воплощением святого Франциска. В Италии святая Клэр считается покровительницей телевидения, так как у нее были видения. Хотя связь между способностями святой и технологиями может показаться неожиданной, но она есть. Святая Клэр была монашкой-отшельницей и обладала даром ясновидения со способностью «дистанционного наблюдения», так что камеры, телевизоры, компьютеры и смартфоны служат здесь точными ассоциациями. Идя дальше, можно сказать, что если бы людей не

посещали необычные видения и у них не было бы интуиции для предсказания будущего, эти технологии никогда бы не появились на свет. Видения существовали задолго до возникновения технологии, но именно они помогли проложить дорогу для ее развития. «Клэр» стало бы потрясающим именем для компьютера Стива. Следовало им воспользоваться.

Это была странная прихоть Стива – соединить биологию, мифологию и технологию, наплевав на то, что каждая из этих дисциплин подчиняется собственным законам. Казалось, что он пытался свести все эти вещи воедино, с одной стороны, в коммерческих целях, а с другой – для того, чтобы укрепить собственную идеалистическую систему мифов. Кто знает, вдруг он пытался конкурировать со мной, стремясь породить нечто в параллельной вселенной, где биология стоит наравне с технологией? Создание компьютера равносильно рождению ребенка? Это заставило меня задуматься обо всех мужчинах, пытавшихся вдохнуть жизнь в неодушевленные предметы: Джеппетто и его Пиноккио. Корпорация «Тирелл» и ее репликанты. Франкенштейн.

Было загадкой, почему Стив хотел использовать имя нашей новорожденной, отрицая при этом отцовство, унижая и бросая нас обеих. Тогда я не могла найти ответ. Правда была ужасна, и, пожалуй, к лучшему, что в то время я оказалась не в состоянии видеть всю картину. Я не давала Стиву разрешения использовать имя нашей дочери для компьютера. И он его не спрашивал. Он просто присвоил имя Лиза и, как и во многих других случаях, скрыл это от меня. Позднее я выяснила, что Реджису Маккенне и его команде было дано задание придумать подходящий акроним. В то время Стив утверждал, что Lisa значит «Local Integrated Systems Architecture». Но мы оба знали правду. Весь этот чудовищный хаос разросся, когда президент Apple Маркула снял Стива с разработки Lisa и поручил ему возглавить команду по созданию Macintosh. Стив начал конкурировать с командой, занимавшейся созданием Lisa, и в итоге убил этот проект.

* * *

За месяц своего пребывания в доме Фридландов я все еще не отказалась от идеи отдать своего ребенка на усыновление. Я любила свою дочь, и эти чувства были одновременно нежными и яркими. Я понимала, что мне будет очень нелегко отдать ее в чужую семью. Но я хотела для нее самой лучшей жизни, даже если это значило жизнь вдали от меня. Абха и ее друг отвели

меня в гости к женщине, которая возглавляла агентство по усыновлению детей, и пока мы шли вокруг ее дома, она рассказала нам свою историю. Она родила двоих детей, и они уже выросли, когда они вместе с мужем решили усыновить еще семнадцать детей. Семнадцать! Она приняла в семью многих малышей, с которыми другие предпочитали не иметь дела. Это были дети, считавшиеся уже слишком взрослыми, со специальными потребностями, или в их жилах текла смешанная кровь. Одного ребенка никто не брал из-за врожденного дефекта. Другой малыш, из Вьетнама, всякий раз начинал плакать, когда слышал звук пролетающего в воздухе самолета, поскольку он пережил гибель семьи и всего своего селения при воздушном налете. У каждого ребенка была своя история.

Эта женщина и ее муж построили отдельные комнаты для девочек и мальчиков в своем доме. Их окрасили в бледно-розовый и голубой цвета и оборудовали небольшими двухъярусными кроватями. Я была в восторге от всего этого чуда и счастлива, что их дети нашли свой дом и друг друга. Однако встреча с той женщиной не принесла никакой ясности относительно того, следует ли отдавать Лизу на удочерение или нет. Я знала, что Стив будет ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь, если я отдам Лизу в другую семью, однако я рассматривала все варианты. Время шло, и заверения Кобуна казались мне все менее надежными. Вариант, что Стив возненавидит меня, казался возможным, однако в тот момент мотивы моих действий были связаны с любовью к дочери и размышлениями о том, что будет лучше для нее. Мне казалось странным, что Кобун смотрел на вещи через призму важности Стива и его ненависти. Это была манипуляция ниже уровня его достоинства. Ни разу Кобун не давал мне советов для моего благополучия или благополучия моей дочери. Все всегда было связано со Стивом.

Еще примерно на седьмом месяце беременности я навестила агентство по усыновлению детей. Я встретилась с главой заведения в ее офисе, и она сказала: «У тебя нет никакого права оставлять этого ребенка, поскольку у тебя нет возможности о нем позаботиться, да и ты не производишь впечатления достаточно зрелого человека. Посмотри на себя, – потребовала она. – Ты не способна справиться с этой ситуацией». Она была вне себя от гнева.

Мне нравятся люди, которые говорят то, что думают, пускай это и довольно неприятно слышать. Позднее я вернулась в агентство, чтобы продолжить нашу беседу. Но во время моего второго визита мне было сказано, что произошла чрезвычайная ситуация и что мне необходимо встретиться с кем-то другим.

Расстроившись, я отправилась в справочный отдел, чтобы договориться о встрече с другим советником. В тот момент я увидела главу агентства, которая несла на руках крошечного новорожденного ребенка. Она была похожа на легкоатлета, занимающегося спортивной ходьбой: она летела вдоль по коридору, маневрировала туда-сюда, пока не повернула в небольшую комнатку и не скрылась из вида. Головка ребенка лежала в ее ладони. Он сидел в подгузнике в районе ее локтя, прижатого к бедру, а ножки болтались по обе стороны ее предплечья. Мне было интересно, почему она не прижала ребенка к себе. Затем, несясь за ней как стадо гусей, в комнату забежали еще четыре женщины. Они были похожи на карикатуру – самовлюбленные, маленькие, назойливые. Мне казалось, что я сквозь ширму наблюдаю пропасть, которая разделяет биологическую мать и приемную, и мне она была не по душе. С тех пор процесс усыновления детей стал более гуманным, точно так же, как и роды, однако в тот момент у меня от сострадания к тому ребенку и стремления защитить себя кружилась голова. Я осуждала эту женщину так же сильно, как и она меня во время нашей встречи. Жизнь преподносит удивительные сюрпризы.

Я договорилась о встрече с другим советником из того агентства. Эта женщина была намного моложе своей начальницы. Ее подход казался более ясным и уважительным. Она не имела предвзятого суждения, что мне следует делать, ее вопросы были очень прозорливыми, и я почувствовала, что смогу с ее помощью выработать план действий. У меня сложилось впечатление, что она поможет мне понять, что будет значить для меня и моего ребенка каждый из возможных путей дальнейшего развития событий: отдать Лизу на удочерение или стать матерью-одиночкой. Она была талантливым советником.

Я испытала гигантское облегчение. Эта женщина произвела на меня отрезвляющий эффект. В ее присутствии я смогла собраться. Я знала, что она шаг за шагом может помочь мне пройти через этот процесс вразумительным образом. Я была полна надежд и счастлива, когда договорилась о второй встрече с ней. Но она позвонила мне и сказала, что решила уйти из агентства, чтобы проводить время с собственными детьми. Я обратилась к ней с просьбой поработать со мной. Она была необыкновенно полезна, и я не знала никого, кто бы мог с ней сравниться. С неохотой она дала мне домашний номер телефона. В течение месяца я поняла, что из этой затеи ничего не выйдет. Она была занята, проводя время со своими детьми, и отменяла назначенные встречи. Единственный человек, который, как я полагала, может помочь мне осмыслить всю сложившуюся

ситуацию, выбыл.

Прожив месяц в доме Роберта и Абхи, я поняла, что становлюсь для них обузой. У всего есть свой предел. Их дом не был слишком большим, поэтому Роберт заказал типи, чтобы у всех нас имелось свое пространство. С их стороны было благородно предложить мне остаться у них, и я пыталась придумать, как я буду жить в типи с новорожденной. Однако моя сестра Кэтти позвонила, когда услышала об этом: «Тебе нужны проточная вода, кухня, стиральная машина и сушилка под рукой. Пожалуйста, приезжай и поживи некоторое время с нами». В доме, где кроме нее обитали ее муж и их дети, было достаточно места для Лизы и для меня. Я знала, что это правильный следующий шаг.

* * *

При возвращении моей попутчицей оказалась женщина, которая путешествовала по миру с записывающим устройством и брала интервью у людей, близких к гуру Ним Каролли Бабе. Она собирала истории для его биографии и приехала в дом к Роберту, чтобы взять у него интервью. Они с Робертом являлись приятелями старого гуру. Она была мудрой и опытной женщиной, производящей сильное и хорошее впечатление. Путешествовать с ней оказалось приятно. Спустя пару лет на прилавках книжных магазинов появилась книга «Чудо любви: истории о Ним Каролли Бабе». Примечательно, что именно когда я ехала в Орегон рожать Лизу, я подвозила секретаря Кена Кизи. По счастливой случайности я путешествовала с двумя женщинами туда и обратно, которые носили с собой небольшие записывающие устройства и были напрямую связаны с двумя выдающимися влиятельными фигурами нашего времени, представляющими противоположные направления мысли. Невероятно!

По пути на юг я остановилась на две недели на полуострове Сан-Франциско. Я решила не жить у своего отца, поскольку его жена волновалась, что «ребенок описает мебель». И я остановилась у Берта и Бетти Вилдер, чьи дети, Дейв и Камилла, ходили в школу вместе со мной и моими сестрами. Стив приходил навещать меня и Лизу во время этой остановки в пути. Он привык к тому, что люди его не любят, и ухитрялся появляться, когда Вилдеры отлучались по делам, благодаря чему избегал их взглядов. Не то чтобы он обращал на это внимание; скорее меня больше беспокоило то обстоятельство, что он был так сильно нелюбим.

В тот день Стив предложил пойти вместе прогуляться, поэтому я подвязала Лизу к груди. Не успели мы отойти на пятьдесят шагов от парадной двери Вилдеров, как тело Стива затряслось. От стыда он свесил голову. Он был глубоко искренен. Он покосился на меня и сказал с тяжелым, тяжелым сердцем: «Мне очень жаль. Я вернусь, возня с Apple закончится, когда мне будет около тридцати. Мне очень, очень жаль». Обещание вернуться через шесть лет пронеслось сквозь мое тело, словно бурлящая река. Всем существом я хотела, чтобы он произнес данные слова. Впервые за долгое время я видела проявление искренности со стороны Стива. Это был первый пристойный ответ на события последнего года. Его признание усмирило меня и дало мне приток сил.

Однако через десять секунд и четыре шага на лице Стива появилась забавная ухмылка, и он начал рассказывать мне о цветущем дереве, на которое смотрел. Таков был резкий перепад его настроения, и я стала свидетелем его безумного умения показать товар лицом. Передо мной стоял вдохновенный маньяк. Я растерялась и смогла только сказать: «Стив, я жила в этом доме, ты понимаешь, я – жила – в – этом – доме. Я знаю, как выглядит это чертово дерево. Почему ты заводишь беседу на подобные темы?»

Его ответом стал лицемерный вздох.

Вся эта таинственная потеря памяти была крайне странна. Словно Стив изобрел себе состояние, в котором ему не требовалось беспокоить себя вопросами ответственности или реальности, словно забывчивость могла служить для него выходом из ситуации. Мне казалось, что это эксцентричное поведение было целиком и полностью связано с отсутствием взаимосвязи и неумением принимать во внимание существующий общий опыт, что делало его уникальным в своем роде. Его сентиментальность и вдохновение давали ему бесконтрольную подотчетность. Это был выход из положения. Отходя от оценок цветущего дерева индийской сирени, он, по сути, говорил мне, что мой опыт не имеет для него никакого значения, что я и Лиза не имеем никакого значения, что он не меняет свою точку зрения и что он ни перед кем не обязан отчитываться. В этом и было дело.

Кобун использовал те же методы. В один из вечеров тех двух недель, что я провела в области залива Сан-Франциско, прежде чем отправиться к сестре, мой отец и его жена вызвались поухаживать за ребенком, чтобы я смогла сходить в среду в зендо на вечернюю медитацию. Я не видела Кобуна с рождения Лизы, хотя он и позвонил на следующий день, чтобы поздравить. В тот

вечер в зендо я в течение сорока минут практиковала сидячую медитацию, затем слушала лекцию и пила чай. Когда все закончилось, Кобун спросил, приду ли я на следующий ретрит через две недели. Я была в шоке. Кто оставит малышку пяти недель от роду, чтобы посидеть на медитационном ретрите? У него были маленькие дети дома – как вообще он мог подумать, что я оставлю новорожденную на семь дней? Мысли в голове заметались, у меня случилась небольшая одышка, однако я умудрилась сказать ему то, что напрашивалось: «Я должна заботиться о Лизе». Мое сердце словно сжалось от его предательства. Он не спросил меня, как обстоят дела у Лизы, словно этих девяти месяцев и не было. Понимал ли он, с кем говорит? Все было как в тех снах, где он мне являлся: там Кобун снисходительно и холодно улыбался, а мои глаза застилал туман. И вот наяву передо мной предстала изысканная эстетика туманной, покрытой облаками горной вершины. То было чистое, безупречное безразличие. После всего, что Кобун наобещал, в итоге оказалось, что от него не будет никакой помощи ни в каком виде – будь то деньги, присмотр за ребенком, еда, даже подарок для дочери, даже защита меня и Лизы перед Стивом.

Я думаю, правда состоит в том, что Кобун научил Стива избегать ответственности перед кем бы то ни было.

* * *

Лизе было примерно двенадцать лет, когда мы снова встретились с Кобуном. Это произошло в доме Стива в Вудсайде, куда мы вместе с ней ходили поплавать. С момента, когда Лизе исполнилось восемь лет и пока ей не стало тринадцать, у нас со Стивом сложился пристойный и удовлетворяющий обоих баланс в отношениях. Я держала дверь открытой, и когда Стива выгнали из Apple, ему удалось найти свой путь к любви к Лизе и вернуться к дружбе со мной. Отношения между нами никогда не были простыми, однако они иногда дарили приятные моменты. Мы вместе принимали участие в вечеринках по случаю дней рождений, основных праздниках, обедах и некоторых мероприятиях под эгидой NeXt. По большей части мы проводили время, словно были одной семьей, при этом в нашей жизни участвовали значимые люди.

Находясь в тот день в Вудсайде, я обнаружила, что Кобун переехал в дом Стива вместе со своей подружкой Стефани. Они прибыли из Таоса, Нью-Мексико, где, по словам Стефани, у них был один туалет на десятерых. В доме в Вудсайде скорее имелось

десять туалетов на одного человека. Стив проживал в Пало-Альто в то время, и дом находился полностью в распоряжении Кобуна и Стефани. Они также о нем отчасти заботились.

Когда мы вышли из машины, Кобун шагал нам навстречу напрямик по огромной зеленой лужайке из большого сада за домом. На нем была его великолепная традиционная японская «повседневная» одежда. Меня всегда интересовало, как Кобун одевался, поскольку элегантности ему было не занимать. Его неформальной одеждой служила та, в которой он работал и отдыхал, и в тот день он также надел кожаные туфли. Обычно, когда я его видела, он носил свои формальные японские одежды и накрахмаленные белые носки с выемками между пальцами, чтобы его ноги идеально умещались в сандалиях. Я не сомневалась, что кожаные туфли были старыми, но много лет за ними следили и полировали. Кобун знал, как заботиться о вещах, и обладал богатым восприятием самих вещей. Деталь, которая мне очень нравилась и заставляла им восхищаться.

В тот солнечный день мы поприветствовали друг друга широкими улыбками. Общество Кобуна всегда приносило особые впечатления, и я была удивительно счастлива видеть его после всех этих лет. Стоя там, я сказала ему, что Лиза изучает японский язык. Я подумала, что он будет рад слышать это, поскольку у него была глубокая, неизменная любовь к своей стране и языку. Глаза Кобуна расширились при этих словах, он повернулся к моей дочери и сказал: «Поскольку ты способна разговаривать по-японски, ты можешь быть моей секретаршей». Кобун высказал это как надменное разрешение, как возможность служить почтенному наставнику. Но для меня прозвучало так, словно Вельзевул затаскивает мою дочь в свои сети. Я представила, что этот человек и его идеи будут воздействовать на Лизу, и пришла в ярость. Последствия были очевидны.

Лиза не будет ничьей секретаршей, и уж точно не этого парня! И даже не желая проявлять грубость по отношению к Кобуну (на самом деле я терпеть этого не могла), я не собиралась допускать, чтобы он отвел моей дочери место рядом с собой. Сделав большой шаг и встав между ними, я сказала: «Извини. Лиза стопроцентно никогда не будет твоей секретаршей». Я улыбалась, когда произносила эту фразу, но была абсолютно серьезна. Ни Лиза, ни Кобун не приняли во внимание мои слова, они просто закончили свою беседу так же мило, как она и началась, – словно я ничего и не сказала, словно я и не стояла в дурацком положении между ними. В свои двенадцать лет Лиза часто злилась на меня, что я ставлю ее в неудобное положение, однако на этот раз не произнесла ни слова.

В течение месяца мы с Лизой снова гостили в доме Стива в Вудсайде, и я заметила, что Кобун соорудил большой многоуровневый алтарь с фотографиями всех родственников Стива. Он украсил тканями отдельные дощечки и расставил свечки, чаши с благовониями и колокольчики вокруг заключенных в рамку изображений членов семьи. Я не приглядывалась к фотографиям, поскольку считала это слишком личным. На тот момент хватало одного взгляда на алтарь предков в глубине комнаты, напоминавшей пещеру.

Меня удивило число снимков на столе, непонятно, кем могли быть все эти люди. Я не подозревала, что у Стива такая большая семья, я ведь никогда не встречалась с его бабушками и дедушками, дядями и тетями и очень редко о них слышала. Возможно, это были люди, которые умерли. Я спрашивала себя о биологических матери и отце Стива у Пола и Клары. Мне было интересно, кто был включен, а кто исключен. Для меня этот алтарь представлял собой нечто вроде чудаковатого крысиного гнезда, которое служило истоком всех комплексов Стива.

Я знала, что алтарь был предназначен для того, чтобы почтить предков и живых родственников, но он производил впечатление огромного, захламленного и абсолютно не соответствующего стилю Стива. Сперва я подумала о великодушии Стива, который дал Кобуну простор быть собой. Но одновременно меня немного шокировало, так как я чувствовала, что это уже было слишком. Это ощущение не покидало меня. Стояла ли на столе фотография Пэтти Джобс? И что насчет Лизы? Была ли она удостоена чести находиться в массе этих отобранных живых и умерших родственников? Стив обладал генами дизайнера, в силу чего он подбирал семью и идентичность в соответствии со своим настроением. Поскольку однажды он превратил себя в одного из самых популярных мужчин всех времен, он мог быть избирательным и деспотичным в том, кого приближать к себе, а кого отдалять и когда. Интересно, Кобун обставил тот алтарь выборочными изображениями, чтобы угодить загадочной душе Стива, или же Кобун использовал алтарь, чтобы досадить ему? Я сожалею, что не изучила алтарь внимательнее.

* * *

Еще один случай произошел вечером того же года, в середине октября, когда я столкнулась с Кобуном в Вудсайде. Был устроен ужин, и многие из нас на нем присутствовали: Кобун, девушка Кобуна Стефани, Стив, девушка Стива Стефани, Тина, сестра

Стива Мона и мой парень, Илан Чабай. Повара Стива приготовили потрясающие равиоли, сделанные из смолотой в тот же день пшеницы и свежесобранных овощей, использованных для начинки. Этот ужин таял во рту. Сама окружающая обстановка была великолепна и выдержана в старосветском стиле: около двадцати приземистых свечей разной формы и размера стояли по периметру длинного деревянного стола и освещали его. Это был артистизм Тины наверняка.

После еды все остались сидеть за столом, чтобы выпить воды и вина. Слабый огонек замерцал в огромном камине, и все мы наслаждались глубокой осенью и прохладным обещанием зимы, витающим в воздухе. Именно тогда Кобун, словно старая жена, сделал ряд оскорбительных замечаний в адрес Стива. Это подействовало мне на нервы. Кобун был наставником и гостем. Что послужило причиной таких оскорблений? Ощущение неловкости заполнило комнату. Стив не реагировал. Кобун, хитрый и коварный, сделал еще ряд небольших унизительных замечаний. Он не вел себя как наставник, способный видеть все насквозь и говорить от лица группы, скорее он говорил как человек, которого бросили, проигнорировали и отвергли. Казалось, что Кобун использует личину наставника дзен, чтобы свести личные счеты.

Я не смогу слово в слово повторить все замечания Кобуна, кроме одного – что нет различия между тем, чтобы сделать компьютер и вырастить большую картошку. Уже второй раз я слышала эту аналогию, впервые – на его лекции, и задавалась вопросом, не упускаю ли я какую-то деталь. Это было в стиле Кобуна – стремиться настолько упростить происходящее, что результат выглядел слабо и глупо. Он пытался поставить Стива на место, однако это не приносило результата.

Позднее тем вечером я обсудила эту ситуацию с Тиной, тайком выбравшись с ней из дома, чтобы покурить. Мы обнаружили, что обе, отдельно друг от друга, становились свидетелями того же поведения в ряде других случаев. И нам оно не нравилось. Мы считали его оскорбительным по отношению ко всем, кто находился рядом. В тот вечер я обсудила эту ситуацию со своим молодым человеком, и он сказал: «Да, а ты заметила, что Кобун никогда прямо не отвечает ни на один вопрос, который ему задают?» Илан, ученый, кандидат физических наук, снял контактные линзы и смотрел на меня сквозь стеклянную бутылку кока-колы, чтобы убедиться, что я понимаю, насколько очевидно это было и насколько серьезно.

Если бы я посвятила жизнь изучению злоупотребления людьми властью, то ночь, когда я наблюдала столкновение

Кобуна и Стива, была действительно пределом всех мечтаний для моей эрудиции. Кобун, поступки которого были продиктованы болью, не разрешил свои трудности со Стивом, поэтому решил разрешить их в формате группы. В то время Кобун слишком много пил, о нем ходили различные слухи. Я также заметила, что он крайне пренебрежительно относился к своей девушке, Стефани, в тот вечер, да и вообще в целом. Она, талантливый музыкант, вела себя рассеянно, словно не могла думать сама за себя, находясь в его компании. Это поведение было похоже на то, в которое впала я, когда носила Лизу и не могла принимать за себя решения. Что бы ни происходило между Стивом и Кобуном, в ту ночь оно вышло наружу.

Это был наставник, чья способность понимать суть вещей значительно превосходила наш потенциал, и тем не менее он вышел за рамки своей безупречности. С какой целью? И почему Стив не был более лоялен по отношению к Кобуну? К тому моменту я не особенно восхищалась кем-либо из них. Позднее я осознала, что Стив завидовал способностям Кобуна и не хотел делиться всеобщим вниманием. Со своей стороны Кобун научил Стива многим вещам, в том числе и игнорировать людей. Стив применил это учение по отношению к Кобуну, и ему это было не по душе. Так что все началось с Кобуна.

В тот вечер, наблюдая за выходками Кобуна, я чувствовала, что зла на него от лица Стива, его хозяина и наиболее выдающегося ученика. Однако через некоторое время я поменяла свое мнение. Вязкий, скрытый центр внутри общей силы Стива и Кобуна никогда не относился к тому, за что я могла вступиться, поскольку они оба постоянно эксплуатировали людей. Когда им пришлось столкнуться один на один, Стив выиграл, не приложив усилий и сохранив при этом абсолютно все. В то же время Кобун, столкнувшись с трудностями, выпустил ситуацию из-под контроля, что в итоге обернулось для него поражением.

* * *

Я жила в Париже в августе 2002 года, когда получила электронное письмо от друга: Кобун неожиданно и трагически скончался. Юная дочка Кобуна из его второй семьи упала в лагуну, пока он проводил ретрит во владении одного из учеников в Швейцарии. Кто-то вбежал и сказал, что она упала в воду, и Кобун немедленно выскочил из здания, чтобы прыгнуть в лагуну спасать ее. Как я поняла, их тела нашли через четыре часа вниз по течению: ребенок был обернут в его мантию, и оба оказались

мертвы. Никому в мире не пожелаешь подобного, однако мне действительно интересно, осознал ли Кобун ценность дочери в своем стремлении спасти жизнь собственной любимой маленькой девочки?

Глава 18

Искаженное поле реальности

Идиллвилд, Калифорния, скрыт в горах Сан-Хасинто, чуть выше пустыни Палм-Спрингс. В этом причудливом курортном городке есть несколько частных художественных школ и проводится летний музыкальный фестиваль. Местная газета называется The Town Crier, а его жители однажды избрали на должность мэра золотистого ретривера. Прибыв туда с малышкой Лизой в июне 1978 года, я испытала облегчение, не только потому, что местный воздух был по-гористому свеж, а в городе ощущался гул творчества. Я приехала к своей семье, а в ней я как раз и нуждалась.

Моя сестра Кэтти встретила меня в аэропорту Палм-Спрингс вместе со своим мужем Марком и их шестимесячной малышкой Сарой. Мой отец и его жена пригнали мою и свою машины вместе со всеми моими вещами, среди которых была также и детская кроватка для Лизы, которую они нашли через газетные объявления. Было приятно добраться до дома Кэтти и Марка – великолепного здания 1930-х годов, построенного государством для сотрудников Федерального лесного управления. (Кэтти была рейнджером, а ее муж – лесным пожарным, а также писателем.) Дом Кэтти имел тот особый чистый, выхоленный облик, который приходит после многих лет хорошего ухода. Их квартал располагался в центре города – прекрасном обширном районе с большими травянистыми лужайками, расположенными на улице веревками для развешивания и сушки белья и крытыми верандами. Это было похоже на Мейберри.

Кэтти и я – сводные сестры, и мы абсолютно не похожи внешне, однако наши натуры дополняют друг друга, и на протяжении многих лет мы получали удовольствие от продуктивной дружбы. Те пять месяцев, что мы с Лизой прожили с Кэтти и ее семьей, были полны радостных моментов. Мы получали огромное удовольствие от совместной готовки пищи и, конечно же, от ее поедания; каждый вечер, после того как дети уже были накормлены, мы за ужином вели беседы с Марком на занимательные темы.

Однако, когда днем все уходили на работу, я надолго оставалась наедине с собой. Я была в депрессии и шоке от прошедшего года, так что у меня до сих пор из-под ног уходила земля, когда я заботилась о малышке. Случилось слишком много

ужасных событий, связанных со Стивом; их число, казалось, свидетельствовало о том, что я заслуживала дурное отношение. В глубине души я знала, что это не так, однако еще не понимала, что мужчина, который непорядочно обращается с женщиной, непорядочен во всем. Сегодня я считаю, что моя жизнь была посвящена познанию не только этого обстоятельства, но и того, насколько сильно любовь превосходит жестокость. Однако в то время я чувствовала себя изнуренной и беспомощной из-за отрешения Стива и его презрения ко мне.

Я попыталась свести все воедино, понять свою эмоциональную жизнь, упорядочить ее, чтобы двигаться дальше, однако бремя происходящего было слишком велико. Словно я проживала жизнь на нескольких уровнях и пыталась примириться с каждым из них. Я была морально готова к тому, что всегда нужно оставаться начеку с маленькой чудесной Лизой и ее бесконечными потребностями. В тот момент я пыталась понять, стоит ли мне подавать документы для отдачи ее на удочерение. Кроме того, я старалась ужиться с сестрой и разобраться с проблемами прошлого, связанными с нашей матерью. Также существовали более важные проблемы, касающиеся Стива и того, что он делал и не делал. И на фоне всего этого у меня было очень мало денег.

Я заботилась о Лизе, ее нужды стояли на первом месте. Я любила ее, и мне нравилось с ней играть и обнимать ее. Я наслаждалась ее добродушием, но могла лишь гадать, отражалось ли на ней мое состояние. Мои дни складывались из сумрака, трепета и восхищения – трех факторов, то повергавших меня в мрачное состояние, то выводивших из него. Кэтти работала семь дней в неделю. Когда Марк не тушил пожары в национальных парках (он мог отсутствовать неделями), он либо писал книги дома или в библиотеке, либо занимался в спортзале. Всю неделю Сару забирала к себе нянечка, и я бесцельно слонялась по дому с Лизой или гуляла по городу, привязывая дочь к груди в переноске.

По вечерам мы с Кэтти вместе готовили ужин, пока наши дети сидели бок о бок друг с другом на маленьких сиденьях поверх большого сундука на кухне. Так их глаза оказывались чуть выше уровня столешницы, и они могли видеть, чем мы занимаемся. Мы болтали, смеялись и слушали музыку, пока готовили ужин, а иногда брали детей и танцевали. Дочки при этом вели себя по-разному: так, Сара делала плавательные движения, чтобы удержаться ровно. Но Лиза была настолько крошечной, что я качала ее на руках, прижимая к себе, а затем протягивая руки, чтобы закружить ее по комнате. Я держала ее

головку, когда проделывала это, она плыла в ритме движения и смотрела по сторонам блестящими, любопытными глазами. Всё ее занятие в то время было – с любопытством смотреть по сторонам.

Когда Марк приходил домой, он присоединялся к этой неразберихе как этакий дружелюбный приезжий сановник. Марк говорил, что собирается стать следующим великим американским писателем-романистом, и я верила ему. С тех пор мне еще не встречался никто столь же умный. И не могу вспомнить никого столь начитанного. Марк наслаждался разнообразнейшей литературой. Он «проглатывал» книги, утверждая, что истинный интеллектуал заинтересован во всем и у него не должно быть предубеждений, что важно, а что нет. Мне нравилась такая позиция, и, как многое другое, сказанное им, она сослужила мне хорошую службу через несколько лет. Меня покорила идея, что любая вещь заслуживает внимания, когда знаешь, как правильно к ней подойти.

Марк принес несколько отличных научно-фантастических книг, и они впечатлили меня. Я все еще продолжаю ломать голову над бедственным положением персонажей в этих футуристических сценариях. Вспоминаю также, как он поставил проигрываться альбом Брюса Спрингстина «Darkness on the Edge of Town». Это первый альбом, который я у него услышала – и глубоко поразилась.

Спрингстин писал песни, вызывающие воспоминания об Америке прошлых лет, но одновременно они предвещали новый образ будущего. Такие песни, как «Candy's Room», «Racing in the Street» и «The Promised Land», выражали любовь к Америке, достигающей зрелости, и американской жизни. Боль и сомнение в этих песнях настолько искренние, что они выворачивали меня наизнанку. После войны во Вьетнаме, которая для многих в шестидесятых и семидесятых годах была равнозначна предательству, совершенному американским руководством по отношению к американцам *и* миру, я была поражена любовью Спрингстина к стране. Свежие, без ложной националистической сентиментальности, его песни были наполнены мечтами и обещаниями об Америке, а их мотивы впитались в кровь молодежи. Этот человек заслуживает награды.

Если будние дни в Идиллвилде были посвящены домашнему быту, то выходные – чудесным прогулкам на открытом воздухе. По субботам и воскресеньям мы поднимались в горы вместе с детьми: Сару привязывали на спину к Марку или Кэтти, Лизу – к моей груди. Как рейнджер, Кэтти знала лучшие тропинки, и мы вместе шли под соснами, чувствуя запах смолы в свежем воздухе, углубляясь в леса. Мы шли по самым красивым путям вдоль рек, а

затем поднимались наверх, к скалам. Там, под ярким чистым небом, мы любовались верхушками высоких, вечнозеленых деревьев, простирающихся вдаль. Когда с тобой малыш, ты обречен прятаться в маленьких теплых комнатах, но в те моменты все было наоборот. Гуляя, я держала личико Лизы в ладонях, и она казалась очень довольной. Уверена, что ей нравилось, когда я счастлива, ведь она смотрела мне в лицо и отражала мою радость.

* * *

Порой жизнь в компании Кэтти и Марка становилась яркой и интересной, но серьезных разговоров о моих проблемах мы не заводили. Каждому из нас было меньше тридцати, и моего положения они не понимали, да и как могли понять? Моя жизнь находилась в раздрае, многие сочли бы мое положение позорным, и мы предпочитали не лезть в дебри этой ситуации.

Очень жаль, что тогда я не имела психотерапевта: он помог бы мне разобраться с проблемами. Мне это было не по карману, а потому я проводила дни без особых планов, понимая только необходимость заботиться о ребенке и надеясь, что произойдет нечто радостное и поможет забыть о моем одиночестве. Зачем-то я купила в местном книжном магазине справочник по определению подлинности кристаллов. Денег оставалось очень мало для столь экстравагантной покупки, но мне это было нужно.

В книгу вошли фотографии и точные изображения природных и искусственных кристаллообразований, а также сведения, где на земле и под землей можно найти кристаллы. Я обожала эту книгу и внимательно изучала все кристаллические формы, великолепные и идеальные. В детстве я владела изумительной коллекцией ракушек и думаю, что просмотр этих страниц стал продолжением любви к миру минералов. Но еще изучение идеальных геометрических форм предлагало мне нечто сильное и прекрасное, нечто большее, чем повседневные трудности, которые я испытывала. Художник, живущий во мне, не мог пресытиться этими картинами, требуя разглядывать их снова и снова. Сейчас я понимаю, что тогда, чувствуя себя забытой и подавленной негативными представлениями Стива обо мне, я видела в формах кристаллов и их блеске природную яркую элегантность и целостность – поэтику вдохновенного выживания. Они послужили предтечей той художественной деятельности, которой я занялась, когда Лиза пошла учиться в колледж.

В те дни в Идиллвилде мне нравилось наблюдать за Лизой и

ее маленькими ищущими движениями носом, ручками и ножками. Она была как движение воды на поверхности: идеальное, волнистое удовлетворение. Люди смотрят телевизор, на огонь и даже на аквариумы – но смотреть, не отрываясь, на лицо ребенка? Я и представить не могла, что ее бесконечные гримасы будут так стойко меня притягивать. Иногда я держала ее вверх тормашками за ножки: оказалось, ей очень нравилось изучать мир под разными углами. Ее щеки свисали вокруг глаз, и на лице появлялась потрясающая улыбка, пока она медленно крутила головкой, чтобы восхититься перевернутым вверх дном миром. Как и я, она наслаждалась многообразием и движением.

Я также пела ей – выдуманные песни и музыкальные гаммы – и повторяла слова и короткие стишки, чтобы веселить и сохранять нашу связь. А Лиза издавала милые лепечущие звуки, которые казались похожими на абстрактную живопись, когда есть все цвета, но нет настоящей формы. Но однажды я с изумлением осознала, что ее лепет не случаен. Она очень точно имитировала каждое мое слово, песню и тон. Ее мир вдруг открылся для меня: она слышала и повторяла все, чем я с ней делилась. Эта структура связи «вопрос-ответ» между матерью и дочкой всякий раз помогала мне избавиться от грусти. Я удивлялась, что крошечное дитя может ухватывать так много информации и использовать в общении со мной. И ежедневная рутина неожиданно стала волшебной. У меня был волшебный ребенок.

Единственная вещь, которую она не повторяла, был скрипучий звук, какой я издавала горлом, доставая ее из кроватки или меняя ей подгузники. Я произносила его лишь потому, что он так сильно ее изумлял. Она приходила в восторг и смеялась, словно это был самый поразительный звук во всей вселенной, и она поражалась, что я умею его издавать. Я имею в виду, *действительно очень поражалась*, словно я обладала тайным знанием и передавала ей секреты вселенной. Кто знает, может, я и вправду это делала.

Первый раз Лиза улыбнулась мне в три месяца. Казалось, сияющее солнце восходило над новым миром. Дела шли на лад.

В том году я придумала идеи нарядов на Хэллоуин для сестры, ее мужа и себя. Мне нравится изобретать наряды, отражающие характер человека. Хотя я их не шью, я заправляю, подгибаю, разрезаю, вырезаю, вставляю, прикрепляю и привязываю материалы к нужному месту. Я была счастлива и переполнена чувствами, выполняя эту работу. Руки делали все прежде, чем я успевала подумать. Это была чистая забава. Мы так развеселились в тот день, и Марк и Кэтти не уставали повторять: «Черт возьми, тебе надо зарабатывать этим на жизнь». Я

разукрасила Марка в черный и белый цвета, добавив к ним золотую слезу. Этот образ ассоциировался у меня со Стивом. Они были очень похожи: Марк и Стив. Оба очень сообразительны, ведомы страхом и драматичны. Марк начал с цилиндра, а я доделала остальное, добавив к образу накидку и разрисовав его лицо в черно-белую шахматную клетку. Последним штрихом стала золотая слеза в углу его глаза. Сестру я превратила в монашку, мать-настоятельницу, облачив ее в кипы розовато-лиловой и белой ткани, которая была у нее дома. На Кэтти вовсе отсутствовала косметика. Свое лицо я раскрасила в белый цвет и укрылась прозрачной сеткой для ловли москитов. Я была привидением. Никаких шуток, не так ли?

Мы поехали на вечеринку, оставив наших детей с няней моей сестры: надежной, заботливой женщиной, у которой были свои собственные дети. Я впервые доверяла заботу о своей дочери кому-то не из своей семьи: до этого я лишь раз оставляла Лизу на попечение своему отцу и его жене на пару часов, а когда мне время от времени нужно было сходить в магазин, опеку над ней брала моя сестра. Возможность выйти в люди придала мне сил, и в тот Хэллоуин я почувствовала благословенный воздух свободы. Стесненная тем, что до этого момента я почти все время сидела дома, я поначалу не могла уловить настрой и стать своей на вечеринке. Однако со всем этим попкорном, сальсой, сангрией и музыкой, танцами и смехом у меня только начало получаться, когда приехала няня с Лизой. Моя дочь плакала не переставая, так что все лицо ее стало свекольно-красного цвета. Няня безрезультатно успокаивала ее три часа. И так как никто на вечеринке не отвечал на телефонные звонки, она решила привезти ее ко мне. Лиза разревелась еще сильнее, когда ее передали мне, ведь мое лицо было до неузнаваемости изменено белой краской и сеткой. Поэтому Кэтти, как мать-настоятельница, взяла в ту ночь опеку над Лизой на себя, и та наконец перестала плакать. Ох, эта ее сила воли: плакать в течение трех часов подряд! После этого я не допускала, чтобы она плакала больше чем пару минут. Я не могла без боли в сердце наблюдать за ее страданиями, хотя Марк не прекращал заверять, что плохое должно произойти несколько раз, прежде чем в душе ребенка останется рана. Он продолжал говорить: «Дети быстро оправляются от огорчений. Она в полном, полном, полном порядке».

* * *

Когда у тебя ребенок, тебе нужны ресурсы. Так как дети – явление материальное, тебе нужны материальные средства. Но когда я задала вопрос о деньгах Стиву и Кобуну, они оба отреагировали так, словно я была пустым местом, жужжащей мухой, надоедающей им. Довольно сложно полностью описать тот эффект, который они на меня произвели, поскольку они общались со мной с помощью тишины – игнорируя меня – намного чаще, чем с помощью слов. Однако я ничего из этого не забыла.

Я провела в Идиллвилде около шести недель, когда позвонил Дэниэл Коттке. Он сказал мне, что люди спрашивают Стива, почему он просто не даст мне денег, на что Стив отвечал в таком духе: «Ей не нужны мои деньги. Она просто хочет меня».

Я была потрясена, когда услышала это – особенно потому, что даже Дэниэл, который был в курсе происходившего, казалось, был готов поверить. Как они могли настолько сильно ошибаться? Ежедневные заботы и уход за маленьким ребенком занимали все мое время, а отсутствие средств вгоняло в депрессию. В этой суматохе Стива меньше всего заботило удовлетворение моих потребностей. В то время моя нервная система сильно пострадала от низости Стива, и я была слишком подавлена, чтобы даже думать о нем в таких категориях.

Позднее я задавалась вопросом, не был ли Стив обижен, что я не страдала по нему? Делать заявления, суть которых полностью противоречила истинному положению вещей, однозначно было в его духе. Правда же заключалась в том, что я не хотела наносить вред траектории развития Стива, поскольку я, несмотря на все, радовалась за него и его потенциал. Мне нравилась моя собственная креативность, и я делилась этим типом радости с остальными – включая Стива. Особенно со Стивом. Я не собиралась мешать ему добраться до своей цели. Мне просто требовались деньги. Это был просто его очередной ошибочный и возмутительный комментарий.

Я пыталась осознать эту новую несправедливость, распространяющуюся вокруг, – что единственное, что я хотела, это Стива. Пока я держалась в тени, меня беспощадно выставляли в неприглядном свете. Любыми средствами Стив пытался изобразить себя не только желанным, но еще и принципиальным, хотя на деле он показывал: «Нет, я не собираюсь вести себя ответственно по отношению к моему ребенку или его матери».

Я была предоставлена самой себе, и мне приходилось прилагать большие усилия, чтобы твердо стоять на ногах и справиться со всем, что навалилось. Поначалу я опустила руки, позже активно стала просить поддержки других людей, ведь без помощи добиться успеха почти невозможно. Будь Стив добрее, все

было бы иначе: и жизнь Лизы, и мое счастье, и благополучие его самого. Хотя, возможно, один человек все же был. Мне рассказывали потом, что Майк Скотт из Apple много раз говорил, что Стив должен дать мне денег, когда почти все остальные представители высшего руководства советовали игнорировать меня или бороться, если я попытаюсь в судебном порядке решить вопрос об отцовстве. (Много лет спустя, когда я рисовала фрески в доме Рональда Макдональда в Пало-Альто, Майк Скотт был единственным представителем Apple, чье имя я узнала на доске с именами доноров.)

Было сложно поверить, что кто-то попытался образумить Стива, когда мое мнение никого не интересовало, а Стив использовал свой авторитет против меня, чтобы и дальше заставлять меня молчать. Он даже говорил мне и остальным, что «если бы я мог просто помогать Лизе, а не Крисанн, то я бы с радостью давал деньги». Это стало началом его деятельности по созданию раскола между мной и моей дочерью. Думаю, Стив создавал образ злодейки-меня, бессознательно считая, что если у него не было заботливой, любящей матери, он должен помешать и тому, чтобы у Лизы была такая. Он хотел, чтобы Лиза принадлежала к его клубу.

Спустя значительное количество времени, когда Стива выгнали из Apple, он многократно извинялся за свое поведение. Он говорил, что никогда не брал на себя ответственность, когда следовало, и что он сожалеет по этому поводу. Он даже сказал мне: «Это не вина Кобуна. Во всем этом виноват я». (Хм-м, я становлюсь подозрительной, когда люди, занимающие высокое положение, заявляют, что берут на себя всю ответственность. Что скрывается за этими словами?) Однако затем Стив сказал, что ему нравится, как я воспитываю ребенка, и ему очень жаль, что я не была его матерью. Мы стояли на моей кухне, я к нему спиной, когда он произнес эту фразу, и я подумала: «*Ух ты, какое откровение*». В тот день я поняла, почему он был мной впечатлен. Не потому, что я идеальный родитель. Я простой человек со множеством недостатков. Но я научилась, пока Лиза росла, уделять внимание хорошему воспитанию и обучению, обеспечивать ее развитие, чтобы дочь была довольна жизнью и счастлива.

Однако раскаяние Стива было недолгим. Возможно, он и оценил мою заботу о Лизе, но, вернувшись в девяностые в Apple, он вернулся и к прежней эксцентричной ненависти ко мне.

* * *

На протяжении нашего знакомства с Дэниэлом я наблюдала, как он то восхищался Стивом, то приходил в шок от его действий. Видимо, мы с Дэниэлом испытывали схожие чувства, наблюдая, как Стив становится все более могущественным. Самое интересное, что иногда Дэниэл верно разоблачал суть перемен, которые происходили со Стивом.

Когда я была беременна и все еще жила в доме на Президио, Дэниэл однажды пришел домой после работы и сказал: «Стив добивается успеха на работе, хотя он идет против всего, что, как меня всегда учили, олицетворяет хорошее и является правильным». Дэниэл не помнит этих своих слов, однако я помню. Готова поспорить, за минувшие годы у меня был десяток важных разговоров с Дэниэлом, о которых он забыл. Похоже, когда дело доходит до Стива, память Дэниэла мечется от проницательности до излишней сентиментальности. То заявление в доме на Президио произвело на меня большое впечатление: я впервые видела, как Дэниэл пытается понять, что происходит со Стивом. Он повторял эту фразу несколько раз, и я чувствовала его скептицизм. Да, Дэниэл, как и остальные, словно сомневался в том, что именно видел. Но он очень аккуратно подобрал слова и сформулировал мысль. Видимо, ему пришлось взглянуть в самую глубину своей души, чтобы понять, какие законы человечности так грубо нарушаются.

Он сказал, как сильно идеалы человеческого поведения и хорошей репутации, преподанные родителями и профессорами в Колумбийском университете и примером которых служило все великое классическое искусство, разнились с ценностями, способствующими продвижению Стива. Дэниэл был потрясен, а я поражена, так как знала, что это правда. Идеальное наблюдение.

Он также сказал, качая головой: «Это возмутительно, ведь чем хуже он себя ведет, тем большего успеха добивается». Дэниэл наблюдал поведение Стива на работе. Я не видела эту часть жизни Стива, а лишь то, как он ко мне относился. Пытаясь понять Стива, я стремилась собрать любую информацию, которой обладали о нем другие. У меня не было слов для того, чтобы описать, каким ужасным он становился. Происходящее не поддавалось моему разумению. Единственное, что я знала: Стив вел себя так, как людям вести себя не полагается.

Маркетинговая служба Apple продвигала концепт, по которому для создания образа компании требовалась фигура, отличающаяся недюжинными умственными способностями. Благодарить за это явно следует Реджиса Маккенну. Стив был своим и подходил на роль такого парня, хотя Apple создавалась руками многих людей. Один из них, Джефф Раскин, говорил, что

происходящее со Стивом грустно, поскольку «Стив верит во все хвалебные слова в свой адрес, автором большинства которых он сам и является». Я всегда старалась найти объяснение поведению Стива. И выражение Раскина подходило идеально.

Дэниэл также сказал мне, что люди в Apple начали судачить о «поле искаженной реальности» Стива. Эта фраза также очень подходила. Я с трудом поверила, что кому-то удалось описать это бесформенное качество с идеальной точностью. Восхищаюсь, как эти три простых слова, отличающиеся научной и поэтичной краткостью, полностью раскрывали всю суть. В термине «поле искаженной реальности» есть что-то магическое. Он выражал идею наличия у Стива сомнительного таланта, скорее присущего инопланетянам.

Так что не я одна заметила это.

Мой опыт подсказывал, что Стив обладал неким полем, позволяющим ему искажать реальность вокруг него – всякий раз, когда ты оказывался рядом, тебя словно окутывали ядовитые испарения. Поле искаженной реальности могло быть невидимым, но оставляло след на ваших настоящих чувствах. И это явление было таким новым и примечательным, что кто-то оказался вынужден дать ему имя, чтобы бороться с данным эффектом.

* * *

В различных публикациях говорилось, что Стив не был готов стать отцом. По правде, никто из нас двоих не был готов стать родителем, однако Лиза все равно появилась на свет. Тем не менее люди оценивали наши роли – и важность этих ролей – очень по-разному. Это был старый двойной стандарт, житейское заблуждение, которое возлагает на мать главную ответственность за ребенка. Хотя очевидно, что ребенку нужны оба родителя.

Ни Стив, ни я оказались не готовы растить ребенка. Мне нужна была моя собственная свободная жизнь и много времени, чтобы стать взрослой. Лиза появилась на свет, когда мне исполнилось только двадцать четыре, и я не могла справляться с ограничениями, которые накладывало на меня присутствие младенца. Тем не менее именно в Идиллвилде я пришла к логике, на какую могла положиться, и к выводу, что я оставлю и выращу ребенка.

Когда мне наконец удалось все обдумать, я перестала метаться от беспокойства к нерешительности. Я признала, что у меня нет опыта или мудрости понять, оставить дочку или отдать ее на удочерение паре, более подходящей финансово и морально.

И моя нелинейная логика подсказала, что если я не могу понять, правильный шаг удочерение или нет, то лучше не рисковать и не расставаться со своим ребенком. Я решила, что лучше прижать ее близко к себе и не отпускать – какими бы ужасными ни были обстоятельства, – чем годы спустя осознать, как много потеряла, расставшись с ней. Или, хуже того, даже не осознать масштаб потери, поскольку такой шаг был бы сравним с убийством какой-то части души внутри меня и также внутри Лизы.

Это ненадежная логика, но она стала отправной точкой. Хотя в первые годы жизни дочки были такие тяжелые моменты, что я вновь иногда задумывалась об удочерении, осознание того, что я многого не знаю, спасало меня от расставания с ней до тех пор, пока я наконец не поняла ее истинную ценность для меня и мою для нее. Помимо этого и важнее, чем все невзгоды, разумом я не всегда понимала, что нужно ее обнять и не отпускать, но мои руки делали это сами.

Она была моей.

Я была ее.

Много лет спустя, когда Лизе было уже за тридцать (и она была примерно на десять лет старше, чем я, когда приняла решение ее оставить), мы с ней обсудили эту ситуацию. Я сказала ей, что, хотя положение представлялось невыносимым, я решила оставить ее, прежде чем успела понять, что это значит. Много лет я переживала, правильно ли поступила. Лиза меня внимательно выслушала, и через неделю я испытала восторг родителя: моя дочь позвонила мне и сказала, что она рада моему решению. Она все обдумала и уверилась, что, если бы я ее отпустила, это бы плохо на ней отразилось.

Интересно, как она пришла к такому выводу. Я не понимала этого, но поверила ей. Мы обе знали, что выносить сложный характер Стива очень непросто, и этот разговор помог нам понять, что нас объединяет не только то, что мы прошли через это. Мы действительно восхищались друг другом, любили друг друга. И порой я думаю, что отсутствие Стива рядом с нами оказалось к лучшему, с учетом его жестокости. Тем не менее, еще когда Лиза была маленькой, ситуация стала тяжелой: много лет подряд ребенок регулярно видел грустную и несчастную мать. Об этом Стив мог позаботиться, как никто другой.

Великодушие Кэтти и Марка спасло положение. Они подарили мне прекрасные воспоминания и стабильность, которая потребовалась, чтобы я решилась оставить у себя дочь. Когда Лизе было семь месяцев, через Идиллвилд пронесся ветер перемен, и я поняла, что пора двигаться дальше. Набив машину вещами и усадив дорогую малышку в ее автомобильное кресло

рядом со мной, я отправилась в дорогу: вверх по автомагистрали 1, живописному пути вдоль берега Тихого океана, в область залива, где жили знакомые. Там я провела следующие несколько лет.

Глава 19

Трудные времена, счастливые моменты

Я гордилась моей милой, счастливой малышкой и хотела показать ее родителям Стива. Пол и Клара любили сына, и я решила, что они захотят увидеть его дочку. Поэтому, когда Лизе исполнился месяц, перед самым отъездом в Идиллвилд, я отправилась в гости к Джобсам. Пол работал во дворе, и, когда я поднималась по их лужайке, он вышел из гаража с граблями в руках.

– Привет, – сказала я, держа Лизу в детском одеяле. – Я пришла показать вам вашу внучку.

Пол повел себя грубо.

– Она не моя внучка.

Он был такой идиот. Я парировала:

– Ну, конечно же, Стив был усыновлен… тем не менее, так как это его ребенок, я подумала, что вы будете считать ее своей внучкой. Но я все понимаю.

Пол что-то пробурчал в ответ, но это уже не имело значения. Ничто не могло оправдать его бедность духа. Я зашла в дом и сидела рядом с Кларой, пока та держала Лизу. Она вела себя сухо и учтиво. Все прошло очень странно.

После смерти Клары, когда Полу удалось прийти в себя, он стал самым популярным холостяком среди людей своего возраста. Бетти Вилдер рассказала мне это. (Она была матерью моих друзей, и я не раз оставалась жить у нее в доме.) По словам Бетти, Пол потом рассказывал, что, когда я принесла к ним Лизу, он прогнал меня граблями. Лживое и отвратительное хвастовство.

Вернувшись из Идиллвилда, я месяц провела в доме своего отца, подыскивая жилье. Узнав об этом, Стив пришел к моим родителям, чтобы забрать картину, нарисованную для него давным-давно, когда нам было по семнадцать лет. Мой отец и его жена уже отправились на работу, а мы с Лизой ушли в ванную комнату, и я не слышала звонка. Дверь открыла моя сестра Линда и заявила Стиву, что он не получит картину. Она все еще в ярости рассказывала об этом мне, и это была лучшая реакция. «Как он посмел прийти сюда и просить что-либо! – воскликнула она, добавив: – Крис, я сказала ему, что если я и дам ему эту картину, то только надев ему на голову. И затем сказала: как он посмел прийти сюда и что-либо просить?!»

Услышав о реакции Линды на корыстолюбие Стива, я

вспомнила себя до того, как пала духом под гнетом всего происходящего. И у меня на душе полегчало.

* * *

Наш следующий дом располагался по адресу улица Оак-Гроув в центре Менло-Парк. Социальное пособие составляло 384 доллара в месяц, а арендная плата – 225 долларов, поэтому захудалое съемное жилье было единственным, что мы могли себе позволить. Пусть маленькое, а небольшая терраса – всего лишь из цемента, но теперь у меня была крыша над головой и место, которое я могла назвать своим домом.

Я считала это существенным прогрессом.

Мы с Лизой прожили в этой квартире три года. Поначалу я чувствовала себя небезопасно, ведь у меня не было машины и даже телефона. Прошло много времени, прежде чем я сумела накопить деньги на необходимый в те времена депозит. Зато я жила в одном квартале от центра Менло-Парк и легко могла дойти до гастронома Peet's Coffee & Tea и побродить по магазинам для развлечения. Так я начала продвигаться вперед и формировать круг знакомств.

Пожилая женщина, жившая рядом со мной, сказала, что владелец моего дома ждет, когда она умрет, чтобы купить ее собственность и построить свой офисный комплекс. Она ненавидела за это его и, как она говорила, «его тип». И действительно, в течение года она попала в больницу и уже не вернулась, и Ал, мой домовладелец, вправду выкупил ее участок. В итоге он превратил его в офисный комплекс, однако сперва это был дешевый отель для китайских иммигрантов.

Поздними летними вечерами мои новые соседи играли в маджонг. Я слушала стук шершавых костяшек через открытое окно. Этот звук захватывал мое воображение и омывал мой разум, как волны океана. Я до сих пор не знаю, как эта игра выглядит и как в нее играть, но азарт, витавший в воздухе между минутами абсолютной тишины, во время которых решался исход поединка, и последующим взрывом смеха или разочарования, надолго захватывал меня в плен. Сидя в кресле-качалке у окна, я держала Лизу, скрашивая одиночество звуками игры, и часами плакала, пока она спала у меня на руках.

Каждый день был похож на предыдущий, безжизненная рутина, которая повторялась и создавала мир серости. Я сажала Лизу в высокое кресло для кормления, и она смотрела на еду с беспокойством: постоянная нехватка денег не позволяла покупать

качественную детскую еду, а та, что я давала, ей не нравилась. В один из дней я заметила, что мои руки, ранее полные энергией от моих картин, стали вялыми и безжизненными. Я пожала плечами с чувством «*ах да, вот и это тоже пропало*».

Из-за бедности я не могла в полной мере испытать те чувства, которые связаны с состоянием счастья и взрослением. Поэтому я без слез просто признала произошедшие перемены и сдалась им на милость. Я переживала, что упускаю время счастья в этой жизни. Однако куда сильнее меня волновал вопрос, что я не смогла дать Лизе тогда, ведь нет сомнений, что наши печальные обстоятельства действовали и на нее. Тем не менее, как и все дети, Лиза была наполнена весельем, и она вытаскивала меня на улицу – погулять с ней в хорошую погоду, раскатывала, играя, рулоны туалетной бумаги и пела неразборчивые младенческие песенки. Все это заставляло смеяться, поскольку она была *так* мила.

И мы просто продолжали двигаться дальше.

Я слышала, в тибетской культуре есть обычай: если ребенок в своей взрослой жизни должен будет стать богатым и могущественным, то община окружит этого ребенка менее благоприятными условиями, чтобы он или она в процессе своего взросления познали оба мира – и бедности, и благополучия – и обрели дух и щедрость обоих жизненных опытов. Мне нравилась эта идея. Я видела в ней смысл.

Я пела ей все песни, которые выучила в юности. Ей нравились мои зажигательные версии песни «Битлз» «Rocky Raccoon» и некоторых наиболее джазовых хитов Джони Митчелл, наряду с индуистскими напевами, которыми я овладела в Индии. И раз, лишь один раз, я спела ей народную песню «Tom Dooley», и мое крошечное дитя посмотрело на меня как на ненормальную. Она так явно изумилась, почему я передаю столь грустное послание, что я больше никогда не пела эту песню.

* * *

Примерно через четыре месяца после переезда на Оак-Гроув Дэниэл позвонил и предупредил, что адвокаты Стива изучают чертежи дома на Президио. Они пытались обосновать теорию, что ко мне через окно передней спальни дома приходили мужчины, и так доказать, что отцом Лизы мог быть кто-то другой. Дэниэл также сказал, что Стив и адвокаты допускают идею вовлечь его в процесс и так увеличить свои шансы на выигрыш дела против меня. Обычно Дэниэл был склонен поддерживать Стива, однако в

тот день спешка и паника в его голосе показали, как нечестность всего этого претила ему.

Дэниэл теперь говорит, что он не помнит этого звонка или адвокатов с чертежами дома на Президио. На самом деле он даже пришел в негодование, когда я про это упомянула. Однако я помню. Как я могла забыть? Я подозреваю, что Дэниэл не хочет вспоминать, как сильно мне помогал, поскольку он стремился быть одним из парней в клубе Стива. Но ему не хватало смелости. Застряв между своими настоящими этическими убеждениями и стремлением принадлежать к избранной группе, Дэниэл, возможно, впал в забывчивость, чтобы избежать стресса от противоречащих друг другу императивов.

Известие о новых нападках Стива расстроило меня так, что я утратила способность мыслить ясно. Эта новость меня деморализовала. Я не знала, почему он внезапно пытается причинить еще бо́льший вред, когда я занималась своими делами, стараясь сделать все, что могла, для *нашей* дочери. В очередной раз проблема заключалась в выходе Apple на открытый рынок. Адвокаты, должно быть, решили, что для защиты имиджа их парня надо выставить меня и Лизу как незаконных наследников. Других вариантов действий имелось предостаточно, но этим людям они были неведомы, поскольку они продали свои души и свою мужественность. Мы тогда готовились к годам президентства Рейгана, периоду, во время которого жадность поощрялась, а матерей-одиночек обливали грязью. Все происходящее укладывалось в эти рамки.

Узнав, чем занимается Стив, я несколько раз звонила ему. Во время одного из ужасных телефонных разговоров с ним я собрала все силы и, стоя на кухне с длинным проводом, закричала на него: «Ты знаешь, что я не спала со всеми вокруг! И ты знаешь, что это твой ребенок!» К моему удивлению, на другом конце линии настала глубокая тишина. Может быть, он услышал меня. Могла ли вся эта шумиха вокруг Apple наполнить его этим ужасающим чувством абсолютной уверенности в собственной правоте? После той ссоры я больше не слышала ни одного слова о его желании задать мне головомойку. Интересно, чего еще я могла добиться, если бы серьезно взялась за дело, хотя вряд ли я была способна привести Стива в чувство, накричав на него. Это было бы слишком безнравственно.

Вскоре после этой беседы появилась возможность провести тест на ДНК, который мог доказать родство с точностью до 94,5 процента. Это был фактор, менявший все. С самого начала при заполнении всех бумаг, необходимых для получения социального обеспечения, я указывала, что Стив приходится отцом моей

дочери, поэтому социальные службы направили ему предписание с требованием пройти данный тест. В тот момент времени государство обладало большей властью, чем Apple, и ему пришлось согласиться.

Я была удивлена тем, что наши анализы крови назначены на одно время. Поэтому Лиза, Стив и я вместе ждали в полутемной комнате в каком-то окружном здании в Сан-Матео. Лиза потянулась, чтобы вылезти из прогулочной коляски, и я поставила ее на ноги перед виниловым диваном, где я сидела. Она быстро развернулась и упала на четвереньки. Я немедленно подняла ее, усадила Лизу на колени и стала играть с ключами, чтобы увлечь ее. Место, где мы находились, было казенно чистым и грязным одновременно, не стоило ей до чего-то дотрагиваться. Стив заметил, как быстро я среагировала и переключила все внимание на нее. Хорошо зная его, я уверена, что он был удивлен моей скоростью. У него успело сложиться совсем иное представление обо мне, благодаря чему он окружил себя удобными оправданиями, от которых не собирался отказываться.

Стива вызвали первым, затем нас с Лизой. Сначала взяли кровь у меня, а потом у Лизы. Малышка плакала и пыталась вырваться из моих рук, когда в нее вонзали иглу. Врачам никак не удавалось найти вену, они тыкали иглой снова и снова, пытаясь нащупать сосуд. Я была готова ударить сестру. И в тот момент я подняла глаза и увидела, как Стив смотрит через крошечное окно двери сероватого цвета и приветственно машет рукой. В этом был весь типичный он, очаровательный и невежественный.

Тесты ДНК установили факт родства. Стива обязали выплачивать алименты в размере 385 долларов (которые он округлил до 500 долларов) ежемесячно, так же как и вернуть государству сумму, равную размеру всех тех пособий, которые я получила от социальных служб. Месяц спустя Apple разместила свои акции на бирже. Стив стал стоить миллионы.

* * *

Через новых друзей меня порекомендовали на должность официантки в ресторане в Пало-Альто, где показывали художественные фильмы, а по выходным играла живая музыка. «Нью-Варсити» был единственным ближайшим заведением к «сцене» в Пало-Альто, кроме бразильского танцевального клуба в Виски-Галч, вниз по 101-й улице. Обоих сегодня уже нет.

У меня оказался неограниченный доступ к художественным фильмам на новой работе. Я пила эспрессо и работала с

интересными людьми моего возраста, некоторые из них поразили меня знаниями. Одна официантка, кандидат наук, студентка в Стэнфорде, рассказала мне, что работает в коллективе, который пытается понять, как структурирована ДНК. Также был мужчина из Голландии, музыкант, игравший с Леонардом Коэном. Он написал мне письмо через год после того, как я ушла из «Нью-Варсити», и сообщил, что за время путешествий по США не встречал более душевного человека, чем я. Значительное признание.

И да, фильмы. Я посмотрела их множество, включая две киноленты, которые внесла в список картин, оказавших на мою жизнь самое глубокое влияние. «Сказки 1001 ночи» очаровали меня своей трансформационной логикой. Фильм демонстрировал, как сознание может проложить себе путь через поколения, казалось бы, не связанных между собой людей и событий и вывести их на новую ступень эволюции. Я верила в это – таков был естественный ход моих мыслей, – однако ничто в процессе моего образования не подготовило меня к такому, поэтому я действительно удивилась, увидев это в художественном фильме. Второй картиной были «Встречи с замечательным человеком». Жизненная история таинственного Г.И. Гурджиева. Этот фильм повысил мое понимание Ближнего Востока и ближневосточного мистицизма. В общем, роскошное дополнение к моей поездке в Азию в 1975 году.

Позднее прямо через дорогу от кинотеатра появился первый магазин Apple в Пало-Альто. Когда ресторан «Нью-Варсити» закрылся, помещение продали «Бордерс Групп», ныне ликвидированному магазину розничной торговли книгами и музыкой, а темный интерьер перекрасили в яркие цвета. Хотя пространство заполнилось книгами, меня не покидало ощущение, что в здании, у которого была своя душа, решили организовать бездушный бизнес. Когда «Бордерс» обанкротились по всей стране, территорию старого кинотеатра более никто не занял. Из него теперь открывается вид на другое пустое здание, поскольку Apple недавно освободила старое помещение и переехала в новое место, кварталом выше. Сейчас эти здания подобны двум мертвым циклопам, которые смотрят друг на друга своим единственным глазом. Время не стоит на месте.

Именно во время работы в «Нью-Варсити» друг дал мне книгу Шакти Гавайни «Созидающая визуализация». Классика семидесятых, эта книга объясняет, как использовать воображение, чтобы создавать из прозрачного, голубого воздуха все, что можно пожелать. Прозрачный голубой воздух был единственной вещью, которой я обладала, поэтому данная книга представляла для

меня чрезвычайную ценность. Прочитав книгу, я заставила себя проехаться вокруг на машине с широкой улыбкой на лице и стала благодаря этому более счастливой и организованной. Улучшились даже мои навыки работы официанткой. И из-за этого в моей жизни вырвалась наружу и накопилась какая-то радость. У меня появилось больше энергии, чтобы играть с Лизой и думать о следующих действиях. Теперь я понимаю, насколько важно создавать счастье так часто, как это возможно, поскольку, какими бы ужасными ни были обстоятельства, счастье – тот фактор, который сворачивает горы.

* * *

Утром по субботам мы с Лизой ходили в Peet's Coffee в Менло-Парк. Суббота была днем постоянных посетителей: все общались друг с другом и вместе смеялись, совершая священный обряд употребления кофеина. Бариста всегда удавалось налить мне чашечку бесплатного кофе. Он знал, что даже 75 центов являются для меня огромной суммой, и я с благодарностью его принимала. Примерно в час дня все прекращалось, и люди расходились по делам, за исключением некоторых, как и я, отправлявшихся в парк через дорогу. Там многие из нас играли на музыкальных инструментах или слушали музыку в течение дня. Это была моя социальная жизнь, и я всегда с нетерпением ожидала наступления новой субботы, поскольку в этот день всегда происходило что-то забавное и интересное. Кофе помогал мне выбраться из грустного состояния, а разговоры и связь с людьми служили источником положительных эмоций и новых мыслей, которые оставались со мной на протяжении недели.

Иногда в кафе я замечала, как люди показывают на меня пальцем и шепчут что-то вроде: «Это бывшая девушка Стива Джобса, а это его ребенок». Одним субботним утром, пока я стояла в центре комнаты (в те дни в том заведении не было стульев), ко мне подошла женщина. Лиза вылезла из коляски и обхватила меня за бедро, затем кто-то поднял ее на руки и начал с ней играть, пока я разговаривала с женщиной. Ей также шел третий десяток лет, и у нее были каштановые волосы. Запомнилось, как просто и красива она одета: в блузку с рисунком в виде цветка и яркий, красочный свитер. Она, возможно, назвалась мне, но сегодня я не вспомню ее имени и не смогу ее узнать при встрече. Подойдя ко мне, она сказала без колебаний: «Я была в офисе, когда Стив с адвокатами вместе праздновали победу – ему удалось выйти сухим из воды и

отделаться такой незначительной суммой».

Она поморщилась и повторила: «Они все поздравляли друг друга. Они в прямом смысле слова праздновали!» И добавила: «Это было так отвратительно, что мне стало тошно. Мне все еще тошно». У меня, наверное, отвисла челюсть, когда я слушала. Мало кто защищал меня, но понадобился лишь один случай проявления той женщиной гнева, чтобы окружающая меня мерзлота растаяла. Не думала, что кто-либо знал или переживал о том, что Стив натворил по отношению ко мне с Лизой, однако той женщине оно оказалось небезразлично. В ее заботе ощущалась свирепость, и это был тот редкий случай, когда она имела под собой все основания. Простое свидетельство человеческого достоинства пробудило меня. Я испытывала такие страдания после того, как ко мне так долго плохо относились, что перестала обращать на это внимание, не в силах найти выход из ситуации. Но как быстро мне удалось ощутить полноту жизни, когда кто-то сказал правду и проявил заботу!

Перенесемся на шесть лет вперед: Лизе исполнилось девять, когда она и ее отец созрели для того, чтобы узнать и полюбить друг друга. К тому времени Стив уже не работал в Apple и стал скромным, более похожим на прежнего себя. (За это я должна поблагодарить Джона Скалли, его старания по увольнению Стива неумышленным образом повлияли на наши дальнейшие судьбы.) Именно в это время Стив и Лиза решили подать заявление об изменении ее свидетельства о рождении. В девять лет Лиза стала из Лизы Бреннан Лизой Бреннан-Джобс. С огромным облегчением Стив признался мне: «Я так рад, что она это сделала». Я была тронута и рада за них обоих. Также я пыталась представить их беседы между собой, которые привели к такому решению. Я видела, как Лиза со своей необузданной властью маленькой девочки заявляет отцу о своих правах, и Стив признает их и ее добродушие. Каждый из них навечно закрепляет друг за другом статус своей семьи.

Уильям Фенвик из компании Fenwick&West был тем адвокатом, к услугам которого Стив прибегнул, чтобы провести быструю проверку и внести изменения в свидетельство о рождении Лизы. Хотя Фенвик специализируется на работе с корпорациями, он сделал одолжение для Стива, поскольку они сотрудничали в те времена, когда нужно было урегулировать ситуацию с моей беременностью и Лизой. Фенвик позвонил мне, представился и сказал, что у него есть несколько вопросов, чтобы уточнить кое-какие факты для оформления свидетельства о рождении. Еще он сказал: «У вас необыкновенно красивая и восхитительная дочка. И вы проделали прекрасную работу по ее

воспитанию». Я сдержанно ответила: «Благодарю вас», так как не нуждалась в комплиментах от людей, подобных ему. Я знала, что у меня красивая и восхитительная дочка. И я знала, что была хорошей матерью. Но я озадачилась: как он познакомился с Лизой без моего ведома?

Когда Фенвик задал свои вопросы, я захотела выведать у него кое-что. Много лет назад я решила, что если возникнет шанс пообщаться с кем-то из тех мужчин, что были рядом со Стивом в момент появления Лизы, я им воспользуюсь. «Почему вы, мистер Фенвик, как более взрослый мужчина, не посоветовали Стиву лучше относиться ко мне и Лизе на начальном этапе?» Я добавила также: «Стив был молод, ему требовался совет от более опытных, взрослых мужчин. Почему вы ему ничего не сказали, чтобы помочь вырасти и взять на себя необходимую ответственность?» Уильям Фенвик сказал: когда он узнал, что цвет глаз Лизы – карий, он переговорил со Стивом, чтобы тот просто признал свое отцовство. Он заявил, что гордится тем, что сделал хорошее дело, и именно поэтому Стив попросил его уладить все юридические вопросы, связанные со свидетельством о рождении. Я знала, на что он намекал. Крис, с которым я познакомилась на ранчо Дювенек, был единственным человеком, кого Стив мог иметь в виду как цель по перекладыванию своих отцовских обязательств. У Криса были голубые глаза, так что Фенвик оказал Стиву услугу, призвав того взять на себя ответственность.

Аккуратно я спросила о том празднике в Apple, когда адвокаты после размещения акций компании на бирже праздновали, насколько незначительным бременем в плане алиментов отделался Стив. Я рассказала ему о беседе с женщиной в кафе. Я была уверена, что он участвовал в том собрании. Фенвик казался озадаченным, в его голосе слышался шок, когда он ответил: «Я никогда не был на подобной встрече. И я также никогда бы не стал праздновать такую вещь». Я слышала искренность в его голосе. Я поверила ему.

Тем не менее, думая, что мне больше не представится шанс побеседовать с ним, я пошла дальше: «Мистер Фенвик, вы действительно думаете, что 500 долларов в месяц являлись достаточной суммой, чтобы вырастить ребенка, не говоря уже о том, чтобы вырастить ребенка Стива Джобса?» Он парировал: «Вы могли бы нанять себе адвоката!» Он говорил быстро, резко, твердо и в оборонительной манере, и я поняла, что наступила ему на больную мозоль. На меня нахлынули беспокойные мысли, я не могла в них быстро разобраться и вскоре закончила разговор.

Возможно, Уильям Фенвик верит, что закон наделяет всех равными правами и что молодая мать-одиночка могла быть

ровней Стиву и всем тем денежным интересам, что его окружали. Но это был не тот случай. Советники Стива подвели также и его. Я хочу узнать у всех тех мужчин, которые думали, что они проделали хорошую работу, защищая Стива, был ли смысл удерживать его в инфантильном состоянии? И даже сегодня я спрашиваю: как мне реагировать на это? Что даст мне силу и добродетель перед лицом такого бессмысленного, расточительного, предательского сговора в борьбе за власть и высокую должность, когда меня преследуют воспоминания о бедности и нехватке самого необходимого?

* * *

В один прекрасный день в 1980 году, когда факт отцовства был установлен и Стив автоматически ежемесячно переводил на мой счет деньги, он как гром среди ясного неба заявился ко мне в дом на Оак-Гроув, чтобы поговорить с Лизой. Ей еще не было трех лет. Он сел с нами на полу и гордо заявил Лизе: «Я твой отец». Почти как в фильме «Звездные войны», когда Дарт Вейдер заявляет, что он – отец Люка. Стив ждал ее отклика с широкой, слегка неискренней улыбкой. Я знала, что он пытается сделать благое дело, и наблюдала, не зная, как помочь. Лиза понятия не имела, о чем он говорит, и я была сбита с толку его положением. Блудный отец, заявившийся домой. «Та-да, а вот и я!» и «Вот так я выгляжу». «Это я!!!» Он буквально говорил: «Я один из наиболее важных людей в твоей жизни».

Я смотрела то на Лизу, то на Стива и вдруг осознала, какой глупой я была. Передо мной стоял гений мирового масштаба и полный деревенский дурак. Этот человек не обладал даже основами эмоциональной осознанности, не говоря о настоящей совести. Он был лишь каким-то пустым теоретиком.

В процессе общения с Лизой Стив предстал в образе большого, яркого, блестящего воздушного шара, который легко лопался и улетал, поскольку, если кто-то произносил не то слово, он мог просто взять и выйти. Он не терпел ничего, если окружающая обстановка не подходила ему. Я горевала, видя, как Лиза, отважная и скромная, прислушивается к нему и кротко смотрит. Она знала лишь несколько слов и понятия не имела, кто был этот «Мистер Праздничные Штанишки». Он не смотрел с изумлением на нее и не спрашивал: «Привет, малышка, как тебя зовут? Ты такая милая! Дай мне взглянуть на твои прекрасные маленькие пальчики. Какая у тебя любимая игрушка?» У меня голова шла кругом: его поведение было настолько нелепым, что я

не знала, как ему помочь.

В итоге, не получив овацию, на которую он, возможно, рассчитывал, Стив предложил выйти наружу и пообщаться. При этом я поняла, что он больше не мог находиться в моей захудалой гостиной. Стоя во дворе рядом со своей машиной, он обменялся со мной несколькими высокопарными словами, после чего скрылся так же быстро, как и пришел, беззаботно умчавшись на своем маленьком черном «Порше». Это выглядело до дрожи странно. Мне было интересно, был ли этот визит еще одной из идей Кобуна? Я жила там в бедности, а Стива, по-моему, волновало лишь то, что наша обстановка ему претила и он хотел скрыться. Через несколько недель после того визита я рассказала о нем Дэниэлу, и он забыл бы об этом тоже, но именно из-за Дэниэла в сделанный для телевидения фильм «Пираты Силиконовой долины» попала некая интерпретация истории.

Больше Стив не заходил.

Когда я сегодня вспоминаю обо всем этом, то задаюсь вопросом: почему Стив не уделял Лизе больше внимания? Возможно, потому, что Стив давал мне слишком мало денег. Мы с Лизой были дороги для него, однако он этого не знал. Существуют мужчины, которые в соответствии со своей отсталой логикой заботятся лишь о том, за что они платят и во что вкладывают. Так как он вложил в нас очень мало, он не видел необходимости в заботе.

Глава 20
Машина года

Я познакомилась с Дэвидом субботним утром в кафе Peet's в Менло-Парк. Я не сразу поняла его потрясающую красоту, однако мне все же удалось заметить, что его глаза были полны света, честности и идеального количества озорства. Дэвид, скалолаз мирового класса и изобретатель, был менее сложным человеком, чем Стив, но обоих объединяло некое стихийное желание взобраться прямо на вершину. Я влюбилась в него по уши. Мы с Лизой переехали жить к нему в Тахо-Сити в 1982 году.

У Дэвида был прекрасный дом, который располагался в нескольких шагах от северного берега озера. Приятный запах сосен и чистый высокогорный воздух давали приток новых живительных сил, и Дэвид был рад нам все это предоставить. Лизе исполнилось три с половиной года, когда мы с Дэвидом познакомились, и он принял ее с большим удовольствием. У нас были все шансы стать небольшой семьей. Дэвид хорошо относился к моей дочери, и они привязались друг к другу, но через некоторое время меня стало тревожить его исполнение роли родителя. Все мы подсознательно склонны строить семью по образу и подобию своих родителей. У нас со Стивом были сложные отношения с родителями, и я не то чтобы осуждала Дэвида. Но долгое время обстоятельства складывались не в мою пользу, и я все еще была морально подавлена. Я со своими-то проблемами еще не разобралась, и мысль, что мне придется иметь дело еще и с проблемами Дэвида, оказалась невыносима. Я думаю, у нас с Дэвидом был потенциал стать отличной семьей и Лиза бы от этого только выиграла. Но тогда мне не хватило опыта все это понять. Когда наши отношения с Дэвидом стали напряженными, я колебалась между двумя вариантами развития событий: постоянными ссорами или уходом. После многих ссор и долгих минут невыносимого молчания победило решение уйти. Мы с Лизой покинули Тахо через год и вернулись обратно в знакомые окрестности области залива.

Но пока мы с Дэвидом еще были вместе, Майкл Мориц из журнала Time обратился ко мне с предложением дать интервью. Я решила, что это хорошая возможность рассказать правду о том, что произошло со Стивом. Это оказалось мое первое большое интервью о Стиве – и последнее. Мориц был серьезным парнем, из числа умных и амбициозных авторов. (Позднее он стал главным венчурным инвестором в Sequence Capital.) Мориц был

достаточно профессионален и представителен, и мы с ним проговорили около трех часов. В начале интервью Мориц сказал мне об ощущении, что со Стивом что-то не так и он хочет разобраться в этом явлении. Все, кто знал Стива, были осведомлены, что что-то не так, поэтому я поверила ему. Я рассказала Морицу свою историю, пока он задавал мне вопросы, и помню, как в конце беседы он задумчиво заметил, скорее себе, чем мне, что, может быть, в интервью назовет меня «Шарлоттой Бройлс». Из-за опасений, что Лизу могут похитить, в свое время ходили разговоры о том, чтобы оставить мое настоящее имя в тайне. Замечание Морица было намеком на это, а также на то, как сильно я обожглась в своих отношениях со Стивом – *до золотистой корочки*, подумала я тогда. Это было умно и оскорбительно, а также дало мне некое представление о том, как меня видят другие.

Интервью оказалось не таким гламурным, каким я его представляла. Получилась скорее комбинация изнурительного и настораживающего. Вопросы Морица были неинтересны, напоминали разминку, а не настоящую игру. В нашей беседе отсутствовал любой творческий элемент, не было ничего разоблачительного. Много лет спустя другой репортер из другого крупного делового издания сообщил мне, что негативные отзывы на эту статью преследовали Морица на протяжении многих лет после ее появления, поскольку тот не понимал, что значило пойти против Стива. Вот это уже было интересно.

В январе 1983 года на прилавках киосков появился номер Time «Мужчина года». Заголовок «Мужчина года» был изменен на «Машину года». Я была в Тахо, когда жена отца позвонила и предупредила, что статья «немного жесткая». Хотя ничто не смогло бы подготовить меня к тому, что я прочту. Я не уверена, что еще могло прийтись Стиву не по вкусу, однако я полагаю, что Мориц задал ему прямой вопрос, почему тот сомневался в отцовстве своего первого ребенка.

Реакция Стива оказалась отвратительной: «28 процентов мужчин США могли быть отцом». Не знаю, сказал ли он это в порыве ненависти или специально. Зато знаю, что употребление в своем ответе такой цифры, как «28 процентов», было очень в духе Стива. Задолго до этого Стив понял, что числовые значения приводят в восхищение и поражают воображение. И он был словно волшебник: ему с успехом удавалось отвлекать внимание.

В этой статье Стив также сказал, что назвал компьютер Lisa в честь своей бывшей подруги. Это, конечно же, выдумка – никаких подружек по имени Лиза он не имел. Это был типичный Стив. Он вышел за грань поэтической вольности. Теперь он просто врал. До

того как эта статья появилась, я жила в своеобразном фантазийном мире, говоря себе, что Стив ценит всю ту работу, которую я проделала, и любовь, которую привнесла, чтобы вырастить Лизу. Ей было почти четыре года, когда вышел тот выпуск, и, несмотря на все факты, говорившие об обратном, я еще верила в доброту Стива. Моя дочь оказывала на меня такое влияние.

После того как я прочла статью в Time, я была настолько уязвлена, что следующие три дня с трудом могла говорить или на чем-либо концентрироваться. Стив унизил меня на страницах распространяющегося по территории всей страны журнала, и это было настолько непостижимо, что мое сознание просто помутилось. Я, видимо, ушла куда-то внутрь себя и не знаю, как я это пережила. Лишь через три дня я вернулась к своему нормальному состоянию, со всей той любовью и радостью по отношению к Лизе и Дэвиду, которые у меня были прежде.

* * *

Стив импульсивно стремился усовершенствовать все, до чего он дотрагивался, словно процесс усовершенствования лежал в основе природы его существования. Поэтому неудивительно, что, наряду со всем остальным, Стив превратил ненависть в крайне гнетущее и идеально управляемое нечеловеческое безразличие. Жесткость Стива была настолько ошеломляющей, что люди терпели повторяющиеся проявления его безжалостности, чтобы понять, что происходит, и выяснить, как с этим больше не сталкиваться. Также я подозреваю, что он использовал страдания людей в качестве источника пополнения своей энергии.

В те дни, когда я приходила в себя после прочтения статьи в Time, я поняла, что была испугана не им – я боялась *за* него. И это заставило меня также переживать за окружающих людей. Я спрашивала себя: как, черт подери, он мог не знать, какие вещи являются важными? Как он мог не знать, что истинно? Казалось, он превратился в бинарный автомат, выдающий свои ответы, исходя из подсказок левого полушария мозга: да-нет, один-ноль, черное-белое, любовь-ненависть. Никаких нюансов. Никаких эмоций, никакого восприятия окружающей обстановки. Максимальное упрощение. Что его вообще *волновало*?

Много лет спустя после того, как та статья в Time была опубликована, Стива включили в список «Десяти самых худших руководителей» США. Когда я узнала об этом, у меня с души свалился огромный груз. Я несколько дней парила в облаках от

счастья. Я всегда думала, что была одинока в том, что мне приходилось терпеть. Вернее будет сказать, что я забыла, что не одинока, поскольку постоянное проявление Стивом ненависти настолько сбивало с толку, что я сгибалась под грузом этого и оказывалась не в состоянии думать или вспомнить что-либо. И вот подтверждение того, что и многие другие люди видели это.

Несмотря на свою гениальность, Стив допускал просчеты всю свою жизнь: он верил, что ненависть являлась приемлемой силой в мире. И поскольку она давала ему такую несокрушимую мощь, он использовал ее и не сомневался в ней. Более того, я думаю, что он принимал власть за любовь, поскольку она заставляла его чувствовать себя авторитетнее и лучше. К моему огромному разочарованию, он умер, не успев осознать свою ошибку.

* * *

Позднее я задала Стиву прямой вопрос: «Почему ты сказал, что 28 процентов мужского населения США могли быть отцом Лизы? И с чего это вдруг мне называть моего ребенка в честь одной из твоих прежних подружек?» «Мориц соврал», – сказал он, не моргнув глазом.

Если Мориц соврал, то о чем именно он соврал? Мне понадобилась пара недель, чтобы понять, что врал здесь Стив. Я провела мало времени в компании Морица, но знала, что основой его профессиональной этики было стремление говорить правду. То же касалось и журнала. Я пришла к выводу, что если Мориц и переиначил слова Стива или как-то соврал, то не в данном случае. Помимо этого, Стив все же обладал определенным запасом приличия, когда был прав, и если бы его неверно процитировали, то он бы позвонил мне сразу же в тот момент, когда вышел номер, чтобы извиниться. Он бы также предпринял бы какие-то действия. Однако этого не произошло, поскольку Стив соврал. И он соврал, поскольку не хотел, чтобы люди видели, кем он являлся на самом деле.

В той статье в Time меня также шокировала еще одна вещь. Когда я впервые ее прочла, на улице была зима, и я сидела на теплой кровати с водяным матрацем в Тахо-Сити. Я смотрела на красивые фотографии, где был изображен Стив в большом доме в Саратоге со своей японской подушкой для медитации, с неким изумлением, а также настороженностью. Там было одно изображение, где Стив сидит прямо и держит в своих красивых руках маленькую японскую кружку. В комнате было мало мебели, но достаточно много света – такой эффект достигался за счет

настольной лампы с абажуром из цветного стекла. Это был материализм в настолько грандиозном виде, что комната производила впечатление священного места. Фотографии шокировали меня. Стив создавал и продвигал свой коммерческий образ, который включал в себя божественность. И это насторожило меня, поскольку он утратил с ней связь.

Заложить в продукт элемент божественности – идеальная маркетинговая стратегия. Для взыскательных покупателей божественное измерение включает в себя половое влечение и еще многое другое. Взять, например, имя «Оракул», которое используется в названии компаний. Это имя несет в себе послание от возвышенного уровня, божественного женского начала, освященной правды, высшего призвания и долгожданной мистической связи. Когда священный характер объекта используется для продвижения материальных благ (или идеи и человека), возникает вспышка, после чего начинает появляться образ продукта, его изысканный дизайн, а также привлекательные товары и просто красивые вещи, которые вполне можно себе приобрести. И все это накладывает отпечаток эксклюзивности. Таким образом, идея божественности используется для продвижения основанной на образе личности, и хотя никакой настоящей связи с душой не устанавливается, в нашу жизнь на мгновение, словно холодные ветра небес, врывается мистика – пока мы не захотим большего. А нам всегда хочется большего.

Я хранила тот выпуск журнала Time в течение многих лет, но после того интервью перестала уделять внимание карьере Стива. Когда мы начали сотрудничать на благо Лизы, я научилась подвергать цензуре свое взаимодействие с публичной стороной жизни Стива, поскольку она могла вызвать цепную реакцию между нами, принеся только вред и разрушения. Я отступила и приняла обет молчания: Лиза была моим приоритетом, а еще такой образ действий мне подсказывало мое здравомыслие. Если Дэниэл Коттке звонил мне, чтобы сообщить, что со мной хочет побеседовать тот или иной репортер, или если мне на глаза случайно попадала статья, передача, журнал, газета или книга со Стивом на обложке, или если кто-то посторонний упоминал при мне его имя, я принимала это сообразно подходу, изложенному в «Книге перемен». Я рассматривала это как неслучайно посланную мне возможность, понимала сообщения буквально, однако не принимала их близко к сердцу. По большей части я чувствовала, что мир и все мирское интересуют не любовь или доброта, а лишь новые игрушки. И если все-таки случалось желание сделать предварительную оценку ситуации и поговорить с журналистом (в конечном итоге я чаще всего получала от них значительно

больше информации, чем давала), иногда я упоминала, что думаю, что в один момент времени Стив собирается пробудиться вновь. При этих словах журналист смотрел на меня так, точно я просто дура. Как можно было быть такой наивной?

* * *

Последним из ряда вызванных интервью Морица со Стивом событий стал инцидент с Лизой. Учившаяся в пятом классе девятилетняя Лиза была изящной и крайне самостоятельной маленькой девочкой с очень ярким и добрым нравом. Однажды она зачем-то вскарабкалась на встроенный книжный шкаф в нашем доме и стащила оттуда номер Time, спрятанный на верхней полке.

– Где ты это достала? – спросила я, когда увидела его на диване.

– Я нашла его! – ответила она и добавила: – И я прочла его целиком!

Ее голос звучал короткими, быстрыми, высокими нотами, когда она заявила мне об этом, и это позволило мне понять, что она гордится собой и что она также не подготовлена к ситуации и нервничает. Поскольку я очень интенсивно расспрашивала ее, она насторожилась и стала тараторить.

– Я забралась и достала его оттуда, – добавила она, указывая на верхнюю полку, словно смелый маленький эльф.

Лиза не была шаловливым ребенком. Это не ее черта, хотя в те редкие случаи, когда это проявлялось, она приходилась мне по душе. Не желая в это поверить, я вдруг осознала: она так хорошо читала, что теперь у нее был доступ к миру своего отца. Я не понимала, как это оказалось возможно. Обладала ли она такой же сильной интуицией, как и ее отец? Этот журнал с тонким, изношенным и сшитым корешком был расположен настолько высоко и далеко среди моей коллекции из примерно четырех тысяч книг и журналов, что даже я с трудом могла до него дотянуться. У меня шла кругом голова, и я извела себя вопросом, а не следует ли мне избавиться от этого журнала. Лиза была слишком мала для таких вещей. И я не имела ни малейшего представления, как с ней о них говорить.

Глава 21
Семейные связи

Весной 1983 года душевный порыв побудил меня отправить Стиву фотографию нашего четырехлетнего ребенка, надевшего огромные черные очки с прикрепленным к ним большим пластиковым носом. Лиза была забавна и мила – маска с очками делала ее похожей на Стива, – поэтому я сфотографировала ее и отправила ему копию с запиской: «Я определенно думаю, что она похожа на тебя». Эта фотография, должно быть, привела его в благостное состояние духа, поскольку две недели спустя он выслал мне еще 500 долларов.

На эти деньги я переехала обратно в Менло-Парк и сняла комнату в доме друга. Спустя месяц Стив появился, чтобы отвезти нас и показать его новый дом в Вудсайде. Это произошло примерно за год до того, как его выгнали из Apple, когда в профессиональном плане дела у него шли не очень хорошо. Он стал добрее. Мы поехали на его приземистом «Порше» в центр Вудсайда и повернули налево на Маунтин-Хоум-роуд. Оттуда мы сделали резкий поворот направо и вкатились через античные каменные ворота на длинную подъездную дорогу нового владения Стива. В целом вид был сказочно колоритный, словно мы попали в имение зачарованного принца из сказки «Красавица и чудовище».

Выстроенный в испанском стиле особняк, занимающий территорию размером семь акров, явился продуктом богатой истории когда-то процветавшего города Вудсайда. Стив провел нас по территории и показал нам все: одну заплесневелую комнату за другой, включая ту, в которой находился самый большой на всем западном побережье концертный орган. Он стоял около двери и наблюдал, как мы с Лизой сели за орган, чтобы сыграть, а затем заглянули за искусственную панель – посмотреть на тысячи звучащих труб, занимавших всю стену. Трубы отличались по размеру (от издающих высокие звуки маленьких до гудящих огромных). Они были затейливыми, как тела насекомых. Потом на очереди была столовая, а затем гостиная – невероятно большой бальный зал с огромными зияющими каминами, как в фильме «Гражданин Кейн». Все это выглядело поразительно элегантно, словно обстановка была взята из другого времени и места, однако и в текущем она смотрелась фантастически. Потолки достигали футов двадцати в высоту, а эхо наших шагов было необыкновенно проникновенным. Я могла

ощущать, как сила тяжести огромного внутреннего пространства давит на мои чувства. И в тот день я осознала, что его особняк несет на себе эфирный отпечаток простой и пустой грусти Стива. Он все еще был тем прежним Стивом.

В итоге мы вышли в боковой двор, чтобы посмотреть на бассейн – овал воды, окруженный барьером неравномерно положенного цемента. Он, казалось, плыл в центре моря из густого зеленого ползучего сорняка. Мы втроем подошли к краю бассейна, чтобы посмотреть, что внутри, и на дне увидели толстый слой из мертвых червяков. Это было крайне отвратительное и притягивающее зрелище, это массовое захоронение. Мы не могли оторваться. Подавленный и отчасти расстроенный, Стив сказал: «Я купил дом недавно, и у меня не было времени провести тут уборку».

Что означало – *проведите* в нем уборку.

Проснувшись на следующее утро, Лиза закричала, что ей приснился сон: «Мамочка! Мне приснилось, как все червяки в бассейне Стива превратились в драконов и улетели на небо!» «Вау», – сказала я в порыве восхищения ей. Я была очень сильно поражена и сообщила ей об этом. «Это восхитительно, дорогая». И я действительно имела это в виду. Юная психика Лизы уловила что-то в Стиве. Мне было интересно, каково это – обладать подобным восприятием своего собственного отца. Мы с Лизой уехали из города, когда ей было три. Теперь, в почти пять, она уже проявляла большую самостоятельность, разбиралась в происходящем. Она также могла высказать мне о нем свое мнение. Я улыбнулась ей в лицо, и пока гладила ее волосы, я думала: «Да, дорогая, твой папа может превращать мертвых червяков в драконов, которые взлетают высоко в небеса. Он не самый милый человек, однако он особенный, и он – твой».

* * *

Вернувшись в область залива, мы с Лизой пять раз за два с половиной года меняли место жительства. Я прикладывала все новые усилия, чтобы заставить Стива давать мне деньги, благодаря чему мы с Лизой могли достойно жить. У нас со Стивом были все причины для объединения усилий на благо нашей дочери. И хотя иногда он давал деньги так же легко, как кокосы падают с пальм, чаще всего он вел себя оскорбительно, был груб и бессовестно скуп. Однако я все равно вернулась к сотрудничеству с ним, чтобы улучшить нашу ситуацию: жизнь Лизы и мое материальное положение, душу и сердце Стива. Я не

знала, что еще предпринять.

Каждый новый дом, в котором мы жили, был лучше предыдущего благодаря увеличивающимся, хоть и ненамного, выплатам со стороны Стива. Так продолжалось до тех пор, пока мы не переехали в дом на Ринконада-авеню в Пало-Альто, в котором прожили следующие десять лет. Наконец Стив по своим выплатам почти приблизился к тому, чтобы покрывать наши реальные расходы. Я абсолютно уверена, что именно его неудача в Apple убедила его пересмотреть свой взгляд на меня с Лизой и начать относиться к нам лучше… на какое-то время.

* * *

В течение первых четырех месяцев после возвращения из Тахо-Сити мы с Лизой трижды сменили место жительства, так как я пыталась создать нам счастливую и надежную среду. Мы переехали из Лос-Транкос-Вудс в Менло-Парк, а оттуда в восточную часть Пало-Альто. Я использовала адрес друга, чтобы включить Лизу в школьный округ Пало-Альто. Я выбрала альтернативную среднюю школу под названием Охлоун. Было известно, что школьный округ Пало-Альто является одним из лучших в стране, однако вскоре я начала тревожиться по поводу подхода школы к дошкольному воспитанию. Прежде и подумать не могла, что образование может вызвать у меня такие сильные эмоции.

В итоге произошло следующее: я не сомневалась в умственных и учебных способностях моего ребенка, однако я ставила под вопрос эмоциональный тон в классе и в школе в целом. И мне он не нравился. Поэтому в конце года обучения Лизы в детском саду я перевела ее в вальдорфскую школу, где она и пошла в первый класс. Я всегда чувствовала, что важно выбрать школу, которая отражает мою систему ценностей, и остановилась на Вальдорфе, поскольку заявленная цель этой школы провозглашает необходимость защиты эмоциональной жизни ребенка.

После недели обучения в вальдорфской школе вся жесткость, которую Лиза накопила, чтобы защитить себя от душевной боли, причиненной в «лучшем детском саду в Пало-Альто», выветрилась из нее. В прошлой школе «лучший детсадовский учитель» поощрял детей игрушками, чтобы заставить их читать, и это создавало конкуренцию. Лиза, которая по своей природе обладает очень сильным духом соперничества, была не готова читать, и она начала придираться к более слабым детям в классе, вероятно,

из-за того, что чувствовала себя ущербной. В этом поведении я увидела черты Стива, и это насторожило меня: у них обоих так хорошо получалось соревноваться с другими. Тем не менее, когда Лиза оказалась в вальдорфской школе, она превратилась в самую милую, добрую, счастливую маленькую первоклассницу. Это была школа, которая содействовала формированию у ребенка целостной личности, где в классе и на игровой площадке поощрялись любовь и уважение. Это была настолько хорошая школа, что Лизе и ее друзьям не нравились перерывы на каникулы, поскольку они не хотели расставаться друг с другом.

В течение нескольких месяцев после перехода Лизы в вальдорфскую школу Стив наконец-то увеличил объем ежемесячных выплат, чтобы мы могли переехать в прекрасный многоквартирный дом в Пало-Альто. Он был так надежно построен и хорошо спроектирован, что возникало чувство настоящего дома. Мое душевное состояние улучшилось, и возникло ощущение безопасности и общего благополучия. Тем не менее мне часто не хватало денег на еду, оплату жилья и учебы Лизы в частной школе, не говоря уже о покупке мебели и новой одежды.

Вернувшись из Тахо, я нашла работу фрилансером – готовила рисунки для журнала, а также для книги об английской оккупации Китая. Мы так часто меняли место жительства, что заполучить работу на полную ставку было проблематично, а еще я не хотела оставлять Лизу на сорок часов плюс то время, которое я бы потратила на поездки до места работы и обратно домой. Я считала своей работой заботу о Лизе и добавляла к ней, в тех случаях, когда мне удавалось ее найти, подрядную работу по подготовке рисунков. Я также убиралась в домах, чтобы заработать дополнительные деньги, следить за своим временем и встречать ее после школы.

Однажды Стив попросил секретаршу позвонить мне и узнать, не хотим ли мы с Лизой посетить мероприятие Apple. Очевидно, когда мужчина вкладывает в свою семью деньги, он начинает больше интересоваться важными вопросами. Это приглашение дало мне понять, что Стив хочет видеть Лизу частью своей жизни. Я стремилась поддержать его усилия, чтобы он также чувствовал уважение и связь с Лизой. Я забрала ее на день из школы, и мы пришли и сели в передней части огромной аудитории, полной поклонников Apple, чтобы посмотреть открытие. Растерянной Лизе было некомфортно и непривычно видеть отца на сцене. Для меня это оказался новый опыт. Стив тараторил как пулемет, и, казалось, надо превратить уши в две параболические антенны, чтобы ухватить суть его слов и поспевать за скоростью его

мышления. В его презентации не было ни одного лишнего слова или неверного звука. Она стала головокружительным потоком чистого контента. Неудивительно, что люди так им восторгались! Уже взрослой Лиза рассказала мне, как тревожилась в тот день. Кажется, маленькую девочку слишком удивило то зрелище. Мне следовало тогда это понять. Разными способами много лет я пыталась объединить их друг с другом с самыми лучшими намерениями, хотя все вечно получалось не так, как я хотела.

После мероприятия Apple я вернулась к вальдорфскому сообществу, чему очень радовалась. Эти умные и чуткие люди хотели узнать, как все прошло. Я была счастлива, что о Лизе так обстоятельно заботятся, что теперь у нас есть круг общения и я больше не наедине с проблемами. Я могла поделиться эмоциями и информацией. Эти люди были интересными и проявляли интерес к нам.

* * *

Позже Стив пригласил нас на завтрак в свой дом в Саратоге. Было утро субботы, и я купила по пути к нему ягод. Его дом поражал красотой и размерами. Красота дает мне прилив сил, однако мы с Лизой жили настолько близко к состоянию нищенствования, что красота, с которой я не сталкивалась уже длительное время, потрясла меня, потряс этот дом с фотографий в Time. В сознании Стива все было очень просто: он имел право на все это богатство. А мы нет. Я подавила порыв гнева: проще сдержаться, чем ругаться с ним. На кухне я указала на кофеварку эспрессо и сделала какой-то едкий комментарий, чтобы смягчить свое горе. Он сказал: «Я больше никогда не буду ее использовать», намекая на то, что он и эспрессо не слишком хорошо сочетаются. Да уж! Затем он показал нам прочее убранство двухэтажного дома. Ему установили сауну, и он объяснял, как важно для него расслабляться. Его непринужденное безразличие к нашим потребностям заставило меня чувствовать нас сиротами.

После завтрака из ягод, орехов, домашнего хлеба с джемом и свежевыжатого апельсинового сока мы отправились на прогулку, и Стив начал возбужденно рассказывать мне, что он нашел свою мать. А найдя, узнал, что у него есть младшая сестра с растрепанными волосами рыжего цвета и она – писатель, живущий в Нью-Йорке. По его жестам мне представилось темно-рыжее афро.

Я заслушалась его, и мы остановились. Так как мы стояли, Лиза попробовала залезть на двенадцатифутовую ограду вдоль

мощеной дороги. Мы стояли в тени, а ограда скрывала чей-то задний двор в богатых окрестностях Саратоги. Солнечные лучи, падающие на листья, лежащие на заграждении, делали его похожим на окно с цветными стеклами. Я понимала, почему она хочет на него залезть. Сама Лиза была ростом сорок пять дюймов и могла подняться лишь на четыре-пять футов, прежде чем отходила и пробовала снова. Это была благородная попытка. Я держала руки вытянутыми, чтобы защитить ее от возможного падения, пока Стив продолжал говорить. Он сказал, что его сестру зовут Мона: прекрасное, старомодное имя, и я подумала, что у их матери была поэтическая жилка. Однако еще это созвучно с «моно»: один ребенок. Интересно, как бы она назвала своего сына, если бы оставила его. Уж точно не Стивом, с этим электризованным звуком *эс*.

Стив рассказал мне, что его родители поженились после того, как его усыновили. Он говорил без остановки, я почти не успевала задуматься, что это значило для него. Когда человек не делает пауз в повествовании, это свидетельствует о стремлении минимизировать влияние более фундаментальной реальности. Сейчас воспоминание о горечи его потери почти парализует меня. Как он смог жить с таким знанием и чувством того, что его бросили, которое должно было возникнуть в нем? В то время отдельные журналисты писали о том, как гиперактивность в Кремниевой долине была связана со стремлением избежать чувств, возникающих по поводу смерти. Думаю, в случае Стива речь скорее шла об уклонении от чувств, связанных с рождением и с матерью. Может быть, это все одно и то же.

Стив улыбался и крутил руками в воздухе, пока рассказывал свою историю, поскольку теперь он был знаком с этими двумя людьми: матерью и сестрой. Я не верила своим ушам. «Как ты вообще нашел свою мать?» – спросила я. Все то долгое время, что я знала Стива, это была серьезнейшая проблема. Он ответил, что просто позвонил доктору, который заполнял его свидетельство о рождении. Логично, и интересно, почему он не сделал этого прежде.

Когда он позвонил доктору, уже пенсионеру, Стив назвал свое имя и спросил, может ли тот сказать, кто его мать. Доктор извинился и ответил: «Мне жаль, парень. Я помог появиться на свет сотне детей. Я просто не помню тебя». И затем, в своем стиле, Стив сказал: «Послушайте, я дам вам мою контактную информацию. Пожалуйста, запишите ее, и если вы вспомните хоть что-нибудь, любую деталь, просто напишите или позвоните мне». Доктор согласился и всё записал, а затем они попрощались. (Все это происходило до того, как изобрели электронную почту!)

Стива переполняли эмоции, и он говорил так, словно в этот момент открывал коробку с драгоценными подарками. И все это время Лиза штурмовала вершину ограды со смелой улыбкой на лице при каждой новой попытке. Ее старания заслуживали похвалы и напомнили о моем бывшем парне-скалолазе, который научил ее правильно лазать: Лиза не просто рвалась к заграждению, она применяла полученный навык. Она целилась высоко, пытаясь забраться туда, где ярко и красиво; это также поражало меня.

Стив поведал, что доктор написал ему письмо сразу после разговора. Оно начиналось со слов: «Стиву Джобсу в случае моей смерти…» В нем доктор признался, что прекрасно знал, кем являлся Стив, и что его мать прожила с ним и его женой последние месяцы своей беременности, до самых родов. Доктор раскрыл имя матери, подписал и адресовал письмо, положив его в верхний ящик своего стола. В ту ночь у доктора случился обширный инсульт или сердечный приступ (я не помню, что именно), и он умер. Так Стив узнал правду о своем происхождении.

Ух ты! Я была в смятении, мы молча смотрели друг на друга. В итоге я прямо спросила: «Что ты сделал, убил его?!»

У меня оставались сомнения, что он говорил мне правду, поскольку я вообще не могла проверить его рассказ. По лицу Стива казалось, что он не врет. Возможно, что доктор лишь ждал, когда Стив позвонит, подумала я про себя, чтобы он мог двигаться дальше. Вообще, случаи, подобные этому, действительно происходили со Стивом и, честно говоря, довольно часто. Несомненно, его быстрое восхождение на мировую сцену было невозможным без некоего обмана, но его рассказ оказался уж слишком мрачен и выходил за все возможные рамки. Меня не переставал мучить вопрос: каково даже без злого умысла стать помехой на его пути?

Стив всегда ясно давал понять, что встреча со своим биологическим отцом в его намерения не входит. Он опасался, что тот будет использовать сына ради денег. Иметь подозрения по отношению к людям и обстоятельствам и безупречно разбираться в их мотивах было в духе Стива. Но слова о биологическом отце настораживали. Стив был очень высокого мнения о себе, это утомляло. Слово «неприкасаемый» приходит мне на ум. Стив, золотой мальчик, думает, что его отец недостоин его. Хорошо известно, что биологическая мать Стива отдала его на усыновление, поскольку ее отец не любил его отца. Биологический дедушка Стива также не хотел своего внука. Забавно, как эта модель воспроизводит сама себя.

Позже я где-то прочла, что Стив пожал руку своему биологическому отцу, хотя они оба не были в курсе, кем они друг другу приходятся. В ресторане его отца, где Стив часто обедал, между ними сформировалось уважение. Хочется верить, что Стив и его отец обрели душевную гармонию с помощью этого рукопожатия.

В тот день в Саратоге Стив буквально светился, говоря о своей биологической матери: «Моя мать похожа на студента-выпускника!» Он повторил те слова раз пятнадцать, что встревожило меня. Считаю, что, повторяя много раз свои слова, люди пытаются заглушить правду о том, с чем сталкиваются, путем перегрузки своего разума повторением отдельных слов и фраз. Или стараются донести до себя послание, которое пока не могут или не хотят услышать. Я не вполне понимала, что все это означало для него, однако я всегда считала Джобсов скорее бабушкой и дедушкой Стива. Должно быть, контрастная живость этой моложавой женщины произвела очень сильное впечатление на Стива. Продолжая рассказ, он сказал, что книга Моны Симпсон «Где угодно, только не здесь» уже двенадцать недель не покидает список бестселлеров.

Это действительно была изумительная сказка.

Позднее на той неделе, как только выдалась свободная минута, мы с Лизой отправились в книжный магазин Printers Inc. в Пало-Альто, чтобы найти книгу Моны. Я не могла позволить себе купить ее, поэтому мы сели на пол и начали разглядывать черно-белую фотографию автора книги прямо на месте. Связь с утерянной семьей была восстановлена. Я не знаю, что это значило для шестилетней Лизы. Она лишь начала открывать для себя собственного отца. Однако мы сидели вместе, и я озвучивала свои мысли, ища черты Стива в лице Моны. Лиза была невероятно мила, отмечая вместе со мной схожие детали. Мы обсудили, что Мона не носила прическу в стиле «афро», как говорил Стив. Я не могла разглядеть сходства из-за веснушек Моны и ее светлых, кристальных глаз с пышными ресницами. «Они не очень-то похожи», – сказала я Лизе. Но несколько лет спустя я, Мона и Лиза отправились в поездку в Монтану, и там, разговаривая с ней поздно ночью, когда Лиза уже уснула, я наконец-то смогла разглядеть, что у нее была такая же челюсть, как у Стива, и такие же ближневосточные губы перевернутой формы. Мне понадобилась комната потемнее, чтобы, не отвлекаясь на цвет ее волос, разглядеть схожую структуру костей лица и контуры губ и так наконец увидеть их сходство.

* * *

Лиза ходила в вальдорфскую школу, когда история об увольнении Стива из Apple была растиражирована на первых страницах газет. Я помню, что родители в школе искренне сочувствовали и были сильно возмущены тем фактом, что Стива уволили из компании, которую он создал. «Бедняга, – заявляли они. – Это неправильно! Это просто несправедливо!»

Меня занимали две мысли: что Стив всегда был шедеврален в своем умении завоевывать сердца людей (не последним из которых являлось мое) и что, если он вел себя с людьми в Apple так же ужасно, как с нами, возможно, он заслужил то, что с ним произошло. Я была поражена, что Скалли удалось это провернуть. Но тогда я промолчала. Будь у меня шанс поведать, кем он являлся, я бы не знала, как это сделать, да никто и не стал бы слушать. Даже тогда я понимала, что имею дело с огромной общественной предвзятостью. Это был мир мужчин, и даже в вальдорфской школе действовали те же правила, что и везде. Так что именно в комитете родительского контроля этой школы я училась слушать и ничего не отвечать. Сострадание – удивительная и прекрасная вещь, и так как никто даже представить себе не мог, каким ужасным был Стив, я просто кивала в ответ на восхитительное чувство заботы, изъявляемое по отношению к нему. Эта школа была кладезем мудрости, и эти люди научили меня слушать. Поэтому в хорошем настроении я молчала и мирилась с двойными жизненными стандартами в знак признательности за доброту как таковую.

* * *

После ухода из Apple Стив продал дом в Саратоге и переехал в свой дом в Вудсайде. Это сблизило его с нами. Теперь у него было больше свободного времени, он чаще встречался с нами и в результате видел, где он мог больше помочь.

Стив признался мне: «Было ужасно ходить на работу каждый день перед тем, как меня выгнали, поскольку все ненавидели меня». Затем он сказал мне, что Скалли везде рыскал и общался с людьми, чтобы настроить их против Стива. Его слова заставили меня сопереживать ему: он был честен, и я чувствовала его уязвленность. Я представила всю ту работу, которую Скалли пришлось проделать, чтобы посеять семена раздора, группа за группой, и заручиться поддержкой людей, чтобы избавиться от Стива. Но ведь Стив сделал со мной то же самое, только все было много хуже, и я носила нашего ребенка. Как он мог быть настолько глуп, ожидая с моей стороны слепой лояльности, хотя

сам не проявлял ничего подобного по отношению ко мне?

Весь следующий год я наблюдала, что Стив справлялся со своей неудачей с большим изяществом, и это напомнило о стихотворении, которое он прибил к двери, когда мы жили вместе летом 1972 года. Там говорилось, что боль заставляет наши чувства расти, и я возвращалась к этим словам в течение многих лет. Не очень понимаю, что он имел в виду, поскольку утратила способность ясно мыслить из-за всего, через что Стив заставил меня пройти, но я думаю, что для него боль была трансцендентна. И в этом мы сильно отличались друг от друга: он, в отличие от меня, брал на себя слишком много.

* * *

Через год с небольшим после того, как мы впервые услышали о существовании Моны, Стив представил нас друг другу. После нашего знакомства завязались длительные взаимоотношения, в которых Мона старалась позаботиться обо мне в интересах благополучия Лизы. Однако не обходилось без неприятных ситуаций, которые не столько умаляли мою привязанность, сколько усиливали мое любопытство: что же происходило у этих двух одаренных брата и сестры, что так действовало мне на нервы?

И Стив, и Мона жили публичной жизнью, и, выступая на публике, они порой создавали образы, не соответствующие реальности. Мона написала основанный на жизни Стива роман «Обычный парень», одним из персонажей которого была мать главного героя. И люди верили, что под ее маской скрываюсь я. Мона имела склонность очень негативно изображать типаж матери в своих произведениях, и поскольку она так хорошо передала образ Стива, люди полагали, что под видом вымысла она раскрыла и мой. Во многих произведениях Моны поднимается тема отречения, особенно со стороны матери. Это сложный момент, поскольку автор должен уметь писать свою историю, однако эта книга очернила и выставила нас с Лизой в неправильном свете.

Во время первой встречи Мона уставилась на Лизу и словно всосала всю ее до капли в свои огромные кристальные голубые глаза. Иными словами эту сцену и не описать. Мне стало слегка неловко, однако я сдерживалась, не желая даже допускать, что Мона мне не нравится. Вместо этого я представила, как много лет должно было пройти и сколько перемен произойти, чтобы все мы собрались в одной комнате, и что же это должно было значить

для них троих – встретиться спустя столько времени. С того дня начались ухаживания тети за моей дочерью, имеющие литературный характер. Я видела, как Стив смиренно улыбался; он сохранял спокойствие. Казалось, Мона была идеалом тети, и она наполнила жизнь моего ребенка своей любовью, подарками и заботливостью. Благодаря этому я ощущала, что меня значительно сильнее поддерживают, и чувствовала себя гораздо счастливее. Казалось, в моей жизни наступают хорошие времена.

Тогда мы со Стивом начали поиски дома, чтобы у нас с Лизой появилась стабильность. Но каждый дом, который я находила и который мне нравился, Стив либо не одобрял, либо затягивал с предложением о его покупке. Казалось, он впадал в апатию, когда дело доходило до помощи нам. Я могу представить, что ему, возможно, было ужасно неловко всякий раз, когда он действовал в наших интересах. У Стива имелось много обличий, и мне требовалось множество усилий, чтобы разобраться с каждым из них. Зачастую казалось, что у его отстраненности и пренебрежительности нет предела. И я действительно не знала, как себя вести при этом. Несомненно, существует множество обличий Крисанн, которым было трудно взаимодействовать с ним по всем своим собственным причинам. Так что мы прекратили идти по пути наименьшего сопротивления, и я сняла дом с тремя спальнями в старом районе Пало-Альто у родителей одного из учеников вальдорфской школы.

Этот дом мне действительно нравился, и мы были очень счастливы, прожив там много лет. Стив нанял Тома Карлисли, своего дизайнера интерьеров, работавшего с ним для магазинов NeXT и Apple, чтобы освежить это место. Том недавно для себя открыл краску персиково-розового цвета, которой очень хотел воспользоваться. Он сказал мне, что краска меняет цвета на стенах, пока солнце движется по небу, и я согласилась. Поразительно, он был прав: цвета действительно менялись. Том также настоял на отделке деревянных полов и покраске их в белый цвет, а также на замене старых вентилей, осветительной арматуры, розеток и выключателей на новые. Когда ремонт уже был почти закончен, Стив сказал, что «дом выглядит слишком претенциозно», будучи так, и это, делало его идеальным. Я была счастлива. Впервые у меня возникло ощущение, словно с материальной стороны дела шли на лад. Стив также нанял садовника и помощника садовника, чтобы они облагородили ландшафтную архитектуру. Они сделали это настолько хорошо, что внешний облик дома все еще выигрывает от проделанной тогда работы. В течение года после переезда Стив купил мне «Ауди» и наконец-то увеличил объем алиментов. Я все еще помню

ощущение счастья от появления новых вещей, которые сделали нашу жизнь заметно лучше.

Глава 22
Шанс на успех

Многое изменилось после того, когда Стива сместили с управляющей позиции в Apple, но я верю, что если бы не Мона, то многие из произошедших перемен к лучшему не осуществились бы. Перемены пошли всем нам на пользу. Как у всех семей, у нас были свои конфликты и обиды, но общие цели и природные узы помогали преодолеть все трудности. Мы являлись семьей, нас объединяла единая кровь. Ни больше, ни меньше. Я верила, что Стив в глубине души всегда хотел поступить правильно; Мона помогла ему это сделать. У меня появился союзник, который совершил прежде недоступное: помог привести отношения между Стивом и мной к правильному балансу, чтобы Лиза была окружена самыми лучшими условиями.

Мона начала думать о том, как улучшить нашу с Лизой жизнь, как женщина, начав с самого очевидного. Сам факт ее помощи меня удивил.

Вначале требовалось решить много очевидных задач. Для Моны все это, должно быть, казалось легким, когда она начала приводить дела в порядок, одно за другим. Она оказалась вдумчивой женщиной и прекрасно разбиралась в деталях. Сначала она поговорила со мной, что Лизу надо записать на сеансы психотерапии к детскому психоаналитику-мужчине, чтобы у моей дочери появился опыт долгосрочного взаимодействия с эмоционально зрелым мужчиной, который по возрасту годился бы ей в отцы. Во время той беседы я знала – она знала, мы обе знали, – каким отцом Стив был, а каким нет. Следовало создать более благоприятную психологическую среду, чтобы у Лизы оказались самые лучшие перспективы в жизни. Мона также сказала, что она поищет психоаналитика для меня и попросит Стива заплатить за нас обеих, если я захочу. «Какое отличное предложение, – ответила я. – Я согласна!»

Лиза училась в третьем классе, когда я отвела ее на первую встречу с психоаналитиком. После сеанса она спросила меня со своей сладкозвучной агрессивностью: «А если я не захочу с ним больше встречаться?» Я сказала: «Тогда и не надо. Тебе решать, дорогая». Я дала ей полную свободу выбора здесь, и для меня это был момент блаженства. Ее маленькое лицо светилось от удовольствия и сознания того, что она сама себе хозяйка. После этого Лиза прониклась энтузиазмом по отношению к этой идее, и ей нравилось ходить на встречи со своим доктором.

Меня удивляет, как легко я смогла понять, могу ли доверить этому психоаналитику мою восьмилетнюю дочку. Мои инстинкты помогли быстро сформировать очень точную картину о том, кем он являлся. Наши с ним точки зрения совпадали не по всем вопросам, но на общем фоне происходящего я пришла к заключению, что он был профессионалом, проницательным, заслуживающим доверия человеком с большим добрым сердцем. Поскольку федеральный закон обязывает родителя такого маленького ребенка присутствовать на некоторых сеансах, у меня был прямой и постоянный контакт, который позволял мне видеть, как доктор ведет себя с Лизой. Именно таким способом я обнаружила, что они играют в шашки и шахматы, ходят в местный магазин, чтобы купить мороженое и, в общем, ничем особым не занимаются, кроме того, что разговаривают и играют. Иногда я думала, что он не стоил тех денег, которые Стив платил. Однако, присоединившись к их сеансам, я своими глазами увидела, как свободно чувствовала себя Лиза, чтобы быть настоящей, наиболее энергичной собой, и поняла, что психоаналитик обладал большим талантом. Как для многих родителей, счастье моего ребенка служило моей путеводной звездой, и я постигала людей через призму того, как дочь о них отзывалась. Он был идеальной находкой.

Чем старше становилась Лиза, тем больше нам приходилось терпеть недобросовестных выходок Стива: он не приходил на обеды и концерты, на которые обещал прийти, опаздывал на семь часов на рейс и не звонил мне, чтобы оповестить об этом, целовал Лорен в присутствии Лизы, говоря при этом ей, что Лорен красива, а Лиза нет… это лишь малое количество примеров того, что происходило. Именно в то время я обнаружила, что психоаналитик Лизы не только помогал моей дочери давать свободу всему тому самому счастливому, что в ней было, но еще и обладал практически хирургическим умением резать правду-матку о поведении Стива – не нанося при этом вреда отношениям Лизы с самой собой или со своим отцом.

Не мне делиться подробностями тех сеансов, однако достаточно будет сказать, что они укрепили уверенность Лизы в себе, поскольку гнев ее психоаналитика был неподдельным, незамедлительным и проницательным. Он представлял собой яростную, очистительную вспышку по отношению к полной катастрофе Стива Джобса. Я никогда не забуду, как психоаналитик реагировал на заслуживающие презрения выходки Стива с прямотой, которая разрезала воздух, словно эскадрилья «Голубых ангелов». Его слова были технологией совершенства в будущем войны: удары настолько точные, что нет и быть не

может никаких сопутствующих потерь. Исключительная суровость его оценок вышибала дух и заставила меня серьезно задуматься, каково это – говорить суровую, точно описывающую реальность правду, не причиняя вреда. Поскольку я смотрела на выражение лица Лизы, пока он высказывал свои комментарии, и, к моему огромному удовольствию и облегчению, она спокойно сидела, в полной задумчивости, защищенная. Так прекрасно слышать правду, что я была счастлива, счастлива и еще раз счастлива.

* * *

По мере того как наше финансовое положение стабилизировалось и дела пошли в гору, я остро ощутила потребность получить образование и начала задумываться о том, чтобы пойти учиться в колледж и получить степень бакалавра. Это было такое счастливое, волнительное чувство, словно ты участвуешь в тысяче рождественских вечеринок одновременно. «О мой бог, – подумала я, – я могу это сделать. Могу жить полной жизнью. Могу зарабатывать деньги. Могу быть частью мира с помощью своих истинных талантов».

За год до этого я отнесла свое портфолио в компанию разработчиков игр для детей под названием «Грей Бридж», чтобы посмотреть, захотят ли они меня нанять. Соучредитель и главный разработчик сказал мне, что мое портфолио – самое лучшее из всех тех, что он видел за долгое время. Интересно, всем ли он это говорил… Мое портфолио состояло практически полностью из рисунков, которые я сделала для книги «Тайпэн» компании «Арт Канфил». Это была компьютерная игра по мотивам романа о торговле опиумом во времена английской оккупации в Китае. Я сделала восемь объемных рисунков карандашом и тушью, чтобы проиллюстрировать эту ужасную, но увлекательную историю. В моем портфолио были и другие рисунки: изображение персидского ковра, переходившего в пчелиный улей, который, в свою очередь, превращался в компьютерную плату, при этом над ними кружили пчелы, а в электронные схемы стекал мед; падающая в многократной последовательности голая женщина. Выгнанная из сада Ева с изысканными линиями, разграничивающими два мира. Мы с соучредителем поговорили о том, что Арт-центр дизайна в Пасадене, Калифорния, является лучшим частным университетом в стране. Именно там он учился. Я подумала: «Ох, боже, как бы я хотела получить образование в Арт-центре».

Поэтому и из-за того, что положение наших с Лизой дел

заметно улучшилось, я решила подать заявление о приеме в Арт-центр. Вместе с Лизой я съездила в Пасадену, чтобы пройти собеседование и показать им портфолио. Через два месяца мне сообщили, что я принята. Диплом Арт-центра давал карт-бланш для проведения со мной собеседования или получения хорошей работы в любой из ведущих дизайнерских компаний в стране. Стив присылал мне около 2500 долларов в месяц, и я подумала, что с учетом студенческой ссуды у меня все может выйти. Я наконец-то могла получить шанс на успех в своей жизни.

Однако Стив умолял меня не переезжать так далеко. Он сказал: «Пожалуйста, не забирай у меня Лизу. Мне очень хочется постоянно ее видеть». Он не устраивал истерик, просто настойчиво стоял на своем. Он поднимал эту тему всякий раз, когда мы с ним встречались. В итоге его многократные призывы и тот факт, что в университете меня предупредили, что придется работать восемьдесят часов в неделю, опустили меня с небес на землю. Я не могла подвергнуть свою дочь таким тяжелым испытаниям.

Я всегда уделяла много внимания Лизе. Оно помогало ей расцветать. Не знаю, все ли дети требуют к себе повышенного внимания, как она, или же Лиза оказалась особенной, но я решила, что оставлять ее с нянями или в школе на длительное время было бы неправильно. Не я включала ее в свой распорядок дня, а она меня – в свой. В те времена люди говорили, что для того, чтобы родители успешно строили карьеру и уделяли внимание ребенку, главную роль должно играть качество уделенного времени, но я уверена, что в нашем с Лизой случае качество зависело от количества. Может быть, другим удавалось успешно разделять эти две вещи, но мне нет. Так как благополучие Лизы было для меня безусловно самым важным – и оно включало в себя легкий доступ Стива к ней, – я в очередной раз поставила крест на собственных потребностях.

В итоге меня приняли в Калифорнийский колледж искусств в Окленде. Я перезачислила свои оценки из колледжа Футхилл, благодаря чему оказалась на третьем году обучения. Хотя это учебное заведение не могло дать мне ту подготовку, финансовые преимущества и высокий статус, какие бы я могла получить в Арт-центре, я была в восторге, что у меня есть план, который смог угодить всем, пока я строила новый этап своей жизни. Когда я спросила Стива, согласен ли он платить за мое обучение, он сказал мне радостное «да». Стив больше не усложнял вещи, и я любила его за это. Мне казалось, что подобная помощь также шла на пользу ему самому.

Во время первого года после переезда в дом на Ринконаде я

захотела, чтобы Лиза пошла в частную школу Нуэва в Хилзборо. Требовалось минут сорок, чтобы добраться до нее и обратно до Пало-Альто. Я настаивала на переводе Лизы, пока у нас со Стивом не разразился серьезный спор: ему казалось, что я не права, продолжая менять места обучения нашей дочери. «Ух ты, – подумала я, – он действительно переживает за нее должным образом. Принято к сведению!» Но Лиза не развивалась в местной общественной школе, и я не могла это так оставить.

Большинство людей верят, что подходящим временем для учебы в частной школе являются последние годы, например старшие классы и колледж. Однако я считаю, что лучше всего вкладываться в развитие ребенка в период раннего детства. Именно в это время сердце и разум детей широко открыты, и именно в этот период у них формируются основы мировоззрения на всю будущую жизнь. (Мне также всегда было интересно, не потому ли люди более охотно вкладываются в высшее образование, поскольку исторически сложилось так, что на этом временном отрезке мужчины берут преподавание на себя.)

У меня сложилось впечатление, что обстановка в общественной школе была призвана способствовать оглуплению детей и преподавателей. Не только с интеллектуальной точки зрения, но и с эмоциональной. Например, дети и преподаватели крайне неохотно смотрели друг другу в глаза, что резко контрастировало с тем, как в вальдорфской школе каждого ребенка первым делом приветствовали рукопожатием и устанавливали с ним прямой, полный нежных чувств визуальный контакт. Лиза становилась безразличной и начала мыслить как все. Мне это очень сильно не нравилось.

Мне хотелось, чтобы дочь училась в школе, где к каждому ребенку существует особый подход. Осознавая, что тот микроклимат, в условиях которого Лиза будет проходить обучение в детстве, неизбежно окажет огромное влияние на ее личные отношения и трудовую жизнь, я продолжала вдалбливать в голову Стива идею о необходимости смены учебного заведения. Мне нужны были деньги, чтобы реализовать ее, и я рассматривала его согласие как прямой путь к достижению своей цели. Я знала, что у меня со Стивом совпадали точки зрения по большему количеству тех же самых творческих и образовательных ценностей, которые должны лежать в основе жизненного пути Лизы. Я надеялась и намеревалась переубедить его.

В итоге Стив заметил то, что видела я.

Встревоженный и раздраженный после того, как Лиза проучилась в общественной школе полтора года, Стив однажды позвонил и спросил: «Что с ней происходит?» Наконец-то он

понял, что Лиза утрачивает связь с самой собой. Я подпрыгнула в порыве радости. «Я тебе именно об этом и говорила! Вот почему я прошу тебя помочь мне устроить ее в Нуэва».

Бинго! Стив услышал меня и взял себя в руки, чтобы поговорить с Биллом Аткинсоном по поводу школы. Билл входил в состав первоначальной команды по разработке «Мака», и его ребенок учился в Нуэва. Билл восторженно отозвался об образовании в этой школе, и именно так мы отправили учиться нашего ребенка в первоклассную частную начальную школу в области залива.

В Нуэва превосходный подход ко всем детям отличался огромной заботой. Учебные дисциплины были так хорошо разработаны и так хорошо преподавались, что все дети получали как высокие оценки, так и усиленное внимание по отношению к себе. Внимание к особенностям каждого учащегося означало, что каждый ребенок получал восхищение со стороны своих преподавателей и похвалу собственной одаренности. Благодаря этому дети учились по-настоящему ценить таланты других. Это соответствовало моим представлениям о благоприятном микроклимате в школе.

Я чувствовала, что наши с Лизой моральные силы росли с каждым днем, проведенным в этой школе. С радостью могу сообщить, что многие годы после окончания Лизой колледжа она звонила мне из всех точек земного шара, где жила, чтобы сказать: «Мама, Нуэва была моим Хогвартсом! Я не знаю, как отблагодарить тебя!»

* * *

В 1988 году Лиза училась в Нуэва, я посещала занятия в художественной школе в Окленде, и мы обе ходили на сеансы к психоаналитику. У нас был прекрасный дом, новая машина, садовник и уборщица. Стив щедро оплатил студенческие займы, которые преследовали меня много лет. Это оказался совершенно уместный поворот событий, и все мы стали счастливее. Я также была довольна Стивом.

Именно в это время Мона заговорила со Стивом о том, чтобы он пошел со мной на мировую и выплатил мне часть своего состояния. На этом все застопорилось. «Ни в коем случае», – сказал он. Мы с Моной закатили глаза, когда она об этом рассказала, и мы решили, что для Стива отказ от совершения этого в высшей степени правильного поступка являлся способом остаться сильно ко мне привязанным. Это также обозначало, что

он что-то утаивал. Понятно, что Стив был мужчиной с нарушением привязанности. Его отказ был формой поддержания тесных связей через контроль, что соответствовало симптомам болезни. Я также подозреваю, что попалась на мушку некоторых очень пагубных представлений о женщинах, что привело меня в замешательство, поскольку под их воздействием я начала думать, что вина лежит на мне.

После того как столько дел пришло в порядок, Мона предложила мне превратить спальню в художественную студию и занялась своим настоящим призванием. В нашем доме было три спальни: главная спальня, самая большая, находилась в дальнем конце дома, вдали от всего. Появление своего рабочего пространства было пределом моих мечтаний, и Мона была абсолютно права, предложив это. Но главная спальня не имела хорошей вентиляции, и ее недавно покрасили и застелили ковром. Мне нравилось, что Мона мыслила с точки зрения моих интересов, и я ценила ее рвение наладить то, что могло быть моей профессиональной деятельностью. Однако я не могла решиться сделать из главной спальни рабочее место. Масляные краски токсичны и оставляют разводы; идея о превращении спальни в художественную студию казалась такой же немыслимой, как идея запрыгнуть на мебель в грязных ботинках.

Тем не менее я поставила себе задачу очистить отдельно стоящий гараж, забитый строительными отходами. Я наняла рабочих, весь мусор вынесли и положили там гипсокартон, а мы с отцом залатали дырки на крыше. Я установила там светильники с изменяемым направлением освещения, а мой друг Ави согласился покрасить для меня гараж. Это было отличное рабочее место: гараж находился в двадцати шагах от дома, достаточно близко, чтобы создать у Лизы ощущение, что мама рядом, там было много пространства, чтобы устраивать беспорядок и проводить занятия, его огромная дверь впускала много воздуха, выветривая все токсичные материалы.

Также в это время отец начал давать мне на непостоянной основе небольшие суммы денег на адвоката, чтобы принудить Стива подписать со мной внесудебное соглашение о финансовом урегулировании. Думаю, что отец решился на этот шаг по двум причинам: во-первых, вероятно, он очнулся из-за усилий Моны все наладить. Мой отец был отчасти подражателем. Но дело не только в этом. Мое положение стало более стабильным, и я находилась уже в более сильной позиции, поэтому, возможно, отец счел, что я наконец-то могу противостоять Стиву. Отец всегда хотел что-то сделать в ситуации со Стивом, но, пока Стив был в Apple, он был неприкасаемым. Когда у меня появились эти

деньги, я начала общаться с адвокатами в Сан-Хосе, однако прока от этого больше не стало, так как после ухода из Apple Стив обязательно выплачивал бо`льшую сумму алиментов, чем требовалось в то время. Короче говоря, мне так и не удалось найти творческого или заинтересованного адвоката, чтобы создать законный прецедент для урегулирования моей ситуации со Стивом.

Кажется, вся моя жизнь заключалась в том, чтобы двигаться в сторону, которую мое сердце считало верным, прежде чем мой разум понимал, как все работает. Я не думала, я не анализировала, я не разрабатывала стратегий своих действий, я не манипулировала. В основе моих действий лежали эмоции. Именно они втягивали меня в череду событий. Вместо того чтобы обсуждать со Стивом весь спектр моих проблем, я выбирала какие-то конкретные аспекты, имеющие наибольшую важность, и теперь я думаю, что мне следовало бы обсуждать их с ним как можно больше. Мне следовало бы увязать мой отказ от обучения в Арт-центре с заключением соглашения о финансовом урегулировании. Когда столько дел пришло в порядок, я наконец-то могла позаботиться о Лизе и о себе теми способами, которые считала самыми подходящими. Наше положение стало стабильным и надежным. Лиза преуспевала в новой школе. Я добилась этого. Мне было тридцать пять лет, и я просто наверстывала упущенное в ранние годы равновесие. Я должна была это делать. Я поняла, что у меня еще остались рычаги влияния, поскольку я все еще не отличалась достаточной сообразительностью, чтобы задуматься и договориться о своем финансовом будущем, а также спланировать его.

* * *

Когда я только начинала жить на Оак-Гроув, я каталась на роликовых коньках по территории всего Менло-Парка. Это был 1979 год, и у меня были классические ролики с большими оранжевыми колесиками. В самом начале катание было почти смертельным опытом: я не знала, как тормозить, и у меня так сильно рябило в глазах от дороги, что я с трудом могла видеть, куда еду. Однако когда я каким-то образом преодолела этот этап, катание на роликах превратилось в чистое наслаждение. Я обнаружила, что где, когда и как бы я ни каталась, данный процесс превращался в считалочку до трех. Это был ритм вальса, и я всегда напевала себе под нос «На прекрасном голубом Дунае», перекатываясь с левой стороны на правую на счет «один» и

заканчивая процесс продолжительным скольжением на счет «три». Ритм и движение вызывали привыкание. Чем больше я каталась на роликах, тем больше мне этого хотелось. Чувство движения под ногами, воздух в волосах и ощущение свободы всех вещей, мимо которых я проносилась, были чистым счастьем.

Вначале я часто ходила на расположенную по соседству церковную парковку, когда Лиза дремала. Там я крутилась. Никогда не забуду, когда я быстро вращалась по спирали и делала грациозные движения руками, а затем разворачивалась на 180 градусов, чтобы остановиться, встав на кончики пальцев, словно воздух был моим танцевальным партнером.

Поначалу я много падала, но это не имело значения. Мне это нравилось, и я гордилась своими синяками и царапинами. Когда Лиза бодрствовала, я сажала ее в детскую прогулочную коляску и каталась с ней. Потом Стив обнаружил, что у меня есть роликовые коньки, и также захотел себе их купить. Ранним солнечным субботним днем, когда Лизе уже было достаточно лет, чтобы иметь собственные роликовые коньки, мы втроем отправились в спортивный магазин в Пало-Альто и Мир игрушек, и он купил коньки для себя и для Лизы (обе пары были с большими оранжевыми колесиками), чтобы мы могли кататься вместе.

По выходным мы ездили в Стэнфорд или в старый район Пало-Альто в кафе «Верона», где подавали лучший суп, лучшую пасту и лучший капучино. Вскоре к нам стала присоединяться девушка Стива Тина, а потом и Мона. У нее не получалось так хорошо стоять на роликах, как у меня, но она не была такой беспомощной, как Стив. Я помню ее милое лицо, когда она стояла на роликах, улыбаясь, как школьница. Тина была похожа на Дэрил Ханну из фильма «Бегущий по лезвию»: высокая и великолепно атлетичная. В итоге Стив и Лиза стали проводить много времени вдвоем. Это могло случиться во время одной из наших прогулок на роликах, совместных обедов или просто когда мы все тусовались и болтали. Стив решил, что будет раз в неделю забирать Лизу на вечер к себе, пока я нахожусь на занятиях в школе в Окленде. Каждый семестр я подбирала расписание таким образом, чтобы мои занятия стояли компактно друг с другом: я не хотела находиться вдали от Лизы больше двух дней в неделю. Поиск няни всегда был проблемой, поэтому Стив построил свой ежедневный график таким образом, чтобы он мог забирать Лизу к себе каждую среду по вечерам. Он хотел быть отцом, и это желание представлялось прекрасным следующим шагом для всех нас. Лизе было девять лет. Впервые Стив брал постоянную ответственность за дочь, и он хотел получить шанс сделать это

как настоящий отец.

Процесс организовывался так: одна из секретарш Стива встречала Лизу на автобусной остановке в Менло-Парк, как раз когда она высаживалась из школьного автобуса, примерно в 15.45. Секретарша отвозила Лизу в NeXT, где она оставалась до конца рабочего дня Стива, делая свои домашние задания и вообще исполняя роль милой и не по годам развитой девочки в условиях того, что без ее участия представляло собой взрослый мир. Она находилась в пределах досягаемости Стива и могла видеть, как сильно он погружен в рабочие дела. Так что каждая среда была для Стива его собственным «возьми-свою-дочь-на-работу» днем. Я была умопомрачительно рада тому, что они проводили время вдвоем. Я не знала, как именно проходят эти дни, но никаких сомнений и опасений в их отношении у меня не возникало, поскольку, даже если Стив был весь в делах и своим поведением чуточку напоминал несведущего родителя, я знала, что его секретарши являются очень сознательными людьми.

Однажды Лиза раскрыла мне секрет небольшого жульничества, которое она проворачивала в офисе Стива. Мы с ней, бывало, рисовали статуи в саду скульптур Родена Стэнфордского университета, и в один из таких дней она путем постановки хороших вопросов настолько сильно вовлекла меня в работу над своим рисунком, что я перестала заниматься собственным и переключила практически все внимание на ее творение. Пока я учила ее, как рисовать, и усердно трудилась, меня осенило, что я не работаю над *своим* рисунком, и я со смехом пожаловалась. Тут ее маленькое личико озарилось, она посмотрела на меня и сказала: «Мамочка, именно так я заставляю секретарш в NeXT делать за меня мою домашнюю работу!» «Как?!» – спросила я. Затем Лиза поведала: «Я говорю им, что они очень хороши в том, как они думают о моем домашнем задании». Я засмеялась, не скрывая восхищения ее нахальством. Я знала, что она обладает природными задатками лидера, когда она еще в пять лет устроила, чтобы девочки могли играть в песочнице, прежде занятой мальчиками. Теперь она выяснила, как мотивировать окружающих ее взрослых и делать это так, что никто на самом деле ничего не замечал, поскольку помогать Лизе было приятно.

Я осознала, как много времени трачу на ее рисунки, поскольку провела разграничение между ее поразительным восприятием того, что я ей показывала, и тем фактом, что моя маленькая дорогуша просто хочет присвоить себе авторство лучшего рисунка. Все было сделано ради чистого веселья, и вскоре я осознала, что продуктом взаимодействия ее

артистической неловкости и моих навыков становились рисунки, которые были намного интереснее всех, нарисованных поодиночке. Лиза помогла мне освободиться от зацикливания на деталях изображения, а я помогла ей усовершенствовать навыки, отсутствие которых мешало ей создавать искусные работы. Мы прекрасно подходили друг другу!

После работы Стив с Лизой шли к нему домой, готовили ужин, ели, а затем смотрели фильмы на видеокассетах, лежа в его постели. Затем она шла спать в собственную кровать, которая располагалась в комнате по соседству с его комнатой. Мона купила Лизе великолепную постель для дома Стива и сделала прекрасную комнату для девочки. В эти вечера Стив знакомил Лизу со всеми своими любимыми фильмами, в том числе и с «Гарольдом и Мод». Это было нечто замечательное между отцом и дочерью, и меня очаровывало то, что Стив делился своей любовью к кино с ней. Лизе со Стивом нравилось выгонять меня из своего мира, и в конце концов я поняла, что они допускали меня лишь тогда, когда в их отношениях возникала проблема. В те времена я помогала им снова сойтись, и они опять меня прогоняли. Разновидность успеха, я полагаю.

Гормональный баланс оказывает сильное воздействие на женщин, когда мы знаем, что со всеми, кто входит в нашу сферу заботы, все хорошо. Он накрывает нас, словно волна. Я с трудом могу описать то утонченное чувство, которое я испытывала, зная, что все идет как надо, поскольку Стив с Лизой вступали в мир нормальных ежедневных совместных отношений. Я была рада за Лизу, рада за Стива, рада за себя. Однако каждые новые трудности сопровождались новым опустошением, так что мне повезло быть еще молодой и обладать крепким здоровьем.

После того как Стив в течение примерно пары месяцев забирал по средам Лизу к себе, у меня однажды вечером отменили занятия из-за итоговых экзаменов. Я поехала обратно к дому Стива, чтобы выяснить, не будут ли они возражать против того, чтобы я присоединилась к их ужину. Тогда не существовало сотовых телефонов, поэтому я просто проехала сорок пять миль. Был поздний вечер, однако в доме на Вудсайде парадная дверь была всегда открыта. Зайдя внутрь, я услышала отдаленные звуки их голосов из кухни. Постучав и войдя, я громко воскликнула: «Привет! Вы не возражаете, если я к вам присоединюсь?» Оба удивленно посмотрели на меня, после чего Стив с самоуверенной улыбкой на лице показал мне, чтобы я садилась: «Да, конечно, конечно, входи, входи! Присаживайся».

Я устроилась поудобнее, чтобы объяснить, что произошло, и стала наблюдать за их общением и тем, как Стив готовит. Весь

этот эпизод был завораживающе динамичным. Я впервые стала участником подобных вечеров и испытывала нечто близкое к блаженству из-за того, что меня допустили в их избранный круг. Однако в этой плохо освещенной кухне мое сердце сжалось в комок. Стив безостановочно дразнил Лизу по поводу ее сексуальных желаний. Она не понимала, о чем идет речь, и ее лицо бледнело от боли и смятения. Он высмеивал ее с помощью намеков с сексуальным подтекстом, а она была недостаточно взрослой, чтобы их понять. И, конечно же, она не могла взять в толк, почему ее отец общается с ней таким образом. Стив шутил по поводу кувырканий в постели между Лизой и тем или этим парнем. Это не лезло ни в какие рамки. Я видела, что Лиза была в шоке.

Скажу прямо: Стив не был сексуальным маньяком или педофилом. Происходящее относилось к другой категории. Я не изучала психологию, поэтому мне все еще сложно дать случившемуся определение, но полагаю, что часть разрушенного эмоционального развития Стива стала причиной появления у него абсурдно фетишистского восприятия сексуальности и любовных отношений. И это вместе с тем, что он часто одержимо стремился найти способы лишить людей их природной уверенности в себе. А теперь представьте себе эту сцену… Не могу сказать, что Стив вел себя подобным образом везде и всюду, это просто рефлексивно происходило временами. Он балансировал на тонкой грани между человеком и черт-те чем. Он не отдавал себе отчета в своем поведении, ведь как кто-то на самом деле мог быть таким ужасным? Я не говорю это, чтобы оправдать его, это просто факт.

Мою грусть не передать словами, да это и неподходящее слово для описания того, что я испытывала: урон, предательство, оцепенение. Я была шокирована и опустошена, и у меня буквально перехватило дыхание. Не в силах подобрать название этому безобразию. Хотелось встать между ними, прижать Лизу к сердцу и убраться оттуда к чертовой матери. Я тогда не смогла этого сделать, поскольку поведение Стива меня буквально парализовало. Но я знала, что в тот вечер не оставлю Лизу у Стива. Я сменила тему разговора, мы поужинали, и после этого я спокойно предложила забрать Лизу домой, поскольку я уже вернулась. «Таким образом, Стив, тебе не придется завтра мучиться и отвозить ее на автобусную остановку».

Мне было очень стыдно за Стива. Где-то внутри себя он понимал. Весь его вид говорил мне об этом.

Не важно, каким странным Стив был в подобные моменты, впоследствии я всегда об этом забывала. Позднее, когда мой высокоуважаемый психоаналитик, кандидат наук, оказалась

застигнута врасплох еще одной историей о Стиве, я рассердилась на нее, сказав: «Как, черт подери, после всего того, что я тебе рассказала, ты шокирована тем, что он делает!» Ошеломленная, она отозвалась: «Я простой человек, и к такому поведению с его стороны невозможно привыкнуть». Эти ее слова были бальзамом для моего сердца, поскольку помогли мне понять мой опыт и простить себя.

После этого я не препятствовала Стиву проводить время с Лизой. Я не торопясь сделала подсчеты: Стив с Лизой любили друг друга, и в этом мире и в следующем существовали все причины на то, чтобы поддерживать их совместное времяпрепровождение. Я бы разрушила все, если бы попыталась откровенно высказать свое мнение по поводу его поведения, ведь любые мои слова или действия породили бы хаос. Это бы нарушило все то хорошее, что было достигнуто. Поэтому я решила, что мое отношение к их совместному времяпрепровождению будет зависеть от конкретной ситуации. После того вечера я либо присоединялась к ним, либо оставалась дома, когда они были вместе, чтобы я могла забрать Лизу, если она звонила. Она знала, что может попросить меня забрать ее, если Стив заставлял ее чувствовать себя неловко. Стив всегда давал ей возможность выбора здесь. Оба знали, когда у них не получалось установить нормальный контакт. В конце концов, я нашла для нее другое место, где она проводила вечер среды. Там она чувствовала себя уютно и понимала, что о ней заботятся. Я думаю, что он воспринял с облегчением прекращение таких встреч. Он никогда не спрашивал, почему я пересмотрела этот момент. Словно возник негласный договор обходить этот вопрос стороной.

* * *

При регулярных поездках в сорок пять миль по суше и воде, чтобы добраться до колледжа в Окленде, осенью 1989 года я начала беспокоиться, что буду делать, если произойдет землетрясение. И Стив, и мой парень часто уезжали из города в командировки, и нельзя было рассчитывать на их помощь в случае чрезвычайного происшествия. Решения проблемы не нашлось, поэтому осенью 1989-го я перевелась в Арт-институт Сан-Франциско, чтобы меня и дочь не разделяло скопление воды. В октябре того года, сразу после того, как я перевелась, в районе Сан-Франциско произошло землетрясение Лома-Приета, которое повредило мост Бэй-Бридж и надолго вывело его из строя. У меня

наконец-то получилось своевременно предвидеть проблему.

У нового учебного заведения была невероятная история, и из него открывался чудесный вид на залив Сан-Франциско, в том числе на Алькатрас и мост Золотые Ворота. Оно окрыляло меня. Я была старше, чем большинство студентов-бакалавров, на десять лет, и вскоре я обнаружила, что рисовала лучше их. Улыбаясь, ребята подходили ко мне и говорили: «Ух ты! Ты действительно знаешь, как рисовать!» Я была удивлена, даже рассержена таким невежеством. Что это была за художественная школа?! Некоторые студенты даже завидовали мне и вели себя со мной дурно. Я задавалась вопросом, не ошиблась ли, переведясь сюда. С другой стороны, в том, что я опережала остальных, были плюсы: теперь у меня нашлось лишнее время, чтобы научиться писать. Мне требовалось зарабатывать деньги, а умение излагать мысли в письменной форме оставалось моим слабым местом. Мне следовало развивать коммуникативные навыки, чтобы продавать свои работы. Но были и другие причины.

Сперва я хотела расширить свой круг изучаемых предметов, чтобы понять, что картины действительно говорили на протяжении времени, и познать силы, которые стояли за культурой и социальными движениями. Я хотела понять собственную эпоху, я хотела понять, как женщины подходили к решению проблем в сравнении с мужчинами. Я хотела понять инстинкт саморазрушения в себе и в таких художниках, как Гойя, Мане и даже Моне. Проще говоря, я хотела развить внутри себя диалог, чтобы понять свое кредо как художника. Мое стремление к этому нельзя переоценить. Я знакомилась с произведениями таких писателей, как Линда Нохлин, Камилль Паглия, Люси Липпард, Вальтер Беньямин, Фредрик Джеймисон и Фрэнк Стелла. Все эти работы позволили мне лучше понять мир искусства и социального анализа – всего того, что я жаждала знать. Так я начала постепенно развивать левое полушарие мозга Я записалась на занятия по рисованию, живописи и гравировке, но основные усилия были направлены на превращение мыслей, которые имели для меня большое значение, в слова и положение их на бумаге.

В самом начале я приходила в ужас, когда мне нужно было что-то написать. Мысли разбегались, и я чувствовала себя совершенно беззащитной, когда пыталась выудить хоть одно слово из океана чувств. Инстинкт подсказал мне, что в дни без занятий стоит разговаривать дома вслух, чтобы слышать себя и ощущать свою душу, чтобы переводить слова и выражения из устной формы в письменную. Было страшно разговаривать вслух в пустой комнате. Но этот процесс тоже придавал мне силы. Я

слышала, что другие люди, страдающие дислексией, учились писать подобным образом.

Разговаривая вслух сама с собой, я держала в руках ручку и листок бумаги, чтобы записывать фразы. Часто казалось, что сознание становится быстрой рекой, настолько быстрой, что я могла только сидеть на берегу и созерцать. В конце концов я догадалась включить Национальное общественное радио фоном, чтобы привнести приток окружающей речи в мое сознание и так придать импульс изложению мыслей на бумаге, пока я фокусировалась на предмете обсуждения. Фоновая болтовня радио помогала мне подключаться к уверенному параллельному потоку речи, сконцентрироваться на своих словах и подняться до осознанной фиксации их в письменной форме.

Сегодня мне кажется, что настойчивые порывы научиться излагать мысли на бумаге отвечали внутреннему желанию заставить оба полушария моего мозга, одно из которых отвечает за умение рисовать, а второе – излагать мысли, находиться в равновесии, установить друг с другом контакт и работать сообща. Мне одинаково интересно думать о буквах как о предметах изобразительного искусства и сравнивать картины с информационными документами, наподобие письменных отчетов.

Позднее я применила эти навыки на практике для работы в новой отрасли под названием «графическая фиксация». В конце девяностых годов я начала визуализировать информацию для корпораций. Это была новая сфера деятельности. Я следила за ходом бесед во время корпоративных совещаний и с помощью цветных фломастеров записывала на огромных листах бумаги, прикрепленных к стене, слова, а также визуализировала суть происходящего, пока люди на этих встречах обменивались мнениями и идеями. Графическая фиксация была искусством итерации, и, ей-богу, благодаря Стиву и моему стремлению научиться взаимодействовать с ним я что-то знала об искусстве итерации! Так как большое количество компаний у нас были заинтересованы в специалистах подобного рода, я начала получать предложения о трудоустройстве и опыт. Мне фантастически хорошо платили за то, что я про себя называла «корпоративным граффити». Большинство людей, которые занимались этой работой, пришли из сферы организационного развития, а уже только потом обучились техническим приемам для создания зарисовок, однако мое движение было противоположным: я сначала научилась рисовать, а потом изучила основы организации информации. Я была своего рода Джексоном Поллоком графических иллюстраторов, и я не могла поверить, что мне так хорошо платят за то, что было

возмутительно экспериментально и забавно. Определенным группам и компаниям очень нравилось, как я подходила к визуализации информации, и они нанимали меня много раз. Я также делала сводные карты для недельных выездных корпоративных совещаний. Они позволяли мне привносить навыки создания изображений и мифологию, чтобы облечь в форму образы, созданные компанией для себя на ретритах. Много лет спустя группа из Hewlett-Packard, на которую я часто работала, сказала, что я была одним из лучших графических иллюстраторов, сотрудничавших с ними. Я занималась этой деятельностью до волны банкротств интернет-компаний в 2001 году, когда предприниматели из экономии вернулись к более «бюджетным» – и посредственным – методам визуализации.

* * *

Однажды Стив зашел, чтобы взять нас с Лизой на вечеринку в дом его девушки, Тины Редсе. Лиза устроилась у меня на коленях, и Стив повез нас троих на маленьком черном «Порше» в городок Пескадеро, около часа дороги на запад от области залива, через небольшой горный хребет и вниз по побережью. Я получала удовольствие от поездки, когда Стив быстро поворачивал на своей машине с низкой посадкой. На полпути Стив начал говорить, что в Лизе две трети его генов и лишь одна треть моих. Не знаю, повезло ли мне застать его в таком воодушевленном состоянии, или Стив изначально намеревался завести эту замечательную беседу.

Много лет я наблюдала, как люди перестают обращать внимание на Стива, поскольку временами тот вел себя так безобразно, что людям не хватало терпения дождаться, когда это прекратится. Иногда находилась великая душа, которой нравилось дискутировать, и она тратила на него время, чтобы поспорить с ним, посмеяться и задать ему жару за его деньги. Но искусство спорить никогда не было моей сильной стороной, спор надоедал мне, пока я не добиралась до сути того, что он говорил в такие минуты, и тогда я находила его просто возмутительным. Хорошо, сказала я себе тогда, я знаю, что он *действительно* любит Лизу и восхищается ей так, что с трудом может поверить в то, что она – его, и та его фраза была его нелепым выражением восхищения. Я бесцеремонно ответила: «Да ладно тебе, Стив, в ней столько же тебя, сколько и меня». Он был весел и полон энтузиазма, однако не отступал от своей позиции. Я перестала обращать на него внимание, не желая погружаться в его логику

или отступить под давлением его выводов. Если бы я уделила этому внимание, то оскорбилась бы и разозлилась. Он снова делал из меня невидимку с помощью процентов. Бîльшую часть поездки я отмахивалась от его замечаний по поводу генов, как от назойливой мухи, и отвлекалась, массируя ручки Лизы (она обожала массажи) и вдыхая свежий запах калифорнийских мамонтовых деревьев вместе с океанским воздухом, которого становилось все больше. Стоял прекрасный день, мы ехали на вечеринку, и я настраивалась на то, чтобы быть счастливой.

Когда мы приехали, Стив припарковался за триста ярдов от дома, и когда мы вышли из машины, он продолжил развивать свою мысль. До меня дошло, как долго длился этот проклятый разговор. Вполне возможно, что у него было скверно на душе: у меня имелось куда больше влияния в жизни нашего ребенка, учитывая, сколько сил и времени я отдала по сравнению с ним. Поэтому Стив задействовал свой привычный метод, чтобы справляться с чувством неуверенности: перевернул ситуацию с ног на голову с помощью утверждений о своих доминантных генах. Для него было типично выдвинуть идею и рассчитывать, что она приживется в моем горестном осознании бесправия. На деле же Стиву не нужно было волноваться, ведь как только они с Лизой обрели друг друга, она жила в его сознательном и бессознательном в такой же степени, как в моем. Ее можно было сравнить с губкой: она вбирала в себя лучшее от нас двоих, поскольку являлась результатом взаимодействия нас обоих. Он просто не понимал законы функционирования любви и, думаю, мыслил в примитивных категориях типа владения контрольным пакетом акций.

В доме Стив нашел Тину, и я испытала огромное облегчение, что мне больше не придется продолжать эту беседу. С этой встречи началась моя дружба с Тиной, я преклонялась перед этой женщиной, и Лизе она также очень нравилась. Она была ярким, прекрасным человеком, открытым для любви и понимания, и вскоре я обнаружила, что она обладала восхитительным чувством юмора, которое помогало мне справляться со Стивом. Мы с Тиной стали хорошими друзьями на протяжении многих лет.

Группа людей на вечеринке находилась в столовой, когда Стив и Тина прислонились друг к другу, прижались к стойке и начали страстно целоваться. Они часто вели себя так у меня дома, в ресторанах, и я не могла понять, почему они были склонны так публично демонстрировать чувства. Я выпроводила Лизу в гостиную, где она стала играть и разговаривать со всеми. Моя дочь обладает прекрасным врожденным чувством дружелюбия ко всем живым существам: таков ее характер. Пока я

пила пиво и ела чипсы, я наблюдала за ее общением со всеми в тот день и получала от увиденного удовольствие. Тина, ее друзья и ее семья всегда казались родными для моего сердца, они обладали великолепным чувством детства и с удовольствием играли с Лизой. Стив больше никогда не поднимал тему генов.

Глава 23
Путь домашнего очага

Мне кажется, Тина верила, что если она сможет любить Стива достаточно сильно, то он будет в порядке. Я же была слишком измучена, чтобы заботиться о Стиве с таким пылом. Мы действительно нравились друг другу во многих отношениях, однако у меня больше не оставалось иллюзий, что я могу поддержать или спасти его. Между нами слишком много произошло; я пришла в порядок и изолировалась. С меня хватило. Мы отчасти существовали бок о бок друг с другом для благополучия Лизы. Я еще верю, что мы со Стивом прекрасно подходили друг другу, но настоящие отношения могли сложиться лишь в том случае, если бы мы не стеснялись быть честными. В конце концов, я не думаю, что мы знали, как оставаться достаточно честными, чтобы нести ответственность за любовь. Я полагаю, что проблема заключалась именно в этом.

Отец Тины умер, когда та была еще девочкой, но у нее имелась сильная духом мать, которая сбежала из нацистской Германии во время Второй мировой войны. Рут была очень искренней, и однажды она спросила свою дочь: «Тина, почему ты встречаешься со Стивом? Он даже не понимает, кто ты такая!» Рут злилась на свою дочь за то, что та впустую тратит время со Стивом. Но Тина тоже обладала даром понимания происходящего. Она не раз говорила мне, что, понаблюдав, как Стив выполняет свою роль родителя Лизы – и как он относится ко мне, – она поняла, что никогда не выйдет замуж за Стива и не заведет с ним детей. Тем не менее, когда Кобун побудил Стива сделать предложение Тине, это вызвало радостное волнение.

Стив с Тиной расстались, и она начала встречаться с другим мужчиной, однако под влиянием Кобуна Стив вернулся в жизнь Тины и сделал ей предложение. Несмотря на ее осознание и все ее опасения, я видела, что она подумывала о том, чтобы согласиться – лелея надежды и видя яркую возможность. Тина отчасти призналась мне. Она рассказала, как Стив приехал к ней домой в Пескадеро и как неловко чувствовал себя ее новый молодой человек, покидая дом, поскольку Стив неожиданно приехал делать предложение. Тина довольно сдержанно описывала детали произошедшего, однако я уловила картину.

Именно тогда мы с Лизой приехали в NeXT, чтобы встретиться со Стивом. Был субботний день, и на парковке около NeXT почти отсутствовали машины, за исключением «Мерседеса»

Стива. Когда мы приехали, я была удивлена, увидев Тину. Они со Стивом стояли около его машины и разговаривали. Они казались расстроенными. Я припарковалась, нос моей машины смотрел на юг, и вдруг я ахнула: на парковочном месте наверху, смятая и искореженная, лежала новая машина Тины. В тот день мы отменили планы и уехали. Позднее Тина рассказала, что после ожесточенного спора со Стивом она села в машину, случайно включила заднюю передачу и скорость. Через пятьдесят ярдов она врезалась в шестифутовое заграждение и перелетела через него на южную площадку для стоянки автомобилей. Она не пострадала, но сказала, что это происшествие заставило ее понять: она не вынесет жизни со Стивом. Она в итоге убьет себя либо «случайно», непроизвольно съехав с дороги, либо как-нибудь еще хуже. Она отклонила предложение руки и сердца, и они расстались насовсем.

Тина поделилась двумя откровениями, которые еще не дают мне покоя. В конце девяностых она сказала мне, что Стив поведал ей, что я была одним из наиболее креативных людей, которых он когда-либо встречал. Почему, почему же он не говорил *мне* этого? Она также рассказала мне примерно через двадцать лет: общаясь со Стивом, однажды она поняла, что наши с ним встречи создавали внутри Стива самое глубочайшее умиротворение. Это было то, чего она хотела для него. Я считаю, что это действительно так. Я воспринимала это по-своему, и теперь я считаю, что главное озарение в отношении Стива и меня состоит в том, что наши души подходили друг другу, а наши психоэмоциональные системы восприятия – нет. Более того, наши совместные встречи должны были создавать глубочайшее умиротворение не только в Стиве, но также и во мне с Лизой. Но этого не происходило. Наибольшей близости мы достигли тогда, когда Стив несколько раз заходил к нам домой и радостно говорил: «Ты знаешь, мы словно женаты!»

Действительно.

Тина способствовала моему пониманию себя во многих отношениях. Она много раз говорила мне, что на моем примере познала ценность женского пути решения тех или иных задач, о котором до этого была не слишком высокого мнения. Годами я задавалась вопросом, что она могла иметь в виду, однако затем еще одна женщина сказала мне то же самое. В конечном итоге я поняла. Они говорили о *пути домашнего очага*. Когда-то существовали религии, которые связывали обязанности женщины по ведению домашнего хозяйства со священным измерением – от готовки, уборки, создания уюта до выращивания детей и любви к мужчинам.

Что может быть священнее, чем домашний очаг?

Через два года после переезда в дом на Ринконаде я открыла новое дело. На этот шаг меня вдохновил сон, в котором я, находясь в особняке Стива в Вудсайде, увидела серию резных орнаментов на тему «Красавицы и чудовища». Этот сон заставил меня задуматься о том, что можно создавать обстановку из сказок в формате большой стенной живописи и зарабатывать на этом деньги, организуя экспозиции для детей. Я не могла избавиться от этой идеи и начала думать, как претворить ее в жизнь. В конце концов работа закипела. Я начала создавать огромные трафаретные стенные фрески по мотивам сказок, которые превращали целые комнаты в волшебные миры, куда могли попасть дети. Я придумывала собственные орнаменты, нанимая художников, когда мне нужна была дополнительная помощь. Моей рабочей площадкой выступали отдельные дома, однако по большей части я творила в педиатрических заведениях, таких как больницы, врачебные кабинеты и Дом Рональда Макдональда. Я работала на местном уровне, а также устраивала большие экспозиции в Лос-Анджелесе и Бостоне. Этот бизнес позволял мне зарабатывать деньги, сохранять прекрасную способность к чувственному восприятию искусства и дарить ощущение волшебства детям из семей, находящихся в кризисной ситуации. В конечном итоге я дошла до того, что делала все свои стенописи в моей студии на огромных полотнах, которые сворачивала и отправляла своим клиентам по почте с Federal Express, чтобы они могли использовать их в качестве чрезвычайно дорогих обоев. Все было сделано с любовью к многослойной краске и цветным узорам, с текстурами, которые можно почувствовать руками. Мои работы резко отличались от тех, что создаются с помощью компьютера и бесконечно дублируются, я хотела, чтобы дети чувствовали атмосферу и ауру первоисточника. Я старалась сделать свои стенные фрески веселыми, нестандартными и нежными, словно детство. В то же время я понимала, что это не моя настоящая работа, скорее средство для заполнения свободного времени. Но такая деятельность позволяла мне трудиться дома допоздна и при этом находиться рядом с Лизой. Она давала мне возможность работать, когда мне удобно, и была чрезвычайно важной, так как обеспечила меня годами занятости, во время которых я развивала понимание цвета и формы, зарабатывая при этом деньги. Поле деятельности было очень большим, а труд – приятным и приносившим только позитивные эмоции, особенно в те моменты, когда количество заказов позволяло нанять других художников для помощи.

После того как Стив расстался с Тиной, он некоторое время

ни с кем не встречался. Именно тогда он стал приходить в середине дня ко мне домой и спать на моем диване, даже когда Лизы не было дома. Я считала это странным, но мирилась с этим, пока не осознала, что он даже не разговаривал со мной во время этих визитов, просто ложился спать, а затем уходил. Мне это не нравилось. Я сказала: «Знаешь, если ты не собираешься разговаривать со мной, когда находишься здесь, то, пожалуйста, не приходи». Возникало ощущение, что он хочет поглотить мою креативность и тепло моего дома, однако недостаточно ценит меня, чтобы разговаривать. Я не понимала, что это означает. Я испытала бурю эмоций, глядя, как Стив выходит из двери и спускается по тротуару к машине. Наблюдая через дверь с проволочной сеткой, я пыталась понять свои чувства по поводу того, что фактически выгнала его. Он оглянулся, и в его взгляде читалось не только оскорбленное самолюбие, но и отношение ко мне как к неудачнице. Я не чувствовала себя неудачницей. Мне также было не по душе прогонять его, однако я ощущала, что он использует меня, не желая признавать мои заслуги. Если бы у него хватило воспитанности, чтобы поприветствовать меня, немного поговорить и попрощаться, я бы отвела для него пространство, однако он приходил и уходил, словно вор, и это причиняло боль. Если мои действия в те времена были направлены на общее благо, то Стив стремился к накоплению собственного богатства. Помимо этого, если оценивать произошедшее, исходя из логики сказок, то это было сравнимо со срыванием аленького цветочка из сада в «Красавице и чудовище» – вроде пустяк, а на самом деле нет.

* * *

А затем Стив повстречал Лорен Пауэлл. В течение недели с момента их знакомства Стив пригласил нас с Лизой на ужин и сказал нам, что встретил «кого-то особенного». Он познакомился с ней во время лекции, которую читал в Стэнфордской школе бизнеса и которую он намеревался отменить из-за усталости. Однако он был крайне рад, что решил пойти, поскольку встретил эту женщину, и это казалось очень важным событием. Стив рассказал, как она сидела в первом ряду, а затем дожидалась в задней части комнаты, пока все уйдут, откинувшись назад на стуле и пристально смотря на него.

– Она симпатичная? – спросила Лиза.

Стив рассмеялся и развел руками.

– Я действительно не имею понятия, – ответил он. – Не могу

описать.

Мы продемонстрировали нашу радость за него, поскольку он был счастлив, однако я думаю, что нам обеим, мне и Лизе, стало немного не по себе.

Что это значило?

Мы выяснили это через пару месяцев.

Мы с Лизой сидели на полу в столовой – я помогала ей с художественным проектом. Мне нравилось, когда в комнате мало мебели, и у нас никогда не было столов, размеры которых позволяли бы развернуть на них некоторые из наших размашистых проектов, мы просто располагались на полу. Мне нравились полы в доме на Ринконаде – когда их переделали и выкрасили в белый цвет, они стали чистыми, лишились потертостей и царапин. Их надо было немного протереть, и они делались лучше всякого стола. Кажется, Лиза тогда рисовала карты на ватмане, чтобы выучить все страны мира. Это была часть учебной программы в Нуэва – выучить страны и их столицы. Я всегда помогала ей, когда дело доходило до создания вещей: мне нравилось показывать ей, как использовать правильные материалы для изобразительного искусства, и я любила думать о содержании и эстетике вместе с ней. В тот день в нашем распоряжении были цветные ручки и карандаши, ножи X-Acto и разделочная доска, рулетка и клей, разбросанные по всему полу, пока мы сидели там, раскинув ноги, и корпели над работой. Лиза всегда была очень красивой, когда концентрировалась и трудилась подобным образом.

В дверь постучали, я крикнула «Входите», и Стив ввел Лорен в мой дом. Она пошла по направлению ко мне уверенным шагом, словно была моделью на показе. На расстоянии четырех шагов от меня она приняла позу: поставила одну ногу впереди другой, грациозно вывернув. Она вытянула руки и раскрыла ладони, склонила голову набок, а затем посмотрела вниз на меня (я сидела на полу) с небольшой улыбкой на лице.

Я была в недоумении.

Почему она позировала для меня? Девушки из Стэнфорда теперь занимались именно этим? Не помню подробностей нашей беседы, лишь ее позу и мое осознание того, что мир изменился. «Может быть, даже в худшую сторону», – подумала я. Такая презентация в духе пансиона благородных девиц была именно тем, что мое поколение отвергало. Передо мной был иной тип женщины, и в этой суете, когда все пытаются быть вежливыми при первой встрече, я пыталась понять ее поведение. Думаю, я выглядела изумленной. Независимо от ее мотивации я решила, что она была очень милой и мужественной, чтобы представиться

таким образом, как она это сделала.

Дальше их отношения становились все крепче, и я начала думать, что Стив встретил ровню себе. Она была амбициозной и достаточно жесткой для него. Я помню, как они остановились у меня сразу после гонки на своих двух машинах вниз по скоростной автостраде. Они смеялись, их переполняла энергия. Она выиграла этот заезд. Боже, как же приятно мне было это слышать! Позднее умение Лорен трезво мыслить и ее навыки ведения переговоров произвели на меня большое впечатление, когда у Стива случилась перебранка с грубой официанткой. Это произошло сразу после того, как у них родился сын, Рид, и мы все впятером – Лиза, Рид, Лорен, Стив и я – пошли в «Иль Форнайо» в Пало-Альто позавтракать. Все с самого начала пошло наперекосяк, и Стив схлестнулся с немолодой крупной официанткой, которая не собиралась терпеть его нравоучений. Все происходящее было нелепо. Лорен повела себя хладнокровно и объяснила, в чем заключается непонимание, чем разрядила обстановку. Прямо накануне их помолвки кто-то из нашей компании – Мона или двоюродный брат Тины Фин Тэйлор – наконец дал объяснение всему происходящему. В отличие от всех нас, и в особенности от Стива, в поведении Лорен никогда не было никаких выкрутасов.

* * *

Ходят слухи, что Лорен организовала или ускорила (я не знаю, каким именно образом) проведение лекции Стива в Стэнфордской школе бизнеса, чтобы подстроить ту на вид судьбоносную встречу. Я узнала об этом много лет спустя, и Лорен утверждает, что это неправда. Но я впервые услышала о такой вероятности от двух разных людей – двух женщин, которые разыскали меня, чтобы рассказать, что встреча Лорен и Стива была не очень-то случайной. Одна из них присутствовала на лекции, а у второй на лекции находился близкий друг.

Когда мне это рассказали, пару лет мне не давали покоя некоторые мысли. Я не могла понять, почему этой женщине, желавшей выйти замуж за Стива, не следует выходить за него – тем более что он сам пришел к осознанию того, что хочет на ней жениться. И почему все мои друзья, присутствовавшие на той лекции, были в ярости? В 2005 году я решила позвонить своему другу Майклу, чтобы спросить его, в чем суть проблемы.

Годами я звонила Майклу, чтобы узнать его точку зрения по большому количеству вещей. Обычно то, что он говорит, его

мудрость и огромный жизненный опыт успокаивают меня и придают мне сил. Когда рассказала о том, что якобы сделала Лорен, чтобы встретиться со Стивом и выйти за него замуж, он рассмеялся. И медленно сказал: «Знаешь, любовь, как мы склонны верить, дается нам в подарок от чего-то большего, чем мы сами, провидения или от Бога, если угодно. Но если такая вещь подвергается манипуляциям ради мирских амбиций, то речь идет уже о совершенно другом явлении». Я долгое время думала об этих словах. Мне понравилось, что он описал любовь как явление, находящееся вне сферы мирских амбиций.

Безусловно, на протяжении всей истории человечества заключались браки различного типа. Можно утверждать, что если Стив не собирался быть более чутким в своем отношении к людям (и если он хотел жениться), то ему очень повезло, что в его жизни появилась Лорен. Более того, если она выбрала себя для него таким образом, как говорили некоторые люди, то все это указывает, что она подходила для Стива. Я предполагаю, в итоге он все узнал, и мне всегда было интересно, что он об этом думал.

Лорен знала, как позаботиться о себе. Хотя, по ее признанию, она не была добрейшей души человеком, я видела в ней способность к извлечению личной выгоды, в которой, как я считаю, есть то, что заслуживает восхищения и опережает свое время в контексте появления у женщин новых прав. Мне начало казаться, что она идеально подходит для Стива. Ее «толстокожесть», стремление достичь своей цели и уравновешенность – всё говорило, что она может справиться с тем, что он мог выкинуть. Я не *не* любила ее. На самом деле мне было легко с ней общаться. Вскоре после их женитьбы она неожиданно пришла в мой дом, села со мной на крыльцо и рассказала мне, почему любит его. Я верила ей, однако мне было интересно, почему она мне это говорила.

Теперь я понимаю, что ее приход мог преследовать цели стратегического характера. В другой день она шла за Стивом по пятам через мою гостиную, с энтузиазмом говоря: «Какой же ты хороший отец!» Стив был довольно скверным отцом, любой мог это понять. Все также понимали, что он хотел слышать о себе хорошее, даже выдуманное. Лорен была готова делать это для него.

С момента начала отношений между Стивом и Лорен прошло около пяти месяцев, когда он попросил меня пригласить их на ужин, чтобы познакомиться с ними как с парой. Но эта просьба напрягла меня, и я не решилась ее исполнить. Забота о ребенке, особенно когда ты мать-одиночка, – довольно изматывающее занятие. У меня не было лишних денег, и к вечеру я уставала

после целого дня, пока работала, проезжала сорок миль, чтобы отвезти Лизу в школу, готовила ужин, укладывала дочку, беседуя с ней и рассказывая ей историю. К 20.30 я уже обычно лежала без сил. Почему он просто не мог отвести нас троих в какое-нибудь место, чтобы мы могли поговорить, и не заставлять меня проделывать много лишней работы? Вскоре я всё поняла. Стив пытался перераспределить роли, чтобы они укладывались в его новый сценарий. В этот раз мне отводилась роль его матери, что превращало Лорен в мою сноху. Тогда становилось логичным, что я должна была организовать для них ужин.

Я чувствовала себя оскорбленной. Внутри меня все бушевало.

Неужели все снова возвращалось к одной сплошной лжи?

Я не пригласила их на обед. И не обсуждала со Стивом этот вопрос, даже не поднимала. Это привело бы лишь к кошмарному спору, поэтому я просто спустила все на тормозах, оставив дело незавершенным, как это обычно между нами случалось.

На протяжении многих лет Стив и большинство людей, занимающихся продвижением его образа, включая маркетологов, адвокатов, биографов и людей из его окружения, в разное время и разными способами пытались публично выставить меня в образе незначительной персоны, чокнутой любительницы поживиться за чужой счет и утверждали, что я забеременела, чтобы получить доступ к богатству Стива. У меня нет стремления лгать. Меня ужасает умышленная ложь. У меня крайне плохо получается врать, мое лицо меня всегда выдает. Лишь проливая свет на правду, я становлюсь сильнее. Таков закон моего бытия. И тогда насколько же странно, что меня публично облили грязью за то, чего я не делала и что Лорен успешно провернула, чтобы стать его женой? Стив уважал власть, и Лорен заработала свое место рядом с ним, поступив так, как поступила.

Глава 24
Сторожевая башня

В 1998 году Энди Херцфелд, один из первоначальных членов команды по разработке «Мака», вместе со своей женой, Джойс Макклюр, пригласили меня сходить с ними на концерт Боба Дилана в Шорлайне. Я решила не упускать возможность посмотреть на «дедулю Дилана» – так Джойс ласково называла его. Это было одно из наиболее мощных выступлений, которое я когда-либо видела. Группа музыкантов Дилана в составе четырех человек выдавала невероятно мощный звук. Мне просто снесло крышу. Когда они заиграли «All Along the Watchtower», создалось впечатление, что эта песня поднимает ветра, чтобы сотворить из пустоты шторм. Весь концерт был похож на обряд с Диланом в роли шамана. Воспоминания о том вечере и об этой песне оставались со мной все эти долгие годы по одной простой причине: частичка Стива чувствовалась внутри всех без исключения песен-святилищ, которые Дилан когда-либо написал, – возможно, что в этой сильнее всего.

В тот вечер мы сидели в ложе Воза еще с примерно двадцатью людьми. Воз! Наши встречи с ним прекратились еще до того, как Лиза появилась на свет. В антракте, когда он узнал, что я присутствую на концерте, он обернулся и взглянул на меня с переднего ряда с изумлением. Мы смотрели друг на друга очень, очень долго. Я помню, что все эти счастливые люди пытались заставить меня встать и поговорить с ним. «Поднимайся. Сядь рядом с Возом и пообщайся с ним». Однако я вжалась в свое кресло в дальнем углу ложи. Это была очень странная сцена: Воз смотрел на меня так пристально, что я просто не могла пошевелиться и говорить. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как мы общались друг с другом, но, судя по тому, как он смотрел на меня, он имел некое представление о том, через что я прошла.

Намного позже, в 2006 году, я услышала интервью Воза на Норзвест паблик радио в программе City Arts and Lectures. Помимо прочего он рассказал свою личную историю, приведшую к появлению Apple. Мне она показалась трогательной. Также было крайне интересно услышать о том, как его личность и творческая изобретательность проходили красной линией сквозь историю Apple. Я всегда знала, что Стив ожидал, что будет знаменитым, однако я никогда не думала о том, что все это значит для Воза. Не имея реального представления, я допускала различные варианты, однако, когда я слушала в тот день его интервью,

передо мной предстала удивительная история, и я почувствовала, как все кусочки пазла собираются воедино. Воз рассказал, что, когда он был ребенком, он хотел стать инженером, как его отец. Не испытывая стремления к богатству и славе, он просто любил своего отца и хотел быть похожим на него.

Когда Воз разработал прототип первого персонального компьютера, Стив сказал что-то наподобие: «Хей! Мы можем это продавать». Но из этого интервью я поняла, что Воз не очень позитивно относился к идее стать сооснователем Apple и что Стиву пришлось уговаривать его на совместный бизнес. Стиву нужен был Воз, поскольку, хотя Стив хорошо разбирался в вопросах технологии, Воз был технологическим гением. Если бы Воз сделал иной выбор – как он по сути и поступил, – тогда Стиву пришлось бы найти другого Воза. Я так себе это представляю, поскольку Стив стремился двигаться вперед, стать знаменитым и создать свою марку. (Что касается другого творческого гения, я считаю, что Стив был каким-то образом воодушевлен любовью Дилана играть с амплификациями. Стив, вне всякого сомнения, был гением амплификаций.)

Вернемся к тому интервью 2006 года. Именно благодаря рассудительности Воза я узнала даже больше о том, что происходило, когда проводящий интервью упомянул одну фразу из книги Воза. Что-то о том, что он (Воз) скорее предпочтет быть парнем, который смеется, нежели парнем, который контролирует ход вещей. Интервьюер спросил, имеет ли он в виду Стива. «Нет», – сказал Воз. Это просто его «общий подход к жизни».

* * *

Иногда люди не озвучивают какие-то вещи, поскольку слишком многое понимают. Иногда они молчат, поскольку понимают недостаточно. Иногда люди говорят, не успев действительно понять. А иногда они предпочитают молчать, поскольку знают, что никто не слушает. Однако все это часть истории, эти разговоры и молчание.

Мою историю со Стивом настолько легко можно неверно истолковать, что я предпочитаю не общаться с представителями прессы слишком часто. У общества есть свои представления о типе женщины, которая утверждает, что могущественный человек вроде Стива является отцом ее ребенка, – не важно, что он и в самом деле отец нашего ребенка. Я не стремилась опровергнуть этот сложившийся стереотип.

Судьбы женщин, связанных с так называемыми великими

мужчинами, мало волнуют общество. Когда мое мнение утратило значение и мне было практически не за что постоять, Стив использовал эту человеконенавистническую неразбериху, чтобы избежать ответственности (словно ответственность являлась чем-то плохим). Все просто и очевидно. Никому не было дела, поэтому я безмолвствовала и трудилась, чтобы защитить своего ребенка и позднее чтобы свести его с его отцом. Я руководствовалась материнским инстинктом, ведь у меня не было возможности бороться со Стивом и его финансовыми кругами. Мы с Лизой действительно страдали и должны были быть защищены законом и обществом. Однако так не случилось. Вместо этого я более тридцати лет училась не высовываться, наблюдая за положительными и отрицательными качествами характера Стива.

* * *

Секрет сложившегося вокруг Apple культа целиком заключался в таинственности, однако Дэниэл Коттке стал добровольным источником информации о Стиве и об Apple (а также обо мне). Я думаю, что Дэниэл начинал общаться с репортерами, не успевая понять свою связь с истиной. Но он говорил так хорошо и был настолько доступен, что многие обращались к нему. Какая находка для журналистов! Стив ужасающе ненавидел его за это. Я уверена, что на большинстве работ, посвященных истории Apple, лежит отпечаток суждений Дэниэла. Мы живем во времена получения информации сразу из большого числа источников. Это хорошая вещь, ведь истина достигается путем выслушивания различных толкований одной и той же истории. Полностью поддерживаю это.

Дэниэл был одним из первых тринадцати постоянных штатных сотрудников Apple, но единственным из первой сотни, кто не превратился в мультимиллионера. Когда стало понятно, что Коттке не получит сопоставимый с другими сооснователями «кусок пирога», именно Воз обеспечил получение Дэниэлом пакета акций в Apple. И я слышала, что Стив поднял Воза за это на смех.

Дэниэл воспользовался частью своего пакета акций для того, чтобы приобрести дом в викторианском стиле в Пало-Альто. Сейчас его дом переполнен всяческой утварью. Он коллекционирует все, что находит интересным. В результате его хлам лежит повсюду: от крыльца на входе и коридора в дом вплоть до каждой ступеньки ведущей наверх лестницы, а также

находящегося на первом этаже зала, комнат и заднего двора. Расположенные в линию высокие стеллажи забиты до отказа во всех комнатах и блокируют идущий от окон свет. По территории его дома придется пробираться по тропинкам, сквозь пространство с негативной энергией, которая накопилась между ценными предметами.

Дом Дэниэла напоминает мне хранилище, этаж старого музея или библиотеки. Вряд ли он считает себя барахольщиком, поскольку думает, что все его вещи исключительно ценны. Со временем, когда его коллекция разрослась и на ней скопилось огромное количество пыли, я начала понимать, что что-то было не так. Казалось, дом Дэниэла превратился в огороженное место для утерянного идеализма шестидесятых и семидесятых годов. Я думаю, что Коттке гнался за этим идеализмом на протяжении многих лет, но ему не удавалось сводить вещи воедино и систематизировать. Словно он был хранителем капсулы утерянного времени, берегущим свою коллекцию и верность чему-то, природу чего не понимает.

Когда разговариваешь с Дэниэлом, его речь крайне выверена, его слова несут глубокий смысл и заслуживают доверия. Он проецирует большие, яркие конструкции с четким внутренним строением. Но когда видишь его дом, замечаешь, что вещи кажутся тем, чем не являются. Я полагаю, между тем, что Дэниэл проецирует и как он действительно живет, существует такая же огромная разница, как между дальновидностью Стива и его бесчеловечностью.

Люди любят Дэниэла, и я вспомнила почему, когда в августе 2010 года снова встретилась с ним. Наш совместный обед и общение привели к тому, что он захотел поделиться со мной некой информацией из имевшейся у него книжки. После обеда мы пошли к нему домой, чтобы ее найти. По сравнению с моим последним визитом семилетней давности в его доме появилось еще больше вещей. У меня внутри все перевернулось. Я села на диван, и просто под давлением моего веса на диванные подушки на меня стали падать предметы. Я втиснула ноги между сиденьем и кофейным столиком, который был полностью заставлен книгами и научной утварью. Я сидела очень осторожно, боясь задеть что-либо, поскольку казалось, все это нагромождение может ожить.

В полном трансе я смотрела, как Дэниэл невозмутимо ищет свою книгу. Его глаза искрились, а его худое тело излучало мощное тепло. Я наблюдала за его руками – изысканными и аккуратными, у него были эти самые «паучьи» пальцы, которые говорили о том, что человек увлекается компьютерами. Он

держит вещи на расстоянии кончиками пальцев. Он абсолютно уверен, что знает, где все находится, и он также гордится своей системой упорядочения. Тем не менее в тот день он был раздражен, поскольку ему не удавалось найти книгу, которую он хотел одолжить мне. Он злился на себя и испытал потрясение из-за того факта, что дает попользоваться вещами на некоторое время и никогда не получает их назад. Внешне спокойно он произнес: «Мне необходимо разработать более совершенную систему контроля за вещами, которые я одалживаю. Кто-то, должно быть, позаимствовал книгу и не вернул ее». Затем он закричал: «Люди не возвращают мои вещи!»

К концу пятого десятка лет Дэниэл утратил привлекательную внешность золотого мальчика. Теперь у него измученное заботами лицо, как у старой женщины. Внезапно я решила спросить его, почему он не получил долю акций в Apple. Я сама себе удивлялась: почему я не задалась этим вопросом раньше? В свое время я автоматически встала на сторону Стива, который сказал мне, что «лишь потому, что Дэниэл размахивает метлой, когда нужно подмести пол, не означает, что он заслуживает долю пакета акций». Тогда я удовлетворилась этим заявлением, но к 2010 году я накопила достаточно жизненного опыта, чтобы поставить под сомнение абсолютно все, что Стив когда-либо говорил.

«Ах, это, – сказал Дэниэл. – Стив предлагал мне работу в отделе маркетинга». Его слова прозвучали мягко. Я с приятным чувством представила себе Дэниэла, работающего на направлении маркетинга. Казалось, это был бы отличный поворот событий, ведь он является радостным и очень ориентированным на людей человеком. Я отреагировала на эту идею с энтузиазмом: «О мой бог! Он предложил? Это ли не самый подходящий вариант!» Я никогда о нем не думала. «Стив – гений», – сказала я. Затем Дэниэл продолжил: «Но мне было неинтересно работать в сфере маркетинга, поскольку я ощущал что-то наподобие лихорадки, которая усиливала мое стремление понять технологии. Я не хотел прерывать процесс познания секретов работы компьютера. Я не мог остановиться!» Это было для меня большим откровением. Я никогда не думала о Дэниэле как о человеке с бескомпромиссным, страстным увлечением чем-либо. Он ходит неторопливо и, казалось, развил собственный бренд невозмутимости, того типа, который является результатом осведомленности о существовании буддистской философии, однако ему недостает понимания, насколько сильно он рискует в этой игре. Многие из моего поколения хотели жить по заветам духовных учений, однако мы не всегда проделывали

необходимую для этого работу. Но дело в том, что Дэниэлу действительно нужно было разобраться в технологиях, и его стремление добиться этого как можно скорее означало, что он, вероятно, ломал голову над более серьезными загадками и нестыковками в самой технологии.

«Поэтому меня никогда не интересовала возможность работы в сфере маркетинга, – продолжал Дэниэл. – Я просто никак не мог преодолеть свою зависимость от технологий». Затем он сказал: «Ну, по крайней мере, у меня есть дом». Он знал, что я была больна (некая недиагностируемая врачами инфекция, преследующая меня на протяжении многих лет), практически без гроша в кармане и живу пристойно лишь благодаря доброте незнакомцев. В ответ на это я рассмеялась, находясь в шоке из-за того, что он сказал мне такую вещь. Затем он вздохнул, прекратил свои поиски книги и сделал пометку о необходимости «улучшить свою систему поиска одолженных вещей».

После того как Дэниэл потерпел неудачу с получением доли акций Apple, поскольку Стив считал, что он ее не заслуживает, Дэниэл начал мстить путем общения с каждым журналистом, который приезжал в город. Я использую глагол «мстить» – именно так это и выглядело, особенно на начальном этапе, когда его боль от нанесенной обиды была еще так свежа. Однако затем Дэниэл, казалось, взял на себя роль неофициального представителя, общающегося со всеми по поводу Apple. Он рассказывал историю со своей точки зрения, а затем, не стесняясь, направлял журналистов к другим людям. То есть вел себя как *маркетолог*! Мне иногда казалось, Дэниэл считал, что досконально знает историю жизни Стива, а если я рассказывала ему что-то, чего он не знал, он даже обижался и вел себя собственнически. Однако даже это поведение изменилось. Он всегда казался человеком, который стремится двигаться вперед, вживаясь в определенную роль и стараясь быть персоной, заслуживающей уважения.

Однажды, примерно в 2006 году, я стала свидетелем того, как Дэниэл стоял с небольшой группой мужчин снаружи Peet's Coffee в Пало-Альто и хвастался тем, что он связан со Стивом и с Apple. Он не знал, что я неподалеку и прекрасно слышу все то, что он говорит. В тот день при ярком свете солнца я разобралась, что накопительство Дэниэла обозначало для меня – накопительство является физическим выражением того, что мы не можем позволить себе забыть… или вспомнить. У меня отвисла челюсть, и я скорчилась, услышав его злорадство, поскольку знала, что он был неосознанной жертвой всего этого. Когда Дэниэл меня заметил, он развернулся и поприветствовал меня широкой, апатичной улыбкой, но с радостным протяжным криком: «Даю

руку на отсечение, что это Крисанн!»

* * *

Временами я ненавидела Стива, однако я всегда его прощала. То, что мне приходилось делить с ним дочь, заставило меня более досконально подходить к анализу ситуации. Стив – святоша, пришелец, деспот, первобытный, карающий, мужеподобный бог, марионетка, лжец, шаман, сверхвыдающийся, суперстремительный, суперчувствительный, одержимый «нарцисс», волшебник-амплификатор, выдающийся ум, объект поклонения, «ид» всей продукции Apple, удивительно красивый и честный гений, сломанная игрушка под кроватью, лишенный матери мальчик. Именно благодаря Лизе я чувствовала себя обязанной проявить понимание в отношении всех осколков сверкающего великолепия Стива. Если бы не она, я никогда бы этого не сделала.

Несмотря на всю сверкающую красоту магазинов Apple, для описания одного из их основателей уместны противоположные эпитеты. У Стива было множество «тараканов». Между нами существовал очевидный дисбаланс – наше материальное положение, наши жизненные взгляды, вещи, о которых мы заботились и которые ценили. Помочь добиться баланса между нами в то время не могли ни психологи, ни юристы, поскольку он так искусно управлялся со своим неадекватным состоянием. Не многие могли хотя бы приблизиться к пониманию происходящего, не говоря уже о том, чтобы принять меры юридического характера.

Думая о том, как могла произойти эта поляризация, я постоянно возвращаюсь к идее «поля искаженной реальности», поскольку лишь основательное искажение реальности могло оправдать отсутствие морально-этических принципов, что было характерно для Стива и для людей, живущих по принципу «как ни в чем не бывало».

В современном мире слишком много проявлений разбалансированности. И я бы включила в этот список и компьютер, поскольку я считаю, что он плохо сочетается с величайшими человеческими ценностями. Задумайтесь об этом. Стив и ИТ-индустрия превратили компьютер в одно из самых соблазнительных и доступных средств для массового использования, которое популярно всегда, – возможно, в золотого тельца наших дней. Нет сомнения, что компьютеры невероятно полезны и элегантны. Они повышают организованность, скорость

и эффективность, а также помогают нам установить виртуальный контакт с людьми и идеями по всему миру. Компьютеры помогли нам увеличить нашу продуктивность и креативность. Тем не менее, рискуя показаться наивной, скажу: лишь благодаря тому, что находится внутри нас, они приносят пользу – *если* и когда им это вообще удается. Я думаю, важно смотреть не только на то, как они нам помогают, но и на то, как они нас ограничивают. Компьютер наносит удар по эмоциональному и духовному измерению наших жизней, он отрывает нас от реального времени, непосредственного общения с людьми и естественным миром. Я опасаюсь, что в один прекрасный день наука продемонстрирует, какой урон был нанесен поколениям детей, оттого что они слишком рано начали использовать компьютер и прибегали к его услугам чересчур часто.

* * *

Отрезвляющая реальность состоит в том, что, когда Apple разрослась до огромных размеров, у Стива появился шанс изменить практику деловых отношений в мире, чтобы создать более устойчивые экологические и гуманистические стандарты для коммерческих предприятий по всему земному шару. Но он этого не сделал.

Как, впрочем, и все мы.

В помещениях для проведения заседаний совета директоров, кафе, правительствах по всему миру, за обеденным столом в беседе с друзьями и особенно с нашими детьми нам самим приходится заводить разговоры на новые темы, чтобы расширять наши этические представления. Позитивное этическое взаимодействие обладает особенной жизненной силой. Я думаю, что богатство в большой степени следует измерять в категориях энергичного взаимодействия между всеми людьми и всеми живыми системами на земле, а не только через призму рыночной капитализации коммерческого предприятия.

* * *

Я очень счастлива быть матерью Лизы. Она – единственная, кто заставляет мое сердце сиять. Я также чувствую себя счастливым человеком, зная, в чем заключается мое истинное призвание как художника и матери одновременно. К моему материнскому труду было проявлено такое неуважение, что мне

пришлось уйти в себя, туда, где в конечном счете находятся все ответы, чтобы понять свою значимость. Судя по тому, что я вижу, миру необходимо определение связи между любовью и властью. Любовью, которая недостаточно могущественна, и властью, где для любви слишком мало места. Нахождение в тени Стива послужило для меня призывом к необходимости понять, в чем заключается истинное знание. Все те суммы, которые Стив мне когда-либо выделял, никогда не соответствовали тому, что я делала для нашей дочери и для него, так как у него никогда не получалось полностью понять, сколько всего я сделала. В итоге у меня есть то, что действительно бесценно.

Новые вызовы не заставляют себя ждать. Теперь передо мной стоит задача представить себя миру и столкнуться с последствиями рассказа своей истории. Однако это еще не все: я планирую найти свою дорогу к тому, чтобы быть счастливой – возможно, даже более, чем когда-либо. А Лиза, как и все дети, сталкивается с необходимостью понять и уравновесить правду своих двоих родителей и лучшее в них привнести в свою собственную жизнь. Так как нам со Стивом не удалось решить эту задачу между собой, для нее это будет непросто. Однако мы оба дали ей множество талантов, и теперь у нее есть возможность найти путь к собственному призванию и величию.

Лиза – человек, который планирует все наперед. Она обладает прекрасным чувством, подсказывающим ей, что все необходимо делать хорошо и в срок. Лиза может справиться со всем, что ей дают. Одно из величайших удовольствий моей жизни – наблюдать за дочерью, когда та занята, поскольку она подходит к анализу вещей в спокойной и тщательной манере. Она словно парит между небом и землей, взлетая и приземляясь, счастливая и невредимая в своем идеальном внутреннем мире. Являясь, как и все дети, амальгамой двух своих родителей, она превосходит сумму изначальных слагаемых. Я не думаю, что она знает, насколько совершенна и как огромны ее способности и возможности. Однако она демонстрирует огромный потенциал, когда говорит и пишет. Ее идеи и предложения звучат цельно и кажутся такими же изумительными, как драгоценные камни идеальной формы.

Возможность стать свидетелем того, что она и люди ее поколения сотворят в течение последующих 30–40 лет, не сравнится ни с чем в мире.

Постскриптум

5 октября 2011 года, когда я ехала вниз по 280-й автостраде на север к Пало-Альто, Лиза позвонила мне, чтобы сказать, что ее отец только что скончался. Мы обменялись несколькими фразами, прерываясь, чтобы помолчать. Я порадовалась, что она находится с молодым человеком, ведь я не могла быть рядом. Я заехала в город, чтобы встретиться с другом в Менло-Парке. Небо над головой затянули мрачнейшие темно-серые тучи, но высоко над Пало-Альто и Менло-Парком растянулась поражающая воображение сияющая двойная радуга. Она плыла в воздухе, словно молитвенный флажок, как бы отдавая почести ушедшему из жизни Стиву.

В своей книге «Где угодно, только не здесь» Мона пишет: «Всех тех, с кем мы познакомились до 25 лет, мы запоминаем на всю жизнь». Стив был первым из моих ровесников, кто умер. Он был отцом моего единственного ребенка и тем, кого я, несмотря ни на что, по-настоящему любила. Я чувствовала очень сильный шок.

Лиза находилась со Стивом в тот момент, когда он скончался, и позднее рассказала мне о его последних минутах. Я неоднократно вспоминала это на протяжении следующих месяцев, стараясь сохранить в сердце малейшие детали последних моментов жизни Стива и в полной мере осознать, что его больше нет. Однако, как в юности, когда мой отец объяснял мне идею бесконечности, каждая попытка осмыслить смерть Стива оставляла меня лишь на полпути к пониманию ее значения для меня.

Я была приглашена на поминальную службу по прощанию со Стивом в Стэнфорде, поскольку просила, чтобы меня включили в список. Однако затем меня из него вычеркнули, поскольку я дала разрешение журналу Rolling Stone опубликовать статью о Стиве и о наших ранних совместных годах. Только благодаря рассказам Лизы я сумела понять, чем же стала для меня его смерть. Во время похорон и поминальной службы я сидела одна в Лос-Альтос Хиллс, возвышающемся над ранчо Дювенек, пытаясь понять смысл всего произошедшего.

Несколько месяцев спустя я узнала, что обо мне и моей жизни со Стивом были опубликованы и озвучены вещи, которые никто со мной не согласовывал. Вещи постыдные и ложные. Я чувствовала себя так, словно с меня заживо изнутри сдирают кожу. Неужели это были проделки Стива после смерти? Ох, хитрец! Одним вечером я чувствовала такую огромную боль, что

позвонила подруге, чтобы позвать ее поужинать, поскольку я не могла вынести эту тяжесть в одиночку. В тот вечер я выпила стакан красного вина и съела мясо, чтобы приглушить чувства внутри себя. Моя подруга изучила меня и сказала: «Я не думаю, что причиной твоей боли является клевета. Я считаю, что в ее основе лежит смерть Стива». Прошло уже более трех месяцев с момента его смерти. К тому времени я испытала глубокое чувство облегчения от его утраты. Хоть ее слова и шли от самого сердца, они казались нелепыми.

Следующим вечером я просто бродила по дому, не в силах ничем заняться. Меня в очередной раз выставляли сумасшедшей – людям было проще сделать так, чем признать неспособность Стива поступить правильно. Я была зла и растеряна, но сохраняла спокойствие. Я взглянула фактам в лицо: мне нужен *по крайней мере* еще один год, чтобы закончить работу над собственной историей, и я не могу продолжать пить красное вино и есть мясо, чтобы протянуть это время. И я также поняла, что не смогу писать, испытывая такую боль. У меня возникали даже мысли о самоубийстве. Я ненавидела этот мир.

Тем не менее мой разум позволяет мне смотреть на вещи под разными углами. Я отношусь к типу людей, которые склонны решать возникающие проблемы. Сама того не желая, я вернулась к словам подруги, сказанным прошлым вечером. Я задала себе вопрос: а не является ли причиной моей боли смерть Стива, а не унижение от клеветы? Это была только идея. Я не ожидала много, однако как только я сформулировала вопрос подобным образом, я, к огромному удивлению, неожиданно освободилась от прожигающей меня изнутри, словно кислота, боли и смогла понять истинную причину своих мучений. Она *заключалась* в смерти Стива, и я скорбела о нем. Правда состояла именно в этом. В итоге я поняла, что непереносимая боль являлась результатом переплетения двух факторов, однако, без сомнения, смерть Стива была более важна. Волны скорби омыли мою душу и помогли мне вновь почувствовать землю под ногами. Я могла продолжать жить.

Когда в ту ночь я пошла в спальню, скорбь не покидала меня. Мне нужно было спать, но в то же время оставаться сосредоточенной, иначе я бы сошла с ума, пытаясь понять, как справиться с обрушившейся на меня клеветой. Около трех часов подряд я то входила в медитативное состояние, то выходила, не теряя высокой эмоциональной сосредоточенности. Когда я пребывала в нем, ко мне явился Стив и показал мне истинное лицо любви между нами. Он словно сливался со мной в запутанный и сложный калейдоскоп взаимосвязанных инь и ян –

двух частей, совместимых друг с другом. Он обратил мое внимание на светящийся шар, похожий на яркое солнце размером с пляжный мяч, раскаленный и белый в центре, а по краям розовый, шафрановый и светло-оранжевый. В этом видении мы стояли вместе на ранчо Дювенек под деревьями, наблюдая, как световой шар движется взад и вперед по склону горы, словно печатающая головка матричного принтера. Он двигался взад и вперед, и амплитуда его колебаний составляла около 15 метров. Чтобы убедиться, что я это вижу, Стив отметил, что, где бы ни находился световой шар, ни один объект не отбрасывает тени. Не было ни одного деревца, камня или даже травинки, которые бы не освещались со всех сторон сразу после того, как над ними пролетало маленькое солнце. Я с трепетом наблюдала за этим зрелищем, очарованная. Стив, казалось, рыдал и одновременно с этим был таким добрым и счастливым, каким я его сроду не видела. Мы с ним разделяли сразу все душевные состояния: умиротворенность и печаль, радость и любовь в боли истины и утраты. И я пыталась не потерять сосредоточенности, оставаясь в покое на протяжении всех часов, чтобы не потерять с ним связь. В конце концов, уже не в силах сохранять концентрацию и начиная засыпать, я увидела, как светящийся шар достиг вершины горы, превратился в заходящее солнце, а затем, когда я наконец заснула, скрылся за горизонтом.

Стив был прав, говоря, что он потеряет свою человечность в мире бизнеса. Тем не менее единственно истинная реальность, в которой можно быть уверенным, заключается в том, что любовь – превыше всего, несмотря на то что внешне все выглядит абсолютно наоборот. Я вспоминаю о пылком восторге, какой я испытывала по отношению к Стиву в самом начале, причиной которого, среди прочего, является то, что у него хватало мужества жить в мире с самим собой и с тем, кем он станет. И хотя он слишком часто забывал, что является человечным и этичным, а что нет (со временем это происходило все чаще и чаще), тот факт, что он в какой-то момент понял разницу между тем, кем он является, и ролью, которую будет играть, усиливает мое восхищение и любовь к нему и всему тому, что он нес.

Благодарности

Существуют три вещи, которыми я никогда не хотела заниматься в этой жизни, и одна из них – это написание книги. Тем не менее я это сделала, и без следующих людей у меня бы никогда на самом деле не получилось. Тот факт, что даже я смогла написать книгу, наводит на мысль о том, что для человека нет ничего невозможного.

– Моему агенту, Кристин Томасино: умной, смешной, сообразительной, неутомимой, преданной, обстоятельной, чрезвычайно проницательной, другу-вдохновителю чего-то большего, чем слова, – она вмешивалась в процесс написания книги лишь тогда, когда в ее совете существовала потребность, а существовала она *крайне часто.*

– Издательству St. Martin's Press: Джорджу Витте, Мэтту Бальдакки и Салли Ричардсон за то, что разглядели потенциал и по-настоящему, искренне занимались моей книгой. Бренде Копеланд: моему редактору в St. Martin's Press; беззаботной, интуитивной, прикольной, гениальной – она верно улавливала суть вопросов и очень часто выходила далеко за рамки дозволенного, чтобы проявить заботу, посмотреть на результаты моего труда и провести необходимую работу с моей историей. Лоре Чейзн – ассистентке Бренды; Дэвиду Стэнфорду Барру, выпускающему редактору и редактору текста; Джеймсу Якобелли, дизайнеру обложки; Эрику Рейманцу, адвокату; Стефани Харгадон, публицисту. Я преклоняюсь перед всеми вашими талантами и выражаю свою искреннюю благодарность за вашу экспертную помощь.

– Норману Сиффу за то, что дал разрешение использовать его фотографию Стива для обложки.

– Сибе Шанге и всем остальным, кто великодушно поделился со мной своими исследованиями и учениями.

– Эрику Кейсу, который просто продолжал снабжать меня компьютерами, пока я прожигала их насквозь, занимаясь написанием черновиков в течение более чем пяти лет.

– Женщинам из Центра по контролю за здоровьем женщин: Деборе, Трише, Анне, Кристин и Джоанн, с которой я не была удостоена чести познакомиться. Вы сыграли ключевую роль в поддержании, продвижении и сохранении всего того, что было важно при разработке и завершении этой книги.

– Марго Макаулифф и Радианте; вы дали мне жилье, пока я искала свою опору одновременно для восстановления своего здоровья и написания книги.

– Джею Шаеферу, Терри Бойтину и Алану Брискину, д.ф.н., за вашу любезную и неоценимую помощь при подготовке первых тиражей.

– Дэймону Миллеру, д.м.н., за то, что помог мне удержать тело и душу единым целым.

– Рубену Фуентецу и Анне О'Хеарн – вы знаете, что вы сделали.

Спасибо вам!

notes

Примечания

1

Боб Дилан – известный американский рок-исполнитель. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

Джеки Робинсон (1919–1972) – американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола в XX веке.

3

Бутлег – пиратская копия легально выпущенной продукции.

4

СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности; неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

5

Синие коробочки – устройства, позволяющие совершать бесплатные телефонные звонки по междугородной связи.

6

Имагинальный (*англ.* imaginal) – здесь то же, что и «воображаемый», «образный».

7

Ретрѐт, также ритрѐт (*англ.* retreat – уединение, удаление от общества) – английское слово, вошедшее в русский язык как международное обозначение времяпрепровождения, посвященного духовной практике.

8

Кармапа – Глава одной из школ (Кагью) тибетского буддизма.

9

Даршан, даршана (*санскр*. darśana IAST – лицезрение) – термин в философии индуизма, обозначающий лицезрение, вѐдение Бога (или его проявления), объекта религиозного поклонения, гуру или святого. Считается, что можно «получить даршан» божества в храме или от великого святого.

10

«Деварим» – Второзаконие, Пятая книга Моисеева, пятая и последняя книга Торы.

11

Архонт в гностицизме – дух-мироправитель.

12

Древняя индийская настольная игра, в середине XX в. набиравшая мировую популярность.

13

Рой Роджерс (настоящее имя Леонард Франклин Слай; 5 ноября 1911, Цинциннати, Огайо, США – 6 июля 1998, Эппл-Вэллью, Калифорния) – американский актер, ковбой и певец.

То есть выбросила акции на биржу.

15

Чогьям Трунгпа Ринпоче (февраль 1940 – 4 апреля 1987) – буддийский мастер медитации, тертон, одиннадцатый в линии передачи Трунгпа, принадлежащей школе Кагью тибетского буддизма.